

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Тема номера: / Topic of the issue:

«США и Латинская Америка: международные отношения и регионоведение»

USA and Latin America: International Relations and Regional Studies

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78162** of March 13, 2020)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **Google Scholar** (USA), **JournalSeek** (USA), **MIAR** (Spain), **OCLC WorldCat®** (USA), **ProQuest** (USA), **Research Bible** (Japan), **ROAD** (France), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **SSOAR** (Germany), **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory** (USA), **Western Theological Seminary** (Holland), **ZDB** (Germany), **CyberLeninka** (Russia), etc.

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova, Yu.I. Nedelkina*

Editor of English texts is *D.A. Novak*

Making up and Technical editing:

O.N. Yadykina

Passed for printing on Dec. 28, 2023.

Date of publication: Mar. 14, 2024. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 23.3. Published pages 25.1.

Number of copies 500 (1st printing 1–31 copies). Order 8. «С» 1.

Open price

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-22. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik4@volsu.ru

Journal website: <https://hfrir.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/>

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования

«Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78162** от 13 марта 2020 г.)

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **Google Scholar** (США), **JournalSeek** (США), **MIAR** (Испания), **OCLC WorldCat®** (США), **ProQuest** (США), **Research Bible** (Япония), **ROAD** (Франция), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **SSOAR** (Германия), **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory** (США), **Western Theological Seminary** (Голландия), **ZDB** (Германия), **КиберЛенинка** (Россия) и др.

Редакторы, корректоры: *С.А. Астахова,*

Ю.И. Неделькина

Редактор английских текстов *Д.А. Новак*

Верстка и техническое редактирование

О.Н. Ядькиной

Подписано в печать 28.12.2023 г.

Дата выхода в свет: 14.03.2024 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 23,3. Уч.-изд. л. 25,1.

Тираж 500 экз. (1-й завод 1–31 экз.). Заказ 8. «С» 1.

Свободная цена

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Тел.: (8442) 40-55-22. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik4@volsu.ru

Сайт журнала: <https://hfrir.jvolsu.com>

Англояз. сайт: <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/>

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство Волгоградского государственного

университета. E-mail: izvolgu@volsu.ru

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2024

Том 29. № 1

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

2024

Volume 29. No. 1

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

2024. Vol. 29. No. 1

Academic Periodical

Since 1996

6 issues a year

Topic of the issue: USA and Latin America: International Relations and Regional Studies

Editorial Staff:

Dr. Sc., Prof. *I.O. Tyumentsev* – Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Director of the Publishing House
V.A. Gorelkin – Deputy Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Kuznetsov* – Deputy Chief
Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.V. Rybalko* – Associate Editor
(Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *E.V. Arkhipova* (Volgograd);
Asst. *A.S. Smirnov* – Assistant Editor (Volgograd);
Senior Lecturer *P.I. Lysikov* – Assistant Editor of the
Byzantine Thematic Issue (Volgograd);
Cand. Sc. *T.A. Bazarova* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *M.A. Balabanova* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.D. Barabanov* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *T.V. Evdokimova* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.L. Kleitman* (Moscow);
Cand. Sc. *M.V. Krivosheev* (Volgograd);
Dr. Sc. *S.I. Lukyashko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *I.L. Morozov* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.I. Morozov* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.A. Pankratov* (Volgograd);
Cand. Sc. *E.V. Pererva* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Ratushnyak* (Krasnodar);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Rvacheva* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.G. Sidorov* (Volgograd);
Dr. Sc. *A.V. Tsyuryumov* (Elista)

Editorial Board:

Dr. Sc. *Agoston Magdolna* (Szombathely, Hungary);
Dr. Sc. *A.I. Alekseev* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *V.A. Arakcheev* (Moscow);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.I. Bardakov* (Volgograd);
Dr. Sc. *Bokhun Tomash* (Warsaw, Poland);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
A.P. Buzhilova (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *N.E. Vashkau* (Lipetsk);
Dr. Sc., Prof. *A.A. Vilkov* (Saratov);
Cand. Sc., Senior Researcher *Yu. Ya. Vin* (Moscow);
Cand. Sc., Senior Researcher *E. Yu. Girya* (Saint
Petersburg);
Dr. Sc., Leading Researcher *S.V. Golunov* (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Danilov* (Saratov);

Dr. Sc., Professor of History *Chester Dunning* (College
Station, USA);
Cand. Sc., Senior Researcher *S.A. Isaev* (Saint Petersburg);
PhD (Strategic Studies) *Constantinos Koliopoulos*
(Athens, Greece);
Dr. Sc., Chief Researcher *E.F. Krinko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.I. Kubyshkin* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *I.I. Kuznetsov* (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *I.I. Kurilla* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
I.P. Medvedev (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *N.A. Mininkov* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.V. Petrov* (Saint Petersburg);
Cand. Sc., Senior Researcher *B.A. Raev* (Rostov-
on-Don);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Ratushnyak* (Krasnodar);
Dr. Sc., Prof. *O.Yu. Redkina* (Volgograd);
Dr. Sc., Leading Researcher *M.A. Ryblova* (Volgograd);
PhD (History) *Saul Norman E.* (Lawrence, USA);
Dr. Sc. *Szvák Gyula* (Budapest, Hungary);
Dr. Sc., Prof. *N.N. Stankov* (Moscow);
Dr. Sc. *A.D. Tairov* (Chelyabinsk);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *S.A. Tolmacheva* (Minsk, Belarus);
PhD (History), Assoc. Prof. *Truong Anh Thuan*
(Danang, Vietnam)
Dr. (Legal History), Prof. *S. Šarkić* (Novi Sad, Serbia)

At the invitation of the Chief Editor,
Prof. I.O. Tyumentsev,
Dr. Sc., Prof. *A.I. Kubyshkin* (Saint Petersburg)
takes the position of the Executive Editor
of the present issue

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 4. ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2024. Т. 29. № 1

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Тема номера: «США и Латинская Америка: международные отношения и регионоведение»

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *И.О. Тюменцев* – главный редактор (г. Волгоград);
канд. ист. наук, директор издательства *В.А. Горелкин* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *О.В. Кузнецов* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н.В. Рыбалко* – отв. секретарь (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Е.В. Архипова* (г. Волгоград);
ассист. *А.С. Смирнов* – технический секретарь (г. Волгоград);
ст. преп. *П.И. Лысиков* – технический секретарь византийского тематического номера (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Т.А. Базарова* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, доц. *М.А. Балабанова* (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н.Д. Барабанов* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *Т.В. Евдокимова* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *А.Л. Клейтман* (г. Москва);
канд. ист. наук *М.В. Кривошеев* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *С.И. Лукьяшко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р полит. наук, доц. *И.Л. Морозов* (г. Волгоград);
канд. полит. наук, доц. *С.И. Морозов* (г. Волгоград);
д-р полит. наук, проф. *С.А. Панкратов* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Е.В. Перерва* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *О.В. Ратушняк* (г. Краснодар);
д-р ист. наук, доц. *О.В. Рвачева* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, проф. *С.Г. Сидоров* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *А.В. Цорюмов* (г. Элиста)

Редакционный совет:

д-р ист. наук *Агоштон Магдолна* (г. Сомбатхей, Венгрия);
д-р ист. наук *А.И. Алексеев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, доц. *В.А. Аракчеев* (г. Москва);
д-р полит. наук, доц. *А.И. Бардаков* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *Бохун Томаш* (г. Варшава, Польша);
д-р ист. наук, акад. РАН *А.П. Бужилова* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *Н.Э. Вашкау* (г. Липецк);
д-р полит. наук, проф. *А.А. Вилков* (г. Саратов);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Ю.Я. Вин* (г. Москва);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Е.Ю. Гиря* (г. Санкт-Петербург);

д-р полит. наук, ведущий науч. сотр. *С.В. Голунов* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *В.Н. Данилов* (г. Саратов);
д-р, проф. истории *Честер Даннинг* (г. Колледж-Стейшн, США);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *С.А. Исаев* (г. Санкт-Петербург);
PhD (стратегические исследования) *Константинос Колиопулос* (г. Афины, Греция);
д-р ист. наук, гл. науч. сотр. *Е.Ф. Кринко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А.И. Кубышкин* (г. Санкт-Петербург);
д-р полит. наук, проф. *И.И. Кузнецов* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *И.И. Курилла* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, акад. РАН *И.П. Медведев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, проф. *Н.А. Мининков* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А.В. Петров* (г. Санкт-Петербург);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Б.А. Раев* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *В.Н. Ратушняк* (г. Краснодар);
д-р ист. наук, проф. *О.Ю. Редькина* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, ведущий науч. сотр. *М.А. Рыблова* (г. Волгоград);
PhD (история) *Саул Норман Е.* (г. Лоренс, США);
д-р ист. наук *Свак Дьюла* (г. Будапешт, Венгрия);
д-р ист. наук, проф. *Н.Н. Станков* (г. Москва);
д-р ист. наук *А.Д. Тацров* (г. Челябинск);
д-р ист. наук, доц. *С.А. Толмачева* (г. Минск, Беларусь);
PhD по истории, ассоциир. проф. *Труонг Анх Тхуан* (г. Дананг, Вьетнам);
д-р истории права, проф. *С. Шаркич* (г. Нови-Сад, Сербия)

По приглашению главного редактора проф. И.О. Тюменцева выпускающим редактором номера является д-р ист. наук, проф. *А.И. Кубышкин* (г. Санкт-Петербург)

СОДЕРЖАНИЕ

ИМАГОЛОГИЯ

СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

- Рябов О.В.* Враг с человеческим лицом?
Регуманизация образов американцев
в кинематографе «оттепели» [На англ. яз.] 6
- Рябова Т.Б.* «Пусть всегда будет солнце!»:
символ детства в советских и американских песнях
холодной войны [На англ. яз.] 16
- Белов С.И.* Отражение холодной войны
в игре «Atomic Heart» [На англ. яз.] 26
- Давыдова О.С.* «Русский дневник»
Джона Стейнбека и Роберта Капы:
«свои» и «чужие» в фотографиях [На англ. яз.] 34
- Юдин К.А.* «Центр бури»: маккартизм
в американской культуре и кинематографе 44
- Спутницкая Н.Ю.* Лидер СССР
в супергеройском комиксе США в 1980-х гг.:
конструирование и трансляция стереотипов
о «русских» в историческом контексте
холодной войны [На англ. яз.] 55
- Клещенко Л.Л.* Американский неоколониализм
на советском экране (на материале кинофильмов
о Латинской Америке) [На англ. яз.] 77
- Кубышкин А.И., Курилла И.И.*
«Дипломат поневоле»: страницы биографии
Николая Васильевича Новикова 87

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- Киселев А.А.* Московская компания
и английские экспедиции в Северную Америку
в последней четверти XVI века 102
- Минкова К.В.* Визиты
американских парламентских делегаций
в СССР летом – осенью 1945 года 113

Парубочая Е.Ф. Публичная дипломатия США
в отношении центральноазиатских стран 124

Коньшев В.Н., Сергунин А.А.
Российско-американское научное сотрудничество
в Арктике в эпоху
геополитической турбулентности 138

Перевезенцев А.Л. Первые леди в истории США:
историко-библиографический обзор 145

Пушкина Д.Б., Калина Р.В. Политика США
в отношении ООН: кейс миротворческих миссий ООН
в Демократической Республике Конго [На англ. яз.] 157

СТРАНЫ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ: ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ

Пятаков А.Н. Вооруженные силы
Латинской Америки:
силовой потенциал, новые функции
и фактор внерегиональных связей 169

Мартинес Лильо П.А., Кастро Аркос Х. Проблемы
демократического управления
в Латинской Америке [На англ. яз.] 180

Шерстюков С.А. Отношения Турции со странами
Латинской Америки и Карибского бассейна в XXI в.:
в поисках стратегической автономии [На англ. яз.] 193

Кашин В.Б., Косевич Е.Ю.
Китайское оборонное сотрудничество
с Латинской Америкой и Карибским бассейном:
тенденции и ограничения [На англ. яз.] 203

Соколыцик Л.М., Соколыцик Ю.С., Теремецкий К.С.
Санкционная политика США
на латиноамериканском направлении: кейсы
официальных нарративов в отношении Кубы,
Венесуэлы и Никарагуа [На англ. яз.] 214

Кутырев Г.И. Сотрудничество
в области безопасности ЕС и Латинской Америки:
история и эволюция 225

Соков И.А. Зарубежные эксперты о процессах
внутриполитической трансформации
в странах Латинской Америки
в третьем десятилетии XXI века 239

CONTENTS

IMAGOLGY

OF SOVIET-AMERICAN RELATIONS

DURING THE COLD WAR PERIOD

<i>Riabov O.V.</i> The Enemy with Human Face? Rehumanization of the Images of Americans in the Soviet Thaw Cinema	6
<i>Riabova T.B.</i> “May There Always Be Sunshine!”: A Symbol of Childhood in Soviet and American Cold War Songs	16
<i>Belov S.I.</i> Reflecting the Cold War in “Atomic Heart”	26
<i>Davydova O.S.</i> “A Russian Journal” by John Steinbeck and Robert Capa: “Us” and “Them” in Photographs	34
<i>Yudin K.A.</i> “Storm Center”: Mccarthyism in American Culture and Cinema	44
<i>Sputnitskaya N.Yu.</i> The USSR State Leader in the U.S. Superhero Comic Strips in the 1980s: Constructing and Broadcasting Stereotypes About “Russians” in the Historical Context of the Cold War	55
<i>Kleshchenko L.L.</i> American Neocolonialism on the Soviet Cinema Screen (Based on Films About Latin America)	77
<i>Kubyshkin A.I., Kurilla I.I.</i> “Reluctant Diplomat”: Nikolai Vasilievich Novikov’s Biography Pages	87
US FOREIGN POLICY:	
HISTORY AND MODERN PROBLEMS	
<i>Kiselev A.A.</i> The Muscovy Company and English Expeditions to North America in the Last Quarter of the 16 th Century	102
<i>Minkova K.V.</i> Visits of American Parliamentary Delegations to the USSR in the Summer – Fall of 1945	113

<i>Parubochaya E.F.</i> US Public Diplomacy Towards the Central Asian Countries	124
<i>Konyshev V.N., Sergunin A.A.</i> Russian-American Scientific Cooperation in the Arctic in the Age of Geopolitical Turbulence	138
<i>Perevezentsev A.L.</i> First Ladies in US History: Historical and Bibliographical Review	145
<i>Pushkina D.B., Kalina R.V.</i> USA Policy Towards United Nations: The Case of UN PKOs in the Democratic Republic of Congo	157
LATIN AMERICAN COUNTRIES: PROBLEMS OF NATIONAL SECURITY AND FOREIGN POLICY INDEPENDENCE	
<i>Piatakov A.N.</i> The Armed Forces of Latin America: The Power Potential, New Functions and the Extraregional Factor	169
<i>Martínez Lillo P.A., Castro Arcos J.</i> The Problems of Democratic Governance in Latin America	180
<i>Sherstyukov S.A.</i> Turkey’s Relations with the Countries of Latin America and the Caribbean in the 21 st Century: In Search of Strategic Autonomy	193
<i>Kashin V.B., Kosevich E.Yu.</i> China’s Defense Cooperation with Latin America and Caribbean: Trends and Limitations	203
<i>Sokolshchik L.M., Sokolshchik Yu.S., Teremetskiy K.S.</i> US Sanctions Policy Towards Latin America: Cases of Official Narratives on Cuba, Venezuela, and Nicaragua	214
<i>Kutyrev G.I.</i> EU and Latin America Security Cooperation: History and Evolution	225
<i>Sokov I.A.</i> The Foreign Experts on the Internal Political Transformation’s Processes in Latin America in the Third Decade of the 21 st Century	239

ИМАГОЛОГИЯ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.1>

UDC 327.83
LBC 66.4

Submitted: 31.08.2023
Accepted: 04.11.2023

THE ENEMY WITH HUMAN FACE? REHUMANIZATION OF THE IMAGES OF AMERICANS IN THE SOVIET THAW CINEMA¹

Oleg V. Riabov

Herzen University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article focuses on the changes that happened in the portrayal of U.S. characters in Soviet Thaw cinema. The contribution of the article in the field of cultural Cold War is threefold: for the first time, it studies the American characters' images through the prism of the concept of rehumanization; establishes common and particular traits of deconstruction of the image of the enemy in Soviet and American cinema; and introduces new materials into scientific circulation. The materials consist of the movies on which Soviet cinematography worked in the early 1960s; reviews in film magazines; and archival data of discussions on movies and their scenarios that took place in film studios. *Analysis. Specifics of the dehumanization of 'enemy number one' in Soviet cinema.* The Soviet anti-Americanism was based on the idea of 'two Americas': dehumanization has been subjected only to class and politically alien Americans. *Deconstructing the image of the enemy in Thaw cinema.* Humanizing U.S. characters was achieved with the help of endowing them with kindness, empathy, creativity, emotionality, moral behavior, ability for love, friendship, and comradeship, emphasizing the similarity of the basic values of 'us' and 'them', and demonstrating the possibility of peaceful coexistence through cases of mutual aid, cooperation, and the occurrence of friendly and romantic relations. The humanness of U.S. characters becomes less dependent on political factors. The cinema expressed the idea that man by nature was good, and this original human goodness was noticeable most of all in children, including American ones. *The limits of rehumanization.* The conservative part of the Soviet elite accused 'abstract humanism' of forgetting the class principle and juxtaposed it to 'revolutionary humanism'. Criticism of 'abstract humanism' in ideology was accompanied by a tightening of demands for representing America that representatives of the Soviet controlling bodies made. *Results.* In the 1960s, Soviet cinema (just like U.S. cinema) had the tendency of deconstructing the image of 'enemy number one', which took the form of rehumanization. The rehumanization had its limitations.

Key words: Cold War, image of the enemy, anti-Americanism, Thaw cinema, dehumanization, rehumanization.

Citation. Riabov O.V. The Enemy with Human Face? Rehumanization of the Images of Americans in the Soviet Thaw Cinema. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 1, pp. 6-15. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.1>

**ВРАГ С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ?
РЕГУМАНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВ АМЕРИКАНЦЕВ
В КИНЕМАТОГРАФЕ «ОТТЕПЕЛИ»¹**

Олег Вячеславович Рябов

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье анализируются изменения, которые в период «оттепели» происходили в изображении американских персонажей советским кинематографом. Вклад статьи в исследовательское поле «культурной холодной войны» состоит в том, что впервые: изучаются образы американских персонажей советского кино сквозь призму концепта регуманизации; устанавливаются общие и различные черты деконструкции образа врага в кинематографе СССР и США; вводятся в научный оборот новые источники. Источниками являются фильмы, над созданием которых кинематография СССР работала в начале 1960-х гг.; рецензии в журналах; архивные данные, посвященные обсуждению на киностудиях фильмов и их сценариев. *Анализ. Специфика дегуманизации «врага номер один» в кино СССР.* Особенность советского антиамериканизма заключалась в том, что он был основан на идее «двух Америк»: дегуманизации подвергались только классово и политически чуждые американцы. *Деконструкция образа врага в кинематографе «оттепели».* Очеловечивание американских персонажей достигалось за счет: наделяния их такими чертами, как доброта, сострадание, креативность, эмоциональность, следование моральным нормам, способность к любви, дружбе, товариществу; подчеркивания сходства базовых ценностей «своих» и «чужих»; демонстрации возможности мирного сосуществования через взаимопомощь, кооперацию, возникновение дружеских и романтических отношений. Изображение человечности американских персонажей становится менее зависимым от их политических характеристик. Высказывается идея о том, что все люди от природы являются добрыми, что в наибольшей степени обнаруживает себя в детях, в том числе американских. *Пределы регуманизации.* Консервативная часть советской элиты обвиняла «абстрактный гуманизм» в забвении классового принципа, противопоставляя ему «революционный гуманизм». Критика «абстрактного гуманизма» в идеологии сопровождалась ужесточением требований к изображению США со стороны представителей инстанций, контролирующих создание кинокартин. *Результаты.* В 1960-е гг. в советском кино (так же, как и в американском) заметна тенденция деконструкции образа «врага номер один», которая принимает форму регуманизации. Регуманизация американских киноперсонажей имела свои пределы.

Ключевые слова: холодная война, образ врага, антиамериканизм, кинематограф «оттепели», дегуманизация, регуманизация.

Цитирование. Рябов О. В. Враг с человеческим лицом? Регуманизация образов американцев в кинематографе «оттепели» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 1. – С. 6–15. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.1>

Introduction. Cooperation between the USSR and the USA in the field of culture, which had already resumed in 1955 [8], affected the transformation of the images of ‘enemy number one’. In creating these images in 1940s and 1950s, Soviet and American cinema actively exploited the technique of dehumanization [12]. Dehumanization as a denial of humanness of representatives of out-groups is one of the most widespread and effective means of military propaganda, which is intended to eliminate a sense of pity for the rival and legitimize the destruction of human beings. Deconstruction of the images

of the enemy can be best expressed using the concept of rehumanization, the return of the human form to ‘them’.

One of the most outstanding examples of rehumanization in the history of cinematic Cold War is considered to be Norman Jewison’s film *The Russians Are Coming! The Russians Are Coming!* It was released in 1966, but Jewison had been preparing it as a joint U.S.-USSR project since the early 1960s [14, pp. 238-240]. According to the plot, the Soviet submarine *Octopus* accidentally approached the island off the northeast coast of the USA so close that it ran

aground. A part of the crew went to the American territory to find a tugboat and remove the submarine from the shoal before the U.S. military noticed it. As a result of many adventures, when it almost came to an armed clash between the sailors and the inhabitants of the island, everything ended well, warm relations were established between them, and the *Octopus* went to sea. The film does not seek to convince the audience that Russians are the same humans as Americans but shows that they are also humans, with whom it is possible to negotiate the conditions of peaceful coexistence. They have the same basic values as U.S. citizens: they want to live; they therefore strive to prevent the outbreak of a nuclear war; they are able to love; they take care of children; and so on (for a detailed analysis of the film, see [11; 14]).

According to Nick Haslam's dual model of dehumanization, two forms of dehumanization are used: the animalistic and mechanistic ones. In the former, representatives of the out-group are declared to be coarse, uncultured, lacking in self-control, unintelligent, and deprived of moral sensibility and cognitive capacity [7, p. 254, 260]. The mechanistic form of dehumanization includes the denial that out-group representatives have agency, subjectivity, individuality, emotionality, inter-personal warmth, empathy, and flexible thinking [7, pp. 257-258]. In Jewison's film, the Soviets display such qualities as creativity of thought, humor, curiosity, fear of death, and religiosity. Mutual help and caring for each other distinguish them. The Soviets are shown to be quite well-mannered; some of them speak English. The image of love between a Soviet sailor and an American girl played the most important role in rehumanization [11]. In the USA, the main message of the film was perceived exactly in this way; a review published in the *New York Times* in 1966 noted that the film reveals 'the fundamental fact that, after all, Russians and Americans are basically human beings and, therefore, share basic human qualities' (quoted in: [14, p. 242]).

A reasonable question therefore arises as to whether rehumanization of 'enemy number one' was in the Soviet cinematic culture. Answering this question looks especially intriguing because images of 'enemy number one' produced by Soviet and American propaganda in the 1940–

1950s were characterized as 'mirror images' since the early 1960s [2]. The researchers of the Thaw films (e.g., [15; 22; 24]) note that in comparison with the Late Stalinist cinema, the essential changes occurred in the images of Soviet characters, which became more complex and multidimensional. As for transformations of the images of the USA, Yana Hashamova states, 'even in the films of the Thaw period, anti-American propaganda appropriates tendencies of Stalinist aesthetics' [6, p. 27]. We try to check to see if this really is.

Thus, the research objective is to analyze whether the images of Americans changed in the Thaw cinema. The first section of the article considers the specifics of the dehumanization of U.S. characters in the Soviet films of the 1940–1950s. Then, we examine how some Thaw films made attempts to deconstruct the images of 'enemy number one'. Finally, we discuss the opposition these attempts faced in Soviet cinematography.

The study is based on the analysis of the movies on which the cinematography worked in the 1960s. Among them are: Grigoriy Aleksandrov's *Russian Souvenir* (*Russkiy souvenir*, 1960); Aleksandr Alov and Vladimir Naumov's *Peace to Him Who Enters* (*Mir vkhodyashchemu*, 1961); Yuri Vyshinsky's *Submarine* (*Podvodnaya lodka*, 1962); Genrikh Gabay's *Forty-Nine Days* (*Sorok devyat dney*, 1962); Mark Donskoi's *Hello Children!* (*Zdravstvuyte, deti!*, 1962), as well as materials of the movie *Meeting at a Far Meridian* (*Vstrecha na dalekom meridiane*), which was never filmed; reviews in magazine *Iskusstvo Kino*; archival data of discussions on movies and their scenarios, which took place in film studios.

Specifics of dehumanization of 'enemy number one' in Soviet cinema. When comparing the Soviet cinematic images of 'enemy number one' with American ones, it should take into account, besides similarity, important differences. The essential trait of Soviet anti-Americanism was the idea of 'two Americas': a 'reactionary' and a 'progressive' one. The very essence of Soviet ideology – emphasizing class over the national principle and highlighting the contradictions within capitalist societies – called for images of not only 'bad Americans' but also 'good Americans', who included Communists,

workers, the ‘champions of peace’, African Americans, and common people.

The idea of ‘two Americas’ appeared in Konstantin Simonov’s play *The Russian Question* (*Russkiy vopros*, 1946) (see detailed analysis of the emergence of this idea in [3, pp. 108-116]). Since then, the image of the ‘Second’, that is, progressive America, opposing the ‘First’, i.e., reactionary America, has become a mandatory requirement for showing the USA in Soviet art works of the 1940s and 1950s. This showed itself, for example, in the way the *Agitprop* reacted to the manuscript of the book by Ilya Ehrenburg, *The Night of America*. The *Agitprop* report to Mikhail Suslov, Secretary of the Central Committee of the CPSU, informed him that a publishing house hesitated to publish the book because ‘there wasn’t the “Second America” in it’ [5, p. 497]. ‘Shortcoming of the book is lack of distinct border between U.S. simple people and its oppressors. Characterizing a contemporary American who lynches Negroes, yells about the Red menace, makes a business, and so on, I. Ehrenburg calls him “serial” and under this type describes, essentially, all American people throughout the book – in other words, a “serial” American is shown not in class treatment’ [5, p. 497]².

It should be emphasized that the trope of ‘good Americans’ served as an integral and natural part of Soviet anti-Americanism. It helped to shape the image of the enemy by, first, showing that internal contradictions tore apart the USA and Americans were not united. Secondly, it demonstrated the correctness of the Marxist-Leninist ideology with its class principle and prediction of the inevitability of the collapse of capitalism on a global scale. Thirdly, it contributed to forming the positive collective identity, Sovietness, which was built on the principles of internationalism (unlike U.S. society, which was accused of being built on national egoism and racism). Fourthly, it contributed to the legitimization of foreign policy by the Soviet authorities, which was supported not only by the Soviet people but also by all people of ‘good will’, including those in the USA.

In the context of our study, it is important that the ‘good Americans’ had all attributes of humanness: intellect, creativity, morality, emotionality, compassion, and the ability to love, friendship, and comradeship. However, in the Late

Stalinism films, their humanness was caused by their belonging to a certain social group, their sympathy for the USSR, or their communist or left-leaning beliefs. Besides that, the ‘good Americans’ images were shaped through a sort of symbolic Sovietization; their common feature was their similarity with Soviet characters. In other words, only one version of humanness, associated with the canon of the new Soviet man, was recognized, and the more an American character resembled exemplary Soviets, the more his or her image corresponded to the canon of humanness [12].

Deconstructing the image of the enemy in the Thaw cinema. Many Thaw films tried to present different images of Americans in terms of stated goals and the employed cinematic techniques. This is indicative that the first one among them was *Russian Souvenir* (1960), whose director Aleksandrov, the *maitre* of Soviet cinema, had earlier shot the movies that bitterly criticized the vices of the American way of life: *Circus* (*Tsirk*, 1936) and *Encounter at the Elbe* (*Vstrecha na Elbe*, 1949). *Russian Souvenir* tells how a group of Western tourists, after their plane emergency landing in Siberia and experiencing a whole range of adventures, reach Moscow, becoming acquainted with the successes of the USSR in building communism. The production of the film was preceded by Aleksandrov’s article in the *Iskusstvo Kino* in 1957, in which the director described the characters of the film and outlined its main goal: to show the ‘possibility of peaceful coexistence of countries with different systems’ [1, p. 55]. How were the American characters shown in this context? Aleksandrov defined the basic rule of one of them, millionaire Adlai Scott, as follows: ‘Everything, including honor, consciousness, innocence, and love, is possible to buy. The only question is price’ [1, p. 54]. However, having become acquainted with the Soviet way of life, Scott changes: he sees the outstanding achievements of the USSR in all spheres and recognizes that communism is defeating capitalism in the historical competition. While remaining a ‘shark of capitalism’, he turns out to be quite a nice and friendly person. Aleksandrov, apparently, sought to show that some of the representatives of the U.S. ruling circles were ready for constructive cooperation with the USSR in the name of peace.

The theme of romantic relations was intended to humanize more this idea of peaceful coexistence. A writer, Homer Johns, another U.S. character, falls in love with the main heroine, Varvara Komarova, whose image was conceived as an ideal Soviet woman. In response to his courtship, she says that their joint happiness is possible, but only if politicians are able to agree that the world should live in peace. The historical optimism of the Thaw was reflected in their hopes for a future without nuclear disasters; as it was stressed in the *Russian Souvenir*, it was in the interest of both the Soviet and American peoples.

These hopes for peace are clearly visible also in Gabai's *Forty-Nine Days* (1962), devoted to the story of what happened in the Pacific Fleet of the USSR in 1960. A severe storm carried four sailors to the ocean. For seven weeks, they had been struggling with the element before they were discovered and rescued by the crew of a U.S. Navy aircraft carrier. This story, in itself unusual, completely corresponded to the tasks of ideological work, showing, on the one hand, the superiority of communist morality and, on the other, the benefits of peaceful coexistence with the USA.

The ideological message of the work was most clearly expressed in the following scene on the deck of the aircraft carrier: when an American seaman says admiring the brave four, 'The Russians are strong', in response he hears from one of the heroes, 'That is not the point. The matter is we were together all the time. Had I been alone I wouldn't have survived. But when all are for one – then everyone is stronger'. The American recognizes the rightness of Soviet collectivism and embraces the heroes, and, looking for the hugging seamen of the two countries, the ship's doctor notes: 'The political climate in our planet seems to be warmed up. That is good when soldiers do not shoot but help each other. That is good when humans recall that they are humans'. It is noteworthy that in the initial version of the literary scenario (1960), these words are said by the narrator, who apparently expressed the position of the film's authors [16, p. 87]. In the director scenario, prepared by Gabai in 1961, after Yuri Gagarin's flight, the narrator says in addition, 'We believe that this is only the beginning. We are humans of our common planet – the Earth. There are fewer of us on Earth than planets in the skies above us. And we are

stronger when we are together, when we live holding hands!' [17, p. 93].

Rehumanization of 'them' and shifting symbolic boundaries, as a result of which the belonging of Soviets and Americans to the humankind that unites them became the most important, is a distinctive trait of one more Thaw film, Vyshinsky's *Submarine* (1962). It tells about one day of the crew submarine of the U.S. Navy – April 12, 1961. Having heard the announcement about the first human space flight, most submariners feel happiness and pride for humankind. It is not so important that Gagarin is not an American; the essential is that he is a human. With the biggest sympathy, the film's authors showed not 'simple Americans', but the captain (though it would seem that the commander of the submarine with a nuclear weapon on board had to be an embodiment of 'American *voenshchina*'). Meanwhile, not only does he speak highly of the Soviet seamen, he also seeks to save his own carrier, seaman Temple, who received a fatal dose of radiation, even at the cost of a violation of the service regulations and his own risk. Images of other members of the crew are also humanized; they take care of each other. There is nothing like the 'law of the jungle', which underpinned social relations in the USA. The main evil is, rather, militarist psychosis, which could lead the world to nuclear disaster.

Let us note one more change that looks essential: now the audience saw among the positive characters those Americans who varied from exemplary Soviets. In this regard, special attention should be paid to the image of a driver, a soldier of the U.S. army, from Alov and Naumov's *Peace to Him Who Enters* (1961), who helps Soviet militaries rescue a pregnant German woman by taking her on a drive to a hospital in the last days of the war in May 1945. The directors made his image different from exemplary Soviet images and, apparently, made it intentionally. He speaks only English, and, in all probability, he was the first U.S. character in the Soviet Cold War cinema whose speech was not translated into Russian. The Soviet and American militaries do not understand foreign speech, but they understand each other because they discuss the problems that are essential for both of them.

Another detail of the driver's image is also hardly accidental: the cabin of his 'Studebaker' is

covered with pictures of pin-up girls. Meanwhile, in Soviet films, it was one of the symbols of the vulgarity of the American way of life – the decay of bourgeois culture, which cultivates basic, bestial instincts in humans [12].

Finally, the driver's image is remarkable because of his way of dancing. When, after the news that Germany capitulates and the war is over, all Soviet militaries start dancing, the American also begins to dance, and it is easy to recognize components of the Twist in his steps (and by that, he begins to resemble the images of *stilyaga* from the Soviet films of the 1950s and early 1960s [12]).

These features, however, do not prevent the American from being a reliable ally and a fearless warrior. However, the most important thing is that he shares the same values for which the Soviet soldiers are fighting: he, just like them, believes that a helpless woman needs to be helped by taking her to the hospital, even if she is a German woman, even risking his own life, and a newborn is just a baby, a little human being, whose salvation adults are obliged to take care of by all means.

The idea that all humans are the children of a common mother, the Earth, is carried out in Donskoy's 1962 film *Hello Children!*, the action of which takes place in the mid-1950s in the pioneer camp on the Black Sea coast, where children from many foreign countries come. The movie is also interesting as an example of using another form of rehumanization in Thaw cinema. According to the director, the film should serve as a call to create a world in which wars would be impossible in principle. Donskoy called war an unnatural state [19, p. 7] because the human being by nature was not inclined to aggression, contrary to the claims of bourgeois ideology. This original human goodness is noticeable in children most of all [19, p. 9].

In this regard, the image of the American boy Johnny, the central and most interesting character of the film, is indicative. At first, having arrived from the USA, he demonstrates those qualities that Soviet propaganda considers an integral part of the American way of life: racism, egoism, the cult of war, and the cult of violence. He comes, apparently, from a wealthy family, far from sympathizing with the politics of the USSR. However, later, Johnny becomes the most sympathetic among young foreigners and, in fact,

their leader. Fundamentally, this change is not due to the influence of the Soviet way of life or ideology. Rather, it is a return to a natural state, a consequence of a normal human reaction to what is happening around, compassion for a Japanese girl from Hiroshima, dying of radiation sickness, and the desire to save her. The conclusion that the viewer can draw is that all Americans are born kind people. Of course, the position on the influence of the social environment on a person does not contradict Marxist ideology. However, in regards to 'enemy number one', this idea has not been expressed clearly before³.

Therefore, in the conditions of the warming in USSR-USA relations, cinematic representations of Americans changed. Featuring humanness in U.S. characters becomes less dependent on political factors (the images of representatives of social groups, whom earlier the Soviet culture was not fond of, became humanized). Besides that, the audience saw among the positive characters those Americans who lived according to the norms of U.S. society and differed in many other respects from exemplary Soviets. Finally, recognition of the value of belonging to the humankind of both Soviet and American characters was accompanied by asserting the idea that human beings by nature were good, and this original human goodness was noticeable most of all in children, including American ones.

The limits of rehumanization. The references to humanity, to humanism, and to humankind were visible in showing U.S. characters, both in movie dialogues and in reviews of film critics, but this was not the only tendency; even during the Thaw, films imbued with the spirit of Soviet anti-Americanism continued to be screened. Here are some of them: Aleksandr Faintsimmer's *Night without Mercy (Noch bez miloserdiya, 1961)*, Grigory Koltunov's *The Black Seagull (Chernaya chayka, 1962)*, Mikhail Chiaureli's *The General and Daisies (General i margaritki, 1963)*, Anatolii Karanovich's *Mister Twister (1963)*, Roman Davydov's *The Shareholders (Aktionery, 1963)* [12].

The ideological climate in the country gradually changed. It was influenced both by the domestic factors (struggle of various political groups within the party and cultural elites) as well as the external ones: difficulties in USSR-USA

relations, including the 1960 U-2 incident, construction of the Berlin Wall (1961), and the Cuban Missile Crisis (1962), which compelled us to look at the prospects of international cooperation more soberly and to make necessary adjustments in cultural policy.

The dynamics of ideological confrontation in Soviet cinema are investigated in Josephine Woll's monograph. In her estimation, the autumn of 1962 was the period of the full blossoming of the climate of tolerance in Soviet culture [24, p. 106]. After Nikita Khrushchev visited the Manege exhibition, his meeting with the workers of literature and art (December 17, 1962) was organized, where the Secretary of the CPSU Central Committee, Leonid Ilyichev, made a report and emphasized that peaceful coexistence between socialist ideology and the ideology of the bourgeois would not be tolerated.

In the context of our study, it is noteworthy that issues of humanism occupied one of the central places in the ideological discussions. For instance, *Oktjabr* magazine, the tribune of conservative circles of the cultural elite, indicted the authors of *Peace to Him Who Enters* for 'sentimentality' and 'false humanism' [24, p. 123]⁴.

The CPSU Central Committee Plenum (June 1963) was devoted to the tasks of the ideological work; on its demands, the *Iskusstvo Kino* reacted with an editorial, in which the question on the danger of the 'abstract humanism' took a prominent place. The article noted: '...bourgeois views and tastes sometimes infiltrate the circles of the Soviet artistic *intelligentsia* and find expression... in forgetting the differences between abstract universal human humanism – deceptive and fruitless – and active, real revolutionary humanism' [9, p. 2]. Meanwhile, 'bitter experience of history proved: only revolutionary reconstruction of society brings victory to the good humanist principles; without it, the most humanist feelings are powerless' [9, p. 2]. That is why 'the revolutionary spirit of socialist art does not permit dissolution of our communist ideals in liberal chatter about humanism classless, apolitical, socially uncertain' [9, p. 3].

Criticism of 'abstract humanism' in ideology was accompanied by a tightening of demands for representing America in the art works (e.g., [24, p. 148]). The story of the film *Meeting at a Far Meridian*, an adaptation of Mitchell A. Wilson's

novel of the same title, became indicative of the struggle that was fought in the Soviet film community around the representations of 'us' and 'them'. The novel tells the story of two physicists, Nicholas Rennett and Dmitri Goncharov, who, working on the same problem in the field of atomic energy, join forces by helping each other. The film was conceived as one of the first joint Soviet-American film projects [13].

The April 25, 1964, discussion of Wilson's screenplay and the director's screenplay by Igor Talankin based on it is instructive in this regard. The conclusion of the script-editorial board stressed that Talankin's script 'proceeds from the principles and ideas of peaceful coexistence, which now form the basis of our international relations' [4, p. 8]. However, during the discussion, a lot of comments on the scenarios were made that provided insights into debates about how exactly 'us' and 'them' should be imaged on the screen in the condition of peaceful coexistence. Thus, according to one of the speakers, Talankin's script reflected 'idyllic impressions about America'; in particular, the director's categorical statements that 'America is a peace-loving country', that 'Americans do not want war', seemed to him 'overdone' [4, p. 16].

Even more criticism was aroused by Wilson's script, above all by the interpretations of the main characters it offered. One of the board members noted: 'The Americans obviously know what they want: in order to shade their hero, they must present our hero in a more primitive way' [10, p. 13]. Talankin's observation of Wilson's script is formulated as follows: '...there appears a wise reflective American, a complex and contradictory organization, who then helps a dull gray Russian peasant... All this, of course, was shown from the position of a White man...' [10, p. 11]. In estimation of Sergey Gerasimov, who was appointed a supervisor of the film, helping young director Talankin, Wilson contrasted the 'intellectual pathos of Rennet' and 'soldier's pathos of Goncharov', who followed the party's order to solve the major scientific task that had defensive value [10, p. 16]. In this context, Gerasimov's view on the casting is of special interest. The various candidates were considered for the roles of the main heroes; Goncharov's role was planned to give Innokenty Smoktunovsky, and Gregory Peck was one of the candidates for the role of his U.S.

vis-a-vis [13, p. 179]. So here, apparently, not by accident, attitudes toward Peck's candidature were changing; Gerasimov claimed: 'Gregory Peck is not what we need; Tony Perkins would be a completely different turn – this is a tragic story right away, and everything will be fine for Smoktunovsky' [10, p. 17].

Thus, the rehumanization of American characters had its limits. They could be portrayed with compassion (as victims of the capitalist system) or with understanding (since they were forced to behave in an inhumane society according to its requirements). However, the excuse of individuals did not mean justification for the system. The essential superiority of one social system over another and the historical doom of capitalism had not been questioned, and in the conditions of the ideological struggle, the overtures to the American way of life weakened the positions of the Soviet ideology both on the international scene and within the USSR. An overemphasis on the peacefulness of the USA led to diluting the image of the enemy; meanwhile, this image performed important functions, including legitimating power in the USSR.

In addition, 'abstract humanism', ignoring the class approach, questioned the key postulate of Marxist anthropology, according to which only transformation of the system of social relations can make a person more humane. Good, humane individuals are a product of humane society; departing from this postulate to a large extent belittles the orientation toward socialist reorganization of the world and devalues the feats of the building of communism.

Results. The remarkable tendency in the Soviet cinema of the late 1950s and early 1960s was the deconstruction of the image of 'enemy number one', first of all with the help of rehumanization. Humanizing the U.S. characters was achieved by endowing them with kindness, empathy, creativity, self-control, moral behavior, and ability to love, friendship, and comradeship. Besides that, the similarity of the basic values of 'us' and 'them' was emphasized. Then, the symbolic boundaries were shifting: belonging to the humankind of both Soviet and American characters was accentuated as the most valuable trait. Finally, the possibility of peaceful coexistence was demonstrated through mutual aid, cooperation, and the occurrence of friendly and romantic relations.

In the Soviet culture of the 1940s and 1950s, dehumanization of the enemy was based on the class principle; only socially and ideologically alien Americans were its target. Now, the in 1960s, the humanness of U.S. characters becomes less dependent on political factors: class-alien persons (even millionaires or high-ranking officers) are humanized; they do not criticize the American way of life, do not display admiration for USSR policy or Communist ideology, and differ in other respects from exemplary Soviets.

Finally, the cinema expressed the idea that human beings by nature were good, and this original human goodness was noticeable most of all in children, including American ones.

Rehumanization of 'enemy number one' had its limitations. That is, while accepting the idea of peaceful coexistence, the representatives of the Soviet controlling bodies had to keep their guard up and paid serious attention to exactly how 'us' and 'them' should be portrayed on the movie screen. Nevertheless, the study makes it possible to conclude that rehumanization of the enemy was characteristic of not only U.S. cinema of the 1960s but also of Soviet cinematography. Tony Shaw notes that 'the Soviet film industry produced nothing like an equivalent of *The Russians Are Coming...* during the 1960s, or, indeed, in any other period of the Cold War' [14, p. 243]. One can agree with this assessment when it comes to the films' artistic merits, financial success, or popularity. Besides that, the analyzed Soviet films did not doubt the USSR's superiority in respect of ideology (if the rivalry of communism and capitalism is put outside the brackets in *The Russians Are Coming...* in the Thaw cinema, Soviet characters were absolutely confident in the rightness of their system of values). However, in some respects of rehumanization, Soviet cinema went further than Jewison's comedy.

One more difference is that *The Russians Are Coming...* was the exception in the history of portraying Soviet characters in U.S. cinema. Shaw remarks that Hollywood did not really take a Cold War 'turn' at all in the 1960s but carried on plowing a similar furrow until the Eastern bloc imploded twenty years later [14, p. 247]; as for the Soviet cinema, it after the Thaw films never returned to showing Americans in the manner of the 1940s and 1950s.

Concluding the article, let's outline some perspectives on research on the topic. Above all, it is of interest to study the reaction of the Soviet audience to these changes in portraying the U.S. characters. This task is as important as it is difficult since it is hardly possible to ensure the representativeness of the sources for conclusions about the social views of the whole Soviet society. However, even individual facts may have scientific value.

Then, it would be curious to find evidence of these cinematic images' influence on those who participated in foreign policymaking, including in the sphere of USSR-USA relations. To what extent did they take the information that these films disseminated at face value?

Finally, a special subject of the study might be examining the humanization of the cinematic characters as a technique of making a more plausible and, hence, more effective image of the enemy that would correspond to the changed consciousness of the Soviet audience. This view was repeatedly expressed in critics' reviews and in discussions in the artistic councils of film studios. For instance, in a review of Aleksandr Faintsimmer's *Night without Mercy (Noch bez miloserdiya, 1961)*, a film critic noted that its characters – pilots from the U.S. military base, where a provocation against the USSR with nuclear weapons was planned – were archaic and stressed that it would be far more convincing if they were “not mannequins of bad guys, but really smart and cunning persons” and had “even a small movements of the soul and even tiny emotions” [23, p. 34]. In other words, representing the movie villains in a more humane manner can help to create a more effective and believable image of the enemy, amplifying the sense of danger. But this is also the subject of a separate study.

NOTES

¹ The reported study was funded by RSF, Grant № 22-18-00305, <https://rscf.ru/project/22-18-00305/> (Herzen University, Saint-Petersburg).

Представленное исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 22-18-00305, <https://rscf.ru/project/22-18-00305/> (ПГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург).

² In fairness, Ehrenburg juxtaposed simple Americans and their oppressors in the introduction

and conclusion (e.g., [18, p. 4]). However, overall, the text gives the impression that it intends to describe Americans' national character as such. Its various sides are characterized through the titles of chapters, including ‘Robots’ (on the cult of machines turning Americans into its appendage), ‘Baobabs’ (on an extremely low level of culture and intellect), ‘Nomads’ (on a lack of sense of motherland), and so on.

³ At the same time, there is no kind of idealization of the USA in the film. Moreover, the atomic bombing of Hiroshima (‘the slap in the face that the Americans inflicted on the humankind’, according to a character, a French doctor) is evaluated as the most terrible event in world history. The director's particular indignation was due to the fact that, as he emphasized, ‘to this day, Americans are proud that they dropped a bomb on Hiroshima’ [20, p. 50].

⁴ Moreover, the point of view was frequently expressed that that kind of humanism, which glorified abstract humanism at the expense of class one, was designed to gain Western audience approval (e.g., [21, p. 40]).

REFERENCES

1. Aleksandrov G. Eskizy k budushchey filmu [Sketches to Forthcoming Film]. *Iskusstvo kino* [Art Cinema], 1957, no. 8, pp. 54-65.
2. Bronfenbrenner U. The Mirror Image in Soviet-American Relations: A Social Psychologist's Report. *Journal of Social Issues*, 1961, vol. 17, no. 3, pp. 45-56.
3. Cauter D. *The Dancer Defects: The Struggle for Cultural Supremacy During the Cold War*. New York, Oxford University Press, 2005. 788 p.
4. Delo filma ‘Vstrecha na dalekom meridiane’, prekrashchennogo proizvodstvom, avtor stsenariya M. Uilson, rezhisser I. Talankin [The Case of the Film “Meeting on a Distant Meridian”, Which Was Discontinued, Scriptwriter M. Wilson, Director I. Talankin]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva (RGALI)* [Russian State Archive of Literature and Art], f. 2944, i. 4, d. 1055.
5. Dokladnaya zapiska Agitpropa TsK M.A. Suslovu o rukopisi knigi I.G. Erenburga ‘Noch Ameriki’ [The Agitprop Report to M.A. Suslov on I.G. Erenburg's Manuscript ‘The Night of America’]. Nadzhafov D., ed. *Stalin i kosmopolitizm: dokumenty Agitpropa TsK KPSS, 1945–1953*. Moscow, Materik Publ., 2005, pp. 497-498.
6. Hashamova Y. *Pride and Panic: Russian Imagination of the West in Post-Soviet Film*. Bristol, Chicago, Intellect Books, 2007. 114 p.
7. Haslam N. Dehumanization: An Integrative Review. *Personality and Social Psychology Review*, 2006, vol. 10, no. 3, pp. 252-264. DOI: 10.1207/s15327957pspr1003_4

8. Hixton W. *Parting the Curtain. Propaganda, Culture and the Cold War, 1945–1961*. New York, St. Martin Press, 1997. 299 p.

9. Mesto khudozhnika v bitve idey [The Artist's Place in the Battle of Ideas]. *Iskusstvo kino* [Art Cinema], 1963, no. 8, pp. 1-11.

10. Protokoly zasedaniya stsenarno-redaktsionnoy kollegii po obsuzhdeniyu literaturnykh i rezhisserskikh stsenariiev: 'Vstrecha na dalekom meridiane' M. Uilsona. *RGALI*, f. 2944, i. 5, d. 52.

11. Riabov O.V. Regumanizatsiya 'chuzhikh': evolyutsiya reprezentatsiy 'vraga nomer odin' v amerikanskom kinematografe kholodnoi voiny [Rehumanization of 'Them': Evolution of Representations of the 'Enemy Number One' in American Cold War Cinema]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], 2021, no. 77, pp. 277-290. DOI: 10.21267/AQUILO.2021.77.77.018

12. Riabov O.V., Belov S.I., Davydova O.S., Kubyshkin A.I., Riabov D.O., Riabova T.B., Smirnov D.G., Sputnitskaia N.Iu., Iudin K.A. *'Vrag nomer odin' v simvolicheskoi politike kinematografii SSSR i SShA perioda kholodnoi voiny* ['Enemy Number One' in the Symbolic Politics of the Cinematographies of the USSR and the USA During the Cold War]. Moscow, Aspect press, 2023. 400 p.

13. Siefert M. Meeting at a Far Meridian: American-Soviet Cultural Diplomacy on Film in the Early Cold War. Babiracki P., Zimmer K., eds. *Cold War Crossings: International Travel and Exchange in the Soviet Bloc, 1940s – 1960s*. College Station, Texas A&M Press, 2014, pp. 166-209.

14. Shaw T. The Russians Are Coming The Russians Are Coming (1966): Reconsidering Hollywood's Cold War 'Turn' of the 1960s. *Film History*, 2010, vol. 22, no. 2, pp. 235-250.

15. Shaw T., Youngblood D.J. *Cinematic Cold War: The American and Soviet Struggle for Hearts and Minds*. Lawrence, University Press of Kansas, 2010. 301 p.

16. 'Sorok devyat dney'. Literaturnyj stsenariy G.Ya. Baklanova, Yu.V. Bondareva, V.F. Tendryakova. Rezhisser M.I. Romm. 1-yj variant ["Forty-Nine Days."

Literary Script by G.Ya. Baklanov, Yu.V. Bondarev, V.F. Tendryakov. Directed by M.I. Romm. 1st Option]. *RGALI*, f. 2329, i. 12, d. 1143.

17. 'Sorok devyat dney'. Rezhisserskiy stsenariy G.S. Gabaya po literaturnomu stsenariyu G.Ya. Baklanova, Yu.V. Bondareva, V.F. Tendryakova ['Forty-Nine Days.' Director's Script by G.S. Gabay. Based on the Literary Script by G.Ya. Baklanov, Yu.V. Bondarev, and V.F. Tendryakov]. *RGALI*, f. 2329, i. 12, d. 1144.

18. Statya: I.G. Erenburg 'Noch Ameriki' [Article: I.G. Erenburg 'The Night of America']. *RGALI*, f. 618, i. 14, d. 854.

19. Stenogramma zasedaniya Khudozhestvennogo Soveta po obsuzhdeniyu otsnyatogo rezhisserskogo stsenariya M. Donskogo 'Zdravstvuyte, deti!'. 12 yanvarya 1961 [Transcript of the Meeting of the Arts Council to Discuss the Filmed Director's Script by M. Donskoy: "Hello, Children!" January 12, 1961]. *RGALI*, f. 2468, i. 3, d. 104.

20. Stenogramma rasshirennogo zasedaniya partbyuro po obsuzhdeniyu otsnyatogo materiala kinofilma 'Zdravstvuyte, deti!'. 3 noyabrya 1961 [Transcript of an Extended Meeting of the Party Bureau to Discuss the Footage of the Film "Hello, Children!" November 3, 1961]. *RGALI*, f. 2468, i. 3, d. 105.

21. Stenogramma zasedaniya vstrechi s politrabotnikami Sovetskoy Armii i komsomolskim aktivom ot 28 noyabrya 1960 g. po obsuzhdeniyu filma 'Mir vkhodyashemu' [Transcript of the Meeting with Political Workers of the Soviet Army and Komsomol Activists Dated November 28, 1960 to Discuss the Film 'Peace to the Enterer']. *RGALI*, f. 2453, i. 4, d. 1010.

22. Troyanovskiy V. Chelovek ottepeli (50-e gody) [Person of the Thaw (50s)]. Fomin V., ed. *Kinematograf ottepeli: Dokumenty i svidetelstva*. Moscow, Materik Publ., 1998, pp. 5-76.

23. Vartanov A. Noch s effektami [The Night with Effects]. *Iskusstvo kino* [Art Cinema], 1962, no. 12, pp. 32-35.

24. Woll J. *Real Images: Soviet Cinema and the Thaw*. London; New York, Tauris, 2000. 267 p.

Information About the Author

Oleg V. Riabov, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Leading Researcher, Herzen University, reki Moiki Emb., 48, 191186 Saint Petersburg, Russian Federation, riabov1@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5944-9668>

Информация об авторе

Олег Вячеславович Рябов, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. реки Мойки, 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, riabov1@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5944-9668>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.2>

UDC 327.8
LBC 66.4

Submitted: 31.08.2023
Accepted: 03.11.2023

“MAY THERE ALWAYS BE SUNSHINE!”: A SYMBOL OF CHILDHOOD IN SOVIET AND AMERICAN COLD WAR SONGS¹

Tatiana B. Riabova

Herzen University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article is the first to study the use of the symbol of childhood by the USSR and the USA songs for the representation of Cold War issues. *Methods and materials.* Based on the methodology of constructivism, the author analyzes the reasons for the politicization of the image of childhood and the role of popular music as an instrument of symbolic politics. Qualitative content analysis is used to examine more than 400 songs of the USSR and the USA related to Cold War issues; about 70 of them use the symbol of childhood. *The symbol of childhood in the Soviet song.* A study of USSR songs demonstrates that images of children were an important component of the “cultural Cold War” on the musical front. *The symbol of childhood in the American song.* U.S. musical pieces contributed significantly to the legitimation of the Cold War and the construction of images of “us” and “them,” including with the help of images of children. *Results.* The comparative analysis shows that in both the USSR and the USA, it was used to represent such issues as peace, war, security, nuclear weapons, freedom, justice, and the future of humanity. Not only did it create the image of the enemy, but it also deconstructed it by showing the similarity of the two nations in basic values, including attitudes toward children. In addition to the common features, songs in the USA and the USSR also reveal different characteristics. In the former, children are primarily the object of defense; in the latter, they are also subjects of politics and active fighters for peace. In the former, one can find negative images of childhood in the USSR; in the latter, young Americans are first and foremost children, just like everyone else. In the Soviet song, these images remain practically unchanged; in the American protest song, the symbol under study is used to delegitimize the policy of the authorities.

Key words: childhood, Cold War, political symbol, popular music, image of the enemy, international security.

Citation. Riabova T.B. “May There Always Be Sunshine!”: A Symbol of Childhood in Soviet and American Cold War Songs. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 1, pp. 16-25. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.2>

УДК 327.8
ББК 66.4

Дата поступления статьи: 31.08.2023
Дата принятия статьи: 03.11.2023

«ПУСТЬ ВСЕГДА БУДЕТ СОЛНЦЕ!»: СИМВОЛ ДЕТСТВА В СОВЕТСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ПЕСНЯХ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ¹

Татьяна Борисовна Рябова

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В статье впервые изучается использование песен СССР и США как символа детства для репрезентаций проблематики холодной войны. *Методы и материалы.* Основываясь на методологии конструктивизма, автор анализирует причины политизации образа детства, а также роль популярной музыки как инструмента символической политики. При помощи качественного контент-анализа исследовано более 400 песен СССР и США, связанных с проблематикой холодной войны; около 70 из них используют символ детства. *Символ детства в песне СССР.* Исследование советской песни продемонстрировало, что образы детей были важным компонентом «культурной холодной войны» на музыкальном фронте. *Символ детства в песне США.* Музыкальные композиции вносили заметный вклад в легитимацию холодной войны и конструирование образов «своих» и «чужих», в том числе при помощи образов детей. *Результаты.* Срав-

нительный анализ показал, что и в СССР, и США его включали в репрезентации таких проблем, как мир, война, безопасность, ядерное оружие, свобода, справедливость, будущее человечества. С его помощью не только создавался образ врага, но и происходила деконструкция через показ сходства двух народов в базовых ценностях, включая отношение к детям. Помимо общих, выявлены и различные черты песни США и СССР. В первой дети – прежде всего объект защиты, во второй – это также субъекты политики, активные борцы за мир. В первой можно встретить негативные картины детства в СССР, во второй юные американцы – это, прежде всего, дети, такие же, как и все. В советской песне эти образы оставались практически неизменными, в американских песнях протеста исследуемый символ привлекается для делегитимации политики властей.

Ключевые слова: детство, холодная война, политический символ, популярная музыка, образ врага, международная безопасность.

Цитирование. Рябова Т. Б. «Пусть всегда будет солнце!»: символ детства в советских и американских песнях холодной войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 1. – С. 16–25. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.2>

Introduction. The symbol of childhood is one of the most remarkable symbols of world culture. Emotionally intense, linked to myth, and appealing to the personal experience of each individual, it has long been in the arsenal of political propaganda. The symbol of childhood plays a prominent role in the legitimation of power, memory politics, identity politics, and other forms of symbolic politics. This symbol was particularly significant in the “struggle for hearts and minds” of the Cold War period, and its role in the Soviet-American confrontation is actively studied in Russian and foreign scholarship using cinema, literature, and posters as case studies [12; 13; 15; 17; 21; 22]. However, researchers have not yet turned to the analysis of such a source as a popular song. Meanwhile, the song as a type of mass culture was quite visible in the “cultural Cold War.” For example, one of the hallmarks of song culture in the USSR was the song *May There Always Be Sunshine! (Pust Vsegda Budet Solntse!*, 1962, music by A. Ostrovsky, lyrics by L. Oshanin). Although this musical piece is nowadays perceived as a kind of symbol of children’s cheerfulness, it simultaneously reflects the anxieties of the Cold War – first and foremost, the fear of a thermonuclear apocalypse.

The aim of the article is to explore how the symbol of childhood was used in Soviet and American songs to represent Cold War issues. In the first part of the paper, we will address the methodological issues of the study related to the politicization of the symbol of childhood and the use of song as an instrument of symbolic politics. Next, we will focus on analyzing how song images of children reflected the Soviet-American

confrontation and, in turn, strengthened or weakened it. We will conclude by answering the research questions, which can be formulated as follows:

– In the representation of which particular Cold War issues was this symbol most in demand?

– How were the song images of childhood associated with communist and anti-communist ideology?

– What were the dynamics of the reflection of Cold War issues in the songs of the USSR and of the USA during the period under study?

Finally, given the increasing attention in recent years to the need for comparative studies to understand the Soviet-American confrontation (e.g., [16; 20]), we will try to answer the question of the common and specific features of using childhood images in Soviet and American song representations of the Cold War.

Methods and materials. The connection between symbols and power relations determines their significance in political conflict [6]; this is also true for the symbol of childhood. The adult/child opposition can be seen as one of the matrices of power: labeling an individual or a community as a child means demonstrating their lack of independence and justifying the need to control them [17].

The constructivist understanding of childhood emphasizes the socially determined, changeable, and contextually conditioned nature of ideas about children [3]. Noting the variability of the concept of “childhood” in different cultures and historical periods, nevertheless, it is possible to identify a certain set of meanings that are at least typical for Modernity. The common

characteristic of childhood is otherness in relation to the norm – the state of an adult, primarily an adult man [14]. In general, childhood symbolizes a not-quite-social existence that is closer to nature than to culture. The child is therefore destined to symbolize such qualities as non-self-sufficiency, subordination, and helplessness. Additionally, the child becomes an allegory of lack of experience; the child serves as an embodiment of the prioritization of emotion over reason, the inability to self-control, capriciousness, reverie, and ignoring the harsh realities of life; this is usually denoted by the term “infantilism.” However, the Other is ambivalent: deviance has both negative and positive features. In positive contexts, the child’s closeness to nature is a sign of true humanity; it refers to sincerity, superior wisdom, harmlessness, and peacefulness. Additionally, childhood is often seen as an allegory of carelessness and is correlated with the “Golden Age,” a kind of “childhood of mankind.” At the same time, children also represent the future; their images are associated with the hope of renewal, and in this sense, they symbolize the continuation of life, both collective and individual.

The value of young members of society for the future and the child’s defenselessness determine the special status of children in the discourse of war and peace and the special duties of others toward them. Thus, the social role of the mother implies her unconditional care for her child; motherhood is associated with the social expectation of readiness to protect the child at any cost. The role of the man implies his function as a protector of those who need his help, which includes children. The most important component of the symbolic politics of military conflict is the image of the enemy, and children’s symbols contribute to the construction of this image – above all, in representing the rivals as fighting against the weak, women and children, which makes it possible to portray the enemy as lacking not only nobility and mercy but also strength and courage (see [17; 24, p. 15]).

The paper examines the representations of childhood in the “cultural Cold War” using popular songs as a case study. Theodor W. Adorno, in his essay on popular music, contrasted it with “serious musical art,” emphasizing two distinctive features: 1) standardization, which makes music more accessible for perception and thus less innovative

and aesthetically valuable; and 2) mass production, which turns popular music into a commercial product [1]. As well as sharing common features with other forms of mass culture, the song also has specific characteristics. First, it is interactivity: people not only listened to songs but also performed them and sometimes composed them. Then, it is a special emotionality. Next is the relative rapidity of creation and the speed of dissemination in society. Additionally, the song (or at least some of its subgenres) was less controlled by the authorities than, say, cinema. Finally, it is the synthetic nature of image creation in songs, the combination of poetic text and music (and with the emergence of music videos, they also combine footage), that makes songs a particularly effective tool of persuasion. At the same time, one should take into account the limitations associated with this: when creating ideological messages, the authors’ choice of words is influenced both by the genre of music and the regularities of poetic creativity (rhymes, verse size, etc.) [18]. All these features of popular music are used in symbolic politics [19].

The array of information to be analyzed is the lyrics of Soviet and American songs (1946–1991), in which images of childhood are present in one form or another. The sampling was continuous. The material was collected on the specialized sites “Soviet Music,” “Atomic Platters: Cold War Music from the Golden Age of Homeland Security,” “Songs of Cold Friendship,” and others. In total, more than 400 songs by the USSR and the USA related to Cold War issues were found; about 70 of them use the symbol of childhood.

Qualitative content analysis was chosen as the research method. The semantic units in the study were the characteristics of children, childhood, and parenthood (counting units: peacefulness, sincerity, vulnerability, infantilization, activity, protection, and others).

The symbol of childhood in the Soviet song. It is difficult to overestimate the role that the mass song played in the life of a Soviet person. It was part of Soviet everyday life and at the same time served as a powerful weapon of propaganda (e.g., [9; 18]). The song affirmed the main Soviet values: the building of communism; love for the Soviet Motherland; loyalty to Lenin’s precepts; the struggle for peace; collectivism; internationalism;

irreconcilability with exploiters; social optimism; equality; and justice.

Among the most famous pieces of music from the Cold War song culture are such compositions as *We Are for Peace!* (*My za Mir*, 1947, S. Tulikov; A. Zharov)²; *The Migratory Birds Are Flying* (*Letiat Pereletnye Ptitsy*, 1948, M. Blanter; M. Isakovsky); *If the Guys of All the Earth!* (*Esli by Parni Vsei Zemli*, 1957, V. Solovyov-Sedoi; Ye. Dolmatovskiy); *Do the Russians Want War* (*Khotiat li Russkie Voyny*, 1962, E. Kolmanovskiy; Ye. Yevtushenko); *Hiroshima* (1971, M. Magomayev; R. Rozhdestvenskiy); and *Before It's Too Late* (*Poka ne Pozdno*, 1983, A. Pakhmutova; N. Dobronravov); the songs that attracted the symbol of childhood can be divided into two groups. One group did not directly address the Cold War issues, but these compositions were important for the "struggle for hearts and minds." Being addressed primarily to children, they contributed to the political socialization of young citizens, introduced them to the Soviet system of values, and established ideological guidelines for them. Another group consisted of those musical pieces that dealt with the issues in the Soviet-American confrontation, such as the struggle for peace and the threat posed to children around the world by "enemy number one."

The image of the child was most actively used in the discourse of political mobilization, which was primarily associated with the struggle for peace. In the post-war USSR, the struggle for peace became a kind of calling card of its foreign policy and a cornerstone of its collective identity. The term "warmongers" served as one of the most important markers of the enemy; the images of children as the most defenseless and harmless inhabitants of the Earth were also used to expose them [15, p. 292; 16]. The securitization of the Cold War in Soviet propaganda was ensured in no small part by creating images of the danger that U.S. policy posed to children – first of all, the danger of unleashing a nuclear war. Already in the songs of the first postwar years, this theme becomes most prominent – for example: "The sun can't be obscured by a black cloud, / The bomb can't destroy the mighty world! / People of every country / Remember the fire of war. <...> We are led by the will of all ordinary people / And the struggle for the happy laughter of children" (*Song of Peace and Friendship* (*Pesnia Mira i*

Druzhy, 1950, V. Shainskiy, M. Iordanskiy; M. Lisianskiy)).

The legacy of the propaganda of World War II was widely used; the image of the enemy who was a child killer began to be used in representations of U.S. policy in various regions of the world from the very beginning of Cold War song history. Thus, the image of American soldiers committing crimes against children was common in Soviet media coverage of the war in Korea (see, e.g., [8]); it was also reflected in *A Ballad of the Korean Soldier* (*Ballada o Koreiskom Soldate*, 1951, V. Muradeli; G. Rublev).

The story of Sadako Sasaki, a Japanese girl who died of radiation sickness at the age of 12 in Hiroshima, resonated with the hearts of Soviet schoolchildren. The song *Japanese Crane* (*Yaponskii Zhuravlik*, 1971, S. Tulikov, V. Lazarev), dedicated to the story of the young Japanese girl, does not mention Hiroshima. However, the story of Sadako, who became a symbol of opposition to nuclear warfare, was well known in the USSR, also thanks to Mark Donskoy's film *Hello, Children!* (*Zdravstvuite, Deti!*, 1962), which was dedicated to her and which includes the phrase "Hiroshima is the slap in the face that the Americans inflicted on the humankind".

Another song also has cinematic analogues, in which the theme of the threat to childhood is presented in a special aspect: the enemy threatens the identity of Soviet children and tries to impose an alien psychology on them. The movie *They Have a Motherland* (*U Nikh est Rodina*, directed by Aleksandr Faintsimmer and Vladimir Legoshin, 1949) is about how the American and British secret services try to prevent Soviet children who were taken to Germany during the war from returning to the USSR. At the same time, they try to cripple the souls of Soviet children, to turn them into people with no tribe, and to make them forget about their Motherland in order to use them as cannon fodder in imperialist wars. The pathos of the movie was to call for Soviet children to never know the horrors of war. The song *Smolensk boy Ivan* (*Smolenskii Malchishka Ivan*, 1961, A. Osnovikov; L. Derbenev) also tells about young citizens of the USSR who, against their will, found themselves in a foreign land after the war. It creates an expressive image of a boy who, "alienated from

Russia by the war”, wanders around “cold New York”, looks “at the unfriendly sky” and believes the learned, “alien” foreign words that he no longer has a homeland. The boy there is “intimidated”, “he hunches in silence”, and “for years of wandering, he is exhausted, worn out, and used / To greeting each other with his left hand, / And putting his right hand in his pocket...”. The song, however, leaves the hope that Ivan will realize that “he has a homeland” and return home.

In addition to the enemy image, the songs dedicated to the threat to childhood also created another image that was so necessary in the “struggle for hearts and minds” – the image of the Soviet soldier who was the defender of childhood. In the song, performed by the Alexandrov Ensemble, it is said: “When soldiers sing / Children sleep peacefully” (*When Soldiers Sing (Kogda Poiut Soldaty*, 1963, Yu. Milyutin, M. Lisiansky)). It is noteworthy that the Soviet soldier is the guardian of world peace; he protects not only Soviet children but also all young inhabitants of the Earth. The martial labor of Soviet soldiers is aimed at ensuring that there will never be a war. This idea runs through the entire history of the Soviet Cold War song [18]. *The Song about the Mother-Planet (Pesnia o Materi-Planete*, 1986, A. Pakhmutova, N. Dobronravov) begins with the words: “An immortal symbol of a formidable battle, / As a memory of the past in the centuries / The soldier-savior in Treptower Park / Stands with a child in his arms”. Indeed, a girl saved by the soldier presented on the Soviet War Memorial (1949, Yevgeny Vuchetich) is supposed to symbolize that the Soviet Army is not a conqueror but a liberator of all the peoples of Europe, including the Germans. The song refers to the Soviet Army as a “good force”. The use of the symbol under study in this song is interesting in another aspect: there should be no war, because all people are children of one mother, the Earth.

However, the struggle for peace is not just the duty of soldiers. In the song *May There Always Be Sunshine!*, the words “against trouble, against war / let’s stand up for our boys” are addressed to all “people of good will”³. Moreover, the struggle for peace is the duty of children themselves. They are not only the object but also the subject of politics; it is their efforts that determine whether the planet Earth will be preserved. This interpretation becomes possible

because the Soviet song attracts not only such a component of the semantics of childhood as the vulnerability of the child but also other characteristics, including peacefulness and vigor.

Children become active fighters for peace; this theme runs through the entire history of the Soviet Cold War song (e.g., in *Our Appeal (Nash Prizyv*, 1951, E. Zharkovskii, M. Ruderman), *Peace Street (Ulitsa Mira*, 1981, A. Pakhmutova, N. Dobronravov). The song *Question (Vopros*, 1981, A. Pakhmutova, R. Rozhdestvensky) is also notable for the fact that in it children initiate activities to preserve peace; they themselves address adults with a question about what they are doing to prevent war: “You answer us, / Adults! <...> Is it true / That we can’t even grow up / Become adults in time? // Is it true / That on our planet / Up to the sky / Atomic wind will rise? <...> Make people friends! / Save the Earth, / Adults!”.

A number of studies show that the specificity of the images of Soviet children in Soviet culture was that they were endowed with considerable independence and responsibility (e.g., [13]). It is noteworthy, however, that the song also attributes active participation in the struggle for peace to children from other countries. Thus, *Gift to Stalin from a Girl from Vietnam (Podarok Stalinu ot Devochki iz Vyetnama*, 1952, Z. Levina, G. Rublev) tells of a young Vietnamese girl who prepares a gift to the Soviet leader, embroidering his portrait on a banner.

Another major theme in the Soviet song was the protest against racial discrimination and the affirmation of the equality of all children. The ideas of internationalism and solidarity were embodied in the language of pioneers in the concept of friendship [5], which has a universal character, as for example in the *Song About Pioneer Friendship (Pesnia o Pionerskoï Druzhbe*, 1960, V. Loktev, O. Vysotskaia): “There are no barriers to this friendship, / The pioneer is a brother to all children. / White-skinned, swarthy-faced people should be firm friends / Everyone is glad to be friends”.

It is remarkable that American children also contribute to the cause of peace; there is no hostility toward young Americans in the songs. In the song *Under the Banner of Peace (Pod Znamenem Mira*, 1951, M. Starokadomskii, O. Vysotskaia), addressed on behalf of Soviet

pioneers to children of other countries, along with children from China and India, Vietnam, and France, the authors also mention Americans and the British: "Children of New York, / Children of London, / Children of all nations living in the world – / Rows of friends are growing. / The peaceful banner is flying above us, / Everybody should strengthen and, / Defend / Peace and labor".

The most famous image of an American child in the Soviet song is that of Samantha Smith, a schoolgirl who came to the USSR in 1983 on a peace mission at the invitation of the Soviet government. Several songs were dedicated to her. The Big Children's Choir responded almost immediately with the composition *Girl Samantha Writes (Pishet Devochka Samanta, 1983, Iu. Chichkov, M. Plyatskovsky)*. The children's show group "Samantha", created in 1986 in Leningrad, also dedicated a song to the young peace ambassador.

The symbol of childhood in the American song. The Soviet-American confrontation also left a deep mark on American song culture. Throughout the period under study, songs dedicated to Cold War issues were written in the USA [19]. Artists working in a variety of styles, including country, soul, jazz, rock and roll, heavy metal, and disco, produced them. As for the political orientation of the songs, they were first and foremost part of the Cold War discourse [23]. The songs were aimed at legitimizing the Cold War by assigning certain meanings to its events and evoking certain emotional attitudes toward them, with political issues being explained in a form accessible to a mass audience.

The songs promoted the values of the American way of life; praised the power of the U.S. Armed Forces, the determination of the country's leaders, and the leadership of the USA in the "free world"; exposed the danger of communism and the threat of the "Reds" seizing power in America; and demonstrated the suffering of the "peoples enslaved by communism". In McCarthyist America, the songs were the object of intense scrutiny by the authorities and right-wing social organizations (such as the American Legion). For example, the *Red Channels* report (1950), devoted to exposing communist influence among cultural figures in the USA, included information on figures not only in

film but also in music culture (e.g., Pete Seeger and Paul Robeson [2]). The 1960s saw the rise of protest songs that criticized the U.S. administration's reckless international policies that could lead to a nuclear apocalypse, racial discrimination, the Vietnam War, and social inequality. As noted by Ron Eyerman and Andrew Jamison, especially in the 1960s, the best popular songs identified social problems, offered explanations, and provided a sense of belongingness by "making use of more emotive language and rhythms" [7, p. 138].

Returning to the problem of the use of the symbol of childhood, we note first of all that in the USA, as in the USSR, the leading theme was the protection of the child, appealing to such an element of the semantics of childhood as vulnerability. This made it possible to explicate the threat to the USA and the entire human civilization posed by "enemy number one". Thus, the band "The Charades" in their song *Hammers and Sickles (Make Very Poor Toys)* (1966, H. Jackson Brown) warned listeners that their "country's in danger" and expressed readiness to fight for it, explaining that communism seeks to destroy freedom and thus deprive the future of its children: "Hammers and sickles on banners of red / Hammers and sickles would see freedom dead / Our children's tomorrow they'd like to destroy / Yes, hammers and sickles make very poor toys!".

The danger of communism to the USA is shown through images of the horrors of childhood in the USSR. Such images not only signaled the superiority of the American way of life in general but also helped to legitimize the Cold War by showing that it was being fought to prevent this from happening to American children. The "Reds" were accused of seeking to abolish the family; it was argued that the state was actually taking children away from their parents and turning them into little robots, loyal to the authorities [15, pp. 51-60].

A song with the remarkable title *The Fiery Bear* (1950, S. Thompson, J. Ozark, performed by Tex Ritter) castigates the immorality and godlessness of the Soviet regime ("They know not the terms or the Bible's words / They laugh at the Golden Rule") and emphasizes that Soviet schools do not teach this to children.

Another song released during these years was *They Locked God Outside the Iron Curtain* (1952, B. Crandall, E. Ellis, performed by country

singer Little Jimmie Dickens). It also exploits the negative image of childhood in the USSR. It begins with the words, “There’s a land where little children cannot play / And the people have forgotten how to pray”. The Soviet nation itself is characterized as “full of hate and full of fear / Where a man must whisper so no one can hear”.

The attitude toward “enemy number one” propagated by these works can be seen in the song *Kennedy and Khrushchev* by Mighty Sparrow (1963): “World wide communism they want to spread / But me mother said she rather dead / Than live in a world of communism”.

At the same time, not all Americans were ready to follow the “better dead than red” rule. The fear of a nuclear apocalypse was used in the internal political struggle [10], and it also involved the symbol of childhood. Thus, the famous *Daisy* commercial, released during the 1964 presidential election by Lyndon B. Johnson’s team against his rival, the “hawk” Barry Goldwater, was based on the contrast of images of a little girl in a flowering meadow and the mushroom of a nuclear explosion. Protecting children from nuclear war is also a prominent theme in the protest songs. “You’ve thrown the worst fear / That can ever be hurled / Fear to bring children / Into the world / For threatening my baby / Unborn and unnamed / You ain’t worth the blood / That runs in your veins” – such accusations are contained in one of the most famous anti-war songs, *Masters of War* (1963) by Bob Dylan.

The Vietnam War provided a strong impetus for protest songs. Well-known songs such as *I Ain’t Marching Any More* by Phil Ochs (1965), *Eve of Destruction* (1965, Ph.G. Sloan, performed by Barry McGuire), and *I-Feel-Like-I’m-Fixin’-To-Die-Rag* (1967, rock band Country Joe and the Fish) reflected the outrage of Americans, whose children were sent to Vietnam to die for the sake of unknown goals, while the children of the political and financial elite were not sent to war (*Fortunate Son* by Creedence Clearwater Revival (1969)).

In the 1960s, music videos with songs began to be released; video images that carried additional meanings became part of musical compositions. In the context of our study, the composition *Unknown Soldier* by The Doors (1968) is of particular interest: it would be wonderful if the war were over – this idea is illustrated, among

other things, by the image of happily laughing children – their future is saved.

The immorality of the war was also demonstrated through images of the suffering of Vietnamese children, an issue that could not leave people around the world indifferent. One of the most famous visual documents of the Vietnam War was a 1972 photograph by Nick Ut, *The Terror of War*, which shows a little Vietnamese girl burned by napalm (see more details: [4]). In 1972, the song *Napalm Sticks to Kids* by the Covered Wagon Musicians was released. It satirizes the worldview of those U.S. soldiers who commit crimes against Vietnamese children: “We shoot the sick, the young and lame / We do our best to kill and maim / Because the kills all count the same / Napalm sticks to kids. <...> But what we really like is the children fried <...> / Try killin’ one that’s pregnant, son / You’ll get two for the price of one / Napalm sticks to kids”.

Among the most famous compositions protesting against the killing of children by Americans in Vietnam are *The Side of a Hill* by P. Simon (1965), *Alice’s Restaurant Massacre* by A. Guthrie (1967) (for more details about this song see: [11, p. 362]), and *Hey, Hey LBJ* (1967) by B. Fredericks. The latter song is notable not only because it contains a phrase popular during anti-war rallies addressed to L.B. Johnson (“Hey, hey LBJ! / How many kids did you kill today?”), but also for another form of using the symbol of childhood in politics – the symbolic infantilization of the opponent, presenting the U.S. politicians themselves as children who play war. However, their infantilism is too costly for humanity: “We’re gonna take your toys away and bring our soldiers home now”.

The escalation of the situation in international relations in the early 1980s was accompanied by a new round of anti-war movements, which were reflected in many songs. They use the symbol of childhood in rather traditional meanings for anti-war songs, as in the composition *When the Children Cry* (1987) by White Lion. The arms race itself also provokes protest: billions are spent on war, while in many countries of the world, children do not have enough to eat (for example, *So Afraid of the Russians* (1983) by J. Cale).

What is new is the emergence of anti-war songs that are written specifically for children. The song *One Crane* by S. Stotts (1989) is about

the story of Sadako, a Japanese girl; it echoes the Soviet songs in many ways. *Take Me with You!* by P. Alsop (1986) is also based on the idea that children in all countries are equally peace-loving, which gives hope for a better world without wars: "People come in diff'rent sizes / Colors, shapes and names / Tho' we're diff'rent on the outside/ Inside I think we're the same! <...> We can be strong without our bombs / It's time that all the bombs were banned. / Kids like us live everywhere / Around the world, in ev'ry land / The words we speak are not the same / But Peace on Earth we understand".

The same desire to use the symbol of childhood to show that, despite their differences, people from different countries share the same basic values also characterizes Sting's song *Russians* (1985); the conviction that "the Russians love their children too" gives the author reason to hope that nuclear warfare can be avoided.

The second half of the 1980s, during the Soviet Perestroika period, saw the appearance of several songs that also emphasized the similarities between children in the USSR and the USA. The most famous of these, the autobiographical song *Leningrad* (1989) by Billy Joel, written after the singer's concerts in the USSR, highlights the similarity of the experience of being a child of the Cold War, whether in the USSR or in the USA. The song is about two children. One of them is Joel himself, "A Cold War kid born in McCarthy time", hid in a shelter during the Cuban Missile Crisis and watched his friends go off to war that was fought in the name of unclear goals ("And I watched my friends go off to war What do they keep on fighting for?"). Another is a Soviet boy, Viktor, a "child of sacrifice", a "child of war". He was born in Leningrad in 1944, never saw his father, and his life in the USSR was very sad. Billy and Viktor managed to become friends, and the song ends with the words, "We never knew what friends we had / Until we came to Leningrad".

Results. To sum up, we can say that the ability of the symbol of childhood to evoke a strong emotional response causes a constant interest in it on the part of political actors, which manifests itself in various forms of symbolic politics. This symbol is a significant component of the "cultural Cold War"; in both the USSR and the USA, it was employed to represent such issues as peace,

war, security, nuclear weapons, freedom, justice, and the future of humanity. This is expressed in such a front of the "cultural Cold War" as the song, which has both common features with other types of mass culture and specific ones: interactivity, special emotionality, rapidity of creation, and speed of dissemination in society, to name just a few. By actively involving the symbol of childhood, songs helped to construct the image of the enemy as different from "us", inferior in every way, and yet deadly. The symbol had the highest demand in war and peace representations because it embodied traits such as vulnerability and peacefulness, commonly associated with children.

The above-mentioned features are characteristic of both Soviet and American songs. In terms of differences, the former was characterized by representations of children as subjects of politics and as active fighters for peace. This, on the one hand, reflected the normative image of Soviet children in the ideology as young builders of communism. On the other hand, this was due to the fact that a huge layer of Soviet song culture was made up of songs for children. In American songs, however, children are first and foremost the object of defense.

Further, negative images of childhood in the USSR can be found in American songs of the McCarthyism period, which contributed to the inclusion of Soviet children in the enemy image. In the Soviet songs, young Americans are, first and foremost, children, just like everyone else (while negative images of childhood in the USA can also be found in other forms of USSR mass culture, such as movies and cartoons [15; 16]).

Finally, another difference concerns the dynamics of images of childhood in relation to Cold War issues over the course of almost half a century of Soviet-American confrontation. In the Soviet song, where the ideological component was the determining factor, these images remained virtually unchanged. In the American song, which was more oriented toward entertainment and commercial success and therefore more reflective of mass sentiments in society, the variability was greater; in protest songs, the symbol under study is used to delegitimize the policies of the authorities.

To conclude the article, the symbol of childhood not only created the image of the enemy

but also deconstructed it. When it was necessary to emphasize the similarity of the two peoples, attention was drawn to the fact that they share basic values, including the attitude toward children.

NOTES

¹ This work was supported by the Russian Science Foundation under Grant No. 23-28-01414, <https://rscf.ru/project/23-28-01414/> (Herzen University, Saint-Petersburg).

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда по гранту № 23-28-01414, <https://rscf.ru/project/23-28-01414/> (РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург).

² Hereinafter, when describing a song, the author of the music is first indicated, followed by the author of the lyrics.

³ Soon after releasing this famous composition, in 1963, a documentary of the same name was produced (dir. N. Solovyieva); it was devoted to the World Congress of Women that was held in Moscow in June 1963. A woman is a mother, first of all, and she is always for peace, the film stresses. The film likens the US crimes in Southeast Asia to crimes committed by Nazis in WWII; the reason for wars, however, is “greedy interests of monopolies”; mothers – not only Soviet but also American – are against war. One scene shows how in New York City, American mothers break up with their sons called to military service: “We will not let them go! You are playing in atomic war, fathers of capital!”, “Is that why we raise our children?”. It is significant that not only the mothers but also the recruits themselves, young boys, are shown in such a way as to arouse the Soviet viewer’s sympathy and not hatred. The film ends with a scene of all the delegates singing *May There Always Be Sunshine!*

REFERENCES

1. Adorno T. On Popular Music (With the Assistance of George Simpson). Frith S., Goodwin A., eds. *On Record: Rock, Pop, and the Written Word*. Routledge, 1990, pp. 256-267.

2. Childers J. Performing Dissent: Pete Seeger and Paul Robeson before HUAC (1955–1956). *Transatlantica*, 2021, vol. 2. URL: <https://journals.openedition.org/transatlantica/17937>. <https://doi.org/10.4000/transatlantica.17937>

3. Cook D.T. Interrogating Symbolic Childhood. Cook D.T., ed. *Symbolic Childhood*. New York, Peter Lang, 2002, pp. 1-14.

4. Davydova O.S. Sovetskaia pressa 1965 g. ob uchastii SShA v voine vo Vietname: spetsifika

fotoobraza vraga [Participation of USA in the Vietnam War in Soviet Press in 1965: The Specifics of the Photo Image of the Enemy]. *Metamorfozy istorii* [Metamorphosis of History], 2022, vol. 25. DOI: <https://doi.org/10.37490/S230861810023092-1>

5. Dushechkina E.V. “*Esli riadom druziia nastoiashchie...*” [If There Are Real Friends Nearby...]. URL: <https://ruthenia.ru/apr/textes/klubkov60/dushechkina.html>

6. Elgenius G. *Symbols of Nations and Nationalism: Celebrating Nationhood*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2011. 248 p.

7. Eyerman R., Jamison A. *Music and Social Movements: Mobilizing Tradition in the Twentieth Century*. New York, Cambridge Univ. Press, 1998. 203 p.

8. Ganf Iu.A. K istorii amerikanskoi tsivilizatsii [On the History of American Civilization]. *Krokodil* [Crocodile], 1951, no. 14, p. 7.

9. Gyunter Kh. Poiushchaia Rodina: Sovetskaia massovaia pesnya kak vyrazhenie arkhetaipa materi [The Singing Motherland: Soviet Mass Song as an Expression of the Mother Archetype]. *Voprosy literatury* [Russian Studies in Literature], 1997, no. 4, pp. 46-61.

10. Heed T., Kubyshkin A.I. Armageddon: Comparative Images of the Nuclear Conflict Between the United States and the Soviet Union in American Cinema. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 5, pp. 250-258. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.5.18>

11. Holsinger M.P., ed. *War and American Popular Culture: A Historical Encyclopedia*. London, Greenwood Press, 1999. 496 p.

12. Holt M.I. *Cold War Kids: Politics and Childhood in Postwar America, 1945–1960*. Univ. Press of Kansas, 2014. 224 p.

13. Kelly C. *Children’s World: Growing Up in Russia 1890–1991*. New Haven, Yale University Press, 2008. 736 p.

14. Nandy A. Reconstructing Childhood: A Critique of the Ideology of Adulthood. *Alternatives: Global, Local, Political*, 1984, vol. 10, no. 3, pp. 359-375. DOI: [10.1177/030437548401000303](https://doi.org/10.1177/030437548401000303)

15. Peacock M. *Innocent Weapons: The Soviet and American Politics of Childhood in the Cold War*. Chapel Hill, Univ. of North Carolina Press, 2014. 304 p.

16. Riabov O.V., Belov S.I., Davydova O.S., Kubyshkin A.I., Riabov D.O., Riabova T.B., Smirnov D.G., Sputnitskaia N.Iu., Iudin K.A. *Vrag nomer odin v simvolicheskoi politike kinematografii SSSR i SShA perioda kholodnoi voiny* [Enemy Number One in the Symbolic Politics of the

Cinematographies of the USSR and the USA During the Cold War]. Moscow, Aspect press, 2023. 400 p.

17. Riabov O., Riabova T., Kleshchenko L. "Save the Children!": The Symbol of Childhood and (De)Legitimation of Power in Russian Protests, 2017–2021. *REGION: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*, 2022, vol. 11, no. 2, pp. 235–252. DOI: 10.1353/reg.2022.0014

18. Riabova T.B. Stereotipizatsiia kak oruzhie propagandy Kholodnoi voiny: Voinskaia maskulinnost v sovetskoi pesne [Stereotyping as a Weapon of Cold War Propaganda: Military Masculinity in Soviet Songs]. *Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2022, vol. 13, no. 4, pp. 90–106. DOI: 10.17759/sps.2022130406

19. Schmelz P.J. Introduction: Music in the Cold War. *Journal of Musicology*, 2009, vol. 26, pp. 13–16. DOI:10.1525/JM.2009.26.1.31

20. Shorten R. The Cold War as Comparative Political Thought. *Cold War History*, 2018, vol. 18, no. 4, pp. 385–408. DOI:10.1080/14682745.2018.1434508

21. Smirnov D.G. Detskaia metafora v kinematografe kholodnoi voiny: kognitivno-semioticheskiy diskurs [Childhood Metaphors in Cold War Cinematography: Cognitive-Semiotic Discourse]. *Kompleksnye issledovaniya detstva* [Comprehensive Child Studies], 2019, vol. 1, no. 4, pp. 301–311. DOI: 10.33910/2687-0223-2019-1-4-301-311

22. Sputnitskaya N.Yu. Amerikanskiy bebi-bum i sovetskii pionerskii lager: vragi i "skrytaia ugroza" v detskom kino SSSR i SShA 1930–1960-kh [American Baby Boom and the Soviet Pioneer Camp: Enemies and the "Hidden Threat" in the Children's Cinema of the USSR and the USA in the 1930s and 1960s]. *Khudozhestvennaia kultura* [Art & Culture Studies], 2021, no. 3, pp. 420–451. DOI: 10.51678/2226-0072-2021-3-420-451

23. Street J. "Fight the Power": The Politics of Music and the Music of Politics. *Government and Opposition*, 2003, vol. 38, no. 1, pp. 113–130. DOI: <https://doi.org/10.1111/1477-7053.00007>

24. Yuval-Davis N. *Gender and Nation*. London, Thousand Oaks (Cal.), Sage Publications, 1997. 157 p.

Information About the Author

Tatiana B. Riabova, Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Department of Political Science, Herzen University, reki Moiki Emb., 48, 191186 Saint Petersburg, Russian Federation, riabova2001@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5270-7911>

Информация об авторе

Татьяна Борисовна Рябова, доктор социологических наук, профессор кафедры политологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. реки Мойки, 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, riabova2001@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5270-7911>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.3>

UDC 94(73).092
LBC 63.3(7Coe)

Submitted: 26.06.2023
Accepted: 18.11.2023

REFLECTING THE COLD WAR IN “ATOMIC HEART”¹

Sergey I. Belov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation;
Herzen University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. Introduction. The present study is devoted to the study of the influence of artifacts of the symbolic politics of the USA and the USSR on the positioning of the respective socio-political systems in modern video games. The article includes the content of the “Atomic Heart” video game studies and analysis from the point of view of the theory of social memory and symbolic politics. *Methods and materials.* A certain number of methods were used to solve the actual tasks in the article. In particular, case-study methods and elements of structural and comparative analysis were used. *Analysis.* The game “Atomic Heart” was chosen as a research case. The choice of the case is due to the high popularity of this game both within Russia and internationally, as well as the connection of the plot to the topic of the confrontation between the USSR and the United States after World War II and the presence of a wide representation of the symbolism of this conflict inside the game (up to the reproduction of real campaign materials). On the one hand, the ways of representing the USA in Soviet propaganda and their interpretation by video game developers are studied. On the other hand, the positioning of the Soviet Union by game designers and screenwriters by exploiting the images and stereotypes of perception that were formed in Western culture during the Cold War is examined. *Results.* The author concludes that, when forming the in-game symbols, the developers actively exploited the resource of Soviet aesthetics; however, Cold War narratives in Western mass culture works played a significant role in shaping the project’s emotional, semantic, and value content. The main reason for this decision was most likely economic, as the game was created with the expectation of generating the main profit in foreign markets as a commercial product. However, this decision actually contributed to the resuscitation of the functional qualities of the symbolic legacy of the Cold War and the use of its narratives to correct the perceptions of the target audience about the USSR and its role in the confrontation between the two blocs.

Key words: Cold War, USA, USSR, “Atomic Heart”, image of the enemy.

Citation. Belov S.I. Reflecting the Cold War in “Atomic Heart”. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 1, pp. 26-33. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.3>

УДК 94(73).092
ББК 63.3(7Coe)

Дата поступления статьи: 26.06.2023
Дата принятия статьи: 18.11.2023

ОТРАЖЕНИЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ В ИГРЕ «АТОМИК HEART»¹

Сергей Игоревич Белов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация;
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Представленное исследование посвящено изучению влияния артефактов символической политики США и СССР на позиционирование соответствующих общественно-политических систем в современных видеоиграх. В статье изучается и анализируется содержание видеогры «Atomic Heart» с точки зрения теории социальной памяти и символической политики. *Материалы и методы.* В статье был использован определенный методологический инструментарий для решения поставленных задач. В частно-

сти, были использованы методы case-study, а также элементы структурного и сравнительного анализа. *Анализ.* В качестве исследовательского кейса выбрана игра «Atomic Heart». Выбор кейса обусловлен высокой популярностью данной игры как внутри России, так и на международном уровне, а также привязкой сюжета к теме противостояния СССР и Соединенных Штатов после Второй мировой войны и наличием внутри игры широкой репрезентации символики этого конфликта (вплоть до воспроизводства реальных агитационных материалов). Исследуются, с одной стороны, способы репрезентации США в советской пропаганде и их интерпретация разработчиками видеоигр, а с другой – позиционирование Советского Союза гейм-дизайнерами и сценаристами при помощи эксплуатации образов и стереотипов восприятия, сформировавшихся в западной культуре в период холодной войны. *Результаты.* Автор приходит к выводу, что при формировании внутриигровой символики разработчики активно эксплуатировали ресурс советской эстетики, однако эмоциональное, смысловое и ценностное наполнение проекта определялось в первую очередь нарративами произведений западной массовой культуры, созданных в период холодной войны. Данное решение было продиктовано в первую очередь экономическими соображениями, поскольку как коммерческий продукт игра создавалась в расчете на получение основной прибыли на зарубежных рынках. Однако данное решение фактически способствовало реанимации функциональных качеств символического наследия холодной войны и использованию ее нарративов для коррекции представлений целевой аудитории о СССР и его роли в ходе противостояния двух блоков.

Ключевые слова: холодная война, США, СССР, «Atomic Heart», образ врага.

Цитирование. Белов С. И. Отражение холодной войны в игре «Atomic Heart» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 1. – С. 26–33. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.3>

Introduction. Video games are one of the main forms of leisure activities nowadays, especially for younger people. According to the research conducted by DFC Intelligence in 2020, the total number of people on Earth who regularly spend their time playing video games surpassed the number of 3.1 billion gamers.

It expectedly poses a question on the role of videogames as a resource of symbolic politics, in particular, their simple forms as the politics of memory or identity politics towards the scientific community.

There are a lot of conversations on this issue in the expert community. However, a closer scrutiny of the scientific development of the issue allows us to conclude that there are lots of serious information gaps in it.

Foreign researchers, specializing in the sphere of game studies, analyze the symbolic narratives in video games either primarily from the standpoint of marketing or within the framework of interpreting images of the present and future, as well as the influence of the socio-cultural context on the positioning models when creating game images. The theme of images of the past in video games was predominantly revealed within the framework of political activism influence on the historical context actualization in game plots according to general mass culture trends [1; 14; 23; 25; 26].

Russian specialists in the sphere of game studies take a greater interest in using historical images and narratives connected with them in video games. However, game content is usually analyzed outside the context of theories of social memory, political mythology, or symbolic positioning.

Many authors analyze video games only as a resource for popularizing some knowledge and forming an interest in certain spheres of historical knowledge among a younger audience [6; 7; 10; 17].

Researchers also place more emphasis on the practices of stigmatization or glorification of certain game images, studying the reasons and consequences of their usage residually, outside the context of the patterns of memorial image perception by a broader audience [8; 11–13; 32].

Research models, devoted to the study of the practices of forming images of specific countries and macro-social groups, line up in a similar way [5; 19–22].

The question about channels and methods of information transmission is accurately elaborated in the works, which are devoted to using video games as an instrument of political communication, but at the same time, there is a lack of attention paid to the subject matter of video games [16; 33].

Many researchers reveal the symbolic meaning of video games within the frames of studies connected with the content's influence on gamers' perception, thinking, and behavior [4; 18; 24; 28; 29].

31]. However, explanatory models are used in most works. Moreover, researchers are seriously influenced by social conjuncture through the ongoing public discussion about the danger of video games; researchers often stand in as supporters or opponents of one of the opposite points of view.

Therefore, the degree of study of this issue is characterized by a fairly high degree of fragmentation and lacunarity, as well as the presence of traces of the influence of social and political conjunctures.

It is also important to emphasize the general lack of an empirical base in most studies, as far as the practice of symbolic politics is concerned. Most of them are based on the study of game projects, which have lost their relevance for the gaming community at the time of writing a work.

This work is intended to fill in some identified information gaps by studying the “Atomic Heart” content from the point of view of social memory theory and symbolic politics. “Atomic Heart” is one of the most popular game projects on a global scale in 2023.

In the first instance, it appeals to narratives constructed on the basis of the symbolic heritage of the Cold War culture – the historical period, which is actively actualized nowadays by the Russian elites and elites in Western countries in the framework of public positioning of the confrontation around Ukraine.

The aim of this research is to evaluate the probable influence of the elements of memorial positioning of events and cultural tropes of the Cold War in the “Atomic Heart” content on the social memory of the primary audience of the mentioned game.

Materials and methods. The empirical base of the research was formed during the “Atomic Heart” content study during this game passing.

The research methodology is based on a case study and the elements of structural analysis and comparative analysis combined.

The theoretical basis of research appeals to a combination of functional [3; 15; 27] and cultural-semiotic [2] concepts of social memory.

Analysis. A direct analysis of the cultural heritage of the Cold War influence on the audience of the “Atomic Heart” must be necessarily preceded by the theoretical model of the relevant interaction description.

E. Durkheim noted that culture is a resource for collective consciousness moderation. The latter

allows for the use of culture as a means of reproducing large social groups. Culture imposes on the community a certain set of universal values, narratives, and norms of behavior (they are commonly claimed to be the “cultural code” in political journalism). That way, culture becomes a factor in regulating the behavior and thinking of groups of people, establishing the limits of what is allowed and the perceptions of encouraged and censured practices. But the necessity of observation of attitudes, broadcasted by society, is justified not only by rational argumentation, which is oriented on the cognitive side of mentality, but also by appealing to its affective side. Views on the norm and its limits are primarily formed by the authority of the ancestors, whose memory is sacred. At this time, the cult of ancestors and continuity requires compliance with memorial conformism: all members of society have to interpret, preserve, and pass out of the mind different events or single episodes of the past in the same way [9, pp. 72-75].

M. Hal’bvaks highlighted such qualities of collective memory as selectiveness, sketchiness, and propensity for structured recomposition. The researcher pointed out that the picture of the common past is constructed around the most significant events in the history of social corporations (which M. Hal’bvaks labeled as “memory figures”). The latter are highly distant from the historical original and are the result of reconstruction with a low degree of detailed elaboration. At that time, relevant images are primarily formed on the basis of symbols, which have deep emotional saturation. Maintaining memorial conformism is provided by the discursive framework’s presence. The discursive framework is the canon, according to which a member of the community must adjust his views on history [15, pp. 53-55].

R. Bastide managed to justify the statement that the system of ideas about the common past and its dynamics are largely determined by the community structure, and by changes in its organization over time, and by the introduction of cultural and technological innovations [3, p. 94].

P. Nora proved that an increasing layer of memories of the collective past turns into an object of “cultural memory” as time goes on. As the witnesses of some events pass away, a gap between the past and the present arises, which can be reduced only in the framework of conscious reflection of the past, which is conducted not in

the scientific form (historians' knowledge of the past is often lacunary, fragmentary, and suggests the presence of many alternative interpretations), but with the help of hystorical myth-creating. This term means a simplified, and therefore consistent and comprehensible, model of the past, constructed on a basis of emotionally filled symbols, memorial rituals, and ideas about the heroes and victims of the past worship necessity (which form the "duty of memory" complex). At the same time, myth is predominantly formed in the space of artistic culture [27, pp. 57-61].

These ideas worked out in Ja. Assman's conception of cultural memory. He managed to note that collective ideas about distant events, especially those that are related to a moment of observation for more than 80 years, are predominantly formed by specialists in the spheres of culture and education. They act within the frameworks of certain social control and use actualized ideas about the events of the past as an instrument of explaining, strengthening, or delegitimizing some present-day processes, institutions, or developments [2, pp. 104-107].

Consequently, a considerable part of ideas about the past of any community is a historical myth, constructed by emotionally saturated symbols in order to reproduce identity and legitimize existing institutions through their sacralization with the help of exploiting the "duty of memory." At the same time, it is the works of mass culture that play a crucial role in the relevant institutions and complexes of symbols forming. As a result, the views of a broad population about one historical event or another are often formed by works of art, which replace real historical sources.

Taking the mentioned specifics of social memory into consideration, we need to establish that the "Atomic Heart" game is a resource that constructs the ideas of its primary audience about the historic period of the 1950s, in other words, about the opening phase of the Cold War. In this case, we can ignore the fact that we are talking about the game, whose genres are "alternative history" and "science fiction," because in fact we are talking about reproducing the image of the USSR of the 1940s – 1950s, which was formed in American mass culture during the Cold War.

The memorial discursive framework of the game sets the image of the Soviet Union as an advanced technological power in general, whose

achievements in the field of science, however, are due to a rude violation of human rights and the very principles of humanism. Neuropolymers, in particular, which are the basis of Soviet robotics, were created in the process of mass experiments on humans and animals, supposing injuring them, murdering them, and so on. In this case, we can even assume that there are certain parallels between the plot tropes popular in Western culture regarding experiments on human beings and the history of the Japanese Unit 731. It is also important to consider that the process of creating a neuropolymer is literally reduced to processing conscious people and animals. At the same time, it is emphasized that both the victims of experiments and the people who became "raw materials" for the production of polymers were not, for the most part, criminals, sociopaths, etc. Thus, the Soviet leadership ensured the technological development of the country through mass crimes against its own citizens. Besides, the Soviet Union is shown as a country in which technological progress is not limited to ethics.

At the same time, the developers of the game defined clearly that communism is a utopia: despite the appearance of robots that release USSR citizens from routine work, people do not use the free time for self-development and morally degrade. The latter is demonstrated, among other things, in the form of sexual deviations (through the mention of sexual acts with robots, which have become a hobby of representatives of the nomenclature).

It is also noted that the logical development of communist ideas can be the complete erasure of a person's personality and his dissolution in the collective, as part of the implementation of the neural network project "Collective 2.0."

The presence of a developed socio-economic differentiation in Soviet society and the complete isolation of the party elite from the lower classes of society are also indicated.

It should be noted that the Soviet Union is credited with having plans to establish total world dominance. At the same time, it is planned to be achieved not with a direct military invasion but with a global conspiracy based on imitation of attempts to establish partnership relations with Western states. In particular, the USSR supplied robots abroad for free, as it was humanitarian aid. However, the real goals of the Soviet project are completely different. On the one hand, robot

deliveries are designed to ensure the growth of unemployment and social discontent in the West.

It is significant that the Soviet leadership plans to use nuclear technologies as a tool of blackmail, which echoes the manipulation of the audience's fears of using nuclear weapons inherent in the mass culture of the Cold War.

At the same time, it is emphasized that the United States, despite its technological gap, remains a global economic leader, surpasses the USSR in terms of living standards, and is gradually winning the Cold War through the use of sanctions.

Results. All these points allow us to assert that, in general terms, the image of the USSR in the game in question corresponds to the negative image formed around the Soviet Union in American popular culture during the Cold War period [30, p. 72]. The latter is accomplished by the exploitation of the corresponding system of images and perception stereotypes, accepted and replicated by the Russian cultural elite back in the late 1980s and early 1990s. It is about an aggressor country with an expansionist orientation under the rule of an authoritarian regime. Its socio-political model significantly diverges from ideological declarations. However, this does not prevent the use of official ideology as an effective tool for controlling the behavior of the masses. Even having technological superiority does not allow the USSR to challenge the economic leadership of the United States. Moreover, the dependence of the Soviet Union on economic ties with the West is critically significant.

At the same time, it should be noted that the image of the USSR created in the game still cannot be completely identified with the American construct of the Cold War period. Probably for the sake of creating a unique game world (i.e., for commercial reasons), the developers actively exploit the aesthetics of the Soviet period,

reproducing it in a "vintage" key down to the smallest household details. Due to this, the image of the Soviet Union acquires external attractiveness (ensuring the consolidation of the players' interest in the project), which significantly distinguishes it from analogues formed in the American popular culture of the Cold War period.

Political motives are unlikely to have influenced the negative portrayal of the USSR in the game. Firstly, the game as a product was focused primarily on Western markets and therefore was built taking into account the perceptions and attitudes of the main target audience. Secondly, modern video games in general are characterized by an emphasis on deconstructing positive images of the past or future (it is enough to recall the games of the Bioshock franchise or the Cyberpunk 2077 project). Thirdly, it is important to take into account that the image of the USSR, including in the context of the history of the Cold War, was actively stigmatized in modern Russian culture, as a result of which the negative image of the Soviet Union began to be perceived by many representatives of the cultural establishment of the Russian Federation as "natural" and authentic.

In general, we can conclude that the image of the USSR in the game will contribute to the consolidation of negative stereotypes previously formed by mass culture among Western gamers.

Instead of an afterword. As the author of the article, I understand the controversial nature of some conclusions regarding the assessment of the degree of influence of the "Atomic Heart" video game on the formation of images of the USSR among US gamers. That is why I invite all those who have already passed the game "Atomic Heart" to apply for participation in in-depth interviews (see Figure).

a

b

Figure. QR-code to apply for an interview and get brief information about the study:

a – in Russian; b – in English

NOTE

¹ This work was supported by the Russian Science Foundation under Grant № 22-18-00305, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00305/>, “The images of enemy in Cold War popular culture: their content, contemporary reception and usage in Russian and U.S. symbolic politics”, Herzen University.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00305, <https://rscf.ru/project/22-18-00305/>, «Образы врага в массовой культуре Холодной войны: содержание, современная рецепция и использование в символической политике России и США», РГПУ им. А.И. Герцена.

REFERENCES

1. Ash J. Emerging Spatialities of the Screen: Video Games and the Reconfiguration of Spatial Awareness. *Environment and Planning A*, 2009, no. 41 (9), pp. 2105-2124.
2. Assman Ja. *Kulturnaja pamjat. Pismo, pamjat o proshlom i politicheskaja identichnost v vysokih kulturah drevnosti* [Cultural Memory. Writing, Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Moscow, Jaz. slav. kultury Publ., 2004. 363 p.
3. Bastid R. Kollektivnaja pamjat i sociologija brikolazha [Collective Memory and the Sociology of Bricolage]. *Sociologicheskij ezhegodnik* [Sociological Yearbook], 1970, no. 3, pp. 94-115.
4. Beglarjan G.A. Transformacija tradicionnyh cennostej v sovremennyh videoigrah [Transformation of Traditional Values in Modern Video Games]. *Filosofskie voprosy estestvoznaniya i tehniceskikh nauk: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [Philosophical Questions of Natural Sciences and Technical Sciences. Proceedings of the International Scientific Conference]. Rostov, Juzhnyj feder. un-t, 2014, pp. 329-332.
5. Beljancev A.E., Gershtejn I.Z. Obraz strany cherez kompyuternuju igru: istoriko-politicheskij aspekt [The Image of the Country Through a Computer Game: Historical and Political Aspect]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod], 2010, no. 6, pp. 279-283.
6. Caregorodceva A.A., Safronova A.I. Formirovanie interesa k mirovoj istorii s pomoshhyju kompyuternyh igr (na primere serii igr Assassin's Creed) [Formation of Interest in World History with the Help of Computer Games (On the Example of the Assassin's Creed Game Series)]. *Nauka i obrazovanie: sohranjaja proshloe, sozdajom budushhee: sb. st. X Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 3 ch.* [Science and Education: Preserving the Past, Creating the Future. Collection of Articles of the 10th International Scientific and Practical Conference. In 3 Pts.]. Penza, Nauka i Prosveshhenie (IP Guljaev G.Ju.) Publ., 2017, pp. 144-146.
7. Caregorodceva A.A., Safronova A.I. Mirovaja kultura cherez prizmu igry The Witcher 3: Wild Hunt [World Culture Through the Prism of The Witcher 3: Wild Hunt]. *Nauka i obrazovanie: sohranjaja proshloe, sozdajom budushhee: sb. st. XIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 3 ch.* [Science and Education: Preserving the Past, Creating the Future. Collection of Articles of the 13th International Scientific and Practical Conference. In 3 Pts.]. Penza, Nauka i Prosveshhenie (IP Guljaev G.Ju.) Publ., 2017, pp. 280-282.
8. Chernyj S.Ju. Konstruirovanie proshlogo v videoigrah: igrok kak potrebitel i soavtor istoricheskogo narrativa (proekt “Europa Universalis IV”) [Constructing the Past in Video Games: The Player as a Consumer and Co-Author of the Historical Narrative (“Europa Universalis IV” Project)]. *Shagi* [Steps], 2017, vol. 3, no. 2, pp. 87-97.
9. Djurkgejm Je. *O razdelenii obshhestvennogo truda. Metod sociologii* [The Division of Labor in Society. Method of Sociology]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 575 p.
10. Efremov V.G., Slominskaja E.V. Obuchenie istorii s pomoshhyju kompyuternyh igr [Teaching History with the Help of Computer Games]. Sukiasjan A.A., ed. *Sovremennaja nauka: teoreticheskij i prakticheskij vzgljad: sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Modern Science: Theoretical and Practical View. Collection of Articles of the International Scientific and Practical Conference]. Ufa, Ajeterna Publ., 2015, pp. 107-110.
11. Fedorchenko S.N. Interpretacija sobytij Velikoj Otechestvennoj vojny v kompyuternyh igrah: riski i perspektivy legitimacii rezhima cherez politiku pamjati [Interpretation of the Events of the Great Patriotic War in Computer Games: Risks and Prospects of Regime Legitimation Through the Policy of Memory]. *Postsovetskie issledovanija* [Post-Soviet Studies], 2020, vol. 3, no. 5, pp. 427-438.
12. Fedorchenko S.N., Karljavina E.V., Tedikov D.O., Markarjan R.A., Tesljuk K.V. Nekotorye itogi sociologicheskogo issledovanija «Kompjuterne igry i politika pamjati» [Some Results of the Sociological Study “Computer Games and the Politics of Memory”]. *Zhurnal politicheskikh issledovanij* [Journal of Political Studies], 2020, no. 2, vol. 4, pp. 90-105.
13. Fedorchenko S.N., Tedikov D.O., Tesljuk K.V., Markarjan R.A. Faktor kompyuternyh igr v realizacii politiki pamjati [The Factor of Computer Games in the Implementation of the Policy of Memory]. *Prepodavanje istorii i obshhestvoznaniya v shkole*

[Teaching History and Social Studies at School], 2020, no. 3, pp. 39-47.

14. Furman D., Musgrave P. Synthetic Experiences: How Popular Culture Matters for Images of International Relations. *International Studies Quarterly*, 2017, vol. 61, iss. 3, pp. 503-516.

15. Halbvaks M. Socialnye ramki pamjati [Social Framework of Memory]. Moscow, Novoe izd-vo, 2007. 345 p.

16. Iglin D.A. Videoigry kak tehnologija politicheskoj kommunikacii [Video Games as a Technology of Political Communication]. *Sborniki konferencij NIC Sociosfera* [Collections of Conferences of the Research Center Sociosphere], 2015, no. 10, pp. 52-54.

17. Ivanov A.G. Kompyjuternye igry v obuchenii istorii [Computer Games in Teaching History]. *Obshchestvo: sociologija, psihologija, pedagogika* [Society: Sociology, Psychology, Pedagogy], 2019, no. 3 (59), pp. 134-138.

18. Jul J. Rasskazyvajut li igry istorii? Kratkaja zametka ob igrakh i narrativah [Do Games Tell Stories? Brief Note About Games and Narratives]. *Filosofsko-literaturnyj zhurnal Logos* [Philosophical and Literary Journal Logos], 2015, vol. 25, no. 1 (103), pp. 61-78.

19. Jushhalkina V.V. Eksplikacii etnicheskikh stereotipov v anglojazychnyh videoigrah [Explications of Ethnic Stereotypes in English-Language Video Games]. *Aktualnye voprosy i perspektivy razvitiya gumanitarnyh nauk: sb. nauch. tr. po itogam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Topical Issues and Prospects for the Development of the Humanities. Collection of Scientific Papers Following the Results of the International Scientific-Practical Conference]. Moscow, 2017, pp. 30-32.

20. Kalmykov V.A. Obraz Rossii i industrija kompyjuternyh igr [Image of Russia and the Industry of Computer Games]. *Kommunikativnye platformy dlja socialnyh i medijnyh innovacij: materialy I Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Communication Platforms for Social and Media Innovations. Proceedings of the 1st International Scientific and Practical Conference]. Moscow, Akademija mediaindustrii, 2014, pp. 87-91.

21. Kalmykov V.A. Videoigry i patriotizm: virtualnye ekstrasocialnye praktiki v formirovanii obraza Rossii [Video Games and Patriotism: Virtual Extrasocial Practices in Shaping the Image of Russia]. *Vestnik RGGU. Serija: Politologija. Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie* [Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: Politology. Story. International Relationships. Foreign Regional Studies. Oriental Studies], 2014, no. 1, pp. 296-301.

22. Kostrova S.V., Markuhova Ja.O. Russkie personazhi v narrativah kompyjuternyh igr [Russian

Characters in the Narratives of Computer Games]. *Kultura i tehnologii* [Culture and Technology], 2019, vol. 4, no. 4, pp. 204-213.

23. Lawler J., Smith S. Reprogramming the History of Video Games: A Historian's Approach to Video Games and Their History. *International Public History*, 2021, vol. 4, no. 1, pp. 47-54.

24. Marenich N.A. Hudozhestvennye prijomy postroenija otkrytogo proizvedenija v videoigrah [Artistic Techniques for Constructing an Open Work in Video Games]. *APRIORI. Serija: Gumanitarnye nauki* [APRIORI. Series: Humanities], 2014, no. 1, pp. 1-14.

25. Mead C. *War Play: Video Games and the Future of Armed Conflict*. Boston, Eamon Dolan/Houghton Mifflin Harcourt, 2013. 208 p.

26. Melissinos C. *The Art of Video Games: From Pac-Man to Mass Effect*. New York, Welcome Books, 2013. 215 p.

27. Nora P. *Present, Nation, Memoire*. Paris, GALLIMARD, 2011. 432 p.

28. Novikova O.N. Virtualnaja igra kak sredstvo formirovanija lichnostnoj identichnosti detej i podrostkov [Virtual Game as a Means of Forming the Personal Identity of Children and Adolescents]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical Education in Russia], 2014, no. 2, pp. 146-151.

29. Reprinceva E.A. Evoljucija sovremennoj igrovoj kultury molodezhi [The Evolution of Modern Gaming Culture of Youth]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie* [Society. Environment. Development], 2007, no. 1, pp. 49-70.

30. Ryabov O.V., Belov S.I., Davydova O.S. et al. «Vrag nomer odin» v simvolicheskoj politike kinematografij SSSR i SShA perioda holodnoj vojny [“Enemy Number One” in the Symbolic Politics of the Cinematographies of the USSR and the USA During the Cold War]. Moscow, Aspekt Press, 2023. 400 p.

31. Skurlatova E.D. Filosofija vojny i ee voploshhenie v kompyjuternyh igrakh [Philosophy of War and Its Embodiment in Computer Games]. *Homo holistic: chelovek celostnyj: sb. nauch. st. prepodavatelej kafedry filosofii JuUrGU, studentov, magistrantov i aspirantov vuzov* [Homo holistic: A Person Is a Holistic Collection of Scientific Articles by Teachers of the SUSU Department of Philosophy, Students, Undergraduates and Postgraduates of Universities]. Cheljabinsk, 2015, pp. 197-202.

32. Verch T. Neskonchaemaja vojna s otgoloskami i prizrakami: kollektivnaja pamjat, nacionalnaja identichnost i novyj frontir amerikanskih filmov i videoigr [Endless War with Echoes and Ghosts: Collective Memory, National Identity, and the New Frontier of American Movies and Video Games]. *Istoricheskaja ekspertiza* [Historical Expertise], 2019, no. 4 (21), pp. 25-41.

33. Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N. Cifrovye stigmaty kak instrument manipuljacii massovym

soznaniem v uslovijah sovremennogo gosudarstva i obshhestva [Digital Stigmata as a Tool for Manipulating Mass Consciousness in the Conditions

of the Modern State and Society]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological Research], 2018, no. 11 (415), pp. 117-123.

Information About the Author

Sergey I. Belov, Doctor of Sciences (Politics), Associate Professor, Department of Russian Politics, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, 119991 Moscow, Russian Federation; Grant Executor, Herzen University, reki Moiki Emb., 48, 191186 Saint Petersburg, Russian Federation, belov2006s@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1464-040X>

Информация об авторе

Сергей Игоревич Белов, доктор политических наук, доцент кафедры российской политики, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, 119991 г. Москва, Российская Федерация; исполнитель по гранту, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. реки Мойки, 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, belov2006s@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1464-040X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.4>

UDC 94:77.09

LBC 63.3(0)63:85.16

Submitted: 13.08.2023

Accepted: 14.10.2023

“A RUSSIAN JOURNAL” BY JOHN STEINBECK AND ROBERT CAPA: “US” AND “THEM” IN PHOTOGRAPHS ¹

Olga S. Davydova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation;
Herzen University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to the analysis of the images of “us” and “them” in the photographs of Robert Capa on the pages of “A Russian Journal,” the text of which belongs to John Steinbeck. Containing both explicit and implicit markers of otherness, this text is an early example of nascent Cold War discourse. *Methods and materials.* Using methods of media and visual studies as well as photograph theory, the author of the article considers “A Russian Journal” as a single media text. Its specificity lies in the interaction of two media within it: visual (photo) and verbal (text). *Analysis.* The author of the article traces how the meaning of the images arises from their connection with text and how the presence of the images affects the whole narrative of “A Russian Journal.” The photographs here function on two levels. First, they certify the sincerity of the writer, as Capa is represented as an observer, and the very function of the photograph-document is informational. Second, the very presence of a camera is considered a threat and means power. The photographs construct the meaning of reality and implicitly become an instrument to reveal the differences between the two powers, the USSR and the USA. *Results.* The photographs, as a discursive element of “A Russian Journal,” mark an insurmountable barrier between the two countries. The specifics of photographic media and the discourse built around this media influence the creation of the image of the “other”, which turns out to be a potentially dangerous “alien”.

Key words: Cold War, photograph, “A Russian Journal”, Robert Capa, “us”, “them”.

Citation. Davydova O.S. “A Russian Journal” by John Steinbeck and Robert Capa: “Us” and “Them” in Photographs. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 1, pp. 34-43. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.4>

УДК 94:77.09

ББК 63.3(0)63:85.16

Дата поступления статьи: 13.08.2023

Дата принятия статьи: 14.10.2023

«РУССКИЙ ДНЕВНИК» ДЖОНА СТЕЙНБЕКА И РОБЕРТА КАПЫ: «СВОИ» И «ЧУЖИЕ» В ФОТОГРАФИЯХ ¹

Ольга Сергеевна Давыдова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена анализу образов «своих» и «чужих» в фотографиях Роберта Капы на страницах «Русского дневника», текст которого написан Джоном Стейнбеком. Этот текст, содержащий как эксплицитно выраженные, так и имплицитные маркеры инаковости, является ранним примером зарождающегося дискурса холодной войны. *Методы и материалы.* Используя методы теории медиа- и визуальных исследований, а также теорию фотографии, автор статьи рассматривает «Русский дневник» как единый медиатекст. Специфика «Русского дневника» заключается во взаимодействии внутри него двух медиа: визуального (фото) и вербального (текст). *Анализ.* Автор статьи прослеживает, как смысл образов возникает из их связи с текстом и как наличие образов влияет на повествование «Русского дневника» в целом. Фотографии в этом произведении функционируют на двух уровнях. С одной стороны, они удостоверяют

искренность писателя, поскольку Капа на страницах «Дневника» описан как репортер-наблюдатель, а сама функция фотографии-документа в значительной степени сводится к логике информирования. С другой стороны, само присутствие камеры в тех локациях, которые посещают авторы «Дневника», рассматривается как угроза и маркирует власть. Фотографии конструируют смысл реальности и имплицитно становятся инструментом выявления различий между двумя державами – СССР и США. *Результаты.* Фотографии как дискурсивный элемент «Русского дневника» маркируют постепенное установление непреодолимого барьера между двумя странами. Специфика фотографии как медиа и выстроившийся вокруг нее дискурс влияют на создание образа «другого», который оказывается потенциально опасным «чужим».

Ключевые слова: холодная война, фотография, «Русский дневник», Роберт Капа, «свои», «чужие».

Цитирование. Давыдова О. С. «Русский дневник» Джона Стейнбека и Роберта Капы: «свои» и «чужие» в фотографиях // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 1. – С. 34–43. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.4>

Introduction. “A Russian Journal,” which became the result of John Steinbeck and Robert Capa’s trip to the USSR in August–September 1947, has been the subject of much research by historians, literary critics, and political scientists. The main issues discussed in relation to “A Russian Journal” are generally understandable: this is Steinbeck’s claim to objectivity (it is rare that an article about this travelogue does without a quote in which Steinbeck declares his desire to “write it as it happened, day by day, experience by experience, and sight by sight, without departmentalizing” [14, p. 40]; this is the image of the USSR as the “other”, created by two Americans [9]; and these are studies related to the discourse of control constructed in the process of creating “A Russian Journal” [16]. However, most of these studies focus on the figure of John Steinbeck and his text; photographs by Robert Capa appear in the articles solely as illustrations of Steinbeck’s notes. An exception is, for example, the work of Katherine Reischl, “Photographic Literacy: Cameras in the Hands of Russian Authors”: its author is interested in the interaction of two media within the framework of one work, the intersection between the optical and verbal modes of creating an image of the “other” [10].

Given Steinbeck’s interest in the story of the journey rather than the news that informs the logic of reporting, it is worth noting that the narrative of “A Russian Journal” unfolds simultaneously in two media environments. Modern narratology recognizes that the specificity of the media environment “imposes conditions on what kind of stories can be transmitted” [12]. From this perspective, the photographs of Robert Capa,

incorporated into Steinbeck’s text, obviously require attention not only from the semiotic perspective (as signifiers of the text), but also within the framework of their own medium-specificity. Such an interdisciplinary approach makes it possible to take a different look at the famous “Russian Journal” and describe the formation of images of “us” and “others” based on the role, functions, and specifics of photographs and not only of text. Since these pictures do not exist separately from the words that accompany them, achieving this goal is possible only within the framework of the interdisciplinary approach described above. The meaning of Capa’s photographs requires contextualization, both within the framework of Steinbeck’s text and within the framework of a conversation about the specifics of photography as a special way of representation. Accordingly, within the framework of the study, it is necessary to describe the functions of the photographs within the structure of “A Russian Journal,” analyze their visual specificity, as well as their connection with the text, and, based on the work done, draw conclusions about where and how “A Russian Journal” as an integral media text draws the boundary between “us” and “them”. In order not to confuse the reader in terms, the literary part of the “Journal” will be referred to as “text”, the visual part as “photo”, and all together will be called “media text”.

Methods and materials. As mentioned in the introduction, the purpose of the article largely dictates research optics. Since the main material of the study is, in fact, “A Russian Journal” itself as an integral media text, for its examination, we propose to use the method of discourse analysis.

As part of this work, we will need the following methodological steps: to restore the theoretical understanding of photography as a special way of representation in the first post-war decades; and to describe the mechanics of the narrative in light of its existence in visual and verbal media environments. An analysis of narrative implies that we take into account not only the very story told by John Steinbeck and shown by Robert Capa but mostly its structure based on the interaction of two media. Thus, we are interested in what is embedded in the narrative and what is implied by the way the book is structured.

This will enable us to offer the reader a methodological frame, with the help of which, in the next section, the analysis of Robert Capa's photographs on the pages of "A Russian Journal" will be carried out.

The photograph itself hardly has any clear meaning; the latter is formed either at the level of connotations [1] or through montage with other images (as in the case of a photo series or photo essay); or, as the theoretician Vilém Flusser argues, a photograph acquires meaning at the moment when it enters the distribution channel, and it will depend on this very distribution channel. For example, "the photograph of the moon landing... with each switch-over to another channel, takes on a new significance: The scientific significance crosses over into the political, the political into the commercial, the commercial into the artistic" [4, p. 62]. Flusser's indication is fundamentally important for us: the meaning of Capa's photographs is given and supported by the text, but at the same time, the text also uses these photographs as its support. In order to answer the question of the discursive function of the photographs in "A Russian Journal," it is worth first understanding the mode of photographic representation that is characteristic of the mid-twentieth century in general and of Robert Capa in particular.

Undoubtedly, a trail of authenticity stretches behind the photographic image from the moment of its very appearance. With the development of technology, the increasing clarity of the picture, the reduction of exposure time, and the advent of circulation printing, the photograph is assigned the function of documenting the event, which inevitably entails a connotation of truthfulness. Meanwhile, despite the seemingly obvious ability

of a photograph to convey reality as it is, photography is far from being objective; rather, it is about the fact that with the development of this technology, a specific discourse is born – the discourse of the photographic. French photography theorist André Rouillé traces the evolution of this discourse from document to art. "The photographic image... is the production of a new (photographic) reality in the course of a process that combines the registration and transformation of something really given... When photography registers, it always transforms, builds, and creates" [11, pp. 86-87]. Hiding its own madeness (cropping, blurring of the focus, working with long-range and near-ground shots, highlighting elements through compositional choices), photography takes the place of a document confirming and certifying reality. The photographic image seems to be comprehensible to anyone; its language is universal and does not require translation; pictures can show us worlds that are distant or completely inaccessible to the human eye. Thus, photography becomes the guarantor of the coherence of the world, infinitely expanding and eluding human perception with the development of industrial society [11, p. 93]. This complex of ideas accompanying the evolution of photographic practices, the reception of the photographic image, and the understanding of the cultural and historical function of photography accumulates in the conceptual bundle "photography and truth", which underlies the functioning of reportage photography in the 20th century up to the Vietnam War. This is how the thesis of photographic truth appears, which, as André Rouillé aptly notes, "is... only the result of a belief that, at a certain moment in the history of the world and images, takes root in practices and forms supported by certain equipment" [11, p. 94].

Just a few months before the departure of Steinbeck and Capa to the USSR, on April 27, 1947, Robert Capa and Henri Cartier-Bresson established "Magnum" photo agency. The activity of Capa and Cartier-Bresson both within "Magnum" and before it (Capa entered the history of photography as a photojournalist and documentary filmmaker) demonstrates a certain understanding of photography as a document that crystallized in the first post-war decades. This period becomes the heyday of the photographic document and, at the same time, a

harbinger of its crisis and subsequent decline. Combining the appearance of the "Magnum" photo agency with the publication of Henri Cartier-Bresson's program text, "The Decisive Moment", in 1952, André Rouillé says that these two events mark the rise of information photography. Photography is considered "a factor of industrial and scientific progress, as a primary tool for information, and moreover, as a guarantor of truth, as a means of mastering the world. There is a world, albeit infinite, but quite real, accessible, cognizable and controlled by modern means, primarily photography" [11, p. 166].

Cartier-Bresson's "The Decisive Moment" does indeed mark a shift in understanding the connection between photography and reality, photographer and camera, and a photograph and truth. The main metaphor for photographer in Cartier-Bresson's text is referee [2, p. 28]. The importance of the referee metaphor lies not only in its externality to events but also in its position of power and control: it is the referee who makes the decisions. The world that a photographer equipped with a camera looks at is chaotic and disordered, but the photographer has the ability to see order in this world and fix this order. In this position of Cartier-Bresson, all those lines of tension that have conditioned the development of photo reportage merge together: the fact that the photograph has been taken and its aesthetic characteristics turn out not to contradict objectivity; on the contrary, they are derived from reality. The logic of informing here completely merges with the logic of the document and the idea of "truth": the very gesture of pointing the lens at reality becomes a fixation of the world as it is. But, as we remember from the beginning of this section, all this is just discourse.

So, in the text of "A Russian Journal," the visual media environment coexists with the verbal environment. Accordingly, before proceeding to the analysis of images and the mechanisms that are used to create images of "one's own" and "them", it is worth determining the relationships that these two environments enter into, providing a common field for a single narrative. This connection, as researchers show, is much broader than the simple contextualization of an image or an illustration of a text, and it does not come down to understanding the text as provoking mental images or the image as a signifier in relation

to the signified of the word [8]. In particular, Philippe Ortel notes that by the 1880s, literature, fascinated by the interest in mental processes, approaches the photographic way of interacting with reality; the camera becomes something like a "universal interpreter for describing man and his abilities" [3]. Photography morphs into a theoretical paradigm [7], a kind of cognitive optics that shapes both how we look at the world and how we talk about it, what we see in it, and how we interpret it. "Seeing things 'photographically' would mean identifying in the outside world configurations close to this device, nature not devoid of black boxes (caves and undergrowth, buildings), reflectors (lakes, floors, walls), and footprints (fingerprints, etc.)" [3]. If we also consider Capa's photographs as a photographic dimension of Steinbeck's text, Rouillet's reflections on the nature of photo reportage and documentary photography will apply both to the photographs and to the media text of "A Russian Journal" as a whole.

The photographs of Robert Capa in the "Journal" represent one of the levels of representation equal to the text. Their existence makes the text more "photographic", that is, included in the photographic discourse, which implies the paradigm of a photograph-document and the morality of reporting. It is in this optics that the reader is invited to consider the mechanisms of the formation of the image of "us" and "them" on the pages of "A Russian Journal."

Analysis. In the "Journal," the story of the beginning of the journey is described with a share of humor and irony, but the most important thing for us here is the following: this trip was not custom-made; it was the result of a very sincere – in any case, it is hard not to believe Steinbeck in his aspirations – desire of Steinbeck to find out what kind of people these Russians are, and not just to understand, but also "to make an honest report". They came up with this idea sitting in a New York hotel bar in March 1947: "...and it occurred to us that there were some things that nobody wrote about Russia, and they were the things that interested us most of all... We would avoid politics and the larger issues. We would stay away from the Kremlin, from military men and from military plans. We wanted to get to the Russian people if we could" [14, pp. 34-35]. In August, the writer and the photographer began their journey.

Steinbeck immediately declares that politics was not part of his or Capa's mission. It is difficult to imagine that, though. The text of "A Russian Journal" is inevitably political, if only because it constantly works with ideological maxims and cultural stereotypes that are obviously the product of symbolic politics.

Moreover, the visit of two Americans to the USSR in 1947 is, of course, a political event. As the researchers point out, the trip to the USSR was not something exotic for Capa: he worked with Ilya Ehrenburg during the Spanish Civil War [10, p. 193]; for ten years he applied, waited, and reapplied for a visa to the Soviet Union, and was finally able to obtain it as a companion of Steinbeck [5, p. 57].

Responsibility and control over the presence of Americans in the USSR were entrusted to the American department of the All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries (VOKS). The VOKS materials devoted to the visit of Steinbeck and Capa have been published [16], as well as the impressions of the direct participants in this process from the Soviet side: memoirs of the head of the American department of the VOKS, Iliia Khmarskii [6]; an interview with the deputy chairman of the VOKS, Aleksandr Karaganov; and an interview with the junior staffer of the American department, Svetlana Litvinova (in the "Journal," she is usually mentioned as Sweet Lana) [15]. Analyzing these materials, Liia Zhdanova concludes: "Steinbeck, who insistently wanted to see the essence of the Russian people in ordinary people 'Ukrainian collective farmers (who were prepared in advance for the meeting with the Americans through the efforts of the VOKS staff) or a Georgian chauffeur (who was in fact an employee of the state security service)' in most cases dealt with a skillfully staged illusion" [16, p. 11]. The study of these documents "gives a more complete picture of... what meaning – for both the American and the Soviet side – was carried by the setting in which Steinbeck and Capa met with the Soviet people, and, finally, thanks to and in spite of what the idea of Steinbeck's "Russian Journal" took on its final form" [16, p. 11].

For us, the question of the authenticity or illusory nature of the image is not fundamental. It does not matter whether the collective farmers were indeed happy and the tables were bursting

with abundance; our aim is to focus on the discursive mechanisms through which the "Journal," as an integral media text, presents its reader with images of "us" and "them". At first, it is therefore worth understanding not so much the images themselves but rather how photography is perceived in the context of "A Russian Journal" and what discourse it produces.

"A Russian Journal" declares its own non-politicality to be extremely political. Actually, this duality is, in many respects, the determining factor of this media text. On the one hand, Steinbeck offers the reader the position of a naive observer, honest and interested in the unbiased reality of onlookers. This position is furthered by his comic digressions about Capa, who is constantly worried about the tape [14, p. 118], takes a bath for an hour [14, pp. 125-126], or irretrievably borrows books from American correspondents living in Moscow [14, p. 126]. The same position is promoted by emotional inserts that offer us a human author, a subject with a body and emotions – suffering from stuffy airports, tired of overeating at Ukrainian feasts, or sweltering in the Batumi sun. Both Steinbeck and Capa appear on the pages of the "Journal" as characters with striking psychological traits. From this point of view, their main message, which now and then manifests itself in the text, is the thesis of equality: the inhabitants of the USSR are the same people as we are. They also eat, dress, and struggle with external circumstances such as bureaucracy or domestic troubles. It should also be noted that Steinbeck and Capa themselves almost never appear in photographs on the pages of "A Russian Journal."

The implicit thesis of equality is largely a response to the stereotypes already formed by the symbolic and ideological politics of the Cold War. Steinbeck details how they were all scared before leaving: "They'll just take you into a black prison and they'll torture you. They'll twist your arms and they'll starve you until you're ready to say anything they want you to say" [14, p. 38]. It is in response to these fears that the journey is undertaken. From such a position, "us" and "them" are more likely to be separated along the vertical of power.

Throughout the text, Steinbeck repeatedly emphasizes and separates himself, Capa, the

inhabitants of the USSR on the one hand, and politicians and those in power on the other hand. "Any leader on any side who seriously proposed war should be hunted down as an insane criminal and taken out of circulation. Capa has seen a great deal of war, and I have seen a little, and both of us feel very strongly on the subject" [14, p. 273].

The best way to support the thesis of equality is through the photographs taken on the collective farm named after Shevchenko and in Georgia. In these photographs, we see people smiling and laughing while they gather crops [14, pp. 132-133], dancing barefoot in the farm club [14, p. 157], and sitting at the table in their best clothes [14, p. 139]. They are people living in peace and harmony with nature: the boy in a handmade grass hat [14, p. 131] and the beekeeper appearing on the background of a tree branch [14, p. 134]. Their work is not separate from their lives, and this is where their strengths belong. It is here that we see the manifestation of the potential of the moral photo essay, as Cartier-Bresson described, and the logic of the "decisive moment" comes into play. Not only do these photographs illustrate Steinbeck's words, but they also verify them. By their appearance on the pages of the book, these pictures turn the text of a subjective observer into a statement of truth.

Note, incidentally, that initially Steinbeck's travel notes (there were eighteen of them) were published from January 14 to 31, 1948, in the New York Herald Tribune, which sponsored Steinbeck and Capa's trip to the USSR [5, p. 50]. When Steinbeck's notes were published in book form by Viking Press in April of that year, "many critics seem to find Capa's photographs the more attractive element of the book, displeasing the author and resulting in a temporary cooling of the friendship between the two men" [13, pp. 96-97]. Despite this remark, it is worth noting that the photographs of Capa in "A Russian Journal" do not look like a uniform array. Most often, researchers separate the Moscow series from the series filmed on the Ukrainian collective farm and in Georgia; works from Stalingrad stand apart. It is quite expected that Capa's photographs are most often considered in the context of Cartier-Bresson's "decisive moment" ideas and within the framework of the standards of the Magnum agency: "By the standards set by his Magnum generation for capturing the

'decisive moment,' Capa's Moscow portfolio failed. The pictures were boring... The inner life of Moscow, as far as it existed, was barred to him. ...In the outer republics, Capa's pictures... took on renewed life as well. ...His work regained the vitality and life so missing from his Moscow portfolio" [5, pp. 57-59].

Thus, on the one hand, photographs by Robert Capa, especially those from Ukraine and Georgia, work to support the thesis that the inhabitants of the USSR are the same people as everywhere else; on the other hand, Steinbeck still does not deny himself the opportunity to draw a waterline between the USSR and the USA – let us say, horizontally – and determine to treat the inhabitants of the USSR, albeit as equals but still different.

If reflections on the similarity of Soviet people to people in general fit into the mainstream of Steinbeck's general humanistic ideas, then the theses on otherness and differences are the place where his critical position is manifested. This position is not so much towards the USSR as towards modern reality as a whole. Steinbeck himself says this in his "Journal": "...in the Soviet Union the writer's job is to encourage, to celebrate, to explain, and in every way to carry forward the Soviet system. Whereas in America, and in England, a good writer is the watch-dog of society" [14, p. 240].

Recovering the story of Steinbeck's journey, Zachary Jonathan Jacobson notes: "And underlying his search for the 'truth' about Russia was a quest to escape the inauthenticity of his own land. 'Depressed', Steinbeck recoiled at the ideologies fed to him by a modernized society" [5, p. 53].

Of course, in Steinbeck's remarks, one can see both implicit value judgments and emotional coloring, but Steinbeck hardly thinks of the inhabitants of the USSR as enemies; the Soviet people in the "Journal" are not "strangers," but precisely "them," "others." For example, the writer emphasizes a different attitude towards power: "The Russians are taught, and trained, and encouraged to believe that their government is good. ...The deep emotional feeling among Americans and British is that all government is somehow dangerous... that existing government must be... watched and criticized to keep it sharp and on its toes" [14, p. 67].

Steinbeck is also impressed by the difference in the perception of elements of everyday culture: “We lean toward mascara and eye-shadow. We like swing music and scat singing, and we love the pretty legs in a chorus line. These were all decadent things to Sweet Lana. These were the products of decadent capitalism” [14, p. 75]. In these fragments, he himself becomes an excellent mouthpiece for the same stereotypes that he initially sought to debunk.

Photography also works with this “otherness”. In this context, the camera on the pages of “A Russian Journal” becomes both a metaphor and a marker of a barrier, a border that is difficult to cross. This complexity is connected with the specificity of the photographic media, with its ability to be an instance of sight and control – and therefore to possess power and therefore the ability to generate fear. The idea of the power of the gaze is expressed almost directly in the text: “Nothing in the Soviet Union goes on outside the vision of the plaster, bronze, painted, or embroidered eye of Stalin” [14, p. 98]. So, how does this (seemingly unconscious, but rather belonging to the discursive field) metaphor of the photographic eye unfold? How does photography relate to the creation of an image of the “other”?

To begin with, they did not want to let Capa into the USSR, citing the presence of their own photographers in the Soviet Union as the reason. “The camera is one of the most frightening of modern weapons, particularly to people who have been in warfare, who have been bombed and shelled, for at the back of a bombing run is invariably a photograph” [14, p. 36]. This fear of the American photographer marks, among other things, the increased importance of visual media and an intuitive understanding of the possibility of looking at “us” and “them”. The fear of a “foreign” photographer is a fear of other people’s eyes, which will take ideologically “unfavorable” pictures not at all because they “smuggle” unnecessary connotations into them, but they will “see” reality differently and capture this very vision. This position directly reproduces the theses of Rouillé, who constantly reminded us that photography never captures the world “as it is,” but creates its own interpretation. This “foreigner gaze” is actually manifested in one of the first pictures appearing in the book: the view of a

Moscow street taken definitely from a window, as if on the sly [14, p. 60].

At the same time, the very presence of Capa with a camera turns out to be impossible in a number of places. In particular, in Georgia he is not allowed to film hydroelectric power plants; upon arrival in Moscow, he has to wait a long time for permission to go outside with his camera, and then twice in different districts of Moscow to explain to the police why he can shoot there. Finally, the censors confiscated some of the tapes from Capa. “They had removed films that showed too much topography, and the telephoto picture of the mad girl of Stalingrad was gone, and the pictures which showed prisoners” [14, p. 313]. Of course, “A Russian Journal” immediately indicates that the Cold War is primarily an ideological war fought in the media field. That is why the appearance of Steinbeck and Capa as characters (living people) should reduce the intensity of the ideological struggle. However, despite their intention to understand how people actually live in the USSR, the “Journal” as a media text still implicitly contains a number of key symbolic markers of the Cold War. These are, in particular, differences in cultural policy, different value systems, and different attitudes towards power, which are expressed in the text. Strangeness gradually replaced otherness and became potentially dangerous just in connection with the presence of the photographer, provoking fears of stranger invasion. The desire to hide the true reality from the guests [16, p. 10], described in the memoirs of the VOKS representatives, also marks the distinction between Soviet and American citizens as “us” and “them”.

Now that we have considered the photographic discourse, it is worth turning to the images themselves and their aesthetic qualities in order to answer the question of how the images fit into the mechanics of creating images of “us” and “them” in terms of content. Although Capa’s photographs can hardly be described as uniform or stylistically similar, there are several cross-cutting themes, motifs, and characteristic aesthetic solutions in this body of work. Without claiming to be complete, we note only those of them that are related to the construction of the image of “us” and “them” through photography. The first such motif is time: the connection between the present, the past, and the future.

In the media text of "A Russian Journal," the past of the USSR is the war. The future is the restoration and normalization of life. The present is what provides the connection between the two layers. For example, there is a photograph from a Ukrainian collective farm, which was later included in the famous exhibition "The Family of Man" (Museum of Modern Art, USA, 1955, curator Edward Steichen). In the picture, a man and a woman are putting up rafters for the roof of a village house; the photo was taken on the collective farm Shevchenko-1 [14, p. 142]. Katherine Reischl, who devoted a monograph to the interaction of photography and words in the texts of Soviet authors (Steinbeck's "A Russian Journal" for her creates an important historical perspective as a text about the Soviet Union using photography), shows how the meaning of a picture depends on the context. Within Steichen's exhibition, it might symbolize prosperity. However, Steinbeck's text sets a slightly different context, reminding the reader that the modernity of Ukrainian peasants is evidence and a consequence of the devastation of the war. "The theme of rebuilding, replanting, and survival constantly reminds the reader of the war. The inclusion of these photographs in Steichen's architectural vision for "The Family of Man", however, turns them into just another part of his utopian building project – one making them part of Steichen's own idea for the photographic narrative" [10, p. 197].

The picture included in "The Family of Man" is accompanied by the following: "And he pointed to the two who were struggling with the heavy beams to build a roof, and he said, 'This winter those two will have a house for the first time since 1941. They must have peace, they want their house. They have three small children who have never had a house to live in. There cannot be in the world anyone so wicked as to want to put them back in holes under the ground. But that is where they have been living' " [14, p. 144]. The construction turns into fragility, prosperity takes on a shade of temporality, the shadow of the past marks the future, and the rafters directed to the sky seem to remind of the skeletons of ruined houses. Capa's photographs constantly capture this tension of memory from the first post-war years. For example, a picture from Stalingrad shows the city square with a non-working fountain.

In the center of it, there is a sculptural group of children circling in a round dance. The white sculpture contrasts with the dilapidated houses, darkened by shells, with black empty windows, making it appear even whiter [14, p. 186]. The war becomes one of the points of building an identity – at least in the form in which this identity is seen and restored by the authors of "A Russian Journal." A man in Stalingrad shows a family album to his children: he is taken in profile, looks at the photographs with a smile, the boy looks into the album with interest, and the girl listens to her father. "It was the whole history of his life, and all the good things that had happened to him. He had lost everything else in the war" [14, p. 208].

Another striking feature is the absence of names for the heroes of Capa's shots, even those taken close-up. The reader becomes aware, for example, of the name of the boy in the grass hat on the Shevchenko collective farm, but the collective farmer, the man with the family album, and the married couple lifting the rafters remain nameless. In addition to the fact that Capa and Steinbeck almost never mention the names of their heroes, the photographer rarely refers to eminent people. Almost the only "status" person on the pages of "A Russian Journal" is Colonel Denchenko, who tells the Americans about the siege of Stalingrad. The heroes of the rest of the pictures have no surnames and often no names, and the captions mark them as part of the landscape, as "typical." Country and personality here seem to merge together. On the one hand, Capa's reporting strategy points to a rejection of the photojournalism customary for the 1930s and 1940s, which relied on fixing priority events and authoritative characters. On the other hand, there is hardly any real turn to subjectivity here; these characters are not individualized but serve as markers of general trends.

As we remember, the inclusion of a static image in a text enables it to acquire the qualities of a temporal object – not only to fix the moment but also to demonstrate the potential for unfolding into the past and future. In addition to the frequent combination of time layers of the past and the future in the foreground and background (as in the photographs from Stalingrad), Capa's photographs have a narrative due to the

relationship between the characters and the landscape. Actually, this is the notorious image of the country that the authors of the “Journal” set out to create.

Results. The article has shown that in the context of distinguishing between “us” and “them,” “A Russian Journal” as an integral media text functions on several discursive levels. The specificity of the photographic medium, perceived as “truthful,” but in fact not so, supports Steinbeck’s explicit intention to be an honest and unbiased travelogue writer. The fusion of the figure of an impartial observer of reality and the photographer-author, who has power over a chaotic world, creates the conditions for indistinguishability between how photography actually works and how it is perceived (photographic discourse). Thus, Capa’s photographs in “A Russian Journal” function in two ways, and the division into “us” and “them” can be seen on two levels. Capa’s reportage photographs support Steinbeck’s intention to maintain impartiality and verify his impression of the USSR, not so much by their aesthetic qualities as by the very fact of their own photographic quality.

The humanistic idea of equality between peoples is explicitly expressed through the positions “we are the people” and “they are the rulers.” However, both Steinbeck and Capa implicitly maintain a distance in their photographs in relation to their heroes, at times marking points of misunderstanding and reproducing the very stereotypes that they themselves wanted to debunk. This also implies the existence of a strong authorial position, which can be eliminated neither from the text nor from the photographs. Moreover, the appearance of a photographer, camera, or film on the pages of the “Journal” is often associated with fears of the gaze of a stranger, which makes it possible to speak of a periodic shift of markers of otherness towards markers of alienation.

Explicitly in “A Russian Journal,” there are images of “others,” but implicitly, these are images of “strangers” that demonstrate the potential for future confrontation. The content of the images of otherness becomes the very elements that already play a key role in the formation of stereotypes about the early period of the Cold War. These stereotypes are based on differences

in the positions of representatives of the cultural industries, the codes of everyday and popular culture, and various economic policies. The identity of the Soviet person is constructed in the photographs of the Journal through the work of Capa with the temporal dimension of the photographic image. The starting point in the past was the war, and the past inevitably shaded and marked utopian construction projects (whether it be a house for a family or a building site in the truest sense of the word). Working with close-ups turns people more into symbolic markers than into personalities. Thus, the integral image of the “other” country is formed, and sometimes this country may seem dangerous even if this is not explicitly stated.

The research carried out within the interdisciplinary approach shows that to understand the Cold War and its mechanisms, one needs to address not only the meaning of imagery but also the discourse ruling the ways this imagery is produced, understood, and distributed. Of course, this research needs some extension. For instance, it is crucial to analyze readers’ reactions to the “Journal” in both the USA and USSR and to consider critical evaluations of the work in the mass media.

“A Russian Journal” can be included alongside other similar pieces created during both official and unofficial visits of American journalists, writers, and photographers to the USSR. Such examples include, to name a few, “The People of Moscow seen by Henri Cartier-Bresson,” published in 1955, or “Journey across Russia: the Soviet Union today,” by Bart McDowell and Dean Conger, issued in 1977.

NOTE

¹ This work was supported by the Russian Science Foundation under Grant № 22-18-00305, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00305/>, “The images of enemy in Cold War popular culture: their content, contemporary reception and usage in Russian and U.S. symbolic politics”, Herzen University.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00305, <https://rscf.ru/project/22-18-00305/>, «Образы врага в массовой культуре Холодной войны: содержание, современная рецепция и использование в символической политике России и США», РГПУ им. А.И. Герцена.

REFERENCES

1. Barthes R. Ritorika obraza [The Rhetoric of the Image]. *Izbrannye raboty: Semiotika, Poetika* [Selected Works: Semiotics, Poetics]. Moscow, Progress Publ., 1989, pp. 297-318.
2. Cartier-Bresson H. *Voobrazhaemaia realnost. Esse* [Imaginary Reality]. Saint Petersburg, Limbus-Press, 2013. 128 p.
3. Edelman N. Philippe Ortel, La littérature à l'ère de la photographie. Enquête sur une révolution invisible. *Revue d'histoire du XIXe siècle*. DOI: <https://doi.org/10.4000/rh19.393>
4. Flusser V. *Za filosofiiu fotografii* [Towards a Philosophy of Photography]. Saint Petersburg, Saint Petersburg University Publishing House, 2008. 146 p.
5. Jacobson Z.J. A Russian Journal: John Steinbeck's Quixotic Quest to the Soviet Union. *The Steinbeck Review*, 2016, vol. 13, no. 1, pp. 50-65.
6. Khmarskii I. Mesiats s Dzhonom Steinbekom [A Month with John Steinbeck]. *Volga-Saratov*, 1991, no. 4, pp. 156-176.
7. Krauss R. Zametki ob indeksie [Notes on the Index]. *Podlinnost avangarda i drugie modernistskie mify* [The Originality of the Avant-Garde and Other Modernist Myths]. Moscow, Khudozhestvennyi zhurnal Publ., 2003, pp. 201-224.
8. Ortel P. *La littérature à l'ère de la photographie. Enquête sur une révolution invisible*. Nîmes, Éditions Jacqueline Chambon, coll. "Rayon Photo", 2002. 382 p.
9. Poliakov O., Poliakova O. Osobennosti retseptsii i reprezentatsii «Drugogo» v «Russkom dnevnike» Dzh. Steinbeka [“The Other” in A Russian Journal by John Steinbeck: Specificity of Reception and Representation]. *Filologiya i kultura* [Philology and Culture], 2019, no. 2 (56), pp. 184-189.
10. Reischl K.M.H. *Photographic Literacy: Cameras in the Hands of Russian Authors*. London, Cornell University Press, 2018. 370 p.
11. Rouillé A. *Fotografiia mezhdokumentom i sovremennym iskusstvom* [Photography Between Document and Contemporary Art]. Saint Petersburg, Klaudberri Publ., 2014. 712 p.
12. Ryan M.-L. Media and Narrative. Herman D., Jahn M., Ryan M.-L., eds. *Routledge Encyclopedia of Narrative Theory*. S.I., Taylor & Francis, 2010. 752 p.
13. Simmonds R. The Composition, Publication, and Reception of John Steinbeck's The Wayward Bus, with Biographical Background. *The Steinbeck Review*, 2013, vol. 10, no. 2, pp. 93-99.
14. Steinbeck J. *Russkii dnevnik* [A Russian Journal]. Moscow, "E" Publ., 2017. 320 p.
15. Tolts V. *Tri dnevnika. Po marshrutu Steinbeka polveka spustia* [Three Journals. Following Steinbeck's Route Half a Century Later]. URL: <http://archive.svoboda.org/programs/cicles/stainbeck/>
16. Zhdanova L. «Russkii dnevnik» Dzhona Steinbeka v sovetskoï optike. *Publikatsiia materialov fondov spetsotdela VOKSa Gosudarstvennogo arkhiva RF* [“Russian Journal” by John Steinbeck in Soviets Optics. Publication of the Materials from the Funds of the Special Department of the All Union Society for Cultural Relations of the State Archives of the Russian Federation]. Moscow, Izdatelskie resheniia Publ., 2016. 190 p.

Information About the Author

Olga S. Davydova, Candidate of Sciences (Cultural Studies), Senior Lecturer, Department of Interdisciplinary Research and Practice in Arts, Saint Petersburg State University, Galernaya St, 58-60, 190000 Saint Petersburg, Russian Federation; Grant Executor, Herzen University, reki Moiki Emb., 48, 191186 Saint Petersburg, Russian Federation, Ol.davydova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6513-6505>

Информация об авторе

Ольга Сергеевна Давыдова, кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры междисциплинарных исследований и практик в области искусств, Санкт-Петербургский государственный университет, ул. Галерная, 58-60, 190000 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; исполнитель по гранту, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. реки Мойки, 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, Ol.davydova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6513-6505>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.5>

UDC 94(73).092
LBC 63.3(7Coe)

Submitted: 16.04.2023
Accepted: 12.07.2023

“STORM CENTER”: MCCARTHYISM IN AMERICAN CULTURE AND CINEMA¹

Kirill A. Yudin

Ivanovo State University of Chemistry and Technology, Ivanovo, Russian Federation;
Herzen University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article is devoted to the consideration of McCarthyism as one of the leading factors that influenced the cultural policy and politics of memory in the United States throughout the entire period of the Cold War. *Methods and materials.* The ways of representing the atmosphere of conservative ideological control in the United States in the films of the 1950's – 2010's are explored. Films are considered media texts, and the images contained in them are considered symbolic resources used to form and transform a collective identity, legitimize power, its control, and repressive technologies and practices – social mobilization, politicization of everyday life, censorship, and segregation into “their” and “strangers.” *Analysis.* In the course of the historical and imagological analysis, a conditional typology of potential agents of McCarthyism is made. The following are distinguished: institutional conformist careerists, administrators; “soft” conformists – failed oppositionists to political pressure; indoctrinated representatives of mass culture, demonstrating the active complicity of the authorities in imposing ideological labels and encouraging spy mania and exposure. *Results.* Conclusions are drawn that McCarthyism has become a form of anti-Americanism, moral corrosion, and commemorative trauma in American society, the result of the escalation of the cultural, ideological, and mental “storm,” producing a state of intolerance not only to the image of the enemy but also to the Other as a whole. This required more than half a century of overcoming and purifying in the media space.

Key words: McCarthyism, Cold War, media space, American cinematography, culture, image of the enemy, ideological control, symbolic politics.

Citation. Yudin K.A. “Storm Center”: Mccarthyism in American Culture and Cinema. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 1, pp. 44-54. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.5>

УДК 94(73).092
ББК 63.3(7Coe)

Дата поступления статьи: 16.04.2023
Дата принятия статьи: 12.07.2023

«ЦЕНТР БУРИ»: МАККАРТИЗМ В АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ И КИНЕМАТОГРАФЕ¹

Кирилл Александрович Юдин

Ивановский государственный химико-технологический университет, г. Иваново, Российская Федерация;
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Статья посвящена рассмотрению маккартизма как одного из ведущих факторов, оказавших влияние на культурную политику и политику памяти в США на протяжении всего периода холодной войны. *Методы и материалы.* Исследуются способы репрезентации атмосферы консервативного идеологического контроля в США в кинопроизведениях 1950–2010-х годов. Фильмы рассматриваются как медиатексты, а содержащиеся в них образы – как символические ресурсы, использующиеся для формирования и трансформации коллективной идентичности, легитимации власти, ее контрольно-репрессивных технологий и практик – социальной мобилизации, политизации повседневности, цензуры, сегрегации на «своих» и «чужих». *Анализ.* В ходе историко-имагологического анализа производится условная типологизация потенци-

альных агентов маккартизма, выделяются: институциональные карьеристы-конформисты, администраторы; «мягкие» конформисты – несостоявшиеся оппозиционеры политическому давлению; индоктринированные представители массовой культуры, демонстрирующие активную сопричастность власти в деле наложения идеологических ярлыков, поощрения шпиономании и разоблачений. *Результаты.* Делаются выводы о том, что маккартизм стал формой антиамериканизма, морально-нравственной коррозии и коммеморативной травмы американского общества, итогом эскалации культурно-идеологической и ментальной «бури», продуцирующей состояние нетерпимости не только к образу врага, но и Другого в целом. Это потребовало более, чем полувекового преодоления и очищения на медиапространстве.

Ключевые слова: маккартизм, холодная война, медиапространство, американский кинематограф, культура, образ врага, идеологический контроль, символическая политика.

Цитирование. Юдин К. А. «Центр бури»: маккартизм в американской культуре и кинематографе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 1. – С. 44–54. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.5>

Введение. В истории США период маккартизма до сих пор остается ведущим объектом изучения и пристального внимания как в американской [21–24; 27–32], так и зарубежной по отношению к нему российской историографии [2; 3; 6; 8; 9; 11; 13–15; 17; 18]. Это объясняется не только тем, что он стал своеобразным эпицентром холодной войны, второй «красной паники» / «красной угрозы» («red scare» / «red menace») [26], но вызвал ширококомасштабный коммеморативно-травматический резонанс, повлиявший на представления об американской мечте («American dream») и пути («American way») как ведущих конструкторов национально-государственной идентичности. Поэтому, несмотря на «преобладание либеральной оценки рассматриваемых процессов, согласно которой оформление черного списка понималось как нарушение базовых прав и свобод» [8, с. 88], не тождественность маккартизма позднему сталинизму в СССР, применявшиеся симультанно схожие политические технологии, «охота на ведьм», выявление «чужих» среди «своих» вызывают к жизни интеллектуально-историографический феномен преодоления маккартизма в массовом сознании и культуре, предполагающий не только недопущение его реабилитации [13], но и критическую экспертизу других разновидностей властно-политического персонализма [12; 25]. Теоретическая актуальность, а также международная обстановка, пребывание России «в состоянии информационной борьбы против США» [1, с. 228], напоминая реалии старого конфликта, обуславливают необходимость продолжения исследований политики памяти, меди-

апространства «холодного» и «постхолодного мира» в их взаимосвязи и преемственности.

Методы и материалы. В концептуально-теоретическом отношении настоящее исследование ориентируется на парадигму культурно-интеллектуальной истории, перекрестно-диалоговая составляющая которой, как отмечала Л.П. Репина, «соединяет проблемы интерпретации культурных взаимодействий в истории и в сознании историка», апеллирует к «изучению исторического события в соотноении с социально-пространственными характеристиками и культурными реалиями изучаемой эпохи» [10, с. 39]. В то же время все это предполагает продолжение работы с апробированным гносеологическим инструментарием, представленным сравнительно-историческим / компаративным, историко-генетическим, историко-типологическим методами. Имагологический подход предопределил специфику источниковой базы исследования, основой которой выступили кинематографические материалы, преимущественно художественные кинопроизведения: «Центр бури» / «Storm Center» (США, 1956, реж. Тарадаш), «Подставное лицо» / «The Front» (США, 1976, реж. М. Ритт), «Дом на Кэрролл-стрит» / «The House on Carroll Street» (США, 1987, реж. П. Йетс), «Виновен по подозрению» / «Guilty by Suspicion» (США, 1991, реж. И. Уинклер), «Коллективный иск» / «Class Action» (США, 1990, реж. М. Аптед), «Чаплин» / «Chaplin» (США, Франция, Япония, Италия, 1992, реж. Р. Агтенборо), «Гражданин Конн» / «Citizen Cohn» (США, 1992, реж. Ф. Пирсон), «Трумэн» / «Truman» (США, 1995, реж. Ф. Пирсон), «Доброй ночи и удачи» / «Good Night, and Good Luck» (США,

Франция, Великобритания, Япония, 2005, реж. Д. Клуни), «Трамбо» / «Trumbo» (США, 2015, реж. Д. Роуч).

Фильмы рассматриваются как медиатексты, а содержащиеся в них образы – как символические ресурсы, политические символы, которые «используются для формирования и корректировки коллективной идентичности, мобилизации, легитимации власти, легитимации насилия и создания чувства уверенности в победе над противоборствующей стороной и которые призваны продуцировать, прежде всего, страх, а также гнев, моральное негодование, отвращение, чувство превосходства, смех» [3, с. 31]. Автор также опирался на теоретико-методологические концепты интерпретации социокультурного пространства и киноэстетики, представленные в трудах Ю.М. Лотмана [7], а также А.В. Федорова, обобщившего опыт герменевтического анализа медиатекстов, предполагающего последовательное воссоздание исторического, культурного, политического, идеологического контекстов, обозначение иконографических кодов и других аспектов [16, с. 261–267].

Анализ. Демаркация социально-интеллектуального пространства с выделением «своих» и «чужих» элементов началась задолго до прихода к власти Д. Маккарти. Уже в нуар-драмах 1930–1940-х гг. с участием С. Трэйси, С. Гринстрита, Д. Кэгни, Х. Богарта, Д. Рафта и других, снятых в условиях принятого кодекса Хейса, ставшего олицетворением официально-ортодоксальных представлений о визуальной благопристойности, отчетливо просматривались те поведенческие, психофизиологические состояния, в дальнейшем составившие основу как для реально политических, так и кинематографических, жанровых конвенций эпохи маккартизма, при которых «предполагалось соответствие зрительских ожиданий интенциям создателей фильма» [3, с. 132]. Одним из знаковых кинофильмов 1930-х гг., символизирующих конвергенцию намерений режиссера – Ф. Ланга, покинувшего нацистскую Германию, в максимальной степени использовать кинематографические средства для обнажения человеческих пороков, лежащих в основе тоталитарной / авторитарной тирании, и «нового курса» («New Deal») Ф. Рузвельта) по декриминализации и

выведения из «великой депрессии» страны, в которую эмигрировал Ф. Ланг, стала «Ярость» / «Fury» (США, 1936, реж. Ф. Ланг). В ее «гиперреальности» происходит аккумуляция нетерпимости, стремительная эскалация коллективной ненависти к человеку, на которого пала тень подозрения в причастности к совершению тяжкого преступления только на основании сомнительных и сугубо косвенных улик – наличия в кармане соленого арахиса – гастрономических пристрастий, сближающих его с настоящим убийцей. В результате простой американец, механик Джо Уилсон (С. Трэйси), оказывается в тюрьме.

Однако он становится не просто рядовым подозреваемым, вынужденным претерпевать процессуальный формализм судебной следственной машины, а превращается во «врага номер один» всего американского микросоциума – того небольшого городка, где он был задержан шерифом. Иррациональная деструктивная сила толпы, возбужденная «синдромом бдительности» индивида – «маленького человека», приобретает неконтролируемый характер социальной энтропии. Мы видим, как лица домохозяек и фермеров, мимиринующих под безобидных, смиренных провинциальных людей, тружеников, мгновенно превращаются в устрашающие гримасы филистеров, сплетающихся в коллективной ярости и ненависти, готовых уничтожить, линчевать, в буквальном смысле устроить аутодафе как «чужому», прибывшему извне, так и «бывшему своему». Именно эти психофизиологические механизмы экзальтации и иступления, получившие имагологическую интерпретацию в этом кинофильме, можно рассматривать как репрезентацию консервативной сопричастности американского общества, его постоянной и имманентно-имплицитной готовности содействию «охоте на ведьм», получившей столь широкий размах в годы маккартизма. Тогда состязание между «предателями и жертвами» [14] проявилось на культурно-политическом пространстве в открытой и агрессивной форме. Но и до недолгого триумфа Маккарти деятельность различных общественно-политических, военно-патриотических, религиозных организаций, таких как Американский легион, Дочери американской революции (The Daughters of the American

Revolution (DAR)), Национальный конгресс родителей и учителей (National Congress of Parents and Teachers), Легион благочестия, выдвигавших требования по созданию «достойных фильмов» [20, р. 4], верифицировали возможности системы самоконтроля / самоцензуры, внешне направленной на защиту главных ценностей – «американской мечты» / «американского пути», – трансформироваться в контрольно-репрессивные механизмы.

В результате проведенного в 1958 г. в Бостоне опроса общественного мнения «64 % опрошенных согласились с пунктом о том, что проделанная работа сенатором внесла большой вклад в страну; 50 % утверждали правоту Маккарти в его методах, допуская обвинения невинных людей; и 33 % опрошенных согласились с положительным значением потери влияния сенатора» [6, с. 155]. Рональд Инглхарт, американский социолог, политолог отметил в интервью: «Деятельность Маккарти несколько лет имела успех, потому что многие американцы и я в том числе были напуганы быстрым распространением коммунизма. Я поначалу воспринял его всерьез, но Маккарти сам себя дискредитировал, и ко времени, когда Сенат отклонил его резолюцию в 1955 г., я рассматривал этого политика как смехотворного фанатика. Он, очевидно, был психически нездоровым человеком, но поначалу большинство американцев, напуганных быстрым распространением коммунизма в 1945–1949 гг., были восприимчивы к демагогическим заявлениям Маккарти» [19, с. 12].

И действительно, с конца 1940-х и до середины 1950-х гг. выработка у американцев аффектации страха перед «красной опасностью» была подкреплена на медиапространстве рядом значительных кинопроизведений или явно антикоммунистической направленности (в том числе и против «врага номер два», коммунистического Китая – «Кровавая аллея» / «Blood Alley», США, 1955, реж. У. Уэллмен), или тех, которые «работали на поддержание мифа “американского благочестия”, культивируемого “правой” киноинтеллектуальной» [18, с. 54]: «Левая рука бога» / «The Left Hand of God» (США, 1955, реж. Э. Дмитрик), «Вы услышите следующий голос» / «The Next Voice You Hear...» (США, 1950, реж. У. Уэллмен), «В порту» / «On the

Waterfront» (США, 1954, реж. Э. Казан). Классикой «холодной» фильмотеки США в эти годы стали картины: «Железный занавес» / «The Iron Curtain» (США, 1948, реж. У. Уэллмен), «Красная угроза» / «Red menace» (США, 1949, реж. Г. Спрингстин), «Красный Дунай» / «The Red Danube» (США, 1949, реж. Д. Сидни). Немало было создано кинофильмов, в которых осуществлялась репрезентация необходимости доверия и сотрудничества со спецслужбами, органами государственной безопасности, разведки, Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности: «Управление стратегических служб» / «O.S.S.», США, 1946, реж. И. Пичел; «Я был коммунистом для ФБР» / «I Was a Communist for the FBI», США, 1951, реж. Г. Дуглас; «Мой сын Джон» / «My Son John», США, 1952, реж. Л. МакКери и мн. др.

Тем не менее, несмотря на силу, мощь и высоту «консервативных волн» [4], захлестывающих американское общество и культурное пространство, в их недрах кристаллизуется противоположное течение – сопротивление маккартизму, неприятия его методов, приводивших к унижению человеческого достоинства и личности. Появляются медиатексты / фильмы, в которых можно усмотреть *имагологические кейсы* – ситуации, модели поведения представителей массовой и элитарной культуры США, направленные на преодоление чрезмерной враждебности к реальному Другому / чужому или его образу. В 1954 г. режиссером из печально известных «черных списков» Голливуда Г. Биберманом был снят фильм «Соль земли» / «Salt of the Earth», посвященный остросоциальной и по существу левосоциалистической проблематике – борьбе за право на труд, достойные условия жизни, право на защиту через профсоюзные организации. Попытки бойкотирования кинопроизводства и дальнейшей трансляции фильма со стороны «ортодоксального» Голливуда стали иллюстрацией политико-символической конфронтации, отражающей реалии холодной войны, резонанс которой вышел далеко за ее пределы. Через полвека в 2000 г. вышел на экраны кинофильм К. Френсиса «Один из голливудской десятки» / «One of the Hollywood Ten» (Испания, Великобритания), в котором через призму биографической метаисторической ре-

роспекции, соединяющей генерации кинообщества, воспроизводились реалии 1950-х гг., судьба Г. Бибермана и членов его команды, испытавших на себе всю жестокость и цинизм маккартистского давления. Но антимаккартистская фронда в американском обществе еще только набирала обороты.

Одним из колоритных кинофильмов второй половины 1950-х гг., год появления которого – 1956 – символизировал одновременно и приближающийся закат эры Маккарти, и сохранение атавизмов его психополитических проявлений, стал результат творчества Д. Тарадаша – «Центр бури» / «Storm Center» со знаменитой Б. Дэвис в главной роли. Особенностью этого медиатекста можно считать то, что в нем откровенная репрезентация всех мрачных реалий маккартизма осуществлялась еще при жизни и относительной правомочности воинствующего сенатора. Уникальным является и морфология кинематографической «гиперреальности», в зеркале которой отображаются различные грани / экзистенциальные ниши провинциального городка – культурное, интеллектуальное пространство библиотеки, семейное бытие и общая урбанистическая картина. Пожилой библиотечарь, мисс Алисия Халл (Б. Дэвис), посвятившая всю свою жизнь служению истине, сохранению историко-культурного наследия США, подвергается остракизму, оказывается персоной *non grata*, фактически внесенной в местный «черный список» за то, что отказывается по личным убеждениям, уверенности в торжество свободы, демократии, справедливости, убрать с полки и вообще уничтожить книгу коммунистической направленности.

Аргументы, которые она предъявляла для своей защиты, казались непоколебимыми. Выступая перед членами муниципального / городского совета, она уверенно заявляла:

«Как Вы не понимаете, что оставив эту книгу в библиотеке мы атакуем коммунистическую мечту, мы говорим коммунистам: “Мы не боимся вас и того, что вы можете сказать, но Вы боитесь нас, вы боитесь правды. Скажите, разрешили бы вы хранить в русской библиотеке книгу, восхваляющую демократию?” Господа, Вы хотите, чтобы я избавилась от этой книги? Вы должны бороться, чтобы она осталась на полке».

Образ А. Халл можно рассматривать как неявную, но вполне правдоподобную и обоснованную аллюзию на конкретный гендерный прототип – фигуру М. Чейз-Смит. 1 июня 1950 г. Чейз-Смит огласила в Сенате США свою программную речь, которую она назвала «Декларация совести». «Те из нас, кто громче всех кричит об американизме, слишком часто являются теми, кто своими словами и действиями игнорирует некоторые из основных принципов американизма: право критиковать; право придерживаться непопулярных убеждений; право на протест; право на независимое мышление» [9, с. 90]. Тем самым, она пыталась показать, что «наиболее рьяные антикоммунисты США невольно и нередко личным примером пропагандировали нигилистическое отношение к ценностям американской политической идентичности. К таковым принадлежал и Маккарти» [9, с. 90]. Образ А. Халл выполняет функцию консолидации адекватной коллективной, национально-государственной идентичности, направленной на очищение от «психоза разоблачений». Однако очищение оказывается возможным только ценой жертвоприношения. На имагологическом уровне осуществляется воспроизведение сложнейшего и трагического конфликта между представителями массовой и элитарной культуры. Алисии Халл как олицетворению американской интеллигенции, «совести нации» противостоят реальные и потенциальные агенты маккартизма трех типов:

1. Карьеристы-конформисты, члены муниципального совета, большинство из которых прекрасно осознают невиновность библиотечаря даже при наличии «компрометирующих материалов» из прошлого – доказательств ее формальной солидарности ранее легальным организациям, наподобие Друзей Советского Союза или Национального совета американо-советской дружбы.

2. «Мягкие» конформисты – несостоявшиеся единомышленники, изначально устроившие собрание в защиту А. Халл, но сразу ретировавшиеся как только она объявила о том, что отказывается от борьбы за свои права.

3. Индоктринированные филистеры, представители массовой культуры, только на основании отрывочной информации из газет не просто убежденные во «вражеской сущно-

сти» А. Халл, но и извлекающие из этого патологическую выгоду для самоутверждения.

К третьему, и самому опасному типу потенциальных агентов маккартизма, относится отец маленького мальчика Фредди – Д. Слейтер, для которого любые формы интеллектуальной и духовной активности, не совпадающие с «единственно правильными» интересами «настоящего американца», призванного проводить все свое время на бейсбольной площадке и стадионе, воспринимаются тождественными коммунистической идеологии. И Слейтер-старший настраивает сына против мудрого и скромного библиотекаря, заставляя ребенка поверить в то, что мисс Халл – враг, «красная», искусно маскировавшая свою сущность с помощью интеллектуальных сентенций:

«Конечно, она там (в библиотеке. – К. Ю.) что-то затевала, – запугивает он сына. – У нее было 25 лет, чтобы наполнить эти полки ядом. Вечно носится со своими книгами. Им нужно одно – схватить тебя и уничтожить».

В результате происходит психическая деструкция – мальчик сходит с ума и поджигает библиотеку. Безжалостно пожирающий всю сокровищницу мировой литературы огонь, сломленная и неизвестно подлежащая ли восстановлению психика ребенка – становится жестокой, но справедливой расплатой за конформизм, фанатизм, коллективную ярость и ненависть. Аналогичное возмездие, смерть и моральную самодискредитацию, получает персонаж Ф. Марча в кинофильме «Пожнешь бурю» / «Inherit the Wind» (США, 1960, реж. С. Крамер) за экзальтированную травлю молодого учителя, преподававшего основы учения Ч. Дарвина.

В 1960–1980-е гг. появляется несколько значительных телевизионных («Страх перед судом» / *Fear on Trial*, США, 1975, реж. Л. Джонсон), художественных («Какими мы были» / «*The Way We Were*», США, 1973, реж. С. Полак; «Красные» / «*Reds*», США, Великобритания, 1981, реж. У. Битти), а также документальных («Пункт порядка» / «*Point of Order!*», США, 1963/1964, реж. Э. де Антонио; «Голливуд на суде» / «*Hollywood on Trial*», США, 1976, реж. Д. Хелперн), либо непосредственно посвященных эпохе маккартизма,

либо представляющих собой коммеморативные стратегии по его преодолению с помощью романтизации образов молодых американских коммунистов.

К таким медиатекстам можно отнести картину С. Поллака «Какими мы были» (1973) с Б. Стрейзанд в главной роли. Образ активной и жизнерадостной председательницы молодежной коммунистической лиги Кэти Мороски символизировал культурный поворот в истории США и национального кинематографа, когда система Нового Голливуда позволила обратиться к ранее фактически табуированным сюжетам, допускающим легальную регуманизацию «красных», репрезентацию гетерогенности политического пространства. И, несмотря на известную лимитированность «оттепели», демонстрации того, кто в доме хозяин (язвительная реплика на митинге в адрес Кэти: «*Шла бы ты отсюда, Кэти, до самого Кремля*»), образ К. Мороски становится аллюзией на фигуру Л. Хеллман – женщины-сценариста, драматурга, занесенной в 1952 г. в «черный список», но получившей как раз в это время долгожданную (хотя и частичную, с продолжением критики) индულгенцию в виде признания, присуждения Национальной книжной премии, премии Поля Робсона и некоторых других наград.

Самым известным фильмом, посвященным эпохе маккартизма, стала картина М. Ритта «Подставное лицо» / «*The Front*» (США, 1976) с В. Аленом в главной роли. Она вызвала особый резонанс не только по причине того, что стала своеобразным кинематографическим «гамбитом» опальных кинодеятелей – М. Риттом, У. Бернстайном, З. Мостелом, получившим, как и их другие коллеги, Ч. Чаплин, Д. Трамбо, возможность вернуть себе доброе имя, но в силу особой имагологической фактуры.

Персонаж В. Алена (Г. Принс) является отрицательным «подставным лицом» вдвойне – он не только вытесняет настоящих кинодеятелей, включенных в «черный список», но и сам является самозванцем как актер псевдопервого плана. Пока герой В. Алена (Г. Принс) по совершенно справедливой характеристике Т. Доэрти – «аполитичный невежда» разыгрывает «либеральную фантазию о праведном мужестве» [24, р. 252], подлин-

ная трагедия разворачивается вокруг настоящего актера – Х. Брауна (З. Мостел), доведенного до самоубийства цинизмом промаккартистской администрации и культурного сообщества, представители которого вешают на Хэки ярлык «паршивого коммуниста», несмотря на то что он уверенно отвергает все обвинения и выполняет все «заповеди» Экранного гида А. Рэнд, пропагандирующего стремление к известности, личной выгоде, богатству, успеху и иным поведенческим ориентирам, считающимся признаками подлинного американизма [3, с. 117]. Таким образом, в очередной раз показывается, что эпоха маккартизма – это не время легких и приятных социально-ролевых инверсий, пробуждающее спящие таланты, а период суровых и драматических испытаний для американского общества, из которых без неизгладимых последствий могут выйти только филистеры – «подставные лица».

В период «визуального поворота» в советско-американских отношениях [5] появился кинофильм П. Йетса «Дом на Кэррол-стрит» (США, 1987), в котором производится имагологическая коммеморация Маккарти как своеобразного «домашнего Гитлера». Для членов Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности нацистские ученые, ввозимые в страну под фамилиями умерших людей, оказываются более ценными, чем собственные граждане. После циничной и жестокой обструкции юной девушки, талантливой сотрудницы популярного журнала «Life», занесенной в «черный список», ее судьбу прямо в этом же помещении отмечают день рождения маленького сына одного из «инквизиторов Голливуда» [22], показывая тем самым, что процесс разоблачения не может вызывать никаких негативных эмоций, а наоборот, должен доставлять удовлетворение. При этом политико-символические границы также сохраняются. Романтические отношения между симпатизирующей социалистическим идеалам журналистской и молодым агентом ФБР олицетворяют лимиты конвергенции между СССР и США, возможной лишь временно для борьбы с общим врагом, в данном случае «демоном» Маккарти.

На опасность смешения истинного и ложного, конструктивной бдительности для сохра-

нения своей культуры, образа жизни, – с фанатичной нетерпимостью к Другим, – указывал мудрый журналист Э. Марроу, образ которого был воссоздан в кинофильме «Доброй ночи и удачи» (США, Франция, Великобритания, Япония, 2005, реж. Д. Клуни).

«Грань между расследованием и преследованием очень тонка, – говорил Марроу, – и младший сенатор Маккарти часто переходит ее. Его главное “достижение” в том, что он смог внести смутение в умы людей, [запугивая их] как внутренней, так и внешней угрозой коммунизма. Мы не должны смешивать несогласие с нелояльностью. Мы должны всегда помнить, что обвинение не является доказательством, и что осуждение зависит от доказательств и надлежащей правовой процедуры. Мы не хотим жить в страхе. Мы не хотим ввергаться страхом в эпоху безумия, <...> мы приходим не от пугливых людей, которые боялись писать, говорить, общаться, защищать дело, непопулярное в данный момент» (цит. по: [13, с. 142–143]).

В 1990–2010-е гг. появились колоритные кинопроизведения, обращавшиеся к семейной драме в эпоху маккартизма. Создателями фильмов воспроизводился подлинный страх взрослых и детей, боявшихся, что их родителей постигнет судьба казненных за шпионаж супругов Розенбергов («Виновен по подозрению», США, 1991), и наоборот – выработка иммунитета и отторжение маккартистской демагогии. В фильме «Коллективный иск» (США, 1990, реж. М. Аптед) заслуживает внимание эпизод с воспоминанием событий середины 1950-х гг., когда на заседании Комиссии присутствовавшая в зале женщина повторяла «заклинания»: «Маккарти – проныра», что было направлено на самозащиту. По ее словам, это была «подсознательная реклама, которая засядет в головах, несмотря ни на что, и повлияет на голоса глухих» – разбудит совесть и здравый смысл. Заметным стал поднимающий вопрос национально-политической идентичности [1] кинофильм «Гражданин Кон» / «Citizen Cohn» (США, 1992, реж. Ф. Пирсон), в котором Д. Вудс создает образ «чужого-в-своем», еврейского помощника Д. Маккарти, разоблачающего евреев как якобы наиболее вероятных коммунистов и уверенного в своей дискурсивно-этнической непогрешимости и беспристрастности.

Не менее значимыми на медиапространстве стали фильмы-биографии, посвященные жизни, творчеству или политической карьере Ч. Чаплина, Г. Трумэна, Д. Трамбу, их сопряжений с режимом Маккарти. Поднимались важные аспекты социально-политических инверсий и циклов: 1) дискредитация и реабилитация Чаплина, образ жизни которого и происхождение стали причиной его маркировки как чужого, маргинала, типичного «розового», фактически «красного»; 2) уязвимость президента Г. Трумэна, осознававшего опасность превращения Д. Маккарти во «второго босса», наподобие Т.Д. Пендергаста, «если его вовремя не остановить»; 3) буржуазного коммуниста Д. Трамбу, также прошедшего цикл – от лишения всех прав – до триумфального возвращения, чему предшествовало разоблачение разоблачителей (сцена в тюрьме с осужденным членом Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности), а также колоритные сцены конфронтации с политизированными ультрапатриотами наподобие Д. Уэйна, вобравшего в себя все выше перечисленные типы конформистов.

Результаты. Подводя итоги, отметим, что на протяжении всего периода холодной войны, а также за пределами верхней и нижней границы этого конфликта, на американском медиапространстве появлялись колоритные кинопроизведения. В их «гиперреальности» осуществлялась репрезентация широкого спектра образов представителей власти и общества, многие из которых, как вымышленные, так и реальные прототипы, принадлежали к поколению непосредственных свидетелей / жертв политических преследований. Маккартизм оказал травматическое воздействие на американское общество, культуру, именно поэтому процесс его преодоления как «мрачной страницы истории, выпадавшей из национальной традиции американского либерализма» [13, с. 146], в историографии справедливо обозначается некротической метафорой – «экстумация» [24, р. 250], означавшей неприятную, но вынужденную процедуру, направленную на очищение коллективной памяти от призраков прошлого.

В кинопроизведениях второй половины XX – начала XXI в. присутствовали самые разнообразные имагологические кейсы, вос-

производившие ситуации протеста, сопротивления маккартизму, восприятия его как «домашнего Гитлера», «абсолютного зла», дискредитировавшего национально-государственные ценности, что позволило квалифицировать маккартизм как форму антиамериканизма, а также обозначить не тождественность маккартизма и антикоммунизма. При этом были показаны не только положительные образы-конструкты, но и визуализированы конформисты-агрессоры, или колеблющиеся, на чьей стороне им оставаться. В кинофильме «Доброй ночи и удачи» присутствует сцена сомнения в виде следующего диалога:

– А вдруг мы неправы? (что мешаем Маккарти. – К. Ю.).

– Мы правы.

– Вдруг в будущем мы поймем, что защищали не ту сторону?

– От чего защищали, во имя чего, что мы сохраняли?

– На это можно ответить, что есть высшее благо.

– Если ради него попирается все, что это за благо?

Эти уже не только исторические, а философские, аксиологические вопросы сохраняют актуальность и в современных реалиях и требуют дальнейшей рефлексии.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00305, <https://rscf.ru/project/22-18-00305/>, «Образы врага в массовой культуре Холодной войны: содержание, современная рецепция и использование в символической политике России и США», РГПУ им. А.И. Герцена.

This work was supported by the Russian Science Foundation under Grant № 22-18-00305, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00305/>, “The images of enemy in Cold War popular culture: their content, contemporary reception and usage in Russian and U.S. symbolic politics”, Herzen University.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белов С. И. Антисемитизм в дореволюционной России в зеркале Голливуда как ресурс

- конструирования антиобраза США // Диалог со временем. 2022. Вып. 79. С. 228–235. DOI: <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.79.79.014>
2. Белов С. И. Легитимация покупки Аляски США в американском историческом кинематографе «холодной войны» // Вопросы истории. 2020. № 2. С. 208–214. DOI: <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202002Statyi21>
  3. «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода холодной войны / под ред. О. В. Рябова. М.: Аспект Пресс, 2023. 400 с.
  4. Гарбузов В. Н. Американские консервативные волны // США и Канада. Экономика. Политика. Культура. 2016. № 5. С. 3–17.
  5. Журавлева В. И. Окончание «холодной войны образов»: визуальный поворот в советско-американских отношениях // Окончание холодной войны в восприятии современников и историков, 1985–1991. М.: РГГУ, 2021. С. 234–256.
  6. Кутлимурадова Н. И. Реакция американского общества на политику маккартизма, 1950–1954: коммунисты против Маккарти // Меридиан. 2020. № 7. С. 153–155.
  7. Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти раамат, 1973. 135 с.
  8. Очереднюк О. Ю. Маккартизм и Голливуд в конце 1940-х – первой половине 1950-х годов // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2022. № 2 (75). С. 87–96. DOI: <https://doi.org/10.37724/RSU.2022.75.2.009>
  9. Очереднюк О. Ю. Сенатор Маргарет Чейз-Смит как первый представитель оппозиции маккартизму // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 3. С. 85–96. DOI: <https://doi.org/10.31862/2500-2988-2021-12-3-85-96>
  10. Репина Л. П. Память о событиях в измерениях пространства и времени // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 34–40. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-34-40>
  11. Рябов О. В. «From Russia with love»: образ СССР в гендерном дискурсе американского кинематографа (1946–1963 гг.) // Общественные науки и современность. 2013. № 5. С. 166–176.
  12. Самуйлов С. М. Трампизм: раскол общества и элиты. М.: Весь Мир, 2022. 234 с.
  13. Супоницкая И. М. Общество против Джозефа Маккарти // Новая и новейшая история. 2021. № 2. С. 135–147. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013038640014274-9>
  14. Супоницкая И. М. Предатели и жертвы в эпоху маккартизма // Вопросы истории. 2017. № 5. С. 135–146.
  15. Тегерин П. В., Киселев М. А. Политика маккартизма в российской историографии // Вестник Московского государственного областного университета. 2022. № 3. С. 121–132. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2022-3-121-132>
  16. Федоров А. В. Отражения: Запад о России / Россия о Западе. Кинообразы стран и людей. М.: Информация для всех, 2017. 389 с.
  17. Юдин К. А. Кинополитика и идеология США в период «холодной войны» // Вопросы истории. 2020. № 12-1. С. 84–97. DOI: <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202012Statyi07>
  18. Юдин К. А. Советские и американские кинопроизведения 1940 – начала 1950-х гг.: медиа-текстуальный дискурс «холодной войны» // Вестник Гуманитарного института. 2020. Вып. 1. С. 49–56.
  19. «Я считал, что русские наши друзья, что они отважные люди, которые разгромили огромные силы немцев». Интервью с Р. Инглхартом // Историческая экспертиза. 2019. № 4. С. 9–18.
  20. Balio T. Grand Design: Hollywood as a Modern Business Enterprise, 1930–1939. N. Y.: Scribner, Cop. 1993. 483 p.
  21. Bernhard N. U.S. Television News and Cold War Propaganda, 1947–1960. N. Y.: Cambridge University Press, 1999. 245 p.
  22. Ceplair L., Englund S. The Inquisition in Hollywood: Politics in the Film Community, 1930–1960. Berkeley, CA: University of California Press, 1983. 583 p.
  23. Dick B. F. The Screen Is Red: Hollywood, Communism, and the Cold War. Jackson: University Press of Mississippi, 2016. 282 p.
  24. Doherty T. Cold War, Cool Medium: Television, McCarthyism, and American Culture. N. Y.: Columbia University Press, 2003. 305 p.
  25. Heed T., Kubyskhin A. I. Make America Great Again? How Do We Explain Trumpism // Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations, 2022. Vol. 27, № 2. P. 101–111. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.9>
  26. LoSasso M. A. The Depiction of the Great Patriotic War on American Television During the Second Red Scare // RGGU Bulletin. Political Science. History. International Relations Series. 2021. № 2. P. 22–36. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2021-2-22-36>
  27. Riabov O. “Red Machine”: The Dehumanization of the Communist Enemy in American Cold War Cinema // Quaestio Rossica. 2020. Vol. 8, № 2. P. 536–550. DOI: <https://doi.org/10.15826/qr.2020.2.479>
  28. Sbardellati J. Edgar Hoover Goes to the Movies: The FBI and the Origins of Hollywood’s Cold War. Ithaca: Cornell University Press, 2012. 264 p.
  29. Schwartz R. A. Cold War Culture: Media and the Arts, 1945–1990. N. Y.: Facts on File, 1998. 376 p.
  30. Shaw T. Hollywood’s Cold War. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. 336 p.

31. Smith J. *Film Criticism, the Cold War, and the Blacklist: Reading the Hollywood Reds*. Berkley, Los Angeles, London: University of California Press, 2014. 368 p.

32. Strada M. J., Troper H. R. *Friend or Foe?: Russian in American Film and Foreign Policy*. London: Scarecrow Press, 1997. 312 p.

REFERENCES

1. Belov S.I. Antisemitizm v dorevoliutsionnoi Rossii v zerkale Gollivuda kak resurs konstruirovaniia antiobrazza SShA [Anti-Semitism in Pre-Revolutionary Russia in the Hollywood Mirror as a Resource for Constructing an Anti-Image of the USA]. *Dialog so vremenem*, 2022, iss. 79, pp. 228-235. DOI: <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.79.79.014>

2. Belov S.I. Legitimizatsiia pokupki Aliaski SShA v amerikanskom istoricheskom kinematografe «kholodnoi voiny» [Legitimization of the Purchase of Alaska by the USA in the American Historical Cinema of the “Cold War”]. *Voprosy istorii*, 2020, no. 2, pp. 208-214. DOI: <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202002Statyi21>

3. Riabov O.V., ed. «Vrag nomer odin» v simbolicheskoi politike kinematografii SSSR i SShA perioda kholodnoi voiny [“Enemy Number One” in the Symbolic Policy of the Cinematography of the USSR and the USA During the Cold War]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2023. 400 p.

4. Garbuzov V.N. Amerikanskii konservativnyie volny [American Conservative Waves]. *SShA i Kanada. Ekonomika. Politika. Kultura*, 2016, no. 5, pp. 3-17.

5. Zhuravleva V.I. Okonchanie «kholodnoi voiny obrazov»: vizualnyi povorot v sovetsko-amerikanskikh otnosheniakh [The End of the “Cold War of Images”: A Visual Turn in Soviet-American Relations]. *Okonchanie kholodnoi voiny v vospriiatii sovremennikov i istorikov, 1985–1991* [How Contemporaries and Historians Perceived the End of the Cold War, 1985–1991]. Moscow, RGGU, 2021, pp. 234-256.

6. Kutlimuradova N.I. Reaktsiia amerikanskogo obshchestva na politiku makkartizma, 1950–1954: kommunisty protiv Makkarti [The Reaction of American Society to the Politics of McCarthyism, 1950–1954: Communists Against McCarthy]. *Meridian*, 2020, no. 7, pp. 153-155.

7. Lotman Iu.M. *Semiotika kino i problemy kinoestetiki* [Semiotics of Cinema and Problems of Cinema Aesthetics]. Tallin, Eesti raamat Publ., 1973. 135 p.

8. Ocheredniuk O.Iu. Makkartizm i Gollivud v kontse 1940-kh – pervoi polovine 1950-kh godov

[McCarthyism and Hollywood in the Late 1940s – The First Half of the 1950s]. *Vestnik Riazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina* [The Bulletin of Ryazan State University Named for S.A. Yesenin], 2022, no. 2 (75), pp. 87-96. DOI: <https://doi.org/10.37724/RSU.2022.75.2.009>

9. Ocheredniuk O.Iu. Senator Margaret Cheiz-Smit kak pervyi predstavitel oppozitsii makkartizmu [Senator Margaret Chase Smith as the First Member of the Opposition to McCarthyism]. *Lokus: liudi, obshchestvo, kultura, smysly* [LOCUS: People, Society, Culture, Meanings], 2021, vol. 12, no. 3, pp. 85-96. DOI: <https://doi.org/10.31862/2500-2988-2021-12-3-85-96>

10. Repina L.P. Pamiat o sobytiakh v izmereniakh prostranstva i vremeni [Memory of Events in Measurements of Space and Time]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Serii: Istorii. Mezhdunarodnye otnosheniia* [Izvestiya of Saratov University. History. International Relations], 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 34-40. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-34-40>

11. Riabov O.V. «From Russia with love»: obraz SSSR v gendernom diskurse amerikanskogo kinematografa (1946–1963 gg.) [“From Russia with Love”: The Image of the USSR in the Gender Discourse of American Cinema (1946–1963)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, 2013, no. 5, pp. 166-176.

12. Samuilov S.M. *Trampizm: raskol obshchestva i elity* [Trumpism: The Split of Society and the Elite]. Moscow, Ves Mir Publ., 2022. 234 p.

13. Suponitskaia I.M. Obshchestvo protiv Dzhozefa Makkarti [The Society Against Joseph McCarthy]. *Novaia i noveishaia istoriia* [Modern and Contemporary History], 2021, no. 2, pp. 135-147. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013038640014274-9>

14. Suponitskaia I.M. Predateli i zhertvy v epokhu makkartizma [Traitors and Victims in the Era of McCarthyism]. *Voprosy istorii*, 2017, no. 5, pp. 135-146.

15. Teterin P.V., Kiselev M.A. Politika makkartizma v rossiiskoi istoriografii [The Politics of McCarthyism in Russian Historiography]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin MSRU. Series: History and Political Science], 2022, no. 3, pp. 121-132. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2022-3-121-132>

16. Fedorov A.V. *Otrazheniia: Zapad o Rossii / Rossiia o Zapade. Kinoobrazy stran i liudei* [Reflections: The West About Russia / Russia About the West. Movie Images of Countries and People]. Moscow, Informatsiia dlia vsekh Publ., 2017. 389 p.

17. Yudin K.A. Kinopolitika i ideologiya SShA v period «kholodnoi voiny» [Cinema Politics and Ideology of the USA During the Cold War]. *Voprosy istorii*, 2020, no. 12-1, pp. 84-97. DOI: <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202012Statyi07>

18. Yudin K.A. Sovetskie i amerikanske kinoproizvedeniia 1940 – nachala 1950-kh gg.: media-tekstualnyi diskurs «kholodnoi voiny» [Soviet and American Film Productions of the 1940s – Early 1950s: The Media-Textual Discourse of the “Cold War”]. *Vestnik Gumanitarnogo instituta*, 2020, iss. 1, pp. 49-56.

19. «Ia schital, chto russkie nashi druzia, chto oni otvazhnye liudi, kotorye razgromili ogromnye sily nemtsev». Interviu s R. Ingkharthom [“I Thought That the Russians Were Our Friends, That They Were Brave People Who Defeated the Huge Forces of the Germans”]. Interview with R. Inglehart]. *Istoricheskaia ekspertiza*, 2019, no. 4, pp. 9-18.

20. Balio T. *Grand Design: Hollywood as a Modern Business Enterprise, 1930–1939*. New York, Scribner, Cop. 1993. 483 p.

21. Bernhard N. *U.S. Television News and Cold War Propaganda, 1947–1960*. New York, Cambridge University Press, 1999. 245 p.

22. Ceplair L., Englund S. *The Inquisition in Hollywood: Politics in the Film Community, 1930–1960*. Berkeley, CA, University of California Press, 1983. 583 p.

23. Dick B.F. *The Screen Is Red: Hollywood, Communism, and the Cold War*. Jackson, University Press of Mississippi, 2016. 282 p.

24. Doherty T. *Cold War, Cool Medium: Television, McCarthyism, and American Culture*. New York, Columbia University Press, 2003. 305 p.

25. Heed T., Kubyshevskii A.I. Make America Great Again? How Do We Explain Trumpism. *Science*

Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations, 2022, vol. 27, no. 2, pp. 101-111. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.9>

26. LoSasso M.A. The Depiction of the Great Patriotic War on American Television During the Second Red Scare. *RGU Bulletin. Political Science. History. International Relations Series*, 2021, no. 2, pp. 22-36. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2021-2-22-36>

27. Riabov O. “Red Machine”: The Dehumanization of the Communist Enemy in American Cold War Cinema. *Quaestio Rossica*, 2020, vol. 8, no. 2, pp. 536-550. DOI: <https://doi.org/10.15826/qr.2020.2.479>

28. Sbardellati J. *Edgar Hoover Goes to the Movies: The FBI and the Origins of Hollywood's Cold War*. Ithaca, Cornell University Press, 2012. 264 p.

29. Schwartz R.A. *Cold War Culture: Media and the Arts, 1945–1990*. New York, Facts on File, 1998. 376 p.

30. Shaw T. *Hollywood's Cold War*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2007. 336 p.

31. Smith J. *Film Criticism, the Cold War, and the Blacklist: Reading the Hollywood Reds*. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 2014. 368 p.

32. Strada M.J., Troper H.R. *Friend or Foe?: Russian in American Film and Foreign Policy*. London, Scarecrow Press, 1997. 312 p.

Information About the Author

Kirill A. Yudin, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and Cultural Studies, Ivanovo State University of Chemistry and Technology, Prosp. Sheremetevsky, 27, 153000 Ivanovo, Russian Federation; Grant Executor, Herzen University, reki Moiki Emb., 48, 191186 Saint Petersburg, Russian Federation, kirill-yudin.hist@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9579-7056>

Информация об авторе

Кирилл Александрович Юдин, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии, Ивановский государственный химико-технологический университет, просп. Шереметевский, 27, 153000 г. Иваново, Российская Федерация; исполнитель по гранту, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. реки Мойки, 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, kirill-yudin.hist@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9579-7056>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.6>

UDC 327.82(73):7.011.3
ЛБС 63.4(7Coe),9

Submitted: 28.08.2023
Accepted: 28.10.2023

THE USSR STATE LEADER IN THE U.S. SUPERHERO COMIC STRIPS IN THE 1980s: CONSTRUCTING AND BROADCASTING STEREOTYPES ABOUT “RUSSIANS” IN THE HISTORICAL CONTEXT OF THE COLD WAR¹

Nina Yu. Sputnitskaya

Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov, Moscow, Russian Federation;
Herzen University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* There has been a rich tradition of using stereotypes and clichés of Russians in U.S. comic strips since the 1940s. Russian characters represent statehood, cultural dominants, and ethnic stereotypes. They convey the political agenda and civic values and demonstrate reactions to historical cataclysms. The leaders of the USSR represent the state as a political system in comic strips. In the 1980s, the interpretation of the “Russian threat” changed significantly, as did the methods of representing the General Secretary of the Soviet Union. *Methods and materials.* The article is based on the principles of historicism. The analysis was carried out using a set of methods: descriptive, elements of discourse analysis, and semiotic tools. The work used a range of sources, among which the most important were the issues of graphic comic strips regulating censorship documents and visual representations of Russians. *Analysis.* The author analyzed the dramaturgy of the 1986–1989 comic strips about the “Russian threat,” in which Mikhail Gorbachev appears. The key motifs that made up the image were identified, an iconological analysis was performed, and the speech characteristics of the protagonists and antagonists of superheros were analyzed. The dynamics of the image of the leader of the USSR in superhero comic strips were determined by the transition from a caricature image to a Machiavellian ruler of the “Evil Empire,” ready, among other things, to collaborate with the United States. *Results.* From the point of view of iconography, a number of techniques for depicting Mikhail Gorbachev in comic strips correlate with the techniques of representation of Ronald Reagan. In some comic strips, the strategic superiority of the leader of the USSR over American superheros is indirectly emphasized. The appearance of realistic features in the image of Gorbachev makes it possible to talk about the expansion of cultural ties between the USSR and the United States, a well-known social demand of the target audience, completely dissatisfied with the stereotypical images of the leaders of the USSR and the country itself.

Key words: propaganda, Mikhail Gorbachev, Ronald Reagan, supervillains, comic strips, “Russian threat”.

Citation. Sputnitskaya N.Yu. The USSR State Leader in the U.S. Superhero Comic Strips in the 1980s: Constructing and Broadcasting Stereotypes About “Russians” in the Historical Context of the Cold War. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 1, pp. 55-76. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.6>

УДК 327.82(73):7.011.3
ББК 63.4(7Coe),9

Дата поступления статьи: 28.08.2023
Дата принятия статьи: 28.10.2023

ЛИДЕР СССР В СУПЕРГЕРОЙСКОМ КОМИКСЕ США В 1980-х гг.: КОНСТРУИРОВАНИЕ И ТРАНСЛЯЦИЯ СТЕРЕОТИПОВ О «РУССКИХ» В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ¹

Нина Юрьевна Спутницкая

Всероссийский государственный университет кинематографии, г. Москва, Российская Федерация;
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В комиксе США с 1940-х гг. сложилась богатая традиция использования стереотипов и клише в отношении «русских». «Русские» персонажи репрезентируют государственность, культурные

доминанты, этнические стереотипы, транслируют политическую повестку, гражданские ценности, демонстрируют реакции на исторические катаклизмы. Лидеры СССР репрезентируют в комиксе государство, как политическую систему. В 1980-х гг. существенно меняется трактовка «русской угрозы», а также приемы репрезентации генерального секретаря Советского Союза. *Методы и материалы.* Статья базируется на принципах историзма. Анализ осуществляется с применением комплекса методов: дескриптивного, элементов дискурс-анализа и инструментов семиотики. В работе использовался круг источников, среди которых наиболее важными являются выпуски графического комикса, регулирующие цензурные документы, визуальные репрезентации «русских» персонажей. *Анализ.* В статье анализируется драматургия комиксов 1986–1989-х гг. о «русской угрозе», в которых фигурирует Михаил Горбачев. Выявляются ключевые мотивы, составляющие образа, производится иконологический анализ, анализ речевых характеристик протагонистов и антагонистов супергероики. Динамика образа главы СССР в супергеройском комиксе определяется переходом от карикатурного образа к макиавеллистическому правителю «Империи зла», готового среди прочего к коллаборации с США. *Результаты.* С точки зрения иконографии ряд приемов изображения Михаила Горбачева в комиксах коррелирует с приемами репрезентации Рональда Рейгана. В отдельных комиксах косвенно подчеркивается стратегическое превосходство лидера СССР над американскими супергероями. Появление реалистических черт в образе Горбачева позволяет говорить о расширении культурных связей СССР и США, известном социальном запросе целевой аудитории, неудовлетворенном полностью стереотипными образами лидеров СССР и самой страны.

Ключевые слова: пропаганда, Михаил Горбачев, Рональд Рейган, суперзлодеи, комикс, «русская угроза».

Цитирование. Спутницкая Н. Ю. Лидер СССР в супергеройском комиксе США в 1980-х гг.: конструирование и трансляция стереотипов о «русских» в историческом контексте холодной войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 1. – С. 55–76. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.6>

Introduction. The urgency of the study is due to the historical tradition of using stereotypical “Russian” in U.S. propaganda characters that represent statehood, cultural dominants, ethnic stereotypes, convey political agendas and civic values, and demonstrate reactions to historical cataclysms. The analysis of “Russian” images in comic books, and in particular the political leader of the USSR during a certain period, will make it possible to study the dynamics of the construction of “Russian” characters in mass culture. Thanks to it, it is possible to identify effective technologies for transmitting stereotypes about the USSR and Russia in modern media, including cinema, TV (news broadcasts, television series, etc.), and new media (publications on the Internet, social networks, etc.). Until today, the analysis of the image of the General Secretary of the USSR, Mikhail Gorbachev, in the superhero comic has not been made. The superhero comic, as a tool of public policy, has evolved over time, responding to various pressing demands from both U.S. society and government. The direct control of the industry by the state is evidenced by the FBI archives (in particular, the Correspondence of President of the Association John Goldwater, which is mentioned by comic books researchers G. Morrison, J. Dittmer, and S. Krensky [3; 13; 17]). In his research, P.S. Hirsch detailed how, in the 20th century, the American government and social

organizations defined the form and content of the comic [9]. In turn, Soviet and Eastern European animation is full of allusions and critical assessments of U.S. comic book images [23; 24; 30]. Historical characters play a separate role in artistic propaganda [12; 26; 30].

The tradition of introducing the USSR leader as a representative of a rival power into the serial narrative emerged in the 1940s and was strengthened during the escalation of the Cuban Missile Crisis. In the 1970s, interest in finding original representations waned, but in the 1980s, the relevance of “Russian” characters increased again. The space for experimentation in comic books was born from the foreign policy situation (the need to design the enemy in an acute situation), the rhetoric, and even the personality of the U.S. president. If the duo “Khrushchev-Kennedy” effectively implemented the model of the *old – young* head of the country, then after the 1960s there was a crisis in the representation of such opposition [4; 22; 26]. A conditional communist cumulatively replaced the caricature of the Soviet political leader (this is evident in the example of the dynamics of the image of Khrushchev in the comics *Marvel* published in 1961–1963). It should be noted that it is more difficult to make this type of character expressive for the audience than the figure of a monster or an alien. At the same time, the state order required authors to

introduce “Russian” characters to construct an external enemy [25; 28; 30].

By the mid-1960s, a stable set of types of “Russian” characters had formed in the superhero comics. The authors are limited to a cheap set of tools and attributes that make the image recognizable and spectacular: a red five-pointed star, a bald skull, tattoos, a leather jacket, worn pants, a beard, and a mustache. The color palette of “Russian” suits is limited; it is dominated by combinations of green and red. In comic books and other texts of mass culture from the 1970s, the KGB is personified (in particular, in Bondiana films). The first, rather timid attempts by the creators of *Marvel* to introduce the superhero President of the United States, John Fitzgerald Kennedy, as a character did not have time to form a tradition. His representations had only an iconographic similarity to the prototype and, unlike the image of Nikita Khrushchev, had no development.

By the Détente period, the Russian characters in the comic had become irrelevant; the communists had turned out to be alien beings or representatives of other countries and ethnic groups. All this was a consequence of the “growing concern about the moral certainty of the Cold War American identity” [2, p. 94]. In this context, the biographies of former supervillains Sergei Kravinoff and Dmitri Smerdyakov (Chameleon) were specified, and a new “Russian” character, Leonid Kovar (Red Star), was constructed. The meager and less divisive episodes of Richard Nixon in superhero storylines bore witness to the looming crisis in the 1970s [27]. Leonid Brezhnev’s appearances in the comic book were episodic and dated from 1981; he appeared in the “group” of politicians, whose countries were under worldwide threat from the outside. Among them, the reader only met the incoming head of the United States, Ronald Reagan, whose copyright position was neutral. By the mid-1980s, however, against the backdrop of the confrontation and dialogue between Reagan and Gorbachev, which developed in the pages of the superhero comic book, heads of state blended into the fabulous discourse as comic characters, both kinematic and controversial.

Transmedia narrative researchers, referring to the tools of semiotics and cognitive analysis [14; 18; 27], have been examining how the comic conveys topics such as cultural imperialism, the Pharmakon image, hegemonic masculinity, and sovereignty. Dittmer discovers that it is the design of the

character Captain America that becomes one of the reasons for the capacity and mobility of the image; it explains the empathy of the audience and the functionality of a very conditional character [3, p. 642]. The analytical strategy of the researcher seems to be effective in relation to the comic versions of the leader of the USSR because it reveals the mechanisms of criticism of friend and foe in the period of “tension” [19]. The position that the Superhero comic is based on the laws of the heroic (magical) fairy tale [5; 16] and the provision of the comic book as a consistent art, which the researcher S. McCloud postulates [15], the narrative of the Russian threat and the image of the USSR leader in the Cold War comic book can be analyzed by searching for a mechanism to complete the image of the “Russian threat” between frames and iconographic and verbal components of the image.

The analysis of composition, perspective, gluing, flying, replica, and logic of the order of frames provides additional material for characterizing the image of the “Russian” enemy. The Reagan era saw an intense search for techniques and ways to build narratives, including critical assessments of the head of state. This was due to factors external to the subculture of comics and internal processes. The Comics Code Authority (CCA), the launch of high-priced comic book titles and video and film competitions after New Hollywood [25], became the impetus for expressive media: layout, rhythm, and story dynamics. The selected research focus makes it possible to: understand and evaluate the functions of the Soviet political leader in comics; establish the dynamics of the formation of a positive image of Russians in mass culture; and identify a set of artistic techniques (elements of mythology) for creating an image of political leadership. To do this, it is necessary to analyze the dynamics of the image of the General Secretary of the USSR in the Superhero comics of 1986–1989.

Methods and materials. The analysis of the comic book in chronological order makes it possible to establish a sequence of cultural connections between the existing political, social, and cultural agendas of the United States and the USSR and their implementation in graphic images. The historical value of the graphic comic book about superheroes lies in the special cultural significance of the visual component, which allows for propaganda, education, entertainment, and other tasks. The analysis is carried out using a complex

of methods: the descriptive method, elements of discourse analysis, and tools of semiotics. The research used a range of sources, among which the most important are: the issues of graphic comics; regulating censorship documents; and visual representations of “Russian” characters.

Analysis. The 1980s for the comic book industry and for the major producers in the DC and Marvel industries were characterized by a significant difference in audience and a change in age. In DC comics, in particular, there were much more complex stories; the characters were grouped together; and a specific literary drama and psychological depth were registered (first of all, in the Batman comics).

By the 1980s, the USSR was represented primarily by stable, widely known target audience locations and spaces in DC and Marvel comics (the Kremlin, Siberia, and other places that made it possible to unambiguously identify the country). At the same time, interest in the complexity of conflicts and plots leads to the emergence of ambiguous character traits (this applies to both superheroes and known, for example, political personalities). It is quite natural that, in addition to the traditional confrontation between the USSR and the USA, inherited from the previous decades of the Cold War, the motive of the growing threat from third parties – the antagonists who do not represent the USSR, the USA, or, often, the inhabitants of Earth – gains importance.

In the issue *The Adventures of Superman* [1], the USSR and the USA are threatened by Dr. Stratos, who, like Superman, is not human, though anthropomorphic. Like Superman, he does not know his parents (they are the gods who left his son at the foot of Mount Olympus after his birth). The completely clichéd plot of the comic book is that Stratos seeks world dominance using his supernatural ability to control the weather. In the comic book exposition, he addresses Reagan and Gorbachev directly by telephone, demanding nothing and merely announcing that both superpowers will be conquered. The image of the head of state in the comic book exposition is presented in an iconographically authentic way; the similarity is easy to perceive. With regard to the speech characteristics, it should be noted that the style of communication between them is, if not between friends, then between colleagues (Reagan refers to Gorbachev by name). Moreover, at the end of an

abusive conversation with Stratos’ threats, the President of the United States clearly hints that he has a man who can help both countries: Superman.

The 1986 DC comics series *The Outsiders* is a reaction to the difficult period of the Cold War, where there was no previous polarization of left and right forces, good and evil. Characters can change sides; numerous hero alliances are temporary and much less stable than the famous superhero associations *Avengers* (Marvel) or *Justice League* (DC). In particular, the group “Outsiders” arises as a squad of Batman’s assistants, created with his direct participation, but in the future it will begin to develop as an independent group of superheroes. It should be noted that one of the signs of the drama of DC and Marvel comics is manifested in the fact that not anthropomorphic beings (of extraterrestrial origin, such as Superman, or those associated with the literary and mythological layer – Aquaman, Thor, Wonder Woman), but people with superpowers are becoming increasingly important among superheroes. Thus, in the “Outsiders” squad, the character Looker (Emily “Lia” Briggs) has psychotelekinetic, the character Geo-Force (Brion Markov) has superhuman strength and speed, etc.

In the exposition of the comic *The Outsiders. Pawns of the Bad Samaritan* [20], a former Soviet spy, the Bad Samaritan, offers a deal to General Secretary Gorbachev. It becomes known from the dialog that the USSR and Gorbachev are directly connected with the events of another issue of *The Outsiders*, where the fictional East-European country Markovia, where the USSR supported an attempt to change the political regime (allusions to the post-war redistribution of the world, the creation of the countries of the Warsaw Pact, the partition of Germany, and other political conflicts of the Cold War). The Bad Samaritan promises to improve the economic situation of the USSR and help strengthen the political position of Gorbachev himself (according to the plot, the Bad Samaritan will steal the forms and plates for printing Markovia banknotes to achieve economic collapse). The relationship between the characters changes dramatically from the beginning to the end of the scene, from the relationship between the Angry Customer and the Failed Performer to a friendly conversation between the two business partners.

In depicting Gorbachev, the painters clearly did not seek iconographic similarities with the

politician. Only the birthmark on his forehead can be attributed to the General Secretary. The space in which the scene takes place – Gorbachev’s office in the Kremlin – is sketchy and consists of visual clichés borrowed from comics, literature, and cinema of the past years: a portrait of Lenin on the wall, carved heavy ceilings of the Kremlin corridor, a lamp with a lampshade, a massive desk, expressionist lighting, that is, a combination of drawing light and dark background, and so on. A conversation about rising inflation and problems with bread in Russia is given against the background of the image of an old man with an avoska (a net bag), standing in front of a wooden apartment building with the Kremlin in the background (Fig. 1).

However, it must be understood that the storyline between Gorbachev/Kremlin and The Bad Samaritan is not the primary focus, but it is necessary to realize the central plot: a spectacular, expressive conflict between two groups of Outsider superheroes (patriots of Markovia) and the Force of July (that is, a governmental unit of superheroes from the USA).

The story continues in the next issue of the comic [21]. Quite characteristic of the DC comics of the 1980s is the unexpected denouement and finale: the operation to steal typographic bank forms ordered by Gorbachev to the Bad Samaritan turned out to be just a spy check. In the finale, the head of the USSR personally returns the forms to Major Victory and offers the Bad Samaritan to head the service for recruiting and training Soviet secret agents. In addition to the original conflict, it is interesting how Gorbachev is dramaturgically (at the level of dialog content) and visually presented (Fig. 2).

The General Secretary of the USSR is presented as an experienced strategist. His speech is characterized by conciseness and the ability to make judgments that have the force of an unconditional order for superheroes from other countries (Fig. 3). The finale is indicative. In the midst of a battle between Soviet troops, the Force of July, and Outsiders, Gorbachev spectacularly appears with a sacramental phrase: “Forgive the melodrama... But I had to get you attention / I believe you are seeking these?”

After handing over the clichés, Major Victory wonderfully asks, “What’s this, some kind of commie trick?”. This exchange undoubtedly emphasizes that the American Hero Major Victory does not distinguish between rhetorical discourses and is

unable to enter any elementary negotiations. He uses the rough, colloquial word “commie” to refer to the political leader of a foreign country, which is obviously impossible in such a delicate situation. Moreover, Major Victory is a largely caricatured figure: a blond, serviceman, possessing enormous power, who is able to fly, understands and gives only direct orders, and who is rather anachronistic and typical of 1960s comics. He is, in a sense, the quintessence of American fears and hatred of communists and the Soviet era at the height of the Cold War. On the same page of the comic book, after seeing the General Secretary for the first time, Major Victory exclaims, “Gorbachev! If I could kill him...”. The absurdity of this statement, especially from the leader of the group representing U.S. interests, is understood even by the leader of the Outsiders: “There would be war. Keep still,” says Geo-Force. However, Gorbachev skips the insult and replies aphoristically, “No, not a trick. The collapse of America’s economy would be desirable, but the world’s would soon follow – and that would not”.

Of particular interest is a series of images following the images considered. It is curious that the American group of superheroes, Force of July, having received bank clichés, immediately flew away without even trying to request the extradition of the spy of the Bad Samaritan or accuse him of crimes against civilians. Geo-Force, a person who is completely uninterested and who is not a U.S. citizen, has again taken over this function. He says, “But this man murdered an American citizen, he...” Gorbachev’s polite phrase, “You may leave,” stops further attempts at negotiations. The final image is also of interest: in the foreground there are the figures of Gorbachev and the Bad Samaritan in a typical cinematic *mise en scene* (two characters are deployed three-quarters mirrored to each other). Gorbachev is shown from the bottom point, with emphasized monumentality; the Bad Samaritan is also presented advantageously – only his expressive profile is visible. On the other hand, the right part of the image (the colored figures flying in the right part of the frame resemble the artists of the tent show in their graphic and color diversity) looks absurd since it does not correspond stylistically to the main tonal and compositional character of the frame, referring to the aesthetics of noir, the political thriller of the 1960s and 1970s [28, pp. 195, 325].

Fig. 1. Frame from the comic book

Fig. 2. Frame from the comic book

Fig. 3. Frame from the comic book

Thus, the entire political adventure with the theft of clichés represents a complex, multi-directional combination of verification and actual recruitment of a valuable Bad Samaritan super-spy. In such a situation, Gorbachev is presented not only as a talented strategist and an experienced politician but also as a leader capable of making tough decisions. One of the stages of the operation is the landing of the Bad Samaritan with a cliché on a Soviet submarine. Again, despite the apparent physical superiority of the Force of July, Soviet sailors managed to defeat them due to their well-organized work. Additionally, the entire American group, including the Victory Major, finds themselves in Soviet captivity, where they are experimented on at a special facility near Leningrad.

In the same year, the series *The Outsiders* further developed the theme of the USSR and Gorbachev. In the issue *Is No More the Outsiders, Is Just the People's Heroes* [11], the plot is based on the abduction of the wife of the American black superhero Black Lightning (Fig. 4). The first pages reveal that the dictator of the African state of Mozambique is in direct contact with the USSR and Gorbachev. The Outsiders embark on a rescue mission that turns out to be a trap, as the General Secretary of the USSR has sent a group of his own superheroes to Mozambique. The exposition in several images shows a telephone conversation between the dictator and Gorbachev, who, having learned that the Outsiders are planning to arrive in Africa, takes the opportunity to settle scores. The interests of the USSR in this situation are purely economic, since Mozambique is the source of the American currency. Indeed, Soviet superheroes have taken all the Outsiders captive, with the exception of Black Lightning. However, the attributes of the characters and their names are Cold War clichés. Thus, among the Soviet superheroes are: a married couple, Hammer and Sickle (both spouses have superhuman strength and combat skills); Molotov, a specialist in organizing explosions; and a female character named Pravda with telepathic abilities. Costumes and other elements of the appearance are also quite stenciled: large red stars applied to clothes on the chest, emblems of “USSR” on belts, and elements of military style in clothing.

The story from the reviewed issue is further developed in the comic book *The Outsiders... and The Rockets' Red Glare* [22]. The Looker says that the dictator of Mozambique eventually sent

the Soviet superheroes to prison as well. However, they were rescued from prison by another group of Soviet superheroes: three characters who, due to nuclear fusion, are able to unite into one superhero, Fusion (Fig. 5).

The conflict of the plot is communicated to the Soviet superheroes directly by Gorbachev: “But our doctors seem to think the fusing process may have unbalanced his personalities, tripling not only his love of country – but his hatred for her foes.” Fusion is mentally unstable and, ultimately, too dangerous for the USSR in a difficult geopolitical environment. He plans to carry out an attack and sabotage the reopening of the Statue of Liberty. The deaths of any official at the event could be a cause for war. Gorbachev stresses that the aggravation of relations between the Soviet Union and the United States is unacceptable, and the elimination of Fusion will become a joint operation of the Soviet superheroes and the American Group Force of July.

The superheroes of the USSR are strictly subordinate to the General Secretary. In the image, the squad is lined up in front of Gorbachev in his Kremlin office. It is important to note that the chosen perspective (the general plan, the unit standing frontally in front of the Secretary General, who has his back turned to the viewer) emphasizes not so much the personal importance of the leader but rather, apparently, the Russians’ abiding by the very fact of subordination. Psychologism and the depth of connections between characters – a characteristic feature of 1980s comics – is achieved through the capacity of the lines. The heroine Pravda is quite free to give Gorbachev her expert opinion (she is a telepath and synesthetic) about the unprofitability of Fusion: “Fusion must be stopped. I sensed great mental anguish in him,” which only confirms the Kremlin’s decision. That is, there is no blind obedience in the group of Soviet heroes, which, for example, was conveyed in the 1950s in literature, in particular, in Fleming’s novel *From Russia with Love*, where the management models of SMERSH and MI6 were opposed precisely by the criterion of dialog between the leadership and the performer (Politburo/Rosa Klebb-Grant, “M”-Bond). Gorbachev, when he expresses the decision of the Politburo about Fusion, is shown against the backdrop of the Fusion close-up, which is undoubtedly a cinematic cliché (for example, the texture is a frame from the film *Citizen Kane*, Fig. 6).

A similar technique is used in the 1983 Bond film *Octopussy* (Fig. 7).

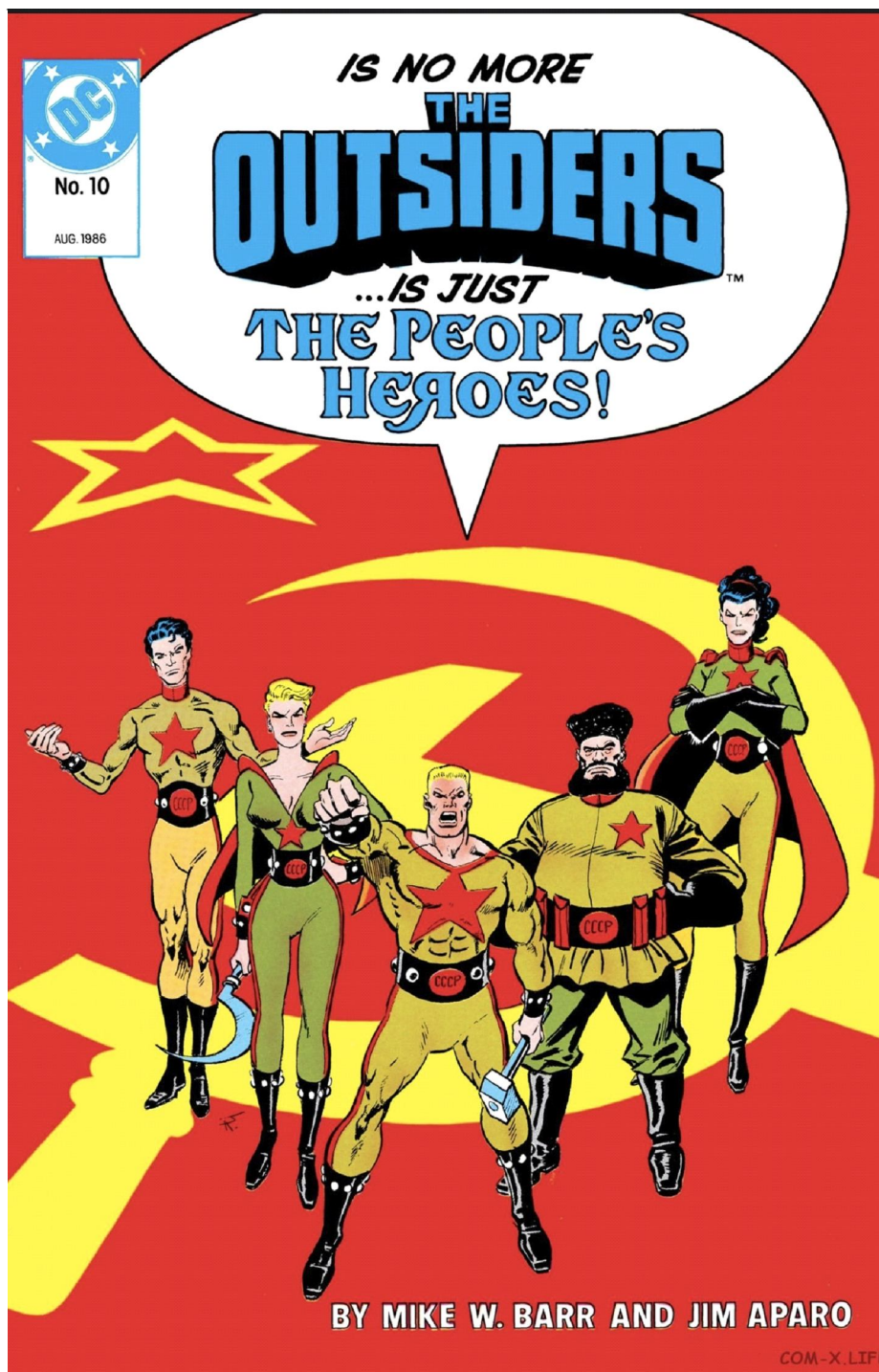

Fig. 4. Frame from the comic book

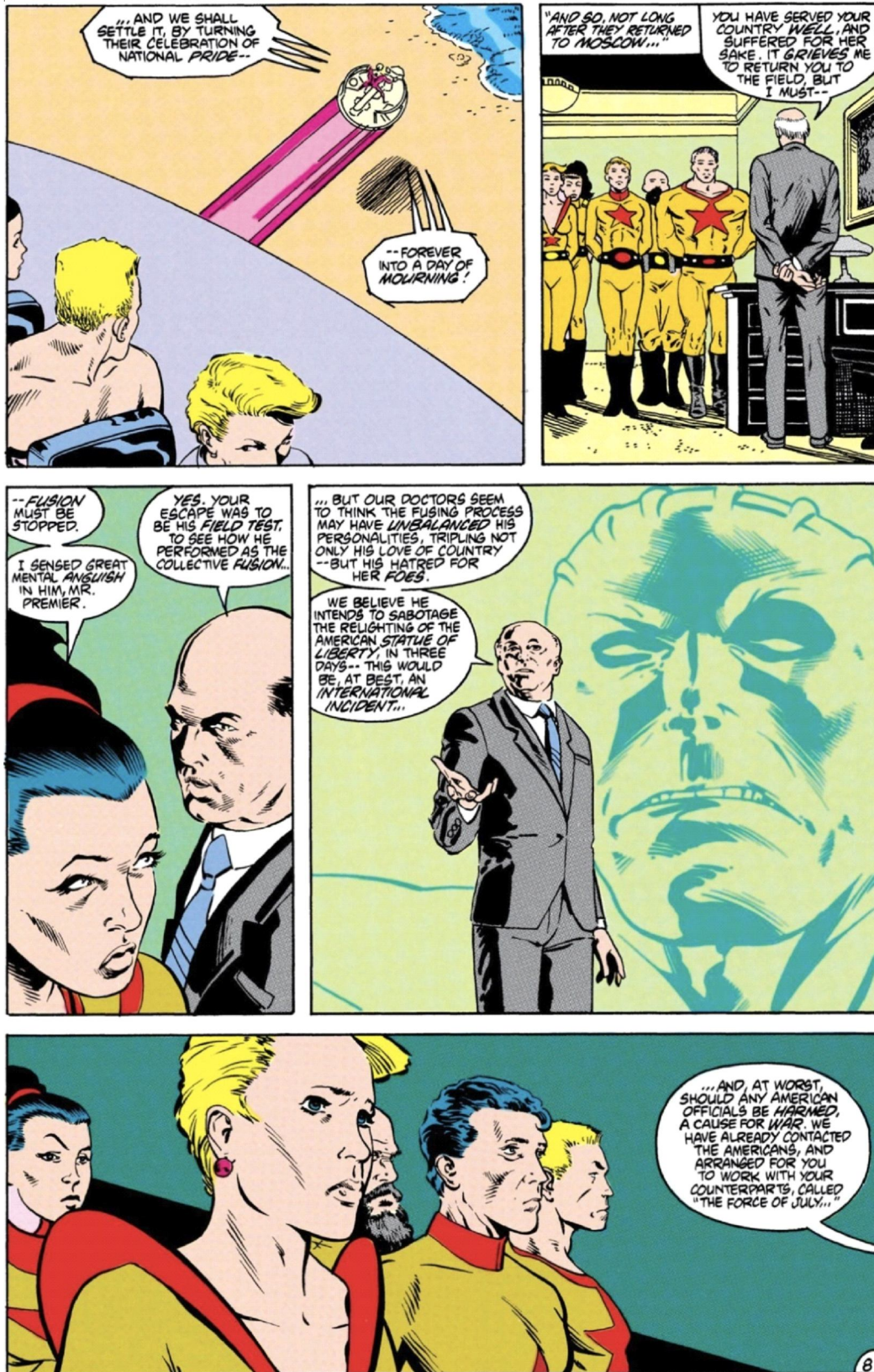

Fig. 5. Frame from the comic book

Fig. 6. Frame from the film the movie "Citizen Kane" (1941)

Fig. 7. Frame from the film "Octopussy" (1983)

The model of subordination of Soviet superheroes to Gorbachev is generally identical to the Force of July model, but with one important difference. The author's irony can be seen in the fact that the General Secretary of the USSR discusses the joint operation of superheroes not with the American president (such a motive is also implemented in the comics of the 1980s), but with Blairman, Director of the American Security Agency and creator of the Force of July. Blairman is a typical character: the head of the secret service, to whom special agents personally report on completed tasks. Among his functions, this clichéd character inherited from the comics and films of the 1950s and 1960s such a characteristic element as distrust and hatred of communists, but unlike Victory Major, Blairman, at least nominally, accepts the rhetoric of cooperation. While ordering a joint operation with the USSR, he nevertheless orders: "...And you are assigned to work with them to find this alleged 'renegade'. But keep an eye on them. I don't trust them any further than I can throw them!". At the same time, Gorbachev, unlike Blairman, does not give his super-team any additional orders in relation to their colleagues (Fig. 8).

Images of the Soviet Union and Gorbachev appeared in such an extensive series of comics of the 1980s as *The Green Lantern Corps*, released by DC since 1959. This series developed the idea of many inhabited worlds populated by intelligent beings, but not always humanoids. The Green Lantern Corps was an association of the best representatives of the planets that ensured world order with the help of the power rings given to its members. In the release *The Green Lantern Corps* [7], one of the superheroes, Salakk, formulated the credo of this alliance: "We are all here to protect life".

Three issues of 1987 No. 208–210 presented the story of the creation of the superhero Red Rocket in the USSR using one of the green lanterns. General Secretary Gorbachev was directly involved in this project. However, the nature of the narrative, the history of the Red Rocket, and the almost-launched World War between the USSR and the USA determined the author's irony and satire. The previous exposition [6] showed another failed attempt to create a Soviet superhero in an underground bunker of a deep bed: another volunteer soldier died on the laboratory table. Nevertheless, this exposition was anything but a manipulation of the stamps of political propaganda

in the comics of the 1950s and 1960s and anti-Soviet films of the same period [10; 29]. The narrator's introductory text (which was certainly the equivalent of voice-over in numerous American detective and thriller movies where Soviet spies took part) was ironic: its pomposity, the description of Russia through standard images of eternal winter, dark bunkers, and soulless military doing evil in the dark. Movies of the 1950s and 1960s also used the repetitive saying, which intensified in its expressiveness to the final: "It exists far away to the northeast, where kilometers stretch white and wind-whipped between the small white compounds... It exists below those anonymous bunkers – far below, the stale, overheated labs. It exists – the rocket red plan. Exists, but always fails". The images in the comic are clichéd – snow-covered fields and forests, a military object (a sign in Russian saying "no entrance"), a laboratory with roughly drawn objects, flasks with reagents that inflate a naked man – refer to a large group of classic horror movies (*Frankenstein*, etc.).

The further development of the plot is solved in a similar way – through the manipulation of motifs and clichés from anti-Soviet comics and films of the past. At the same time, "nine hundred miles in the Atlantic Ocean," a Soviet spy persuades one of the green lanterns, Kilowog, from the planet Bolovax Vik, to visit the Soviet Union. The scout briefly explains to the alien the geopolitical situation on planet Earth: there are two systems – the Western (USA), where money and individualism rule, and the Eastern (USSR), where everyone is equal and good and collective rule. The alien wants to make sure of this immediately and goes to a meeting with Gorbachev. Later, two other green lanterns, John and Katma, became interested in the Soviet system.

The plot and its development in Nos. 208–210 are also interesting as an example of the transformation of the anti-Soviet propaganda rhetoric of the past years into spectacular, entertaining material. The story is constructed in such a way that the viewer, observing the actions of the characters, thanks to the dialogs, gets the opportunity to ascertain the viciousness of the Soviet system and the scheming of Russians. As a result, the Green Lanterns unwittingly split into two camps: Kilowog, who becomes a communist, and members of the core group, who seek to convince him.

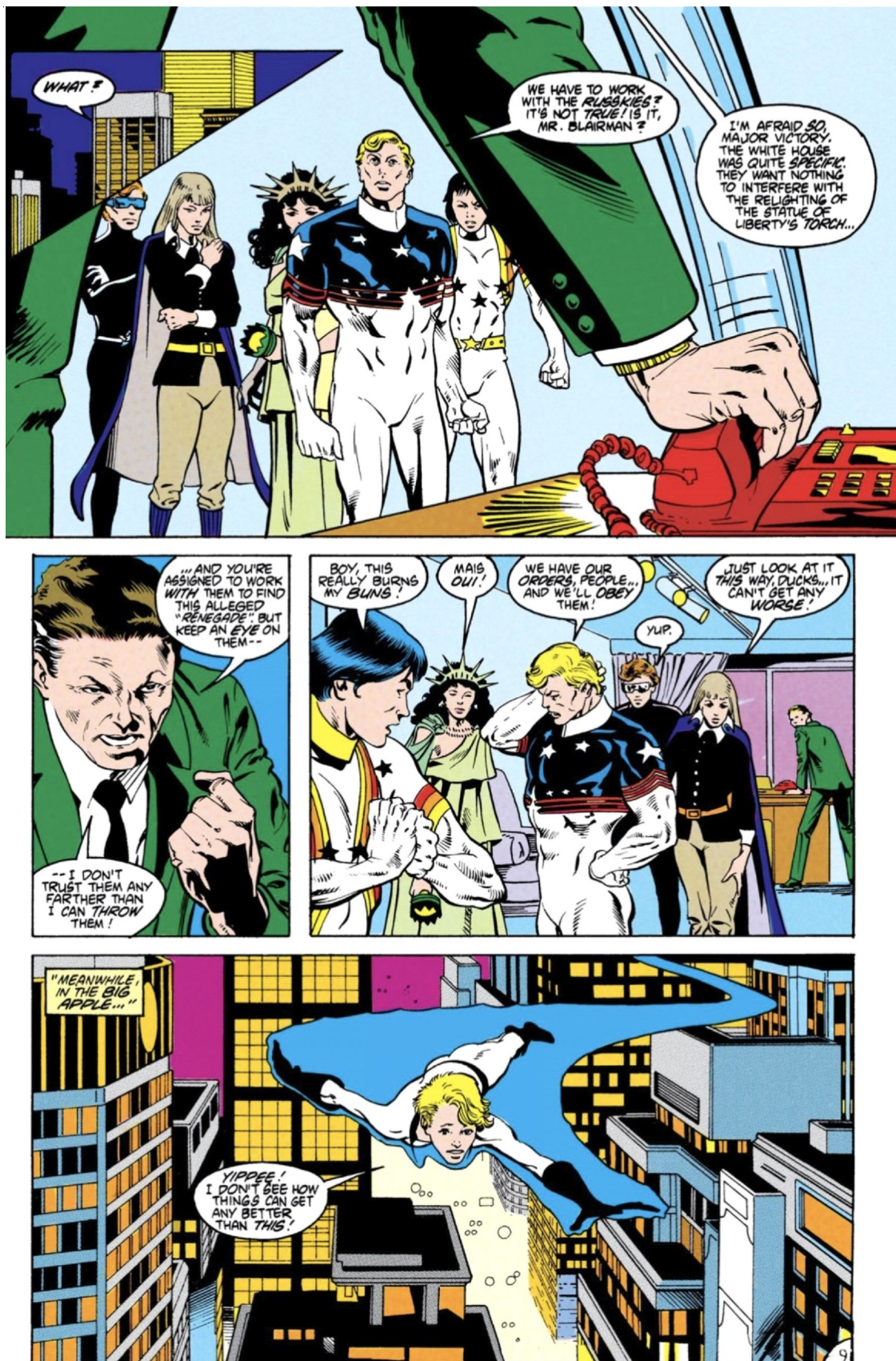

Fig. 8. Frame from the comic book

Images that perform a symbolic function are the building of Moscow State University in the Sparrow Hills and the Kremlin, which represent the USSR, where the alien arrives. Gorbachev is depicted with iconographic accuracy: he personally greets Kilowog with literally open arms and convinces him to use a ring to create a human robot: "...You can create with your ring these amazing machines I've heard so much about. We have a project I feel you could help us on... a project to ensure world peace" [6, p. 12]. In the episode where Gorbachev ideologically seduces the alien, he appears to be smiling and prone to friendly hugs. He switches to friendly vocabulary and uses numerous verbal clichés of informal speech: he asks to be called "comrade Gorbachev," emphasizes that in the USSR all are equal ("We're all comrades"), and calls Kilowog "comrade Green Lantern." At the same time, both Kilowog's line and Gorbachev's line, the images of the characters themselves – all of this is ironically, and in some moments satirically, embodied. For example, Kilowog is placed in a suite at the Kosmos Hotel in Moscow. The comic book depicts the merits of the room, which amazed the alien: a bathroom, a sink, and a modern-design toilet. It is the comfortable living conditions that made a deep impression on Kilowog, and he wonders why his colleagues in the corps do not like communists so much (Fig. 9).

An important plot conflict emerges and develops in other issues [7; 8], where two of Kilowog's partners discover that an army of human robots has been created parallel to the Red Rocket and develop a spectacular motif-cliché that unleashes World War III between the USSR and the USA. However, the motif is also satirical. The governments of both countries are victims of the involuntary provocation of the superhero, the green lantern Guy Gardner, who first attacks the USSR, saying that he has always hated the "commie." Considering it an attack by the United States, Gorbachev orders the launch of nuclear missiles. The above issues give close-ups of the leaders of the states, consistently raising the level of combat readiness of their armies, limited to mutual psychological attack.

The speech duel between the leaders of the superpowers is also shown ironically. Reagan uses speech clichés from Hollywood movies: "Two can play that game!"; "I knew this day would come! I always knew." However, the style of the images

has also been changed. The alternation of close-ups of Gorbachev and Reagan with a gradual increase in their size (the final image is a super-large plan or detail of Reagan's eye) is a stylization of parallel metric editing, which is used in cinema to create tension in the scene. Gorbachev breaks down and gives the final order for a missile attack, but Green Lanterns quickly destroy the missiles (Fig. 10).

Reagan's ironic portrayal is also fueled by the verbal characteristics: jokes that the head of the United States allows himself to make in conversation with Green Lanterns. For example, he compares alien defenders to immigrants: "I've always supported men who fought for their country – men and women, I mean, and aliens. Of course, if they have their green cards. Ha, ha!" (Fig. 11).

However, President Reagan's figure, despite its comic and satirical nature, serves as a moral counterweight (the president's actions essentially demonstrate the normative behavior of a head of state, which is in stark contrast to Gorbachev's activities). After the departure of Kilowog to the USSR, Reagan calls the Green Lanterns "on the carpet" [7]. Among the claims made by the President of the United States to superheroes is the following: because they are based in the United States, they are obliged to protect the United States. Reagan and the government are presented as frustrated that beings with that kind of power might, as it turns out, choose another state as a location. A debate erupts where superheroes explain to the president that their goal is to protect life in all its manifestations and that Earth politics is insignificant. Reagan then rephrases the claim: if Kilowog transfers power to the Soviets and they create a weapon that America cannot defend against, then America cannot be the guardian of life. Thus, the struggle against communism and the USSR is equivalent to the protection of life in all its manifestations (Fig. 12).

Results. The image of Gorbachev and Russians in the sample of comics is presented in visual, linguistic, and narrative-themed terms as a set of clichés accumulated over decades in different segments of American mass culture (cinema, television, literature, and comics). The earliest clichés date back to the 1930s (movies *Comrade X*, *Ninotchka*, and others).

Fig. 9. Frame from the comic book

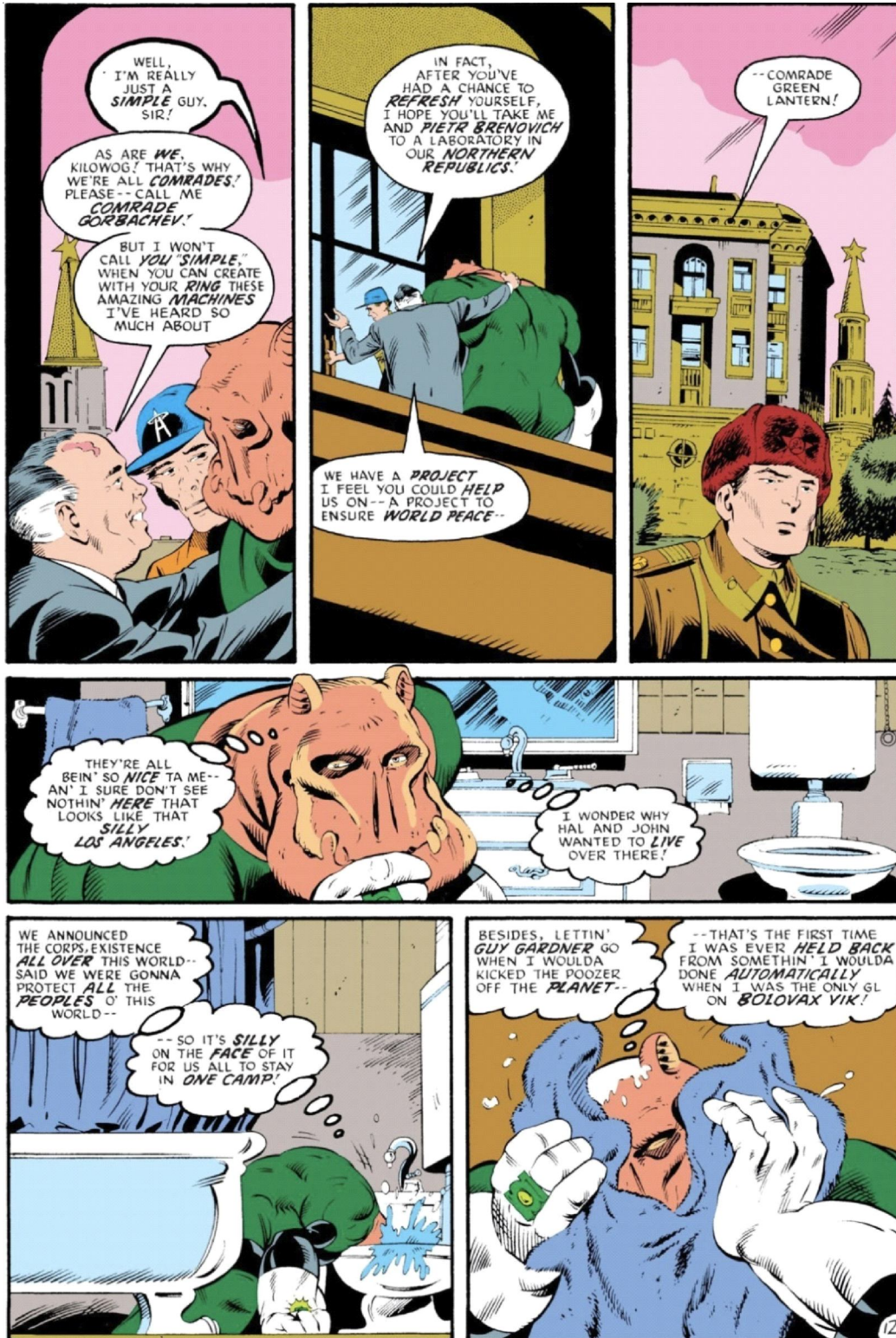

Fig. 10. Frame from the comic book

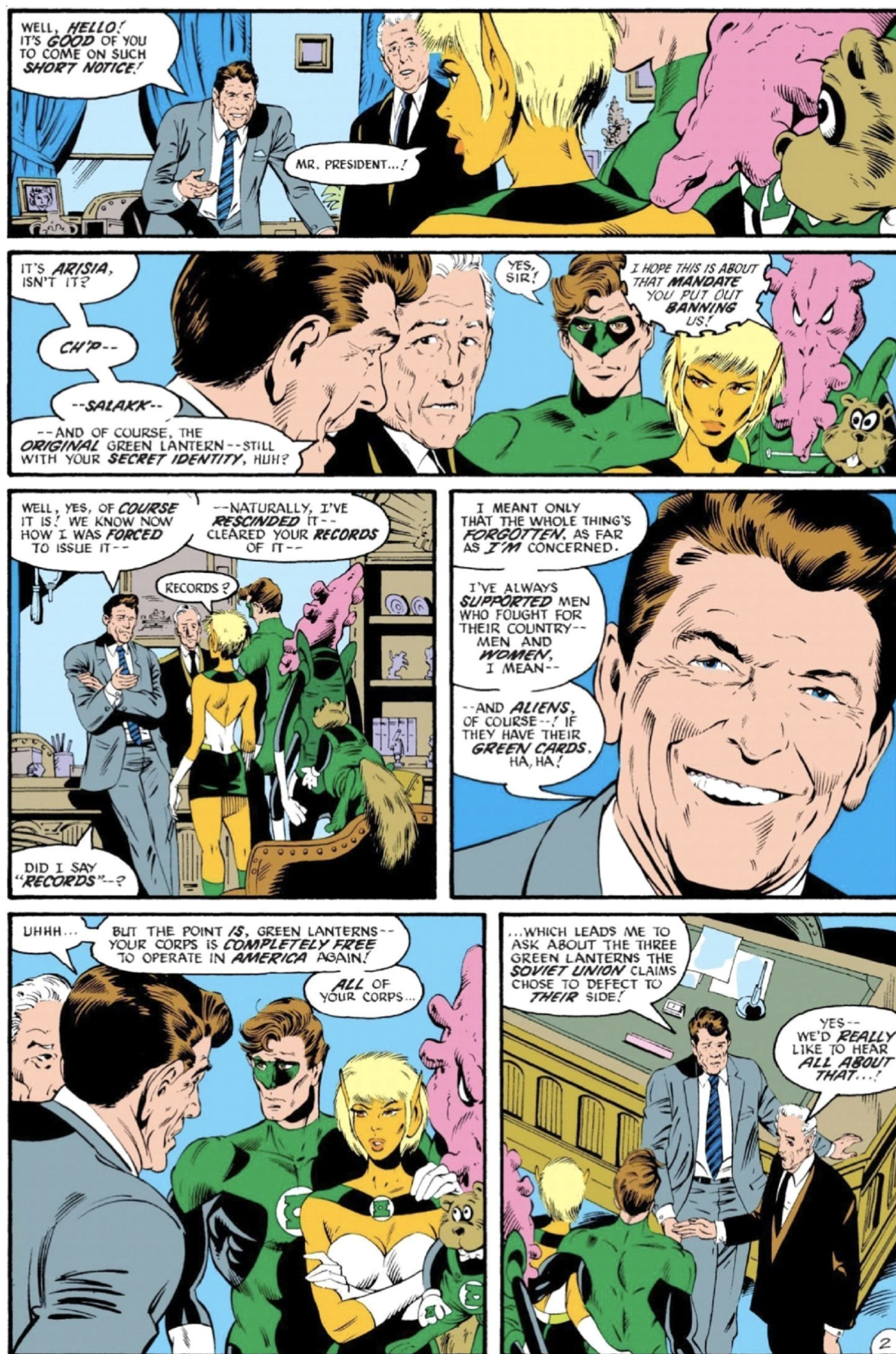

Fig. 11. Frame from the comic book

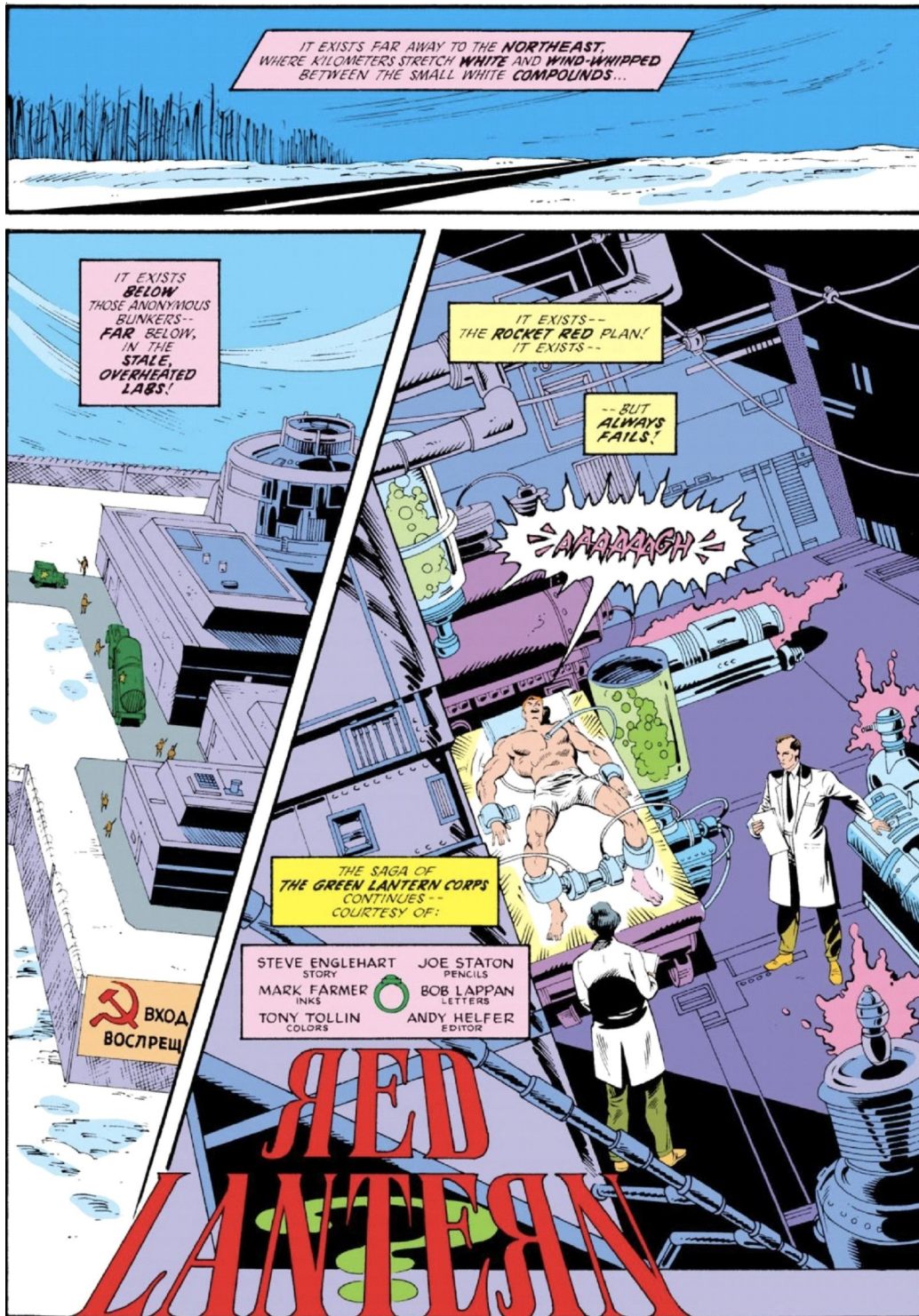

Fig. 12. Frame from the comic book

In contrast to the criticism of Reagan and the U.S. government, the targeted, detailed, subject-oriented criticism of Gorbachev, the Soviet regime, and communist ideology is less relevant to the American reader because it is implemented through clichés. Since this fact is obvious and does not require argumentation, it can be stated that the image of “Russian” communists and of the “Red Menace” in comics is primarily spectacular and entertaining. The images of Russians are realized not through the actual political agenda but through citation, stylization, and the use of literary tropes (grotesque, ironic, parody), which suggest that the target audience understands the old clichés. In this regard, it is indicative that detailed images of “Russians,” the USSR, and Gorbachev appear in the series that were resumed in 1980 after a long publishing pause (*The Outsiders*, *The Batman*, and *The Green Lantern Corps*).

Among the actual, individualized, and specific features of Gorbachev (in addition to the obvious, iconic similarity), it is possible to distinguish speech characteristics and a set of actions as the plot of the comic develops. In general, the figure of Gorbachev, unlike the figure of Khrushchev, can be defined as the leader of the state, embodying the ideal of Niccolò Machiavelli’s *The Prince*. Gorbachev, in the reviewed comics *The Outsiders* and *The Green Lantern Corps*, is shown as a ruthless, calculating politician, an experienced strategist, and a skilled diplomat. The authors of the comics do not perceive him as a sole ruler like Khrushchev [26]. In this regard, an illustrative example from the comic book *The Green Lantern Corps* shows how the Soviet leader communicates with his subordinates at various levels, starting with the military and ending with diplomats.

From the point of view of iconography, a number of ways of depicting Gorbachev in comics correlate with the methods of representing Reagan: his facial expression, behavior, and way of dealing with the interlocutor change quickly, depending on the logic of communication with a particular character (*The Green Lantern Corps*).

Some comics indirectly emphasize the strategic superiority of the USSR leader over American superheroes. In other words, it can be formulated as a criticism of American society and superheroes (the tendency to clichés and stereotypes of the past are demonstrated, in particular, by the members of the Force of July) through collisions with Gorbachev (*The Outsiders*).

The emergence of a realistic character in the image of Gorbachev suggests the expansion of cultural ties between the USSR and the USA, a well-known social demand of the target audience, which was dissatisfied with completely stereotyped images of the leaders of the USSR and the country itself as they were presented in the 1960s. Evidence of this can be seen indirectly through scenes in which a Russian spy describes the features of the political system of the USSR and, more importantly, attracts an alien. It can be said that the criticism of the Soviet system is not presented here through unambiguous denial but through artistic argumentation – the alien, having passed through the tests, is ultimately disappointed by the Soviet political system.

Gorbachev’s image in the comics reflects the changes of the USSR and the Soviet leader in American society [19, pp. 211-290]. The research findings will make it possible to further study this issue and draw the most complete and reliable picture of the impact of the comic book industry on the culture, society, and international relations of the United States.

NOTE

¹ The article was written with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of the scientific project No. 22-18-00305 dated 05/18/2022 (No. 16/22 RNF) “Images of the enemy in the mass culture of the Cold War: content, modern reception and use in symbolic politics of Russia and the United States”. RNF Grant (Herzen University, Saint Petersburg).

Статья написана при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-18-00305 от 18.05.2022 (вн. № 16/22 РНФ) «Образы врага в массовой культуре Холодной войны: содержание, современная рецепция и использование в символической политике России и США». Грант РНФ (РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург).

REFERENCES

1. *Adventures of Superman. They Call Him Dr. Stratos*, 1987, August, no. 431.
2. Costello M.J. *Secret Identity Crisis: Comic Books and the Unmasking of Cold War America*. Bloomsbury Academic & Professional, 2009. 289 p.
3. Dittmer J. *Captain America’s Empire: Reflections on Identity, Popular Culture, and Post-9/11*

Geopolitics. *Annals of the Association of American Geographers*, 2005, no. 95 (3), pp. 626-643. DOI: 10.1111/j.1467-8306.2005.00478.x

4. Dmitrieva D. *Vek supergeroev: istoki, istoriya, ideologiya amerikanskogo komiksa* [The Age of Superheroes: Origins, History, Ideology of American Comics]. Moscow, Izoteka Publ., 2015. 317 p.

5. Petrov D., Yasenchak M.A. et al., eds. *200 let rossijsko-amerikanskih otnoshenij: nauka i obrazovanie* [200 Years of Russian-American Relations: Science and Education]. Moscow, OLMA Media Grupp, 2007. 397 p.

6. *The Green Lantern Corps*, 1987, January, no. 208.

7. *The Green Lantern Corps. Red Dawn*, 1987, February, no. 209.

8. *The Green Lantern Corps. Making the World Safe for Democracy*, 1987, March, no. 210.

9. Hirsch P.S. *Pulp Empire: The Secret History of Comic Book Imperialism*. Chicago, University of Chicago Press, 2021. 344 p.

10. Holt M.I. *Cold War Kids: Politics and Childhood in Postwar America, 1945–1960*. University Press of Kansas, 2014. 224 p.

11. *Is No More the Outsiders, Just the People's Heroes*, 1986, August, no. 10.

12. Kazyuchits M.F. Formirovanie obraza F. Kastro v kinodokumentalistike SShA i SSSR pervoj poloviny 1960-h godov [Creating the Image of Fidel Castro in the USA and the Soviet Documentary Films in the First Half of the 1960s]. *Novyj istoricheskij vestnik* [The New Historical Bulletin], 2023, no. 2, pp. 120-139. DOI: 10.54770/20729286_2023_2_120

13. Krensky S. *Comic Book Century: The History of American Comic Books*. Twenty First Century Books, 2007. 112 p.

14. Kukkonen K. *Contemporary Comics Storytelling*. Lincoln, London, University of Nebraska Press, 2013. 232 p.

15. Makklaud S. *Ponimanie komiksa* [Understanding Comics]. Moscow, Beloe Yabloko Publ., 2016. 216 p.

16. Mohova E.M. Syuzhetnaya struktura amerikanskogo komiksa 1960–1970-h godov [The Plot Structure of the American Comic Strip of the 1960s–1970s]. *Vestnik RGGU. Seriya «Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kulturologiya»* [Bulletin of the Russian State University of Humanities. The Series “Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies”], 2019, no. 4, pp. 142-156. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-4-142-156

17. Morrison G. *Superbogi: Kak geroi v maskah, udivitelnye mutanty i bog Solnca iz Smolvilya uchat nas byt schastlivymi* [Supergods. What Masked Vigilantes, Miraculous Mutants and a Sun God from Smallville Can Teach Us About Being Human]. Moscow, Azbuka-Attikus Publ., Kolibri Publ., 2019. 572 p.

18. Nangimah M. The Cultural Repertoire of Recontextualized Superhero in the Avengers Sequels. *EduLite Journal of English Education Literature and Culture*, 2021, no. 6, pp. 353-368. DOI: 10.30659/e.6.2.353-368

19. Zhuravleva V.I., Pavlenko O.V., Pechatnov V.O. et al. *Okonchanie holodnoj vojny v vospriyatii sovremennikov i istorikov, 1985–1991* [The End of the Cold War in Representations of Its Contemporaries and Historians 1985–1991]. Moscow, Izd. centr HUUUE, 2021. 299 p.

20. *The Outsiders. Pawns of the Bad Samaritan*, 1986, January, no. 3.

21. *The Outsiders. Pawns of the Bad Samaritan*, 1986, January, no. 4.

22. *The Outsiders ...and The Rockets' Red Glare*, 1988, September, no. 23.

23. Bobrowska O., Bobrowski M., Zmudziński B., eds. *Propaganda, Ideology, Animation*. Kraków, AGH University of Science and Technology Press, 2019. 256 p.

24. Riabov O., Riabova T. Images of Urban Space in Constructing the Cold War Enemy: American Skyscrapers in Soviet Animation. *Studies in Russian and Soviet Cinema*, 2021, no. 15, pp. 1-17. DOI: 10.1080/17503132.2021.1905792

25. Shaw T., Youngblood D. Cold War Sport, Film, and Propaganda: A Comparative Analysis of the Superpowers. *Journal of Cold War Studies*, 2017, vol. 19, no. 1, pp. 160-192.

26. Sputnitskaya N.Y. Obraz vraga i metafory Holodnoj vojny v kinoskazke SSSR i geroicheskom komiks SShA 1960–1963 godov [The Image of the Enemy and the Metaphors of the Cold War in the Soviet Cinema Tales and the US Heroic Comics (1960–1963)]. *Novyj istoricheskij vestnik* [The New Historical Bulletin], 2023, no. 2, pp. 100-119.

27. Tsyrukun N. *Vselennaya supergeroev: amerikanskij kinokomiks: istoriya i mifologiya* [Superhero Universe: American Film Comics: History and Mythology]. Moscow, Yekaterinburg, Kabinetnyj uchenyj Publ., 2020. 319 p.

28. Ryabov O.V., Belov S.I., Davydova O.S., Kubyshkin A.I., Ryabov D.O., Ryabova T.B., Smirnov D.G., Sputnitskaya N.Yu., Yudin K.A. «Vrag nomer odin» v simvolicheskoj politike kinematografij SSSR i SShA perioda holodnoj vojny [“Enemy Number One” in the Symbolic Policy of the Cinematographies of the USSR and the USA During the Cold War]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2023. 397 p.

29. Willmetts S. Quiet Americans: The CIA and Early Cold War Hollywood Cinema. *Journal of American Studies*, 2013, vol. 47, no. 1, pp. 127-147.

30. Zhuravleva V.I. The Cuban Missile Crisis and the Nuclear Threat in Soviet and American Cartoons: One Story in Two Representations. *Novyj istoricheskij vestnik* [The New Historical Bulletin], 2023, no. 2, pp. 76-99. DOI: 10.54770/20729286_2023_2_76

Information About the Author

Nina Yu. Sputnitskaya, Candidate of Sciences (Art History), Associate Professor, Senior Researcher, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov, Wilhelma Piecka St, 3, 129226 Moscow, Russian Federation; Grant Executor, Herzen University, reki Moiki Emb., 48, 191186 Saint Petersburg, Russian Federation, ninadormouse@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1989-4182>

Информация об авторе

Нина Юрьевна Спутницкая, кандидат искусствоведения, доцент, ведущий научный сотрудник, Всероссийский государственный университет кинематографии, ул. Вильгельма Пика, 3, 129226 г. Москва, Российская Федерация; исполнитель по гранту, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. реки Мойки, 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ninadormouse@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1989-4182>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.7>

UDC 327.8
LBC 66.4

Submitted: 31.08.2023
Accepted: 15.11.2023

AMERICAN NEOCOLONIALISM ON THE SOVIET CINEMA SCREEN (BASED ON FILMS ABOUT LATIN AMERICA)¹

Liudmila L. Kleshchenko

Herzen University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. Introduction. The scientific relevance of the topic is due to the fact that the concepts of colonialism and neocolonialism are currently becoming part of the official Russian political discourse. The article examines how film representations of the struggle against American neocolonialism in Latin America are used to create the image of the American enemy in the context of the Cold War, which determines the novelty of this work. *Methods and materials.* The article is based on Soviet features and documentary films about Latin America. *Analysis and results.* The author comes to the following conclusions: images of neocolonial exploitation of Latin America contributed to the creation of the image of the American enemy, endowing it with such features as immorality, greed, cruelty, and contempt for the population of the Third World. In addition, the images of Latin America and the struggle of its population against neocolonialism were used in the politics of Soviet identity. A demonstration of solidarity with the people of Latin America maintained the image of the USSR as the leader of the liberation struggle against (neo)colonialism. The struggle against pro-American governments in Latin America acquired legitimacy through images of the plight of the countries ruled by powers accomplishing American neocolonialism. Films about the Cuban and Nicaraguan revolutions served to predict victory over neocolonialism in the region in particular and the American enemy in the Cold War in general.

Key words: neocolonialism, Cold War, image of the enemy, Soviet cinematography, Latin America, U.S. foreign policy in Latin America.

Citation. Kleshchenko L.L. American Neocolonialism on the Soviet Cinema Screen (Based on Films About Latin America). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 1, pp. 77-86. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.7>

УДК 327.8
ББК 66.4

Дата поступления статьи: 31.08.2023
Дата принятия статьи: 15.11.2023

АМЕРИКАНСКИЙ НЕОКОЛОНИАЛИЗМ НА СОВЕТСКОМ ЭКРАНЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КИНОФИЛЬМОВ О ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ)¹

Людмила Леонидовна Клещенко

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Актуальность темы обусловлена тем, что в настоящее время понятия колониализма и неоколониализма возвращаются в официальный российский политический дискурс. В статье исследовано, как кинорепрезентации борьбы против американского неоколониализма в Латинской Америке используются в конструировании образа американского врага в контексте холодной войны, что определяет новизну настоящей работы. Материалами послужили советские художественные и документальные кинофильмы о Латинской Америке. Автор приходит к следующим выводам. Образы неоколониальной эксплуатации Латинской Америки вносили вклад в создание образа американского врага, способствуя наделению его такими чертами, как аморальность, алчность, жестокость, презрение к населению третьего мира. Кроме того, образы Латинской Америки и борьбы ее народов против неоколониализма использовались в политике советской идентичности: демонстрация солидарности с народами Латинской Америки поддерживала образ СССР как

лидера освободительной борьбы против (нео)колониализма. Образы бедственного положения стран, в которых все еще остаются у власти силы, идентифицируемые как приспешники американского неоколониализма, легитимировали борьбу против проамериканских правительств в Латинской Америке. Кинофильмы о кубинской и никарагуанской революциях выполняли функции предсказания победы над неоколониализмом в регионе в частности и американским врагом в холодной войне в целом.

Ключевые слова: неоколониализм, холодная война, образ врага, советский кинематограф, Латинская Америка, внешняя политика США в Латинской Америке.

Цитирование. Клещенко Л. Л. Американский неоколониализм на советском экране (на материале кинофильмов о Латинской Америке) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 1. – С. 77–86. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.7>

Introduction. The concepts of colonialism and neocolonialism are currently returning to the official Russian political discourse. For example, the struggle against neocolonialism became one of the topics of the Second Russia-Africa Summit [31], held in St. Petersburg in July 2023. The fight against neocolonialism is used to legitimize contemporary Russian foreign policy. This rhetoric actualizes the study of Soviet works that used the discourse of the struggle against neocolonialism.

Various aspects of neocolonialism were studied by Soviet researchers: economic [3], military [1], ideological [27], as well as neocolonialism in different regions of the world, including Latin America, and its means and methods [3; 11]. Modern Russian researchers also studied neocolonialism, including the Soviet historiography of this issue [2].

The Cold War cinema was also the research subject of Russian and foreign scholars [4; 7; 26], including the film images of Latin American countries [12]. At the same time, the topic of the representation of American neocolonialism in Soviet cinema has not been comprehensively studied, which determines the scientific novelty of this work.

Two primary research questions drive the article. The first one explores the representation of American neocolonial foreign policy in Soviet cinema. The second one examines how Soviet cinematography employed images from the Third World, particularly Latin America, to construct the image of the American enemy.

This study is chronologically limited to the period of the Cold War. The sources for the study were Soviet feature films and documentaries about the countries of Latin America. It was Latin America that the USSR considered the main

object of American neocolonialism (e.g., [3]). The context of the Cold War determined the close interest of Soviet filmmakers in the region bordering the United States, which was seen as the main enemy of the USSR in terms of ideological confrontation. The processes taking place there (the growth of the activity of partisan groups and left-wing social movements, the Cuban Revolution, the electoral successes of the leftists in Chile, etc.) gave reason to call Latin America the “Burning Continent.” Well-known Soviet film directors such as Roman Karmen, Mikhail Kalatozov, Vytautas Žalakevičius, and Grigori Koltunov joined the work on films about Latin America.

Methods and materials. During the Cold War, cinematography became one of the main means of communication on the cultural front. The effectiveness of filmmaking as a way of persuasion is determined because it combines three propaganda tools: narrative, image, and sound [25, p. 31]. Cold War cinematography was used to explain and justify the domestic and foreign policies of the two superpowers. In a state of bipolar confrontation on the international stage, characterized by a division into “us” and “them,” this involved creating the image of an enemy, which became the most important function of Soviet cinema.

Analyzing the phenomenon of the enemy image, researchers identify such functions as strengthening the collective identity, political mobilization, legitimation of power, legitimation of violence, and prediction of victory [25, pp. 13-16].

The function of strengthening the collective identity is realized through the representation of the enemy as someone different from “us.” The strengthening of the collective identity occurs through the essentialization of the differences

between “us” and “them.” Mobilization based on the enemy image occurs out of fear of that enemy. The enemy is represented as devoid of any moral restraints, striving to realize its goals through total war. The function of legitimizing power and maintaining order is ensured by representing it as the only possible defense against the enemy. The function of legitimizing violence involves the rationale for the use of violence to fight the enemy and is therefore inextricably linked to the description of violence and cruelty committed by the enemy. The function of predicting victory is realized by depicting the enemy as doomed to defeat [25, pp. 13-16].

The countries of the Third World occupied a special place in the history of the Cold War. Besides the fact that an armed confrontation between the two superpowers took place on their territories, Odd Arne Westad notes that they were also the arena of ideological confrontation. In addition, the methods used by the superpowers in the Third World to ensure their dominance were similar to those used by the European colonial powers and consisted of the creation of projects that managed the modernization processes to ensure the development of the Third World countries in a certain direction. The competition of various modernization projects in the Third World has generally played a negative role in the history of developing countries as it has provoked conflicts [33].

American neocolonialism in the Soviet ideology. The struggle against the colonial exploitation of nations throughout the world was an important element in the positioning of the USSR in the international arena. The foreign policy of the USSR in the 1960s consisted, firstly, of all of the support of national liberation movements in the colonies and, secondly, of the condemnation of the colonial policy of the European states. The USSR was one of the initiators of the Declaration on the Granting of Independence to Colonial Countries and Peoples (1960). In the Program of the Communist Party of the Soviet Union (CPSU) adopted in 1961, great attention was paid to national liberation movements. The document welcomed the liberation of nations from colonial dependence. It was seen as a factor deepening the crisis of world capitalism.

The young independent states, as emphasized in the CPSU program, were still the object of economic exploitation. These countries

would be able to solve the accumulated problems and contradictions by embarking on the path of building socialism, and the countries of the socialist community were ready to provide them with full support. The program declared the willingness of the USSR to cooperate with the states liberated from colonial exploitation: “The CPSU considers it its international duty to help the nations on the path of winning and strengthening national independence, all the nations fighting for the complete destruction of the colonial system” [22]. At the same time, the program noted that despite the collapse of the colonial system, colonialism had not yet become a thing of the past: “The main bulwark of modern colonialism is the imperialism of the United States of America” [22].

As the former colonies gained independence, an important direction in USSR foreign policy became support for the new young states and condemnation of military aggression against them by the United States. These themes were consistently present in the foreign policy discourse. The aggressive nature of American imperialism was revealed in the speeches of Soviet leaders at party congresses: “There are no such crimes that the imperialists would not commit in their attempt to maintain or restore their domination over the peoples of the former colonies or other countries, breaking free from the clutches of capitalist exploitation” [18, p. 16]. In 1966, at the First Solidarity Conference of Peoples of Asia, Africa, and Latin America in Havana, the speech of the Soviet delegation identified “imperialist aggression and colonialism” as enemies [6, p. 159].

The fight against American neocolonialism is also mentioned in the 1986 program of the CPSU. The new version of the program of the CPSU stated: “Even the countries that have long won national independence, such as the states of Latin America, are forced to fight against the dominance of the monopolies of the United States and other imperialist powers” [23].

The theme of the fight against neocolonialism remained significant in the period of Perestroika. For example, the fight against neocolonialism and imperialist exploitation of developing countries is mentioned in the speech by Mikhail Gorbachev at the 27th Congress of the Communist Party of the Soviet Union and in the resolution of the Congress on the political report of the Central Committee of the CPSU [19, p. 10].

Much attention to colonialism and neocolonialism was paid in Soviet scholarly literature. Neocolonialism was understood as “a system of various forms and methods used by imperialism to keep the liberated countries in a subordinate position” [5, p. 103]. The main types of neocolonialism identified by Soviet researchers were economic, foreign policy, ideological, and military ones [11, pp. 3-4].

The collapse of the colonial system and the formation of the Soviet Bloc led to a change in the methods used by the West to keep the former colonies in the sphere of its influence. Military force was the main instrument for colonial domination, while for post-colonial domination, those were economic instruments such as the export of private capital, economic assistance, trade preferences, and scientific and technical assistance. If the European powers were the main subjects of colonialism, then the United States would become the key subject of neocolonialism. Despite these differences, the goal of colonialism and neocolonialism from the point of view of Soviet researchers was the same: to keep developing countries in a dependent condition [27, p. 4].

In describing the evolution of American neocolonialism, Aleksandr Baichorov comes to the conclusion that various American administrations have used different ideological grounds to legitimize American neocolonial policy. At the beginning of the Cold War, the legitimization of neocolonial policy was attributed to the need to fight against the “Soviet threat.” Under President Jimmy Carter, the United States adopted the doctrine of human rights, and the alleged lack of respect for human rights was used as a rationale for economic and political pressure on developing countries. Under Ronald Reagan, the doctrine of “international terrorism” was used as a justification for intervention in Third World countries, as the USA claimed socialist and national liberation movements as “terrorists” [1, pp. 4-5].

Soviet researchers also studied American neocolonialism in Latin America. As Liubov Chernorutskaja emphasizes, it was foreign economic expansion that played the primary role “in all the variety of forms and methods of spreading imperialism in Latin American countries” [3, p. 3]. The economic goals of American colonialism were to maximize the profits of the American monopolies operating in the

region. The plundering of Latin American resources by American monopolies was considered the main reason for the economic underdevelopment of the region [3, p. 4].

Economic aid as an instrument of U.S. neocolonial expansion was also used in Latin America. First of all, in the form of the Alliance for Progress plan proposed under President John F. Kennedy in 1961. Soviet scholars believed that the main goal of this plan was to prevent socialist revolutions in Latin American countries, the fear of which appeared after the Cuban Revolution. The promise of prosperity through the implementation of the Alliance for Progress plan was intended to reduce the degree of public discontent in the region. The proposition that the fight against Communist expansion was one of the main goals of the Alliance for Progress is also confirmed in official US documents [30].

Politically, neocolonialism manifested itself in the intention to prevent the political independence of the Latin American states: “American imperialism is trying to use the Latin American countries as pawns in its global policy” [11, p. 5].

The military neocolonialism of the United States was manifested in the activities of American intelligence services and law enforcement agencies in Latin America, their organization of military coups, support for dictatorial regimes, the construction of military bases, the activities of international institutions, conducting covert operations of various kinds, sending military advisers to the region, the use of mercenaries, the training of the Latin American military in the United States (“The School of the Americas”), and the elimination of progressive and patriotic movements. As an example of military neocolonialism, many Soviet works considered a military coup in Chile, in which the decisive role was assigned to the monopoly capital of the United States and the CIA [1; 3; 11; etc.].

Soviet researchers described the ideological neocolonialism of the United States in Latin America, which functioned with the implementation of anticommunism. Indoctrination was conducted with the help of the educational system and propaganda of the “American way of life” in the media [27, p. 135].

It should be noted that in the papers dealing with American neocolonialism, Soviet researchers

consistently stated the crisis of American neocolonial policy in Latin America [11, p. 6] and predicted the imminent collapse of the capitalist system [1, p. 137; 27, pp. 251-252]. The idea of the inevitable collapse of capitalism was an important part of Marxism-Leninism as a state ideology in the USSR.

These most important ideological postulates were reflected in various forms of mass culture, including caricatures, posters, mass songs, and journalism. The cinema also played an important role.

American neocolonialism in Soviet films about Latin America. Colonialism has been a target of criticism since the creation of Soviet cinematography. Such works as *China in Flames* (*Kitay v Ogne*, directed by Zenon Komissarenko, Yuri Merkulov, and Nikolai Khodataev, 1925) and *The Adventures of the Little Chinese* (*Priklyucheniya Kitaychat*, directed by Mariya Benderskaya, 1928) touch upon the themes of the plundering of China's national wealth by Western powers and the deportation of Chinese children [28, p. 324]. The 1932 film by Ivan Ivanov-Vano and Leonid Amalrik was an adaptation of the renowned poem *Black and White* by Vladimir Mayakovsky, which tackled the plunder of Latin America. However, the most active development of the Latin American theme in the Soviet cinema of the Cold War was only after the Cuban Revolution in 1953–1959. Further considerations include the image of the American enemy that was formed in Soviet films about Latin America and the purpose of the images of American neocolonialism.

The function of strengthening the collective identity in Soviet cinematography about Latin America was realized through the formation of a positive image of “us” (the USSR, the countries of the Soviet Bloc, socialist parties and movements) and a negative image of “them” (American neocolonialism and its henchmen, including neo-fascists, financial oligarchy, clergy, monopolists, and reactionary military). Thus, the film *Blazing Continent* (directed by R. Karmen, 1972) forms the “struggle for justice” narrative, which brings into line such events and processes as the Battle of Moscow, the Cuban Revolution, the Spanish Civil War, and the Vietnam War. Thus, the USSR is positioned as the world leader in the fight for a more just social order and

progress, against the forces of reaction and fascism [9].

Blazing Continent is a two-part documentary film by the legendary Soviet cinematographer Roman Karmen. A significant part of the film is devoted to Chile, where Popular Unity was in power at the time. The filmmakers drew parallels between Spanish colonialism and modern American neocolonialism (“dollar conquistadors” [9]), which, unlike its predecessor, was destroying not through murder but through poverty. The opposition of the two poles of the Cold War was portrayed as “we help, they rob and kill”.

The focus on the enemy's negative qualities contributed to the formation of a negative identity. In the films about the Cold War, “enemy number one” was often attributed to immorality, greed, cruelty, and cynicism: traits that the Soviet citizen was supposed to avoid, traits that were antithetical to the exemplary “Sovietness.” For instance, the feature film *That Sweet Word: Liberty!* (directed by V. Žalakevičius, 1973) emphasizes the immorality of the military, the backbone of the U.S.-backed dictatorial regime: “The lieutenant has been selling stolen cars and drugs from the cradle!” [34].

The immorality of the American enemy was the theme of the feature film *I Am Cuba* (directed by M. Kalatozov, 1964), where Americans were shown as brothel visitors: “Everything is decent in Cuba if there were dollars!” [8]. The plot of the first novel of the film is based on the analogy between the exploitation of Cuba by the colonialists and the exploitation of Cuban women by the Americans [13, pp. 36-37].

The immorality of the American enemy was also emphasized in another feature film, *On the Pomegranate Islands* (directed by Tamara Lisitsian, 1981). The movie describes the methods used by the CIA. Conspiracies, blackmail, lies, military aggression, political assassinations, staged disasters – this is not a full list of the means by which the CIA sought to carry out a military coup in the fictional Latin American country of the Pomegranate Islands. Journalists acted as henchmen for American agents. “What are you talking with them about? They will kill their own father if they are allowed to be the first to send news about this to their filthy newspapers” [17] – this was the characteristic of the moral qualities

of American journalists who decided to make a false statement to the press for their own benefit.

At the same time, there was a place in the Soviet film narrative for positive images of Americans who were the opponents of the policy pursued by the U.S. ruling circles in Latin America, such as, for example, an honest journalist (the character played by Kirill Lavrov in *On the Pomegranate Islands*). The movie *Blazing Continent* also shows the image of a “good” American: it is the American communist John Reed. The announcer mentions that he is buried in Red Square. Thus, not all the Americans were portrayed as enemies. Soviet cinematography embodied “two Americas” that coexist: progressive and reactionary.

The negative image of American businessmen in Soviet cinema was based on the demonstration of their hypertrophied greed. They were ready to destroy everything on their way in order to find oil in Latin America. The personification of greed and cynicism in the above-mentioned film *Blazing Continent* was Nelson Rockefeller, “a man whose name in Latin America has become a symbol of robbery” [9]. In turn, the film accuses American politicians of hypocrisy: declaring the unity of the nations of America and the equality of the South with its northern neighbor, they condone the collapse of Latin America at the hands of monopolists.

Another negative quality in the film attributed to the colonialists was a contemptuous attitude toward the natives, bordering on racism. As an example of such an invective, one can refer to a story about the Chilean industry: after the nationalization of the country’s copper, the former owners – American monopolists – feared that the “savages” would not be able to manage the complex technological process. “Colonialists are arrogant everywhere and always” [9], the voiceover concludes.

The function of political mobilization in Soviet cinema was realized by justifying the need to protect the nations of Latin America from the threats posed by American neocolonialism, especially their most vulnerable members, women and children. Images of women’s vulnerability in Soviet films about Latin America have already been studied by Russian researchers [13]. This work is therefore focused on the topic of childhood images. These images are associated

with personal experience and a high emotional response, and images of children in danger are perceived as requiring an immediate response. This is the reason for the widespread use of childhood images for political mobilization [24, pp. 420-421].

The film *Blazing Continent* used the images of endangered children to explain the threat posed by American neocolonialism and the urgent measures required to fight it: “Every newborn baby in Latin America already owes at least two hundred dollars to the U.S. monopolies. What for? Many children die before they can pay their debts... Every minute, a child in Latin America dies of malnutrition... Who can stand that?” [9]. After this rhetorical question, the footage of the preparation of an armed uprising is shown, and the viewer has no doubt that such measures are completely justified: “There is the fight for the future of children!” [9].

The function of legitimizing power in Soviet cinematography was realized, in the first place, in the representation of socialist governments in Latin America as fighters against American imperialism. Revolutionary governments were portrayed as the only defenders of the country and the people against American expansion, whether it was military or economic, and as fighters for the liberation of their people from neocolonial exploitation. Only new revolutionary governments can ensure the victory over poverty and inequality and guarantee economic prosperity and independent development. The film *Blazing Island* (directed by R. Karmen, 1961) about revolutionary Cuba shows that even before the end of the revolution, the solution to social problems began: equal rights for men and women, peasants getting access to land, and children getting education [10].

Secondly, Soviet cinematography portrayed the opposition to socialist governments as accomplices of an external enemy, traitors to national interests and the people. For example, the children’s feature film *Black Seagull* (directed by G. Koltunov, 1962) tells about the activities of counter-revolutionaries in Cuba who dream of restoring the old order on the island. No doubt, in order to achieve their goals, they had to collude with the Yankees [15].

In films about the capitalist countries of Latin America, the rulers themselves were portrayed

as dependent figures and American puppets. Such images served the function of delegitimizing their power and legitimizing the subsequent revolution. In the film *Nicaragua: The Collapse of the Dictatorship* (directed by Tamara Lavrova, 1979), the U.S. Marines had a hand in the installation of the Somoza clan dictator [16]. In the documentary *Nicaragua: The Determination to Win* (directed by Genrietta Vizitei, 1983), the presidency of Anastasio Somoza II was likened to a natural disaster: “Can anything be compared to such a tragedy? Maybe! (a close-up of the president’s smiling face). More terrible than an earthquake, more terrible than fires and epidemics was this man for the Nicaraguan people!” [32]. The viewer is, of course, reminded that such a disaster befell the Nicaraguan people precisely at the command of Washington.

In the film *On the Pomegranate Islands*, the opponents of the communist government of the fictional Republic of the Pomegranate Islands were separatist forces who were trained on the military bases of “one great power,” which can be easily recognized as the United States. To emphasize the lack of subjectivity of the local separatists, their leaders are not even introduced in the film. American advisers (“private individuals fighting against communism”) did not hesitate to call them “savages” [17]. According to the storyline, the CIA directly exercised all control over the military coup, and even Western journalists did not believe in the popular character of the separatist uprising.

Soviet cinematography also criticized such a method of American neocolonialism as aid to developing countries. The film *Blazing Continent* characterizes the Alliance for Progress as follows: “Quite tempting promises instead of bayonets... a policy of good neighborliness, assistance, partnership... many believed that the Alliance for Progress could really change the economy of Latin America... ten years have already passed since the Alliance for Progress program was proclaimed – ten years... these are our days” [9]. Images depicting dilapidated shacks, impoverished peasants, children wearing rags, and women collecting sea shells for food accompanied the text. It becomes clear that the program failed and the progress did not affect the countries of Latin America. Such criticism sought to disavow the U.S. efforts to create a positive image in Latin America

and was ultimately aimed at delegitimizing American dominance on the continent.

Regarding the function of legitimizing violence, it should be emphasized that many revolutionary organizations in Latin America, which the USSR welcomed, used armed methods of political struggle: hostage-taking, kidnapping, sabotage, and assassination of political figures. In order to justify the necessity of using violent methods, Soviet cinematography first of all showed the desperate situation of the populations of the Latin American countries that were still under the yoke of American imperialism. The enemy, with whom the Latin American guerrillas fought, whether it was regular armies or paramilitary formations acting on the orders of the American masters, is waging a merciless war against the entire nation. The only way to resist it is, therefore, to take up arms. For example, the film *Neocolonialism is the Enemy of Nations* (Boris Pugachev, 1984) shows photographs that depict “the deeds of the colonialists of the 20th century”: “fascist coup in Chile” and “thousands of victims of the bloody Salvadoran regime” [21]. In the documentary *Nicaragua: The Determination to Win*, the civil war in Nicaragua was presented as a struggle against “the terrorists who had made their way from Honduras” and were sponsored by American neocolonialism [32]. The film also mentions the cruelty of “enemy number one”: “American soldiers were only brave against civilians, going into battle against unarmed peasants, against old men or women... they resembled predators breaking free from a cage” [32], a quote by a participant in the civil war in Nicaragua from that movie.

Secondly, the political violence used by “ours” was legitimized by its limited nature: violence is used only against the military and only in self-defense; “ours” do not attack women, children, or the elderly. The film’s commentary on the Sandinistas’ siege of the Nicaraguan parliament states that all the female hostages were released before the end of the operation [16].

The function of predicting the victory over the American enemy was present in the Soviet films about the revolutions in Cuba, Chile, and Nicaragua. The events in these countries were interpreted as the important stages on the road to the complete victory of the world socialist system:

“As after the triumph of the revolution in Cuba, millions of people on the planet praised the people of Nicaragua and the fighters of the Sandinista National Liberation Front... the victory of the Nicaraguan patriots was regarded as a blow to American imperialism, as a contribution to the world revolutionary process” [16]. These victories were of great importance because the United States has traditionally viewed Latin America as a zone of its exclusive influence [29].

However, even during periods of defeat for left-wing governments in developing countries, Soviet cinematography sought to emphasize the inevitability of the final victory over imperialism and reactionary forces, despite some temporary difficulties. The film *His Name is Lucho* (directed by Inna Kmit, 1974) [14] was made at the most difficult time for the left-wing movement in Chile (1974) and ends with an optimistic quote from Leonid Brezhnev: “As to Latin America, we firmly believe that its historical prospects are inseparable from the development of the whole of mankind – these are prospects for freedom, independence and social progress” [20].

Thus, Soviet cinematography represented the political and economic processes in Latin America as a struggle against American neocolonialism. Filmmakers used the images of the struggle against neocolonialism in Latin America to create the common perception of the American enemy: cruel and ruthless toward the weak, without moral restrictions, contemptuous of the nations of the exploited continent.

Conclusion. In Soviet cinematography, both documentaries and feature films represented the U.S. foreign policy in Latin America as neocolonialism in its various forms: military, foreign policy, economic, and ideological. The activities of the American monopolies, the Alliance for Progress program, economic aid, covert operations of the special services, and military coups were assessed equally negatively in the Soviet cinema. Regardless of U.S. foreign policy, Soviet cinema concentrated on demonstrating its negative consequences during the Cold War. American businessmen, politicians, and military men (subjects of neocolonialism) in the Soviet films about Latin America were shown as greedy, immoral, and cruel exploiters who despised the “savages.” At the same time, there was a place in the Soviet film narrative for positive images of

Americans who refused to support U.S. policies in the region.

The images of Latin America and its people’s struggle against neocolonialism served the following functions in Soviet cinema: first, they were used in the politics of Soviet identity – the demonstration of solidarity with the peoples of Latin America supported the image of the USSR as the leader of the anti-(neo)colonial struggles all over the world; secondly, the images of the exploitation of the peoples of Latin America by American neocolonialism were used for political mobilization, substantiating the need for Soviet aid to developing countries, especially those where revolutionary governments had already been established; thirdly, the demonstration of the plight of the population of Latin countries in which the remaining power was identified as henchmen of American neocolonialism, legitimized the struggle including the military one against pro-American governments; fourthly, the victories of political parties advocating socio-economic reforms were interpreted in the Soviet cinema as steps toward the victory of the world socialist system, so the images of the revolutions in Cuba and Nicaragua served as a prediction of victory over American neocolonialism in the region in particular and the American enemy in the Cold War as a whole.

NOTE

¹ This work was supported by the Russian Science Foundation under Grant No. 22-18-00305 ‘The images of enemy in Cold War popular culture: their content, contemporary reception and usage in Russian and U.S. symbolic politics’, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00305/> (Herzen University, St. Petersburg).

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда по гранту № 22-18-00305 «Образы врага в массовой культуре холодной войны: содержание, современная рецепция и использование в символической политике России и США», <https://rscf.ru/project/22-18-00305/> (РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург).

REFERENCES

1. Baichorov A.M. *Neokolonializm i mezhdunarodnyi terrorism* [Neocolonialism and International Terrorism]. Minsk, University Publishing House, 1985. 160 p.

2. Bokeriya S.A., Davidchuk A.S., Degterev D.A., Dubrovskiy I.R., Zhuravleva E.V., Enokyan A.V., Ivkina N.V., Nikulin M.A., Kassaye Nigusie W.M., Shpakovskaya M.A. Soviet Studies of Neocolonialism. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniia* [Vestnik RUDN. International Relations], 2022, no. 22 (4), pp. 671-687. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-671-687>
3. Chernorutskaia L.I. *Latinskaia Amerika v borbe za ekonomicheskoe osvobozhdenie* [Latin America in the Struggle for Economic Liberation]. Moscow, International Relations Publishing House, 1975. 77 p.
4. Fedorov A.V. *Transformatsii obraza Rossii na zapadnom ekrane: ot epokhi ideologicheskoi konfrontatsii (1946–1991) do sovremennogo etapa (1992–2015)* [Transformation of the Image of Russia on the Western Screen: From the Era of Ideological Confrontation (1946–1991) to the Modern Stage (1992–2015)]. Moscow, Publishing house of the NGO “Information for all”, 2015. 221 p.
5. Fedoseev P.N., Afanasev V.G. *Nauchnyi kommunizm: uchebnik dlia vuzov* [Scientific Communism. Textbook for Universities]. Moscow, Politizdat, 1982. 431 p.
6. Gromyko A.A., Vinokurov Iu.N., eds. *SSSR v borbe protiv kolonializma i neokolonializma. 1960 – mart 1986. Dokumenty i materialy. V 2 t. T. 1. MID SSSR* [The USSR in the Struggle Against Colonialism and Neocolonialism. 1960 – March 1986. Documents and Materials. In 2 Vols. Vol. 1. Ministry of Foreign Affairs of the USSR]. Moscow, Politizdat, 1986. 543 p.
7. Heed T., Kubyshekin A.I. Armageddon: Comparative Images of the Nuclear Conflict Between the United States and the Soviet Union in American Cinema. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 5, pp. 250-258. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.5.18>
8. Kalatozov M., director. *Ya – Kuba: dok. film* [I Am Cuba. Documentary]. Released in 1964.
9. Karmen R., director. *Pylayushchii kontinent: dok. film: v 2 ser.* [Blazing Continent. Documentary. In 2 Series]. Released in 1972.
10. Karmen R., director. *Pylayushchii ostrov: dok. film* [Blazing Island. Documentary]. Released in 1961.
11. Kirichenko V.P., Tarasov K.S. *S imperskikh pozitsii (neokolonializm SShA v Latinskoj Amerike)* [From Imperial Positions (Neocolonialism of the USA in Latin America)]. Kiev, Publishing House of Political Literature, 1984. 154 p.
12. Kleshchenko L.L. Kuba v sovetskom i amerikanskom kinematografe kholodnoi voiny. *Sravnitelnyi analiz [Cuba in Soviet and American Cold War Cinema. Comparative Analysis]. Latinskaia Amerika* [Latin America], 2021, no. 8, pp. 92-101. DOI: [10.31857/S0044748X0012853-7](https://doi.org/10.31857/S0044748X0012853-7)
13. Kleshchenko L.L., Riabova T.B. «Kuba – liubov moia»: simvolizm muzhskogo i zhenskogo v sovetskikh reprezentatsiakh Ostrova svobody [“Cuba Is My Love”: The Symbolism of Male and Female in the Soviet Representations of the Island of Freedom]. *Zhenshchina v rossiskom obshchestve* [Woman in Russian Society], 2022, no. 4, pp. 33-47. DOI: [10.21064/WinRS.2022.4.4](https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.4.4)
14. Kmit I., director. *Ego zovut Lucho: dok. film* [His Name Is Lucho. Documentary]. Released in 1974.
15. Koltunov G., director. *Chernaya chayka: film* [The Black Seagull. Film]. Released in 1962.
16. Lavrova T., director. *Nikaragua: krakh diktatury: dok. film: v 2 ch.* [Nicaragua: The Collapse of the Dictatorship. Documentary. In 2 Pts.]. Released in 1979.
17. Lisitsian T., director. *Na granatovykh ostrovakh: film* [On the Pomegranate Islands. Film]. Released in 1981.
18. *Materialy XXIV Sieezda KPSS* [Materials of the 24th Congress of the CPSU]. Moscow, Publishing House of Political Literature, 1971. 320 p.
19. *Materialy XXVII Sieezda KPSS* [Materials of the 27th Congress of the CPSU]. Moscow, Publishing House of Political Literature, 1986. 352 p.
20. *Pravda*, 1974, Jan. 31.
21. Pugachev B., director. *Neokolonializm – vrag narodov: film* [Neocolonialism Is the Enemy of Nations. Film]. Released in 1984.
22. *Programma KPSS, 1961* [The Program of the CPSU, 1961]. URL: <http://museumreforms.ru/node/13891>.
23. *Programma KPSS, 1986* [The Program of the CPSU, 1986]. URL: <http://xn--e1aaejmenocqx.xn--p1ai/node/14030>
24. Riabova T.B., Riabov O.V. Obrazy detstva i detei v simvolicheskoi politike [The Images of Childhood and Children in the Symbolic Politics]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political Expertise: POLITEX]. Saint Petersburg, 2019, vol. 15, no. 3, pp. 417-434. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.307>
25. Riabov O.V. Kinoobrazy vraga v simvolicheskoi politike: metodologiya issledovaniia [Cinema Images of the Enemy in Symbolic Politics: Research Methodology]. Riabov O.V., Belov S.I., Davydova O.S., Kubyshekin A.I., Riabov D.O., Riabova T.B., Smirnov D.G., Sputnitskaia N.Iu., Iudin K.A. *Vrag nomer odin v simvolicheskoi politike kinematografii SSSR i SShA perioda kholodnoi voiny* [Enemy Number One in the Symbolic Politics of the Cinematographies of the USSR and the USA During the Cold War]. Moscow, Aspect press, 2023. 400 p.

26. Shaw T. *Hollywood's Cold War*. Amherst, Univ. of Mass. Press., 2007. 352 p.

27. Shchetinin V.B. *Evolutsiia amerikanskogo neokolonializma. Kritika teorii i praktiki neokolonialistskogo «partnerstva»* [The Evolution of American Neocolonialism. Criticism of the Theory and Practice of the Neo-Colonialist "Partnership"]. Moscow, International Relations Publishing House, 1972. 272 p.

28. Sputnitskaya N.Yu. *Obrazy vruga v animatsionnom kino* [Images of the Enemy in an Animated Movie]. Riabov O.V., Belov S.I., Davydova O.S., Kubyshkin A.I., Riabov D.O., Riabova T.B., Smirnov D.G., Sputnitskaia N.Iu., Iudin K.A. *Vrag nomer odin v simvolicheskoi politike kinematografii SSSR i SShA perioda kholodnoi voiny* [Enemy Number One in the Symbolic Politics of the Cinematographies of the USSR and the USA During the Cold War]. Moscow, Aspect press, 2023. 400 p.

29. Sudarev V.P. *Vzaimozavisimost i konflikt interesov: SShA i Latinskaia Amerika (vtoraia polovina XX veka)* [Interdependence and the Conflict of Interests: The USA and Latin America (The Second Half of the 20th Century)]. Moscow, ILARAN, 2000. 360 p.

30. *Summary Guidelines Paper: United States Policy Toward Latin America*. Washington, 1961, July 3. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v12/d15>

31. *Sammit Rossiia – Afrika* [Russia – Africa Summit]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/71826>

32. Vizitei G., director. *Nikaragua. Reshimost pobedit: film* [Nicaragua: The Determination to Win. Film]. Released in 1983.

33. Westad O.A. *The Global Cold War Third World Interventions and the Making of Our Times*. Cambridge, Cambridge University Press, 2007. 498 p.

34. Žalakevičius V., director. *Eto sladkoe slovo – svoboda!: film* [That Sweet Word: Liberty! Film]. Released in 1973.

Information About the Author

Liudmila L. Kleshchenko, Candidate of Sciences (Politics), Senior Lecturer, Department of Political Science, Herzen University, reki Moiki Emb., 48, 191186 Saint Petersburg, Russian Federation, ludmila.popova2011@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4172-6583>

Информация об авторе

Людмила Леонидовна Клещенко, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. реки Мойки, 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ludmila.popova2011@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4172-6583>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.8>

UDC 94(47+57)“1939/1945”:327

LBC 63.3(2)62-6

Submitted: 15.09.2023

Accepted: 14.11.2023

**“RELUCTANT DIPLOMAT”:
NIKOLAI VASILIEVICH NOVIKOV’S BIOGRAPHY PAGES ¹**

Alexander I. Kubyshkin

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation;
Herzen University, Saint Petersburg, Russian Federation

Ivan I. Kurilla

European University at Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article analyzes the biography and diplomatic activities of Nikolai Vasilievich Novikov (1903–1989), a Soviet diplomat who represented the USSR in Cairo and in Washington during World War II and took part in the efforts to establish a new system of international relations at the beginning of the Cold War. *Methods and materials.* The article is based on published texts by Nikolai Novikov himself, diplomatic documents, periodicals, and materials from his personal archive, deposited in the Archive of the European University at St. Petersburg by the diplomat’s family. *Analysis.* The authors examine Novikov’s biography, the reasons for his rapid career in the People’s Commissariat of Foreign Affairs, his relations with Soviet foreign policy managers, and the circumstances of his resignation at a relatively young age. Special attention is paid to Novikov’s activities in the United States in the context of the emerging Cold War, the place of Novikov’s note (cable) in the process of shaping Soviet approaches to relations with the United States, and his own attitude to these approaches. *Results.* Novikov’s contribution to the shaping of the postwar world is underappreciated, as are his attempts to resist the changes that were breaking Soviet-American cooperation in the international arena. In fact, the strategic concepts formulated by Novikov in a memo to Molotov were the basis of the official Soviet interpretation of the causes and nature of the Cold War and were included in Soviet school and university textbooks on universal history and the history of international relations. *Authors’ contributions.* A.I. Kubyshkin analyzed the most important stages of Nikolai Novikov’s diplomatic activity and the general situation in relations between the USSR and the USA during the Second World War. He assessed Novikov’s activities from the political leadership of the USSR and foreign countries in which the Soviet diplomat worked. He also examined the most important aspects of the activities of Soviet diplomacy reflected in Novikov’s memoirs and carried out their internal criticism as a historical source. I.I. Kurilla processed the archive of Nikolai Novikov and identified and analyzed the corpus of sources of personal origin. He also analyzed the contents of Nikolai Novikov’s personal diaries, reviewed the personal contribution of N.V. Novikov in developing a strategy in relations with the United States in the initial period of the Cold War, and compared the contents of the “long telegram” of J. Kennan and the “Novikov telegram”.

Key words: Nikolai Novikov, Soviet diplomacy, Soviet-American relations, Cold War, Novikov telegram.

Citation. Kubyshkin A.I., Kurilla I.I. “Reluctant Diplomat”: Nikolai Vasilievich Novikov’s Biography Pages. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 1, pp. 87-101. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.8>

УДК 94(47+57)“1939/1945”:327

ББК 63.3(2)62-6

Дата поступления статьи: 15.09.2023

Дата принятия статьи: 14.11.2023

**«ДИПЛОМАТ ПОНЕВОЛЕ»:
СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА НОВИКОВА ¹**

Александр Иванович Кубышкин

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Иван Иванович Курилла

Европейский университет в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье анализируется биография и дипломатическая деятельность Николая Васильевича Новикова (1903–1989), советского дипломата, представлявшего СССР в Каире и Вашингтоне в годы Второй мировой войны и принявшего непосредственное участие в установлении новой системы международных отношений и в начале холодной войны. *Методы и материалы.* Статья основана как на опубликованных текстах самого Н.В. Новикова, дипломатических документах и периодической печати, так и на вводимых авторами в оборот материалах его личного архива, переданного на хранение в Архив Европейского университета в Санкт-Петербурге семьей дипломата. *Анализ.* Авторы рассматривают биографию Новикова, причины его быстрой карьеры в наркомате иностранных дел, его отношения с руководителями внешней политики, а также обстоятельства его отставки в относительно молодом возрасте. Отдельное внимание уделено деятельности Новикова в США в условиях начинавшейся холодной войны, месту «записки (телеграммы) Новикова» в процессе формирования советских подходов к отношениям с США и его собственному отношению к этим подходам. *Результаты.* Вклад Новикова в формирование послевоенного мира недооценен, как и его попытки сопротивляться переменам, ломавшим советско-американское сотрудничество на международной арене. Фактически стратегические концепции, сформулированные Новиковым в записке на имя Молотова, были положены в основу официальной советской интерпретации причин и характера холодной войны и вошли в советские школьные и вузовские учебники по всеобщей истории и истории международных отношений. *Вклад авторов.* А.И. Кубышкин проанализировал важнейшие этапы дипломатической деятельности Н.В. Новикова, общую обстановку в отношениях между СССР и США в период Второй мировой войны. Он дал оценку деятельности Новикова со стороны политического руководства СССР и зарубежных стран, в которых работал советский дипломат. Автор также рассмотрел важнейшие аспекты деятельности советской дипломатии, отраженные в мемуарах Новикова, и провел их внутреннюю критику как исторического источника. И.И. Курилла обработал архив Н.В. Новикова, выявил и проанализировал корпус источников личного происхождения. Он также проанализировал содержание личных дневников Н.В. Новикова, рассмотрел персональный вклад дипломата в разработку стратегии в отношениях с США в начальный период холодной войны, сопоставив содержание «длинной телеграммы» Дж. Кеннана и «телеграммы Новикова».

Ключевые слова: Н.В. Новиков, советская дипломатия, советско-американские отношения, холодная война, «телеграмма Новикова».

Цитирование. Кубышкин А. И., Курилла И. И. «Дипломат поневоле»: страницы биографии Николая Васильевича Новикова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 1. – С. 87–101. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.8>

Введение. После открытия части советских архивов в период перестройки история внешней политики СССР стала более доступной для изучения, однако многие ее страницы остаются белыми пятнами, а некоторые важнейшие поворотные моменты требуют более внимательного исследования. Недостаточно известны и многие советские дипломаты, сыгравшие ключевую роль в важных событиях мировой истории XX в., но оставшиеся в тени руководителей государств и ведомств иностранных дел. Особенно это верно в отношении тех людей, кто был «призван» на дипломатическую службу в критический период Второй мировой войны и оставил ее вскоре после того, как ее сменила война холодная. Именно к

такому ряду советских дипломатов относится Николай Васильевич Новиков (1903–1989), прослуживший в МИД менее десяти лет (1938–1947). Это были годы, когда человечество было ввергнуто в кровопролитнейшую войну в мировой истории. Новиков же в это время вначале заведовал отделом наркомата иностранных дел (НКИД), затем был назначен послом СССР в Египте, а также (по совместительству) в Югославии и Греции. На заключительном этапе Второй мировой войны он был направлен советником посольства в США (и временным поверенным на время отсутствия в американской столице А.А. Громыко), а позднее был утвержден в должности посла Советского Союза в этой стране.

Внимание к Новикову привлекла публикация в 1990 г. его докладной записки 1946 г. «О внешней политике США», которую с момента обнародования сравнивают с «длинной телеграммой», отправленной американским дипломатом Джорджем Кеннаном из Москвы за несколько месяцев до нее [17; 20]. Докладная записка была оперативно переведена на английский язык и уже в 1991 г. напечатана под одной обложкой с «длинной телеграммой» Кеннана и с аналогичной запиской его коллеги – британского дипломата Ф. Робертса [33]. С этого момента она вошла в корпус текстов по истории холодной войны как «телеграмма (записка) Новикова» и активно используется в науке и образовательном процессе параллельно с широко известной «длинной телеграммой» Дж. Кеннана [10; 16; 32; 34, р. 48, 311, 355].

Однако эти упоминания Новикова в истории и историографии советской дипломатии остаются лишь эпизодами, а текст одной записки (к которой сам ее автор относился снисходительно и лишь мельком упомянул в своих мемуарах) заслоняет личность дипломата и значение его деятельности. Более того, можно встретить мнение, что написание этого документа Новикова вдохновил В.М. Молотов и едва ли не продиктовал ему текст записки [31, р. 30], что исключает активную роль самого дипломата и снижает интерес к его собственной позиции. Поэтому и сейчас его взгляды и роль в формулировании и проведении в жизнь советской внешней политики критического десятилетия прошлого века остаются недостаточно изученными. Передача личных документов Николая Васильевича Новикова в архив Европейского университета в Санкт-Петербурге сделала возможным посмотреть на жизнь дипломата и ученого более пристально.

Методы и материалы. Новиков успел опубликовать две книги мемуаров о своей дипломатической работе в Египте и США. Частично его мемуары выходили в советских журналах, а фрагменты его дневника за 1943–1945 гг. были опубликованы уже в 2020 г. Галиной Лисицыной [18; 21; 23; 24]. Кроме того, в первые годы после отставки Новиков издал (под псевдонимом Н. Васильев) две книги о США [4; 5]. Однако его рукописное наследие

намного больше. Новиков вел дневники всю свою жизнь, и, хотя сдержанность дипломата и самоцензура человека советской эпохи наложили отпечаток на эти тексты, они остаются интереснейшим источником для изучения советской истории. Ранние дневники Новикова (1924–1935 гг.), обработанные автором в конце жизни для публикации, размещены на сайте проекта «Прожито» [26].

Анализ. Юность Николая Васильевича Новикова пришлась на годы Первой мировой войны, революции и Гражданской войны. Его отец Василий Федорович был литейщиком на заводе Экульта, потом брался за разные работы в столице империи. Мать, Пелагея Патрикеевна, посвятила себя ведению хозяйства и воспитанию пятерых детей, – у Николая было четыре брата и сестра [22]. В семье поощрялись интеллектуальные занятия, и Николай еще подростком вместе с братом «издавал» рукописные литературные журналы, заполненные собственными сочинениями [29]. После своей отставки в относительно молодом возрасте дипломат увлекся писательским трудом; в его архиве сохранились рукописи неизданных романов и повестей на «американскую тему» и переписка с издателями, отказавшими ему в публикации [2]. Эти тексты, независимо от их литературных достоинств, заслуживают отдельного внимания исследователей.

Николай окончил три класса школы и четыре класса городского училища в предреволюционном Петрограде, шестнадцатилетним, по его словам, добровольцем ушел в Красную армию. На фронт он не попал: переболел сыпным тифом и демобилизовался в юном возрасте [22; 26]. Уже после Гражданской войны Николай доучивался два года в вечерней школе для взрослых (см. рис. 1). Еще подростком он изучил эсперанто, так что языки его не пугали, а скорее привлекали. Он самостоятельно, а потом студентом освоил французский и немецкий языки, а позднее научился говорить и по-английски. В 1926 г. Новиков поступил в Ленинградский восточный институт (см. рис. 2) по специальности «востоковед-экономист» и со специализацией по Турции. Во время учебы он в 1928 г. впервые оказался в Турции на шестимесячной студенческой практике, где закрепил знание турец-

кого языка и познакомился с бытом и обычаями этой страны. После окончания института в 1930 г. Новиков попал на работу в наркомат внешней торговли. С 1933 по 1935 г. его рабочим регионом был Таджикистан, и молодой востоковед воспользовался этим для изучения местного языка («фарси в таджикском варианте», который он будет использовать через несколько лет в беседах с иранскими дипломатами) [21, с. 19].

После пяти лет работы в наркомате в Москве и Таджикистане, в 1935 г. Новиков по направлению ЦК КП(б) Таджикистана поступил в аспирантуру Института красной профессуры мирового хозяйства и мировой политики. В 1938 г., однако, институт расформировали и он был зачислен в Первый Восточный отдел народного комиссариата иностранных дел, с которым будет связана самая интенсивная часть его жизни. По воспоминаниям самого Новикова, он рассчитывал заняться наукой и поворот биографии к внешней политике стал для него неприятной неожиданностью. Несколько страниц мемуаров он посвятил рассказу о том, как неоднократно отказывался от этого назначения, причем однажды – в разговоре с самим наркомом М.М. Литвиновым.

Приглашение в НКВД было косвенным результатом массовых репрессий 1937–1938 гг., жертвой которых стали многие ответственные работники наркомата. Дипломатическая служба испытывала большой кадровый голод, и востоковедческая подготовка Новикова была важным фактором его «распределения» в НКВД. В мемуарах Новиков дает краткие, но нелицеприятные личные характеристики руководителям внешней политики страны того периода. Так, он характеризует Литвинова как «ревностного поборника ленинской политики мирного сосуществования» [21, с. 5], используя словосочетание, значение которого сильно изменилось за полвека, прошедшие от их первой встречи до публикации воспоминаний. Молотов в описании дипломата был «человеком требовательным, нетерпеливым и способным резко и грубо отчитать подчиненного, причем далеко не всегда справедливо, сорвать на нем злость, рожденную собственными неприятностями, которых у него хватало по горло» [21, с. 119]. Гро-

мыко, с которым Новиков в 1939 г. работал в НКВД на должностях заведующих отделами и его непосредственный начальник и предшественник на посту посла в США до 1946 г., «несколько замкнутый по характеру... избегал тесного общения со своими коллегами» [21, с. 266]. Надо отметить, что сам Громыко в двух томах мемуаров упоминает Новикова всего один раз – при перечислении всех советских послов в США – и то путает (возможно, это недосмотр редакторов его воспоминаний) его инициалы, таким образом превратив его в другого человека, однофамильца, дипломата того же поколения К.В. Новикова [9, с. 212].

В 1941 г. Новиков стал заведующим IV европейским отделом НКВД, а в 1943 г. получил назначение в Египет, став первым чрезвычайным и полномочным посланником СССР в этой стране после установления дипломатических отношений. Поскольку греческое и югославское правительства в те годы находились в эмиграции в Египте, то по совместительству ему достались также должности посла в Греции и Югославии.

Египетские газеты с повышенным вниманием отнеслись к открытию советской миссии, дополняя, правда, недостаток информации слухами и предположениями. Так, одна из газет сообщила, что посланнику Новикову «всего 30 лет» (на десять лет омоловив советского дипломата), а другая приписала ему восхищение «величием короля Фараука» (что вынуждены были специально опровергать другие сотрудники миссии). Еще в одной газете предлагалось пригласить в Египет «маршала Тимошенко, т.к. он является единственным крупным среди союзных сил командующим из мусульман» [3, с. 56, 62, 64]. В 1944 г. Новиков сыграл также важную роль в установлении дипломатических отношений с Сирией и Ливаном.

Интересно отметить, что часть мемуаров Новикова, касавшаяся его роли в установлении отношений Советского Союза с арабскими странами Ближнего Востока, была опубликована в журнале «Вопросы истории» в 1973 г. – в год «войны Судного дня» [24], а потом вышла отдельной книгой в 1976 г. и в 1987 г. переведена издательством «Прогресс» на арабский язык [23; 25]. Дея-

тельность Новикова на Ближнем Востоке получила высокую оценку. Он был (одновременно с А.А. Громыко) награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В ноябре 1944 г. Новиков получил неожиданное – в свете его предыдущего опыта – назначение на должность советника в советское посольство в США. Дипломатическая карьера Новикова настолько малоизвестна, что автор статьи об отношениях СССР и Египта в этот период называет его «опытным дипломатом» (хотя это было его первое собственно дипломатическое назначение после работы в центральном аппарате НКВД) и описывает завершение работы Новикова в Каире словами, что тот «в конце 1944 года отбыл на родину» (хотя на родине Новиков побывал только транзитом по дороге к новому месту назначения – в США) [7, с. 21]. Громыко, оставаясь формально главой посольства, вскоре улетел в Москву участвовать в подготовке послевоенной системы международных отношений, так что Новиков на протяжении полутора лет исполнял обязанности поверенного в делах, пока, наконец, в апреле 1946 г. не получил назначения Чрезвычайным и Полномочным Послом Советского Союза в Соединенных Штатах (см. рис. 3).

Первый раз Новиков планировал поездку в Америку еще в 1943 г., когда готовился к отправке в посольство в Лондоне путем кругосветного путешествия. Тогда путешествию помешало назначение в Каир, но Новиков уже «готовился написать ряд путевых очерков о городах и странах, посещенных мною, может быть, издать книгу очерков. Заграница во время войны, а точнее к концу войны, – таков должен был быть основной мотив этих очерков. Я уже заранее готовил некоторые материалы для американского отрезка пути, выбрал сведения о городах и штатах, которые мне предстояло посетить. В частности, подбирал данные о том, что они представляли собой ровно 100 лет тому назад, в очерках было бы очень интересно привести такие сравнения» [18].

Именно Новиков представлял Москву в Вашингтоне в момент окончания Второй мировой войны, ему же пришлось столкнуться и с переходом отношений от союзнических к враждебным. Новиков побывал на последней

инаугурации Ф.Д. Рузвельта в январе 1945 г., – ввиду слабости президента она была проведена не у Капитолия, а в Белом доме, – а через два с половиной месяца Рузвельта не стало. Новиков высоко оценивал и личность Рузвельта, и его вклад в развитие американо-советского сотрудничества в годы Второй мировой войны.

Через три недели после смерти Рузвельта закончилась война в Европе, и отношения США с Советским Союзом начали заметно ухудшаться. Объяснением этого служило, по мнению советских руководителей, вытеснение «рузвельтовской» команды, нацеленной на поддержание добрых отношений с СССР, командой нового президента Гарри Трумэна.

Новиков оказался в центре послевоенного урегулирования сложных международных проблем. Он встречал советскую делегацию, прибывшую в США на первую сессию ООН, и сам принял в ней активное участие. В январе 1947 г. вместе с Молотовым, Вышинским и Громыко он посетил прием у президента Трумэна в Белом доме (см. рис. 4). Николай Васильевич много общался с ведущими политиками и общественными деятелями Америки и других стран, посещавшими Соединенные Штаты (педантичный человек, Новиков составил список глав государств, премьер-министров и прочих людей, вершивших судьбы мира, с которыми он встречался).

Это было время перегруппировки мировой политики, когда новые реалии международных отношений требовали нового понимания и нового языка описания. Метафоры вроде описанного в марте 1946 г. в американском Фултоне отставным британским премьер-министром Уинстоном Черчиллем «железного занавеса» или предложенной 22 февраля 1946 г. американским дипломатом Джорджем Кеннаном «стратегии сдерживания» СССР формировали этот новый язык холодной войны, содержанием которого была идеологическая и политическая пропасть между вчерашними союзниками.

В этих обстоятельствах Новиков и написал свою «длинную телеграмму», изложив в ней мотивы американского правительства и настроения в американской элите в 1946 году. «Следует вполне отдавать себе отчет в том, что подготовка США к будущей войне прово-

дится с расчетом на войну против Советского Союза, который является в глазах американских империалистов главным препятствием на пути США к мировому господству», – писал советский дипломат своему начальству 27 сентября 1946 года [17, с. 320–321].

Анализ этого документа составляет отдельную задачу, но отметим, что среди изучавших его нет согласия в том, насколько он отвечал взглядам самого Новикова. Известный российский специалист по истории советско-американских отношений и истории холодной войны В.О. Печатнов, разделяя мнение Дж. Гэддиса, считает, что «дух конфронтации» исходил в значительной степени лично от Сталина [32, р. 122], а телеграмма Новикова была составлена «по прямому заказу и под контролем Молотова» [27, с. 433]. Но этой констатации недостаточно для того, чтобы ответить на вопросы, поставленные президентом американского Института мира Сэмюэлом Льюисом в предисловии к первой публикации записки Новикова на английском языке: «...какое место занимал Новиков в созвездии творцов советской внешней политики; как подобные телеграммы из советских представительств влияли на выработку политики; говорил ли Новиков Сталину и Молотову то, что они хотели услышать от своего подчиненного, или то, что, по мнению Новикова, они должны были услышать» [33, р. X].

Намек на отношение Новикова к быстрому охлаждению советско-американских отношений можно увидеть в его активности в месяцы, последовавшие за написанием доклада «О внешней политике США». Советский посол всеми силами пытался притормозить процесс развязывания холодной войны, активно выступая перед американской общественностью в защиту мирного сосуществования. Весной 1947 г. на одном из общественных мероприятий в Майами Новиков убеждал американских слушателей, что «тьма, омрачающая в последнее время» отношения между Соединенными Штатами и Россией, «не отражает реального положения дел между двумя народами» и что «беспокойство и страх перед новой войной, проявившиеся в 1946 году, были не столько чувствами, выражаемыми нашими народами, сколько результатом деятельности некоторых политических

групп» [35]. В июне того же года Новиков выступал перед Чикагским советом американо-советской дружбы, повторяя важную для него мысль: «Если наши страны смогли сотрудничать в период войны, то тем более нет оснований утверждать, что они не смогут сотрудничать в послевоенное время и что этому сотрудничеству помешают различия в экономических системах» [6]. Последнее утверждение находилось уже на опасной грани дозволенного новыми тонами советской пропаганды.

Что особенно интересно (и чего не могли знать американские слушатели выступлений советского посла), в этот же период Новиков на совещании в ЦК ВКП(б) в Москве сетовал «на то, что бюрократическая волокита в организации культурных контактов создает впечатление о “железном занавесе”, что Советский Союз изолируется от всего мира, и к себе не хочет приглашать американских деятелей, и посылать не хочет» [27, с. 486].

Можно согласиться со знатоком истории советского МИД Э.А. Иваняном, что «Новиков не полностью разделял новые установки из Москвы и вскоре поплатился за излишнюю самостоятельность» [15, с. 364]. В самом деле, в 1947 г. даже тон записки Новикова годовой давности представлялся в Москве слишком мягким. Причем Новиков настаивал на своем: в сентябре 1947 г. он подготовил новую записку Молотову, в первой части которой описал агрессивные и экспансионистские планы администрации Трумэна, а вторую начал с фразы: «Осуществление планов безграничной экспансии США встречается с серьезнейшими препятствиями» и по пунктам разобрал международные и внутривнутриполитические факторы, которые, очевидно, не давали Трумэну развязать войну против СССР [14, с. 15]. Такая позиция советского посла в США вряд ли отвечала новым идеологическим и внешнеполитическим установкам Кремля. Из посольства в МИД (вероятно, при поощрении сверху) в адрес Новикова последовала резкая критика. Советник посольства В.А. Тарасенко сообщал Молотову, что «у посла т. Новикова Н.В. сложилась довольно ограниченная и однобокая концепция в отношении оценки политики Соединенных Штатов Америки». Мнение посла, что США занимаются «шан-

тажом» Советского Союза, ошибочно, на самом же деле «Соединенные Штаты встали на путь прямой подготовки войны против Советского Союза» [28, с. 457–458].

Через несколько дней Н.В. Новиков был отозван в Москву и, после трудного разговора с Молотовым, 25 октября 1947 г. был освобожден от обязанностей посла в США «как не оправдавший доверия ЦК» [27, с. 447]. В возрасте 44 лет блестящая дипломатическая карьера Новикова прервалась, – и, как выяснилось, прервалась навсегда.

Сам Новиков в мемуарах обходит причины своего увольнения, объясняя его своей постоянной тягой к научной и литературной работе. Он и в самом деле начал писать, в 1950 г. вступил в Союз писателей СССР, однако ни одна рукопись художественной книги так и не увидела свет. Опубликованы были лишь две книги мемуаров и две книги очерков о США. Первая из этих книг была опубликована в 1949-м, а вторая – в 1953 г., вскоре после смерти И. Сталина [4; 5]. И вот что писал Новиков в дневнике 11 апреля 1953 г.: «С 26 января принялся за популярный очерк “Соединенные Штаты Америки”. Работа оказалась довольно трудоемкая, и я только на днях закончил ее начерно, написав примерно десять листов. ...Наклеивается маленькое облачко в виде возможных трудностей политического свойства. Писалась книга во вполне определенном тоне, соответствующем сложившимся на протяжении последних лет отношениям с США. А в последнее время появились некоторые проблески надежды, что в Корее установится перемирие» [11] (Тут осторожный Новиков пишет об отставке Макартура и приходе в Белый дом Эйзенхауэра, но далее переходит не к американским, а к российским переменам.) «Уже и сейчас заметно изменение тона в наших газетах, заявлениях. Для перестраховщиков это будет благодатнейшая почва – зажимать все вообще, что относится к Соединенным Штатам. Я не могу забыть, с какой трудностью проходила моя первая книга в 1949 году, когда после берлинского инцидента 1948 г. возникала по временам ситуация, внешне сулившая ослабление напряжения. Как известно, в действительности ситуация “разрядилась” войной в Корее, но иллюзии сыграли свою роль и немало крови мне

тогда попортили. А книжка, как известно, пришла очень кстати» [11]. Помимо этого, в конце 1950-х – начале 1960-х гг. Новиков перевел на русский язык целый ряд произведений прогрессивных, как было принято писать, авторов [1; 8; 12; 13; 19; 30].

Результаты. Подведем некоторые предварительные итоги. Н.В. Новиков, несомненно, оставил свой заметный след в истории советской дипломатии. Образованный, коммуникативный, интеллигентный, обладавший высокой профессиональной квалификацией и литературным талантом, увлекавшийся фотографией, пунктуальный в служебных делах, он заметно выделялся в когорте дипломатов молотовского призыва. Несмотря на свой независимый и принципиальный характер, он сумел наладить рабочие отношения не только с М. Литвиновым, но и с В. Молотовым, и даже с «дипломатическим прокурором» А. Вышинским. Работа Новикова высоко оценивалась в странах, в которых он представлял Советский Союз. Новиков был убежденным сторонником сохранения и укрепления дружественных отношений между СССР и США в духе партнерства в период Второй мировой войны. Но он трезво оценивал сложившуюся после ее окончания обстановку, указывая в своих аналитических записках на стремление определенных кругов в США к достижению мировой гегемонии. В качестве основных инструментов послевоенной политики США советский дипломат выделил атомный шантаж, план экономического восстановления Западной Европы (план Маршалла) и выработку стратегии глобального превосходства США на мировой арене (доктрина Трумэна), практически предсказав появление этих концепций. Фактически эти три стратегические концепции, сформулированные во второй записке Новикова на имя Молотова, были положены в основу официальной советской интерпретации причин и характера холодной войны и вошли в советские школьные и вузовские учебники по всеобщей истории и истории международных отношений.

Парадоксально, что, несмотря на существенные различия в концептуальном содержании телеграмм Дж. Кеннана и Н.В. Новикова, оба автора сходились в обосновании идеи

предотвращения прямого военного конфликта между США и СССР, который грозил бы глобальной катастрофой.

Дипломатическая деятельность «дипломата поневоле» Н.В. Новикова далеко еще не изучена в полной мере и требует тщательного дополнительного анализа. Его опыт особенно актуален сегодня, когда, к сожалению, возрождаются стереотипы мышления и практики холодной войны в самых худших вариантах. История дипломатической карьеры Новикова наглядно демонстрирует значение сохранения коммуникативных каналов в профессиональной и общественной дипломатии, сохранения здравого смысла и профессиональной ответственности, особенно тех, кто принимает решения в деле обеспечения нацио-

нальных интересов своей страны и сохранения всеобщего мира.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование частично выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00305 «Образы врага в массовой культуре Холодной войны: содержание, современная рецепция и использование в символической политике России и США», <https://rscf.ru/project/22-18-00305/> (РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург).

The reported study was partially funded by RSF, Grant № 22-18-00305, <https://rscf.ru/project/22-18-00305/> “The images of enemy in Cold War popular culture: their content, contemporary reception and usage in Russian and U.S. symbolic politics” (Herzen University, Saint-Petersburg).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рис. 1. Николай Новиков в 1924 г., ученик вечерней школы
Fig. 1. Nikolai Novikov in 1924, evening school student

Рис. 2. Николай Новиков в 1926 г., студент Ленинградского восточного института
Fig. 2. Nikolai Novikov in 1926, student at the Leningrad Oriental Institute

Рис. 3. Николай Новиков, Чрезвычайный и Полномочный посол СССР в США, 1946 г.
Fig. 3. Nikolai Novikov, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the USSR to the USA, 1946

Рис. 4. Вышинский, Новиков, Молотов и Громыко на лужайке у Белого дома во время приема у президента Трумэна, 7 января 1947 г.

Fig. 4. Vyshinsky, Novikov, Molotov and Gromyko on the White House lawn during a reception with President Truman, January 7, 1947

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аппел Бенджамин. Крепость среди рисовых полей / пер. с англ. [и послесл.] Н. Васильева. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. 533 с.
2. Архив Европейского университета в Санкт-Петербурге. Ф. Л-28 (Новиков, Николай Васильевич).
3. Беляков В. В. Советская миссия в Египте // Труды Института востоковедения РАН. № 17. М.: ИВ РАН, 2018. С. 54–64.
4. Васильев Н. Америка с черного хода. Очерки и зарисовки. М.: Сов. писатель, 1949. 340 с.
5. Васильев Н. Соединенные Штаты Америки. Популярный очерк. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1953. 264 с.
6. Выступление перед Чикагским советом американо-советской дружбы // Архив Европейского университета в Санкт-Петербурге (Архив ЕУСПб). Ф. Л-28 (Новиков, Николай Васильевич). Оп. 1. Ед. хр. 24. Листы не пронумерованы.
7. Горячкин Г. Сталинград спас Каир и Багдад // Родина. 2009. № 5. С. 21–22.
8. Грин Гилберт. Забытый враг / пер. с англ. Н. Васильева. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. 412 с.
9. Громько А. А. Памятное. В 2 кн. Кн. 1. М.: Политиздат, 1990. 512 с.
10. Дмитрова Е. В. О некоторых дипломатических усилиях Дж. Кеннана, Ф. Робертса и Н.В. Новикова в обстановке взвинчивания «Холодной войны» // Вестник Томского государственного университета. 2003. № 276. С. 108–114.
11. Дневник Н.В. Новикова. № 7. Вашингтон – Москва. 11 апреля 1953 года // Архив ЕУСПб. Ф. Л-28 (Новиков, Николай Васильевич). Оп. 1. Ед. хр. 18. Листы не пронумерованы.
12. Додд, Марта. Под лучом прожектора / пер. с англ. Н. Васильева; послесл. И. Ермашева; ред. Б. Грибанов. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. 367 с.
13. Додд, Марта. Посеешь ветер... / пер. с англ. Н. Васильева; предисл. Б. Полевого. М.: Изд-во иностр. лит., 1959. 332 с.
14. Доктрина Трумэна и план Маршалла, 28.08.1947 // Архив ЕУСПб. Ф. Л-28 (Новиков, Николай Васильевич). Оп. 1. Ед. хр. 24. Листы не пронумерованы.
15. Иванян Э. А. Энциклопедия российско-американских отношений. XVIII–XX века. М.: Международ. отношения, 2001. 696 с.
16. Левин Я. А. Колониальная система: баланс и перспективы после 1945 г. в оценках дипломатов США, СССР и Великобритании // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6, № 4 (21). С. 181–183.
17. Материал посла СССР в США Н.В. Новикова для выступлений о внешней политике США. 27 сентября 1946 г. // Советско-американские отношения. 1945–1948 / под ред. Г. Н. Севостьянова. М.: Междунар. фонд «Демократия», 2004. С. 312–322.
18. Николай Новиков. Дневник. 1943–1945. Фрагменты / публ., подгот. текста и примеч. Г. Лисицыной // Звезда. 2020. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2020/6/dnevnik-1943-1945.html>
19. Нкрума Кваме. Я говорю о свободе: изложение африканской идеологии / пер. Н. Васильева, Ю. В. Семенова. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. 304 с.
20. Новиков Н. В. Внешняя политика США в послевоенный период // Международная жизнь. 1990. № 11. С. 148–154.
21. Новиков Н. В. Воспоминания дипломата. Записки 1938–1947 гг. М.: Политиздат, 1989. 399 с.
22. Новиков Н. В. На заре туманной юности: рукопись // Архив ЕУСПб. Ф. Л-28. Оп. 1. Ед. хр. 28. Листы не пронумерованы.
23. Новиков Н. В. Пути и перепутья дипломата (записки о 1943–1944 гг.). М.: Наука, 1976. 256 с.
24. Новиков Н. В. Установление дипломатических отношений СССР с Сирией и Ливаном // Вопросы истории. 1973. № 10. С. 128–145.
25. Новиков Н. В. *يف يسامول ببد تاي موي كئي فون ي الوكئي ين / بير عل دال ب قطش املا ل لال ج قم جرت : فوكئي فون ي الو* [= Воспоминания советского дипломата в арабских странах (1943–1944 гг.)]. М.: Прогресс, 1987. 311 с.
26. Новиков Николай Васильевич (1903–1907). Дневник Н.В. Новикова. 23 августа 1925 года // Прожито: офиц. сайт. URL: <https://corpus.prozhito.org/person/3779>
27. Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. М.: Терра – Кн. клуб, 2006. 752 с.
28. Письмо советника посольства СССР в США В.А. Тарасенко министру иностранных дел СССР В.М. Молотову с оценкой содержания информации посольства, 6 октября 1947 г. // Советско-американские отношения. 1945–1948 / под ред. Г. Н. Севостьянова. М.: Междунар. фонд «Демократия», 2004. С. 457–462.
29. Рукописные журналы // Архив ЕУСПб. Ф. Л-28 (Новиков, Николай Васильевич). Оп. 1. Ед. хр. 1–11.
30. Сноу Чарльз Перси. Пора надежд: роман / пер. с англ. Н. Васильева и Т. Кудрявцевой; предисл. А. Суркова. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. 392 с.
31. Gaddis J. L. The Cold War: A New History. N. Y.: Penguin Books, 2007. 334 p.
32. Levering R. B., Pechatnov V. O., Botzenhart-Viehe V., Edmondson E. C. Debating the Origins of the Cold War: American and Russian Perspectives. N. Y.: Rowman & Littlefield, 2002. 208 p.
33. Origins of the Cold War: The Novikov, Kennan, and Roberts “Long Telegrams” of 1946 / ed. by Kenneth M. Jensen, ed. Washington D.C.: United States Institute of Peace, 1991. 70 p.

34. Understanding and Teaching the Cold War / ed. by M. Masur. Madison, Wisconsin: University of Wisconsin Press, 2017. 364 p.

35. Woerpel J. 'Political Groups' Blamed by Russian Envoy in U.S. – Red 'Darkening Relations'. Miami Herald, 3.02.1947 [Вырезки из газет, собранные Н.В. Новиковым] // Архив ЕУСПб. Ф. Л-28 (Новиков, Николай Васильевич). Оп. 1. Ед. хр. 25. Листы не пронумерованы.

REFERENCES

1. Appel Bendzhamin. *Krepost sredi risovykh polei* [Fortress in the Rice]. Moscow, Izd-vo inostr. lit., 1960. 533 p.

2. *Arkhiv Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge* [Archive of the European University in St. Petersburg], f. L-28 (Novikov, Nikolaj Vasilyevich).

3. Beliakov V.V. Sovetskaia missiia v Egipte [Soviet Mission in Egypt]. *Trudy Instituta vostokovedeniia RAN. № 17* [Proceedings of the Institute of Oriental Studies of RAS. No. 17]. Moscow, IV RAN, 2018, pp. 54-64.

4. Vasilyev N. *Amerika s chernogo khoda. Ocherki i zarisovki* [America from the Back Door. Essays and Sketches]. Moscow, Sov. pisatel Publ., 1949. 340 p.

5. Vasilyev N. *Soedinennye Shtaty Ameriki. Populiarnyj ocherk* [The United States of America. Popular Essay]. Moscow, Gos. izd-vo geogr. lit., 1953. 264 p.

6. Vystuplenie pered Chikagskim sovetom amerikano-sovetskoj družby [Speech Before the Chicago Council of American-Soviet Friendship]. *Arkhiv Yevropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge (Arkhiv YeUSPb)* [Archive of the European University in St. Petersburg (EUSP Archive)], f. L-28 (Novikov, Nikolai Vasilevich), inv. 1, dep. item 24. Lists are not numbered.

7. Goriachkin G. Stalingrad spas Kair i Bagdad [Stalingrad Saved Cairo and Baghdad]. *Rodina*, 2009, no. 5, pp. 21-22.

8. Grin Gilbert. *Zabytyi vrag* [The Enemy Forgotten]. Moscow, Izd-vo inostr. lit., 1958. 412 p.

9. Gromyko A.A. *Pamiatnoe. V 2 kn. Kn. 1* [Memorable. In 2 Books. Book 1]. Moscow, Politizdat, 1990. 512 p.

10. Dmitrova E.V. O nekotorykh diplomaticheskikh usiliyakh Dzh. Kennana, F. Roberta i N.V. Novikova v obstanovke vzvinchivaniya «Kholodnoi voiny» [On Some Diplomatic Efforts of G. Kennan, F. Roberts and N.V. Novikov in the Context of a Cold War Inflation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2003, no. 276, pp. 108-114.

11. Dnevnik N.V. Novikova. № 7. Washington – Moskva. 11 aprelija 1953 goda [Diary of N.V. Novikov.

No. 7. Washington – Moscow. April 11, 1953]. *Arkhiv Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge* [Archive of the European University in St. Petersburg], f. L-28 (Novikov, Nikolai Vasilyevich), inv. 1, dep. item 18. Lists are not numbered.

12. Dodd, Marta. *Pod luchom prozhektora* [The Searching Light]. Moscow, Izd-vo inostr. lit., 1958. 367 p.

13. Dodd, Marta. *Poseesh veter...* [Sowing the Wind]. Moscow, Izd-vo inostr. lit., 1959. 332 p.

14. Doktrina Trumena i plan Marshalla, 28.08.1947 [Truman Doctrine and Marshall Plan, August 28, 1947]. *Arkhiv EUSPb* [EUSP Archive], f. L-28 (Novikov, Nikolai Vasilyevich), inv. 1, dep. item 24. Lists are not numbered.

15. Ivanian E.A. *Entsiklopediia rossiiko-amerikanskikh otnoshenii. XVIII–XX veka* [Encyclopedia of Russian-American Relations of the 18th – 20th Centuries]. Moscow, Mezhdunar. otnosheniia Publ., 2001. 696 p.

16. Levin Ja.A. Kolonialnaja sistema: balans i perspektivy posle 1945 g. v otsenkakh diplomatov SShA, SSSR i Velikobritanii [Colonial System: Balance and Perspectives After 1945 in the Assessment of the Diplomats from the USA, USSR and Great Britain]. *Samarskii nauchnyi vestnik*, 2017, vol. 6, no. 4 (21), pp. 181-183.

17. Material posla SSSR v SShA N.V. Novikova dlia vystuplenii o vneshnei politike SShA. 27 sentiabria 1946 g. [Memo from the USSR Ambassador in the USA N.V. Novikov for Presentations on the USA Foreign Policy]. Sevostyanov G.N., ed. *Sovetsko-amerikanskije otnosheniia. 1945–1948* [Soviet Union – United States Relations]. Moscow, Mezhdunar. fond «Demokratiia», 2004, pp. 312-322.

18. Nikolai Novikov. Dnevnik. 1943–1945. Fragmenty [Nikolay Novikov. Diary. 1943–1945. Fragments]. *Zvezda*, 2020, no. 6. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2020/6/dnevnik-1943-1945.html>

19. Nkruma Kvame. *Ja govoriu o svobode: izlozhenie afrikanskoj ideologii* [I Talk About Freedom: An Exposition of African Ideology]. Moscow, Izd-vo inostr. lit., 1962. 304 p.

20. Novikov N.V. Vneshniaia politika SShA v poslevoennyi period [Foreign Policy of the USA in the Post-War Period]. *Mezhdunarodnaja zhizn*, 1990, no. 11, pp. 148-154.

21. Novikov N.V. *Vospominaniya diplomata. Zapiski 1938–1947 gg.* [Memoirs of a Diplomat. Notes from 1938–1947]. Moscow, Politizdat, 1989. 399 p.

22. Novikov N.V. Na zare tumannoï yunosti: rukopis [At the Dawn of Foggy Youth. Manuscript]. *Arkhiv EUSPb* [EUSP Archive], f. L-28, inv. 1, dep. item 28. Lists are not numbered.

23. Novikov N.V. *Puti i pereputyia diplomata (zapiski o 1943–1944 gg.)* [The Paths and Crossroads of a Diplomat]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 256 p.

24. Novikov N.V. Ustanovlenie diplomaticheskikh otnoshenii SSSR s Siriei i Livanom [Establishment of Diplomatic Relations with Syria and Lebanon]. *Voprosy istorii*, 1973, no. 10, pp. 128-145.

25. Novikov N.V. *Memoirs of a Soviet Diplomat in Arab Countries (1943–1944)*. Moscow, Progress Publ., 1987. 311 p. (in Arabic).

26. Novikov Nikolaj Vasilyevich (1903–1907). Dnevnik N.V. Novikova. 23 avgusta 1925 goda [Novikov Nikolaj Vasilyevich (1903–1907). Novikov Diary. August 23, 1925]. *Prozhito: ofits. sayt* [Lived: Official Site]. URL: <https://corpus.prozhito.org/person/3779>

27. Pechatnov V.O. *Stalin, Ruzvelt, Trumen: SSSR i SShA v 1940-h gg.: Dokumentalnye ocherki* [Stalin, Roosevelt, Truman: USSR and USA in the 1940s. Documentary Essays]. Moscow, Terra – Kn. klub Publ., 2006. 752 p.

28. Pismo sovetnika posolstva SSSR v SShA V.A. Tarasenko ministru inostrannykh del SSSR V.M. Molotovu s otcenkoi soderzhaniia informatsii posolstva, 6 oktiabria 1947 g. [Letter from the Counselor of the USSR Embassy in the USA V.A. Tarasenko to the Minister of Foreign Affairs of the USSR V.M. Molotov with an Assessment of the Contents of the Information from the Embassy, October 6, 1947]. Sevostianov G.N., ed. *Sovetsko-amerikanskie*

otnosheniia. 1945–1948. Moscow, Mezhdunar. fond «Demokratia», 2004, pp. 457-462.

29. Rukopisnye zhurnaly [Handwritten Journals]. *Arkhiv EUSP* [EUSP Archive], f. L-28 (Novikov, Nikolai Vasilyevich), inv. 1, dep. items 1-11.

30. Snou Charl'z Persi. *Pora nadezhd: roman* [Time of Hope. Novel]. Moscow, Izd-vo inostr. lit., 1962. 392 p.

31. Gaddis J.L. *The Cold War: A New History*. New York, Penguin Books, 2007. 334 p.

32. Levering R.B., Pechatnov V.O., Botzenhart-Viehe V., Edmondson E.C. *Debating the Origins of the Cold War: American and Russian Perspectives*. New York, Rowman & Littlefield, 2002. 208 p.

33. Jensen K.M., ed. *Origins of the Cold War: The Novikov, Kennan, and Roberts "Long Telegrams" of 1946*. Washington D.C., United States Institute of Peace, 1991. 70 p.

34. Masur M. *Understanding and Teaching the Cold War*. Madison, Wisconsin, University of Wisconsin Press, 2017. 364 p.

35. Woerpel J. 'Political Groups' Blamed By Russian Envoy in U.S. – Red 'Darkening Relations'. Miami Herald, 3.02.1947 (Vyrezki iz gazet, sobrannye N.V. Novikovym). *Arkhiv EUSP* [EUSP Archive], f. L-28 (Novikov, Nikolai Vasilyevich), inv. 1, dep. item 25. Lists are not numbered.

Information About the Authors

Alexander I. Kubyshkin, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Theory and Methods of Teaching Humanities, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7-9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation; Grant Executor, Herzen University, reki Moyki Emb., 48, 191186 Saint Petersburg, Russian Federation, akubyshkin@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0633-2842>

Ivan I. Kurilla, Doctor of Sciences (History), Professor, Faculty of Political Science, European University at Saint Petersburg, Gagarinskaya St, 6/1A, 191187 Saint Petersburg, Russian Federation, ikurilla@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7144-2007>

Информация об авторах

Александр Иванович Кубышкин, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания гуманитарных наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7-9, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; исполнитель гранта, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. реки Мойки, 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, akubyshkin@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0633-2842>

Иван Иванович Курилла, доктор исторических наук, профессор факультета политических наук, Европейский университет в Санкт-Петербурге, ул. Гагаринская, 6/1А, 191187 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ikurilla@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7144-2007>

www.volsu.ru

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.9>

UDC 94(410)“1485/1603”

LBC 63.3(4)5

Submitted: 01.09.2023

Accepted: 01.11.2023

THE MUSCOVY COMPANY AND ENGLISH EXPEDITIONS TO NORTH AMERICA IN THE LAST QUARTER OF THE 16th CENTURY

Aleksandr A. Kiselev

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The *introduction* of the article includes the justification of the necessity to determine the role of the English Muscovy Company in the study of the geography of North America in the last quarter of the 16th century. The monopoly of the Muscovy Company and the significance of this commercial firm in the discovery of the northeast coast and Arctic waters of North America have not yet been studied. Documents (charters, reports, letters, petitions, and treatises) directly related to the organization of English voyages to the American Arctic waters, as well as diplomatic documents, are used as *materials. Analysis.* The reasons and circumstances of the Muscovy Company's monopoly on the search for the North-West Passage in North America are studied. The company's contribution to the organization of the expeditions of Martin Frobisher in 1576 and John Davis in 1585–1587 is determined. The attempts of the Cathay Company and Humphrey Gilbert at the turn of the 1570s–1580s to deprive “Muscovite” merchants of this privilege are analyzed. It is proven that even at the beginning of the 17th century, the Moscow Company retained a monopoly on the exploration of the Arctic seas. *Results.* With its monopoly on the search for the North-West Passage and its organizational and financial support, the Muscovy Company made an important contribution to the exploration of the north-eastern coast of North America in the last quarter of the 16th century. English navigators had the opportunity to explore Arctic waters, step by step shaping the modern geographical shape of North America on maps.

Key words: Muscovy Company, England, Tudors, North-West Passage, Frobisher, Gilbert, Davis.

Citation. Kiselev A.A. The Muscovy Company and English Expeditions to North America in the Last Quarter of the 16th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhduнародные otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 1, pp. 102–112. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.9>

УДК 94(410)“1485/1603”

ББК 63.3(4)5

Дата поступления статьи: 01.09.2023

Дата принятия статьи: 01.11.2023

МОСКОВСКАЯ КОМПАНИЯ И АНГЛИЙСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ В СЕВЕРНУЮ АМЕРИКУ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVI ВЕКА

Александр Александрович Киселев

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение* статьи включает обоснование необходимости определения роли английской Московской торговой компании в исследовании географии Северной Америки в последней четверти XVI века.

В качестве *материалов* используются документы (хартии, отчеты, письма, петиции, трактаты), имеющие непосредственное отношение к организации английских путешествий в американские арктические воды, а также дипломатические документы. *Анализ.* Исследованы причины и обстоятельства получения Московской компанией монополии на поиски Северо-Западного прохода в Северной Америке. Определен вклад компании в организацию экспедиций М. Фробишера 1576 г. и Дж. Девиса 1585–1587 годов. Проанализированы попытки Китайской компании и Х. Гилберта на рубеже 1570–1580-х гг. лишить купцов, торгующих в России, этой привилегии. *Результаты и выводы.* Обладая монополией на поиски Северо-Западного прохода, оказывая организационную и финансовую поддержку, Московская компания внесла важный вклад в исследование северо-восточного побережья Северной Америки в последней четверти XVI века. Английские мореплаватели получили возможность исследовать арктические воды, шаг за шагом формируя на картах современный географический облик Северной Америки.

Ключевые слова: Московская компания, Англия, Тюдоры, Северо-Западный проход, Фробишер, Гилберт, Девис.

Цитирование. Киселев А. А. Московская компания и английские экспедиции в Северную Америку в последней четверти XVI века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 1. – С. 102–112. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.9>

Введение. В конце XV – XVI в. среди географов и мореплавателей Западной Европы распространилась теория о существовании так называемого «Северо-Западного прохода» – северного морского пути в Азию в арктических водах Северной Америки. Согласно популярному мнению этот путь был намного короче тех, которые были открыты и контролировались португальцами и испанцами. В 1560–1580-х гг. инициаторами поисков Северо-Западного прохода выступили английские мореплаватели – знаменитые каперы королевы Елизаветы I М. Фробишер и Х. Гилберт. Они разработали проекты собственных экспедиций в полярные воды, но оказалось, что в Англии монополия на исследование арктических проливов Северной Америки принадлежала только Московской торговой компании, которая не собиралась ею делиться с конкурентами.

Данная статья посвящена вкладу, который внесла английская Московская компания в исследование географии Северной Америки в последней четверти XVI века.

Методы и материалы. Нужно отметить, что тема поисков англичанами Северо-Западного прохода в XVI столетии слабо отражена в историографии. Хотя к ней периодически обращаются авторы научно-популярной литературы [2; 5], специальных научных работ написано мало [38; 51]. Немногим лучше обстоит ситуация с исследованием экспедиций отдельных мореплавателей, которые, как правило, отражены в их жизнеописаниях [12; 18;

23; 31; 33; 34; 36; 42]. В отечественной научной литературе история поисков Северо-Западного прохода была предметом изучения в трудах И.П. Магидовича и Ю.Г. Акимова [1; 4].

Однако во всех указанных исследованиях не отражена проблема монополии Московской торговой компании и роль этого предприятия в изучении северо-восточного побережья и арктических вод Северной Америки. Данные вопросы не были затронуты и в монографии британского историка Т. Уиллана, остающейся до сих пор единственным исследованием деятельности Московской компании в эпоху Тюдоров [52].

Основной источниковой базой для изучения проблемы являются документы (хартии, отчеты, письма, петиции, трактаты), имеющие непосредственное отношение к организации английских путешествий в поисках северного морского пути. Большинство из них было опубликовано в XIX – первой половине XX в. [8; 9; 13–15; 19–22; 25; 27; 28; 35; 37; 39; 40; 43–49], однако нами привлекались и материалы из фондов Национального архива Великобритании [10; 11] и Британской библиотеки [26; 29; 50]. В исследовании эпохи Тюдоров значимую роль играют также документы дипломатической переписки [6; 7; 16; 24; 30; 41].

Комплексный анализ архивных и опубликованных материалов дает возможность выявить роль Московской компании в изучении и формировании географических знаний о Северной Америке в последней четверти XVI века.

Анализ. Открытие в 1492 г. Америки стало важным событием мировой истории, положившим начало исследованию и завоеванию целого континента в Западном полушарии. Однако его первооткрыватель Х. Колумб был убежден, что достиг берегов Индии и Китая (европейцы называли эту страну «Катай»). В течение следующего десятилетия испанские и португальские экспедиции доказали, что Колумб ошибался.

В то же время мечта о достижении Азии западным путем продолжала существовать. Одним из тех, кто в конце XV в. попытался ее осуществить, был генуэзский мореплаватель Дж. Кабот. «Предполагая, что Земля круглая», он сделал вывод о расположении Индии и Китая к северо-западу относительно Европы [41]. Получив поддержку английского купечества и лично короля Генриха VII Тюдора, Дж. Кабот в 1497–1498 гг. совершил два путешествия в указанном направлении через Атлантический океан, в результате которых, как он считал, «открыл... страну Великого Хана» [30]. В действительности, ему удалось лишь достичь берегов американского Ньюфаундленда, но это стало понятно позже.

В следующие десятилетия в Северо-Западную Атлантику устремились португальские, английские, испанские и французские экспедиции [1]. Они исследовали северо-восточное побережье Северной Америки, залив Святого Лаврентия, остров Ньюфаундленд и полуостров Лабрадор. С каждым новым плаванием к путешественникам и географам приходило понимание того, что найденные земли – не Азия.

Однако некоторые английские мореплаватели не оставляли надежд открыть и монополизировать северный морской путь. Так, в 1527 г. купец Р. Торн предлагал королю Генриху VIII искать этот пролив не на северо-западе, а на северо-востоке [50, f. 339v]. Но только через 20 лет на поиски Северо-Восточного прохода отправилась экспедиция Р. Ченслера, которая в 1553 г. достигла северных границ Московского государства и установила англо-русские торговые отношения [3].

Итоги этого путешествия были признаны в Лондоне успешными, что привело к созданию в 1555 г. акционерной «Компании купцов-предпринимателей в целях открытия зе-

мель, территорий, островов и неизвестных сенъорий» (с 1566 г. эта организация стала именоваться Московской компанией). В утвержденной королевской хартии данного предприятия было особо отмечено, что «наши [основавшие компанию] члены Тайного Совета, подданные и купцы» могли «открывать, описывать и находить неизвестные и не посещаемые ранее нашими подданными по морю острова, земли, территории, доминионы и сенъории, к которым, по воле и милости Всемогущего Бога, нужно плыть в северном, северо-восточном и северо-западном направлениях, куда другие христианские монархи, находящиеся с нами в союзе и дружбе, до сих пор не добирались» [45, р. 304]. Таким образом, Московская компания получила фактическое монопольное право на поиски как Северо-Восточного, так и Северо-Западного прохода.

В 1565–1567 гг. на эту монополию посягнул молодой дворянин Х. Гилберт, обратившийся к королеве Елизавете I с просьбой «дать ему такую же привилегию». В своих петициях он отмечал, что «долгое время ничего не было сказано и сделано касательно открытия северного прохода, чтобы добраться до Китая и всех остальных обширных частей мира» [39, р. 105–106, 108–110]. Нужно отметить, что предложение Х. Гилберта взволновало монополистов, ведь тот имел влиятельные связи при дворе: его мать являлась родной племянницей гувернантки королевы К. Эшли, а сам он был воспитанником лорда-наместника Ирландии сэра Г. Сиднея. Кроме того, инициатива предприимчивого дворянина активно поддерживалась известным путешественником и купцом Э. Дженкинсоном, открывшим для англичан рынки Персии [13, р. 177–178, 188]. Даже испанский посол в Лондоне Г. Де Сильва поспешил сообщить своему монарху Филиппу II о том, что «здесь есть один английский джентльмен, который, как говорят, является великим космографом, и считает, что он может открыть более короткий путь в Ост-Индию, чем тот, который проложили португальцы. Насколько я могу понять из его слов, путь будет пролегать через землю, которую они называют Лабрадором» [24].

Руководство Московской компании со своей стороны не уступало, назвав реализацию предложений Х. Гилберта «нежелатель-

ной». «Компания с самого начала намеревалась открыть Китай, сделала несколько попыток и намерена продолжать их снова как на северо-востоке, так и на северо-западе», – писали губернаторы компании У. Гаррард и Р. Хэйворд лорду-казначею У. Сесилу. – «[Компания] желает, чтобы все открытия были совершены в интересах упомянутой стороны, в соответствии с ее привилегиями и т. п., в чем она не будет отказывать, но желает получить добрый совет, помощь и консультацию м-ра Гилберта, если ему будет угодно, на разумных условиях, чтобы предпринять [экспедицию] или помочь [компании] в этом» [25, р. 111–112]. Иными словами, монополисты предлагали своему конкуренту стать членом Московской компании и отправляться в плавание под их руководством. Вероятно, Х. Гилберт не принял этого условия, поскольку летом 1567 г. он уже снова служил в Ирландии.

Через несколько лет в Англии опять заговорили о поисках Северо-Западного прохода. В 1574 г. проект новой экспедиции в Северную Америку выдвинули капитан М. Фробишер и купец М. Лок, который в 1571–1576 гг. работал агентом Московской компании в Лондоне [52, р. 287]. Предприниматели заручились влиятельной поддержкой Э. Дадли, графа Уорика, родного брата королевского фаворита Р. Дадли. Именно граф Уорик убедил английский Тайный совет заставить Московскую компанию поддержать проект Фробишера [53, р. 164]. Монополисты получили грозное послание органа государственной власти, в котором им напоминали, что «открытие морского пути в страну Китай было бы чрезвычайно выгодно для Англии, а они являются компанией, созданной для открытия новых торговых путей... Поэтому [им необходимо] ...опять предпринять новые поиски сейчас, спустя 20 лет после первого путешествия, либо предоставить свою лицензию другим, которые желают сделать это в настоящее время» [29, f. 42r].

Могла ли Московская компания самостоятельно организовать подобную экспедицию в середине 1570-х годов? Скорее всего, нет, поскольку в этот самый период начались проблемы в ее деятельности на основном рынке – в России. Русский царь Иван IV не смог

добиться заключения военно-политического союза с Англией, обвинил Елизавету I в неуважении к нему, а «многих людей Аглинских» – в «воровстве и лазучестве» в пользу Швеции [7, с. 150]. В качестве ответной меры царь отменил привилегии компании, наложил пошлины на английскую торговлю по Волге с Персией и конфисковал часть товаров. «А Московское государство покаместо без Аглинских товаров не скудно было», – писал он королеве. – «Да и все наши грамоты, которые есмя давали о торговых делах по сей день не в грамоты (то есть аннулируются. – А. К.)» [6, с. 110]. Таким образом, к середине 1570-х гг. Московская компания столкнулась с рядом проблем, в том числе финансовых. В этих условиях организация экспедиции к берегам Америки в поисках Северо-Западного прохода не могла быть среди ее приоритетных целей, поэтому компания уступила требованию Тайного совета «предоставить лицензию» М. Фробишеру.

Поскольку путешествие представлялось рискованным, а его результат – непредсказуемым, М. Лок нашел только 18 инвесторов, среди которых были как представители органов власти (У. Сесил, Ф. Уолсингем, братья Э. и Р. Дадли, Т. Рэдклифф), так и, преимущественно, купцы из Сити (Т. Грэшем, Л. Даккетт, Э. Хоган, М. Филд и др.). Американский исследователь Р. Бреннер отмечал, что спонсорами экспедиции М. Фробишера являлись торговцы, ведущие дела на рынках Испании, Марокко и России [17, р. 20]. Однако, кроме М. Лока, непосредственно служащих Московской компании в 1575–1576 гг. среди них не было. В то же время проект был поддержан лордом-казначеем У. Сесилом и государственным секретарем Ф. Уолсингемом, которые имели тесные связи с компанией, а также Э. Дженкинсоном и Т. Рэндольфом – бывшими английскими послами в России. Общими усилиями организаторы собрали 875 ф. ст., на которые была построена небольшая флотилия из 3 кораблей [11].

Экспедиция М. Фробишера продолжалась с июня до октября 1576 года. У побережья Гренландии путешественники попали в шторм, в результате которого были потеряны два из трех судов. На оставшемся барке «Габриэль» М. Фробишер, маневрируя сквозь айс-

берги, добрался до острова Баффинова Земля, где открыл узкий залив (сейчас – залив Фробишера), который ошибочно принял за долгожданный Северо-Западный проход [47, р. 72]. Подтверждением предположениям путешественника стала встреча с местными эскимосами-инуитами, которых англичане приняли за азиатов, ведь аборигены «были очень похожи на смуглых мавров или, скорее, на татар» [29, f. 54r]. Как верно отмечал советский исследователь И.П. Магидович, «это была первая исторически доказанная встреча европейцев с американскими эскимосами» [4, с. 115]. Главным же успехом экспедиции, по мнению организаторов, стала находка минералов («золотой руды»), из которых после выплавки в огне удавалось извлекать немного золота [37].

Вернувшись из плавания, М. Фробишер сразу же приступил к подготовке следующих путешествий. Слух о том, что мореплаватель нашел в Северной Америке драгоценный металл, разлетелся по Лондону, и к Фробишеру потянулись инвесторы. Для второго путешествия удалось собрать 4 275 ф. ст., для третьего – 6 952 ф. ст. [10]. Среди вкладчиков была лично королева Елизавета I и многие другие знатные придворные. Их имена Фробишер нанес на географические карты (Земля королевы Елизаветы, Земля Лока, остров графа Сассекса, мыс Уолсингема и т. п.) [49].

Московская компания более не участвовала в организации экспедиций М. Фробишера, хотя за ней все еще была закреплена монополия на открытия «в северном, северо-восточном и северо-западном направлениях». Чтобы избежать этой зависимости, М. Фробишер и М. Лок создали собственное акционерное общество, названное ими «Катайской компанией». В тексте хартии новой организации, поданной ими на утверждение королеве, они прописали право на проведение экспедиций «в северном, западном и южном направлениях». Бдительный лорд-казначей У. Сесил напротив этих слов поставил пометку о том, что деятельность Катайской компании «не должна противоречить прежним хартиям Московской компании» [14, р. 111–112]. В результате в «согласованных статьях» уставного документа нового акционерного общества осталось только право на исследования в «северо-

западном направлении» [15]. Впрочем, канадский исследователь Дж. Макдермотт убежден, что Катайская компания так и не получила утвержденную королевой хартию [32, р. 163].

Вторая экспедиция М. Фробишера состоялась в мае – сентябре 1577 года. Хотя инструкции Тайного совета предписывали путешественнику «продолжать открытие пути в Катай» [26, f. 296], он сосредоточился на добыче «золотой руды», так и не продвинувшись в своих исследованиях дальше Баффиновой Земли. Осенью 1577 г. экспедиция привезла около 200 тонн добытых минералов. Немецкий металлург Й. Шутц сообщил, что с каждой тонны привезенной М. Фробишером «руды» он сможет выплавить «более чем 40 золотых монет» [9, р. 197]. Этого оказалось достаточно для организации следующей экспедиции в 1578 г., главными задачами которой объявлялись колонизация найденной земли, которую королева Елизавета I назвала «Мета Инкогнита», и добыча 2000 тонн «золотой руды» [27]. Однако из-за айсбергов, туманов, штормов и экстремального холода все это оказалось невозможным. Недовольство корабельных команд заставило М. Фробишера завершить путешествие и вернуться в октябре 1578 г. в Англию.

Здесь Катайская компания столкнулась с целым рядом проблем. Прежде всего, грандиозная третья экспедиция за «золотой рудой» не окупилась. К М. Локу, как губернатору и казначею организации, устремились кредиторы и инвесторы, требуя возврата денег. На этой почве предприниматели поссорились и стали писать в Тайный совет жалобы друг на друга о «злоупотреблениях» [43; 44]. В результате М. Лок окончательно разорился, был осужден за невыплату долгов и заключен во Флитскую тюрьму, откуда несколько лет просил бывших благодетелей заплатить за него залог [40]. Главный же удар был нанесен металлургами и алхимиками, объявившими, что «золотая руда», привезенная М. Фробишером, является пиритом (или колчеданом) – минералом, который из-за схожести с драгоценным камнем называли «золотом дураков», а на самом деле он не имел никакой ценности [42, р. 257–258]. Таким образом, Катайская компания закончила свое существование в 1580-х гг., так и не обнаружив Северо-Западного прохода.

Тем временем, в апреле 1576 г. в Лондоне Х. Гилберт опубликовал трактат «Рассуждение об открытии нового пути в Китай», в котором утверждал, что «[восточные земли] вполтину ближе до нас, если [искать их] на северо-западе, а не на северо-востоке» [22, р. 158]. В 1578 г. он добился от королевы Елизаветы I патента, позволявшего ему «искать, открывать и исследовать далекие дикие и варварские земли, страны и территории, не принадлежащие ни одному из христианских монархов» [28, р. 188]. Географическое направление открытий в документе благоразумно не указывалось, чтобы не привести к противоречиям с Московской компанией. Однако путешествия Х. Гилберта все равно не имели успеха. В 1579 г. его флотилия попала в сильный шторм у берегов Ирландии и, потрепанная, вернулась в Англию [16]. А в 1583 г. он достиг Ньюфаундленда и объявил остров владением английской короны, но почти все его корабли погибли, а сам Х. Гилберт утонул во время бури недалеко от Азорских островов.

В начале 1580-х гг. руководство Московской компании, понимая, что теряет контроль над монополией на исследование Северного полушария, начало предпринимать новые полярные экспедиции. Нужно отметить, что первая половина 1580-х гг. являлась для Московской компании временем трудностей: снова осложнились отношения с Россией, была прекращена торговля с Персией, закончилось провалом плавание А. Пета и Ч. Джекмена, отправленных на очередные поиски Северо-Восточного прохода [52, р. 151–154, 157–165, 180–182].

Несмотря на это, весной 1583 г. совместными усилиями губернатора Московской компании Дж. Барна и купцов Тауэрсона, Янга и Хадсона, государственного секретаря Ф. Уолсингема, известного космографа Дж. Ди и мореплавателя А. Гилберта (брата погибшего Х. Гилберта) была организована экспедиция для новых поисков пути на Восток через Америку [21, р. 484]. В этот раз по согласованию с Московской компанией [35, р. 486] «мастеру Адриану Гилберту и другим» был выдан королевский патент «для поисков и открытия Северо-Западного прохода в Китай» с правом исследований «в северо-западном, северо-восточном и северном направлениях» [48, р. 375].

Под командованием капитана Дж. Девиса в 1585–1587 гг. состоялись три экспедиции, во время которых были исследованы восточное и западное побережье Гренландии, восточное побережье Лабрадора, юго-восточное побережье Баффиновой Земли. На одном из гренландских островов Дж. Девис обнаружил у эскимосов запасы китового жира – ценного сырья доиндустриальной эпохи [19, р. 395], из-за чего основной целью третьего плавания Дж. Девиса стала «ловля рыбы» у берегов Гренландии, тогда как поиск пути в Азию из-за сложностей с айсбергами и туманами превратился во второстепенную задачу [20, р. 443]. В то же время Девис был убежден, что «Северо-Западный проход несомненно существует, пройти через него можно легко» [8]. Однако путь в Китай в этих водах он так и не нашел.

Провал очередных попыток найти северный морской путь в Азию привел к упадку интереса в Лондоне к этому направлению на целых пятнадцать следующих лет. Все это время Московская компания продолжала сохранять за собой монополию на исследование англичанами полярных морей как в Евразии, так и в Северной Америке. Когда в 1601 г. руководство недавно образованной Ост-Индской компании попыталось взять инициативу в свои руки, оно получило решительный отпор со стороны Московской компании, заявившей, что «имея права на [Северо-Западный] проход, они ни в коем случае никогда не откажутся от своей заинтересованности в нем» [46, р. 188].

Результаты. Обладая столь значимой монополией, Московская торговая компания в последней четверти XVI в. внесла важный вклад в исследование английскими мореплавателями северо-восточного побережья Северной Америки. Он мог быть результатом вынужденных мер, как в случае с первой экспедицией М. Фробишера 1576 г., или добровольного решения, как организация плаваний Дж. Девиса 1585–1587 годов. На рубеже 1570–1580-х гг. компания едва не утратила монополию из-за энергичных конкурентов в лице М. Фробишера, М. Лока и Х. Гилберта, но крах Китайской компании и провал экспедиции на Ньюфаундленд в 1583 г. позволили купцам, торгующим в России, сохранить свой статус.

Благодаря их организационной и финансовой поддержке в поисках Северо-Западного прохода английские мореплаватели получили возможность исследовать арктические воды, шаг за шагом формируя на картах современный географический облик Северной Америки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимов Ю. Г. Испанские мореплаватели у атлантического побережья Северной Америки в первой четверти XVI в. // Латинская Америка. 2013. № 5. С. 80–89.
2. Блон Ж. Великие тайны океанов. Средиземное море. Полярные моря. Флибустьерское море. М.: Азбука, 2023. 928 с.
3. Киселев А. А. Себастьян Кабот и организация английских морских экспедиций в середине XVI века // Британские исследования / ред. С. Н. Гаврилов. М.: Аквилон, 2022. Вып. VII. С. 26–59. DOI: 10.21267/AQUILO.2022.VII.VII.010
4. Магидович И. П. История открытия и исследования Северной Америки. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1962. 478 с.
5. Рамсей Р. Открытия, которых никогда не было. М.: Прогресс, 1977. 208 с.
6. Царь – Елисавете, 1570. Окт. 24 // Толстой Ю. В. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией, 1553–1593. Грамоты, собранные, переписанные и изданные Юрием Толстым. СПб., 1875. С. 106–110.
7. Царь – Елисавете, 1574. Авг. 20 // Толстой Ю. В. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией, 1553–1593. Грамоты, собранные, переписанные и изданные Юрием Толстым. СПб., 1875. С. 148–153.
8. A Letter of the Sayd M. John Davis Written to M. Sanderson of London Concerning His Forewritten Voyage, 16th September 1587 // Hakluyt R. The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. Vol. VII. Glasgow: James MacLehose and Sons, 1904. P. 423.
9. A Note of the Charges Requisite for the Triall of One Tonne of the North-West Ore // The Three Voyages of Martin Frobisher, in Search of a Passage to Cathaia and India by the North-West, A.D. 1576–1578. Reprinted from the First Edition of Hakluyt's Voyages, with Selections from Manuscript Documents in the British Museum and State Paper Office. L.: The Hakluyt Society, 1867. P. 196–198.
10. Account of Michael Lok Listing the Amounts Invested by Himself and Other Adventurers in All Three of the Frobisher Voyages to the Canadian Arctic in 1576–1578 // The National Archives (UK), SP 12/126/34/65.
11. Accounts, with Subsidiary Documents, of Michael Lok, Treasurer, of First, Second and Third Voyages of Martin Frobisher to Cathay by the North-West Passage // The National Archives (UK), E 164/35/3.
12. Andrews K. R. Trade, Plunder and Settlement: Maritime Enterprise and the Genesis of the British Empire, 1480–1630. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. 394 p.
13. Anthony Jenkinson to Sir W. Cecil // Early Voyages and Travels to Russia and Persia by Anthony Jenkinson and Other Englishmen. Vol. II. L.: The Hakluyt Society, 1886. P. 177–188.
14. Articles of Graunt from the Queene's Majestie to the Companie of Kathai // The Three Voyages of Martin Frobisher, in Search of a Passage to Cathaia and India by the North-West, A.D. 1576–1578. Reprinted from the First Edition of Hakluyt's Voyages, with Selections from Manuscript Documents in the British Museum and State Paper Office. L.: The Hakluyt Society, 1867. P. 111–113.
15. Articles Consented and Fully Agreede by the Companie of Kathai // The Three Voyages of Martin Frobisher, in Search of a Passage to Cathaia and India by the North-West, A.D. 1576–1578. Reprinted from the First Edition of Hakluyt's Voyages, with Selections from Manuscript Documents in the British Museum and State Paper Office. L.: The Hakluyt Society, 1867. P. 114–115.
16. Bernardino De Mendoza to Gabriel de Zayas, 26th February 1579 // Calendar of State Papers. Spain (Simancas). Vol. 2, 1568–1579. L., 1894. P. 653.
17. Brenner R. Merchants and Revolution. Commercial Change, Political Conflict, and London's Overseas Traders, 1550–1653. L., N. Y.: Verso, 2003. 756 p.
18. Chidsey D. B. Sir Humphrey Gilbert: Elizabeth's Racketeer. N. Y.: Harper & Brothers, 1932. 204 p.
19. Davis J. The Second Voyage Attempted by M. John Davis with Others, for the Discovery of the North-West Passage, in Anno 1586 // Hakluyt R. The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. Vol. VII. Glasgow: James MacLehose and Sons, 1904. P. 393–406.
20. Davis J. A Report of Master John Davis of His Three Voyages Made for the Discovery of the North-West Passage, Taken Out of a Treatise of His, Intituled the Worlds Hydrographical Description // Hakluyt R. The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. Vol. VII. Glasgow: James MacLehose and Sons, 1904. P. 440–444.
21. Discussions with the Muscovy Company, 6 March 1583 // The Voyages and Colonising Enterprises of Sir Humphrey Gilbert. Vol. II. L.: The Hakluyt Society, 1940. P. 484.

22. Gilbert H. A Discourse of a Discoverie for a New Passage to Cataia, 12 April 1576 // *The Voyages and Colonising Enterprises of Sir Humphrey Gilbert*. Vol. 1. L.: The Hakluyt Society, 1940. P. 129–165.
23. Gosling W. G. *The Life of Sir Humphrey Gilbert: England's First Empire Builder*. L.: Constable, 1911. 304 p.
24. Guzman De Silva to the King, 15th March 1567 // *Calendar of State Papers, Spain (Simancas)*. Vol. 1. 1558–1567. L., 1892. P. 627.
25. Humphrey Gilbert's Petition to the Queen, with the Comments of the Muscovy Company, 24 January 1567 // *The Voyages and Colonising Enterprises of Sir Humphrey Gilbert*. Vol. 1. L.: The Hakluyt Society, 1940. P. 111–115.
26. Instructions Given to Martin Frobisher for His Second Voyage to Cathay // *British Library, Add MS 35831. F. 296–298*.
27. Instruiones Geven to Our Lovinge Frind Martine Ffrobiser, Esquire, for the Order to be Observed in His Voyage Nowe Recommended to Him for the Lande Now Called by Hir Majestie Meta Incognita to the Northwest Partes and Cathaye // *The Three Voyages of Martin Frobisher, in Search of a Passage to Cathaia and India by the North-West, A.D. 1576–1578*. Reprinted from the First Edition of Hakluyt's Voyages, with Selections from Manuscript Documents in the British Museum and State Paper Office. L.: The Hakluyt Society, 1867. P. 212–218.
28. Letters Patent to Sir Humphrey Gilbert, 11 June 1578 // *The Voyages and Colonising Enterprises of Sir Humphrey Gilbert*. Vol. 1. L.: The Hakluyt Society, 1940. P. 188–194.
29. Lok M. Account of Sir Martin Frobisher's Voyage for the Discovery of a Passage Towards Cathay. 1577 // *British Library, Cotton MSS Otho E VIII. F. 42r–54r*.
30. Lorenzo Pasqualigo to his Brothers Alvisio and Francesco, 23 August 1497 // *Calendar of State Papers Relating to English Affairs in the Archives of Venice*. Vol. 1. 1202–1509. L., 1864. P. 260.
31. Markham C. R. *A Life of John Davis, the Navigator*. N. Y.: Dodd, Mead & Company, 1889. 301 p.
32. McDermott J. *The Company of Cathay: The Financing and Organization of the Frobisher Voyages // Meta Incognita: A Discourse of Discovery. Martin Frobisher's Arctic Expeditions, 1576–1578*. Vol. 1. Hull, The Museum of Civilization, 1999. P. 147–178.
33. McDermott J. *Martin Frobisher: Elizabethan Privateer*. New Haven: Yale University Press, 2001. 509 p.
34. McGhee R. *The Arctic Voyages of Martin Frobisher: An Elizabethan Venture*. Montreal: McGill-Queen's Press, 2001. 210 p.
35. Memoranda of Things Necessary for the Discovery of the North-West Passage // *The Voyages and Colonising Enterprises of Sir Humphrey Gilbert*. Vol. II. L.: The Hakluyt Society, 1940. P. 485–486.
36. *Meta Incognita: A Discourse of Discovery. Martin Frobisher's Arctic Expeditions, 1576–1578*. Hull: The Museum of Civilization, 1999. 2 vol. 636 p.
37. Mr. Lockes Discours Touching the Ewre, 1577 // *The Three Voyages of Martin Frobisher, in Search of a Passage to Cathaia and India by the North-West, A.D. 1576–1578*. Reprinted from the First Edition of Hakluyt's Voyages, with Selections from Manuscript Documents in the British Museum and State Paper Office. L.: The Hakluyt Society, 1867. P. 92–99.
38. Neatby L. H. *In Quest of the North West Passage*. L.: Constable & Company Ltd., 1958. 194 p.
39. Petition from Humphrey Gilbert to the Queen, 1565–1566 // *The Voyages and Colonising Enterprises of Sir Humphrey Gilbert*. Vol. 1. L.: The Hakluyt Society, 1940. P. 105–110.
40. Petition of Michael Lok, Prisoner in the Fleet, to the Privy Council, 16th June 1581 // *Calendar of State Papers Colonial, East Indies, China and Japan*. Vol. 2, 1513–1616. L., 1864. P. 63.
41. Raimondo de Raimondi de Soncino, Milanese Ambassador in England, to Ludvico Maria Sforza, Duke of Milan, 18 December 1497 // *Calendar of State Papers, Milan*. Vol. I. L., 1912. P. 337.
42. Ruby R. *Unknown Shore: The Lost History of England's Arctic Colony*. N. Y.: Henry Holt, 2001. 320 p.
43. *The Abuses of Captayn Furbusher Agaynst the Companye, Anno 1578 // The Three Voyages of Martin Frobisher, in Search of a Passage to Cathaia and India by the North-West, A.D. 1576–1578*. Reprinted from the First Edition of Hakluyt's Voyages, with Selections from Manuscript Documents in the British Museum and State Paper Office. L.: The Hakluyt Society, 1867. P. 359–362.
44. *The Answers of Michael Lok // The Three Voyages of Martin Frobisher, in Search of a Passage to Cathaia and India by the North-West, A.D. 1576–1578*. Reprinted from the First Edition of Hakluyt's Voyages, with Selections from Manuscript Documents in the British Museum and State Paper Office. L.: The Hakluyt Society, 1867. P. 363.
45. *The Charter of Marchants of Russia, Graunted Upon the Discoverie of the Saide Countrey, by King Philip and Queene Marie // Hakluyt R. The Principal Navigations Voyages Traffiques and Discoveries of the English Nation*. Vol. II. Glasgow: The Macmillan Company, 1903. P. 304–316.
46. *The Dawn of British Trade to the East Indies as Recorded in the Court Minutes of the East India Company, 1599–1603*. L.: Henry Stevens and son, 1886. 331 p.
47. *The Fyrst Booke of the First Voyage of Martin Frobisher, Esquier, Captayne Generall for the*

Discoverie of the Passage to Cataya and the East India, by the North-west, 1576 // The Three Voyages of Martin Frobisher, in Search of a Passage to Cathaia and India by the North-West, A.D. 1576–1578. Reprinted from the First Edition of Hakluyt's Voyages, with Selections from Manuscript Documents in the British Museum and State Paper Office. L.: The Hakluyt Society, 1867. P. 26–76.

48. The Letters Patents of the Queenes Majestie, Granted to Master Adrian Gylbert and Others, for the Search and Discovery of the North-West Passage to China // Hakluyt R. The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. Vol. VII. Glasgow: James MacLehose and Sons, 1904. P. 375–381.

49. The Names of the Venturars in the Second Voyage for Cathaia, & C, Besydes Their Venture in the First Voyage // The Three Voyages of Martin Frobisher, in Search of a Passage to Cathaia and India by the North-West, A.D. 1576–1578. Reprinted from the First Edition of Hakluyt's Voyages, with Selections from Manuscript Documents in the British Museum and State Paper Office. L.: The Hakluyt Society, 1867. P. 107–108.

50. Thorn R. The Whole Letter to King Henry the Eight... Written AD 1527 by Mr. Robert Thorn // British Library, Cotton MS Vitellius C VII, ff. 339v–345r.

51. Williams G. Arctic Labyrinth: The Quest for the Northwest Passage. LA: University of California Press, 2010. 462 p.

52. Willan T. S. The Early History of the Russia Company, 1553–1603. Manchester: Manchester University Press, 1956. 295 p.

53. Wilson D. Sweet Robin: A Biography of Robert Dudley, Earl of Leicester, 1533–1588. L.: H. Hamilton, 1981. 355 p.

REFERENCES

1. Akimov Yu.G. Ispanskiye moreplavately u atlanticheskogo poberezhya Severnoy Ameriki v pervoy chetverti XVI v. [Spanish Navigators of the Atlantic Coast of North America in the First Quarter of the 16th Century]. *Latinskaya Amerika* [Latin America], 2013, no. 5, pp. 80–89.

2. Blon G. *Velikiye tainy okeanov. Sredizemnoye more. Polyarnyye morya. Flibustierskoye more* [Great Mysteries of the Oceans. The Mediterranean Sea. Polar Seas. The Sea of Flibustiers]. Moscow, Azbuka Publ., 2023. 928 p.

3. Kiselev A.A. Sebastian Cabot i organizatsiya angliyskikh morskikh ekspeditsiy v seredine XVI veka [Sebastian Cabot and the Organisation of English Maritime Expeditions in the Mid-16th Century]. Gavrilov S.N., ed. *Britanskiye issledovaniya* [British

Studies]. Moscow, Akvilon Publ., 2022, iss. VII, pp. 26–59. DOI: 10.21267/AQUILO.2022.VII.VII.010

4. Magidovich I.P. *Istoriya otkrytiya i issledovaniya Severnoy Ameriki* [History of the Discovery and Exploration of North America]. Moscow, Gos. izd-vo geogr. lit., 1962. 478 p.

5. Ramsay R. *Otkrytiya, kotorih nikogda ne bylo* [Discoveries That Never Happened]. Moscow, Progress Publ., 1977. 208 p.

6. Tsar – Elisavete, 1570. Oct. 24 [Tsar to Elizabeth, 1570. Oct. 24]. Tolstoy Yu.V. *Pervye sorok let snoshenii mezhdu Rossiey i Angliey, 1553–1593. Gramoty sobranniya, perepisanniya i izdanniya Yuriem Tolstym* [The First Forty Years of Intercourse Between Russia and England, 1553–1593. Documents Collected, Copied and Edited by Yuri Tolstoy]. Saint Petersburg, 1875, pp. 106–110.

7. Tsar – Elisavete, 1574. Avg. 20 [Tsar to Elizabeth. 1574 Aug. 20]. Tolstoy Yu.V. *Pervye sorok let snoshenii mezhdu Rossiey i Angliey, 1553–1593. Gramoty sobranniya, perepisanniya i izdanniya Yuriem Tolstym* [The First Forty Years of Intercourse Between Russia and England, 1553–1593. Documents Collected, Copied and Edited by Yuri Tolstoy]. Saint Petersburg, 1875, pp. 148–153.

8. A Letter of the Sayd M. John Davis Written to M. Sanderson of London Concerning His Forewritten Voyage, 16th September 1587. Hakluyt R. *The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. Vol. VII.* Glasgow, James MacLehose and Sons, 1904, p. 423.

9. A Note of the Charges Requisite for the Triall of One Tonne of the North-West Ore. *The Three Voyages of Martin Frobisher, in Search of a Passage to Cathaia and India by the North-West, A.D. 1576–1578. Reprinted from the First Edition of Hakluyt's Voyages, with Selections from Manuscript Documents in the British Museum and State Paper Office.* London, The Hakluyt Society, 1867, pp. 196–198.

10. Account of Michael Lok Listing the Amounts Invested by Himself and Other Adventurers in All Three of the Frobisher Voyages to the Canadian Arctic in 1576–1578. *The National Archives (UK)*, SP 12/126/34/65.

11. Accounts, with Subsidiary Documents, of Michael Lok, Treasurer, of First, Second and Third Voyages of Martin Frobisher to Cathay by the North-West Passage. *The National Archives (UK)*, E 164/35/3.

12. Andrews K.R. *Trade, Plunder and Settlement: Maritime Enterprise and the Genesis of the British Empire, 1480–1630.* Cambridge, Cambridge University Press, 1984. 394 p.

13. Anthony Jenkinson to Sir W. Cecil. *Early Voyages and Travels to Russia and Persia by Anthony Jenkinson and Other Englishmen. Vol. II.* London, The Hakluyt Society, 1886, pp. 177–188.

14. Articles of Graunt from the Queene's Majestie to the Companie of Kathai. *The Three Voyages of Martin Frobisher, in Search of a Passage to Cathaia and India by the North-West, A.D. 1576–1578. Reprinted from the First Edition of Hakluyt's Voyages, with Selections from Manuscript Documents in the British Museum and State Paper Office.* London, The Hakluyt Society, 1867, pp. 111-113.
15. Articles Consented and Fully Agreede by the Companie of Kathai. *The Three Voyages of Martin Frobisher, in Search of a Passage to Cathaia and India by the North-West, A.D. 1576–1578. Reprinted from the First Edition of Hakluyt's Voyages, with Selections from Manuscript Documents in the British Museum and State Paper Office.* London, The Hakluyt Society, 1867, pp. 114-115.
16. Bernardino De Mendoza to Gabriel de Zayas, 26th February 1579. *Calendar of State Papers. Spain (Simancas). Vol. 2, 1568–1579.* London, 1894, p. 653.
17. Brenner R. *Merchants and Revolution. Commercial Change, Political Conflict, and London's Overseas Traders, 1550–1653.* London, New York, Verso, 2003. 756 p.
18. Chidsey D.B. *Sir Humphrey Gilbert: Elizabeth's Rakeeteer.* New York, Harper & Brothers, 1932. 204 p.
19. Davis J. The Second Voyage Attempted by M. John Davis with Others, for the Discovery of the North-West Passage, in Anno 1586. Hakluyt R. *The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. Vol. VII.* Glasgow, James MacLehose and Sons, 1904, pp. 393-406.
20. Davis J. A Report of Master John Davis of His Three Voyages Made for the Discovery of the North-West Passage, Taken Out of a Treatise of His, Intituled the Worlds Hydrographical Description. Hakluyt R. *The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. Vol. VII.* Glasgow, James MacLehose and Sons, 1904, pp. 440-444.
21. Discussions with the Muscovy Company, 6 March 1583. *The Voyages and Colonising Enterprises of Sir Humphrey Gilbert. Vol. II.* London, The Hakluyt Society, 1940, p. 484.
22. Gilbert H. A Discourse of a Discoverie for a New Passage to Cataia, 12 April 1576. *The Voyages and Colonising Enterprises of Sir Humphrey Gilbert. Vol. I.* London, The Hakluyt Society, 1940, pp. 129-165.
23. Gosling W.G. *The Life of Sir Humphrey Gilbert: England's First Empire Builder.* London, Constable, 1911. 304 p.
24. Guzman De Silva to the King, 15th March 1567. *Calendar of State Papers, Spain (Simancas). Vol. I. 1558–1567.* London, 1892, p. 627.
25. Humphrey Gilbert's Petition to the Queen, with the Comments of the Muscovy Company, 24 January 1567. *The Voyages and Colonising Enterprises of Sir Humphrey Gilbert. Vol. I.* London, The Hakluyt Society, 1940, pp. 111-115.
26. Instructions Given to Martin Frobisher for His Second Voyage to Cathay. *British Library, Add MS 35831, f. 296-298.*
27. Instructiones Geven to Our Lovinge Frind Martine Ffrobiser, Esquire, for the Order to be Observed in His Voyage Nowe Recommended to Him for the Lande Now Called by Hir Majestie Meta Incognita to the Northwest Partes and Cathaye. *The Three Voyages of Martin Frobisher, in Search of a Passage to Cathaia and India by the North-West, A.D. 1576–1578. Reprinted from the First Edition of Hakluyt's Voyages, with Selections from Manuscript Documents in the British Museum and State Paper Office.* London, The Hakluyt Society, 1867, pp. 212-218.
28. Letters Patent to Sir Humphrey Gilbert, 11 June 1578. *The Voyages and Colonising Enterprises of Sir Humphrey Gilbert. Vol. I.* London, The Hakluyt Society, 1940, pp. 188-194.
29. Lok M. Account of Sir Martin Frobisher's Voyage for the Discovery of a Passage Towards Cathay. 1577. *British Library, Cotton MSS Otho E VIII, f. 42r – 54r.*
30. Lorenzo Pasqualigo to His Brothers Alvisé and Francesco, 23 August 1497. *Calendar of State Papers Relating to English Affairs in the Archives of Venice. Vol. I. 1202–1509.* London, 1864, p. 260.
31. Markham C.R. *A Life of John Davis, the Navigator.* New York, Dodd, Mead & Company, 1889. 301 p.
32. McDermott J. The Company of Cathay: The Financing and Organization of the Frobisher Voyages. *Meta Incognita: A Discourse of Discovery. Martin Frobisher's Arctic Expeditions, 1576–1578. Vol. I.* Hull, The Museum of Civilization, 1999, pp. 147-178.
33. McDermott J. *Martin Frobisher: Elizabethan Privateer.* New Haven, Yale University Press, 2001. 509 p.
34. McGhee R. *The Arctic Voyages of Martin Frobisher: An Elizabethan Venture.* Montreal, McGill-Queen's Press, 2001. 210 p.
35. Memoranda of Things Necessary for the Discovery of the North-West Passage. *The Voyages and Colonising Enterprises of Sir Humphrey Gilbert. Vol. II.* London, The Hakluyt Society, 1940, pp. 485-486.
36. *Meta Incognita: A Discourse of Discovery. Martin Frobisher's Arctic Expeditions, 1576–1578.* Hull, The Museum of Civilization, 1999. 2 vol. 636 p.
37. Mr. Lockes Discoors Touching the Ewre, 1577. *The Three Voyages of Martin Frobisher, in Search of a Passage to Cathaia and India by the North-West, A.D. 1576–1578. Reprinted from the First Edition of*

Hakluyt's Voyages, with Selections from Manuscript Documents in the British Museum and State Paper Office. London, The Hakluyt Society, 1867, pp. 92-99.

38. Neatby L.H. *In Quest of the North West Passage.* London, Constable & Company Ltd., 1958. 194 p.

39. Petition from Humphrey Gilbert to the Queen, 1565–1566. *The Voyages and Colonising Enterprises of Sir Humphrey Gilbert. Vol. 1.* London, The Hakluyt Society, 1940, pp. 105-110.

40. Petition of Michael Lok, Prisoner in the Fleet, to the Privy Council, 16th June 1581. *Calendar of State Papers Colonial, East Indies, China and Japan. Vol. 2, 1513–1616.* London, 1864, p. 63.

41. Raimondo de Raimondi de Soncino, Milanese Ambassador in England, to Ludvico Maria Sforza, Duke of Milan, 18 December 1497. *Calendar of State Papers, Milan. Vol. I.* London, 1912, p. 337.

42. Ruby R. *Unknown Shore: The Lost History of England's Arctic Colony.* N. Y., Henry Holt, 2001. 320 p.

43. The Abuses of Captayn Furbusher Agaynst the Companye, Anno 1578. *The Three Voyages of Martin Frobisher, in Search of a Passage to Cathaia and India by the North-West, A.D. 1576–1578. Reprinted from the First Edition of Hakluyt's Voyages, with Selections from Manuscript Documents in the British Museum and State Paper Office.* London, The Hakluyt Society, 1867, pp. 359-362.

44. The Answers of Michael Lok. *The Three Voyages of Martin Frobisher, in Search of a Passage to Cathaia and India by the North-West, A.D. 1576–1578. Reprinted from the First Edition of Hakluyt's Voyages, with Selections from Manuscript Documents in the British Museum and State Paper Office.* London, The Hakluyt Society, 1867, p. 363.

45. The Charter of Marchants of Russia, Graunted Upon the Discoverie of the Saide Countrey, by King Philip and Queene Marie. Hakluyt R. *The Principal Navigations Voyages Traffiques and Discoveries of the English Nation. Vol. II.* Glasgow, The Macmillan Company, 1903, pp. 304-316.

46. *The Dawn of British Trade to the East Indies as Recorded in the Court Minutes of the East India Company, 1599–1603.* London, Henry Stevens and son, 1886. 331 p.

47. The Fyrst Booke of the First Voyage of Martin Frobisher, Esquier, Captayne Generall for the Discoverie of the Passage to Cataya and the East India, by the Northwest, 1576. *The Three Voyages of Martin Frobisher, in Search of a Passage to Cathaia and India by the North-West, A.D. 1576–1578. Reprinted from the First Edition of Hakluyt's Voyages, with Selections from Manuscript Documents in the British Museum and State Paper Office.* London, The Hakluyt Society, 1867, pp. 26-76.

48. The Letters Patents of the Queenes Majestie, Granted to Master Adrian Gylbert and Others, for the Search and Discovery of the North-West Passage to China. Hakluyt R. *The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. Vol. VII.* Glasgow, James MacLehose and Sons, 1904, pp. 375-381.

49. The Names of the Venturars in the Second Voyage for Cathaia, & C, Bbsydes Their Venture in the First Voyage. *The Three Voyages of Martin Frobisher, in Search of a Passage to Cathaia and India by the North-West, A.D. 1576–1578. Reprinted from the First Edition of Hakluyt's Voyages, with Selections from Manuscript Documents in the British Museum and State Paper Office.* London, The Hakluyt Society, 1867, pp. 107-108.

50. Thorn R. The Whole Letter to King Henry the Eight... Written AD 1527 by Mr. Robert Thorn. *British Library, Cotton MS Vitellius C VII, f. 339v-345r.*

51. Williams G. *Arctic Labyrinth: The Quest for the Northwest Passage.* Los Angeles, University of California Press, 2010. 462 p.

52. Willan T.S. *The Early History of the Russia Company, 1553–1603.* Manchester, Manchester University Press, 1956. 295 p.

53. Wilson D. *Sweet Robin: A Biography of Robert Dudley, Earl of Leicester, 1533–1588.* London, H. Hamilton, 1981. 355 p.

Information About the Author

Aleksandr A. Kiselev, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, kiselev@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7687-3305>

Информация об авторе

Александр Александрович Киселев, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, kiselev@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7687-3305>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.10>

UDC 327(37+73)“1945”
LBC 63.3(0)62-6

Submitted: 21.01.2023
Accepted: 20.04.2023

VISITS OF AMERICAN PARLIAMENTARY DELEGATIONS TO THE USSR IN THE SUMMER – FALL OF 1945

Kristina V. Minkova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The summer of 1945 became a period of exceptional activity for US parliamentary delegations in the field of studying the consequences of the war in Europe for this region, the USSR, and the countries of the Middle East. *Methods and materials.* The study of the documents deposited in the Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation, the memoirs of the members of the delegations, and those involved in organizing the visits of American congressmen allows us to determine the goals of their visit to the USSR, along with the successes and failures of these missions, and to analyze their significance for the development of Soviet-American relations in the fall of 1945. *Analysis.* In just a month, from August 15 to September 15, 1945, four US parliamentary delegations and separately Senator C. Pepper, who also acted as a journalist, visited the Soviet Union. All these delegations belonged to different committees of the Congress, had different programs and purposes for the visit, and were received in the USSR at different levels. It should be noted that among the Soviet functionaries responsible for receiving foreigners, there was no consensus on the advisability of the congressmen’s visit to the USSR, but the “liberals” won, assuming that their visits would serve to strengthen relations between Moscow and Washington. It is noteworthy that a considerable number of the congressmen approved by the People’s Commissariat of State Security were known for their negative attitude towards the communist system in general and towards the Soviet Union in particular. Apparently, in the People’s Commissariat of Foreign Affairs, it was believed that their visit to the USSR would help change this position to be more favorable for the Kremlin. *Results.* The visits of American parliamentary delegations to the USSR resulted in several loud statements about the importance of maintaining and strengthening Soviet-American relations and about J. Stalin’s personal contribution to the victory over fascism, as well as a report by W. Colmer, which suggested rather harsh conditions for economic cooperation between Washington and Moscow. However, these visits did not bring any real benefit to the development of the Soviet-American dialogue.

Key words: Soviet-American relations, American congressmen, J. Stalin, W. Colmer, C. Pepper.

Citation. Minkova K.V. Visits of American Parliamentary Delegations to the USSR in the Summer – Fall of 1945. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 1, pp. 113-123. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.10>

УДК 327(37+73)“1945”
ББК 63.3(0)62-6

Дата поступления статьи: 21.01.2023
Дата принятия статьи: 20.04.2023

ВИЗИТЫ АМЕРИКАНСКИХ ПАРЛАМЕНТСКИХ ДЕЛЕГАЦИЙ В СССР ЛЕТОМ – ОСЕНЬЮ 1945 ГОДА

Кристина Владимировна Минкова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Лето 1945 г. стало периодом исключительной активности парламентских делегаций США в сфере изучения последствий войны в Европе для этого региона, СССР и стран Ближнего Востока. Изучение документов, отложившихся в Архиве внешней политики Российской Федерации, мемуаров участников делегаций и лиц, связанных с организацией визитов американских конгрессменов, позволяет определить цели их посещения СССР, успехи и неудачи этих миссий, проанализировать их значения для развития советско-амери-

канских отношений осенью 1945 года. Всего за месяц, с 15 августа по 15 сентября 1945 г., Советский Союз посетили четыре парламентские делегации США и отдельно сенатор К. Пеппер, выступавший к тому же в роли журналиста. Все эти делегации принадлежали к разным комитетам Конгресса, имели разные программы и цели визита и принимались в СССР на разном уровне. Следует отметить, что среди ответственных за прием иностранцев советских функционеров не было единого мнения относительно целесообразности приезда конгрессменов в СССР, однако победили «либералы», предполагавшие, что их визиты будут служить укреплению отношений между Москвой и Вашингтоном. Примечательно, что немалая часть одобренных НКГБ конгрессменов была известна своим негативным отношением к коммунистическому строю вообще и Советскому Союзу в частности. По всей видимости, в наркомате иностранных дел СССР (НКИД) полагали, что их визит в СССР будет способствовать изменению этой позиции на более благоприятную для Кремля. Результатом визитов американских парламентских делегаций в СССР стали несколько громких заявлений о важности поддержания и укрепления советско-американских отношений и о личном вкладе И. Сталина в победу над фашизмом, а также отчет У. Колмера, предполагавший довольно жесткие условия экономического сотрудничества Вашингтона с Москвой. Однако никакой реальной пользы для развития советско-американского диалога эти визиты не принесли.

Ключевые слова: советско-американские отношения, американские конгрессмены, И. Сталин, У. Колмер, К. Пеппер.

Цитирование. Минкова К. В. Визиты американских парламентских делегаций в СССР летом – осенью 1945 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 1. – С. 113–123. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.10>

Введение. Лето и ранняя осень 1945 г. стали уникальным периодом по интенсивности посещения Советского Союза американскими парламентскими миссиями. Эти поездки организовывались по разным линиям (советского посольства в США, НКИД и Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС)), имели разные цели, продолжительность и программы.

Методы и материалы. Цель настоящей статьи – рассмотреть визиты американских конгрессменов в СССР в августе – сентябре 1945 г. и оценить мотивы этих визитов, впечатления американских гостей и реакцию на эти визиты советской стороны. Лучше всего в отечественной историографии исследованы визиты группы Колмера и сенатора К. Пеппера, речь о которых пойдет в конце данной статьи. О пребывании в Советском Союзе летом 1945 г. других американских делегаций известно немного. Некоторый свет на подробности этих визитов проливает соответствующее дело, отложившееся в Архиве внешней политики Российской Федерации [5], личные документы сенатора К. Пеппера [7; 20], воспоминания непосредственных участников событий [14; 15; 19], сообщения в советской прессе [2]. Комплексное исследование этих источников позволяет составить представление об интересе американских парламентариев к Советскому Союзу, готовности советской сто-

роны принимать многочисленные делегации, стремлении обеих сторон к укреплению отношений между Москвой и Вашингтоном.

Анализ. Впервые речь о визите американских конгрессменов в Советский Союз зашла в апреле 1945 г. в разговоре между наркомом иностранных дел СССР В.М. Молотовым и послом США в СССР А. Гарриманом на полях конференции Объединенных Наций в Сан-Франциско. 9 июня и.о. заведующего отделом США НКИД К.А. Михайлов получил из советского посольства в Париже запрос на предоставление виз группе сенаторов, входивших в Комиссию по военным делам Сената, в следующем составе: Т. Стюарт, Дж. МакКлеллан, О. Истленд, Б.Р. Мейбэнк, Ч. Ренсеркомб, Р. Рассел, Ч. Герни, Г.Ф. Бирд [5, л. 1]. Запрос был перенаправлен заместителю Молотова С.А. Лозовскому, который, в свою очередь, переслал запрос своему шефу с вопросом, действительно ли подобное приглашение имело место, причем для каждого сенатора указывался род его занятий, а не партийная принадлежность [5, л. 2].

11 июня одобрение было получено, и Михайлов проинформировал об этом начальника II управления НКГБ СССР П.В. Федотова, запросив его о предоставлении «политической физиономии американских сенаторов» [5, л. 3].

Ответное письмо было направлено комиссаром государственной безопасности

В.Н. Меркуловым на имя другого заместителя Молотова – А.Я. Вышинского – лишь через месяц, 10 июля. Оно содержало сведения о пяти сенаторах из списка Михайлова, из которых следовало, что все они – «сторонники реакционной политики и империалистической экспансии США» [5, л. 4].

О приезде этой группы американских политиков не имеется более никаких сведений ни в советских, ни в американских источниках, поэтому с большой долей уверенности можно предположить, что он не состоялся.

Однако 17 июля 1945 г. Председатель правления Всесоюзного общества культурной связи с заграницей В.С. Кеменов направил Вышинскому запрос о возможности неофициального (по линии ВОКС) визита в СССР группы членов комитета по международным делам Палаты представителей, что, по его словам, было санкционировано Молотовым в разговоре с Гарриманом 15 июля [5, л. 5]. По всей видимости, этот запрос явился результатом переговоров заместителя председателя правления ВОКС А. Караганова со вторым секретарем посольства США в Москве Ричардом Дэвисом. Конгрессмены намеревались пробыть в Москве 3–4 недели, из которых 8–9 дней они собирались провести в Москве, а затем посетить Ленинград, Киев и Сталинград, после чего вылететь на восток – в Иран, Ирак, Индию и т. д. [5, л. 6].

По выражению заявителей, цель их поездки [не только в Советский Союз, но и во все другие страны, которые они должны были посетить] состояла в «желании укрепить взаимопонимание и дружелюбие между Соединенными Штатами и теми странами, которые мы посетим.

Мы хотим изучить тот вклад, который сделали эти страны, а особенно Советский Союз, в военные усилия Объединенных Наций и этим вызвать еще большее восхищение народа Америки их великими достижениями.

Наша поездка преследует и еще одну цель – лично познакомиться с возможно большим числом людей, членов правительств тех стран, которые мы посетим. Это тем более важно, что мы надеемся установить более тесные и дружественные связи с ними в деле восстановления наших общих экономических интересов» [5, л. 8–9].

18 июля 1945 г. госдепартамент США обратился в советское посольство в Вашингтоне с просьбой выдать визы восьми американцам (семи членам Конгресса и представителю госдепартамента) для обследования работы заграничной службы США в Советском Союзе. Визит должен был продолжаться две недели и не требовал специального обслуживания по линии НКВД или ВОКС [5, л. 12].

24 июля поверенный в делах США в Москве Дж. Кеннан обратился в Отдел Северной Америки НКВД с просьбой разрешить трехдневное пребывание в Москве группы из 11 членов Палаты представителей. Этот визит планировался как неофициальный и должен был также проходить по линии ВОКС [5, л. 10].

3 августа в советское посольство в Вашингтоне обратилась за визами группа членов Палаты представителей, составлявшая специальный комитет Палаты по экономической политике и планированию в послевоенный период и включавшая четыре других лица [5, л. 17]. Эта делегация предполагала приехать в Москву 5 сентября и пробыть там 3 дня. Дж. Кеннан предложил, чтобы их приняли по линии наркомата внешней торговли. Соответствующее письмо было направлено заведующим отделом США НКВД С.К. Царапкиным заместителю наркома внешней торговли И.Ф. Семичастнову 9 августа 1945 г. [5, л. 30].

8 августа Царапкин дал указания о выдаче советских виз четырем группам американских конгрессменов и сопровождающих их лиц:

1) Группа членов комитета по международным делам Палаты представителей в составе: Томас Гордон (демократ, ярый враг СССР¹); Джозеф Райтер (демократ, антисоветчик); Карл Мундт (республиканец, изоляционист, выступал против включения Советского Союза в программу ленд-лиза); Фрэнсис Болтон (республиканец, выступала против раздувания польского вопроса и стремления реакционеров вбить клин между СССР и США); Лэнхем Коннор (служащий Конгресса) и Фредерик Райнхарт (чиновник госдепартамента). Эта группа должна была прибыть в СССР 18–20 августа на 3–4 недели (позже речь шла о двух неделях) с неофициальным визитом, целью которого, однако, было уста-

новление личного знакомства с руководителями страны [5, л. 20; 22, р. 25–26].

2) Группа членов комитета Палаты представителей по ассигнованиям в составе: Льюс Робат (демократ, сторонник курса Рузвельта и руководящей роли великих держав в международных отношениях); Томас О'Брайен (демократ, сторонник Рузвельта); Роберт Джонс (республиканец, противник распространения ленд-лиза на СССР); Дин Гиллеспи (республиканец); Батлер Хэйр (демократ, выступавший против социалистических тенденций общественного развития); Джон Керр (демократ); Альберт Шнайдер (стенограф), Джералд Дрю (чиновник госдепартамента). Предполагалось, что пребывание этой группы в Советском Союзе продлится две недели [5, л. 20].

3) Группа членов Палаты представителей в составе: Виктор Уикершем (демократ, либерал); Джордж Дондэрс (республиканец, враждебно настроенный по отношению к СССР); Джеймс Фултон (прогрессивный республиканец); Майкл Фэйхен (прогрессивный демократ); Самуэль Вейс (демократ, сторонник Рузвельта); Уолтер Хоран (республиканец, реакционер); Альберт Сидни Джонсон Карнахан (демократ, умеренный либерал); Уолтер Хьюбер (демократ); Честер Эрл Мёрроу (республиканец, сторонник польского правительства в изгнании); Гомер Рэйми (республиканец, враждебно относившийся к СССР); Фрэнк Чэлф (демократ); Клэйр Ингл и сопровождающий от военного министерства Джеймс Уитмор. Эта группа планировала провести в Москве 4 дня проездом на восток – в Турцию, Иран и Ирак [5, л. 15; 20].

4) Группа членов Палаты представителей, составлявшая специальный комитет по экономической политике и планированию в послевоенный период и сопровождающие лица в составе: Уильям Колмер (демократ); Клиффорд Хоуп (республиканец); Джей Лэфевр (республиканец); Сидни Симпсон (республиканец); Фрэнсис Уолтер; Джесси Уолкотт (республиканец); Чарлз Уолвертон (республиканец); Орвилл Зиммерман (демократ); Мэрион Филсом (директор исследовательской группы комитета); У. Эллиотт (вице-председатель Бюро военного производства); Джеймс Фаррисс (представитель госдепартамента); Уил-

сон Гилмор (представитель ВМФ). Эта группа должна была прибыть в Москву 5 сентября с трехдневным визитом [5, л. 17, 21].

5) Отдельно был подан запрос о выдаче советской визы Клоду Пепперу – члену комитета Сената по делам малого бизнеса, который желал выяснить, каким способом мелкие фирмы США могут получить доступ к торговле с СССР (как выяснилось впоследствии, Пеппер приехал в Советский Союз не только как сенатор, но и как журналист [15, р. 278]). Его сопровождал Херман Эдельсберг, чиновник Внешнеэкономического управления. Пеппер и Эдельсберг хотели прилететь в Москву 5 сентября и 14 сентября отбыть в Тегеран [5, л. 32].

Самые большие разногласия возникли вокруг приезда в СССР членов комитета по иностранным делам Палаты представителей (The House Foreign Affairs Committee). Эти разногласия нашли отражение в следующей записке заместителя наркома иностранных дел В.Г. Деканозова Молотову: «Гов. Новиков [поверенный в делах Советского Союза в США], указывая на то, что среди вышеуказанных лиц имеются недружелюбно настроенные к СССР люди, считает целесообразным разрешение на въезд в СССР не выдавать. Считал бы целесообразным не согласиться с мнением г. Новикова и разрешить обеим группам конгрессменов посетить СССР» [5, л. 15].

Уикершем и Гордон. 15 августа в Москву прибыла группа Уикершема. Любопытно, что уже непосредственно в день их приезда оказалось, что американцев невозможно разместить в гостинице «Метрополь», куда традиционно помещали иностранцев. Номера, в которые их должны были заселить, ранее занимались японцами, после чего оказались «в таком состоянии, что их невозможно предоставить конгрессменам». «Интурист» предложил номера в гостинице «Савой», которая ранее была полностью предоставлена в ведение Репарационной комиссии, но на 15 августа располагала свободным номерным фондом [5, л. 46].

Большой интерес представляет программа, составленная для краткого знакомства американских конгрессменов с Москвой. Утро 16 августа 1945 г. началось с посещения Неврологической клиники им. Гра-

щенкова. За ним последовала беседа с архитекторами А.В. Щусевым и Н.Д. Колли о восстановлении городов; вечером – посещение театра. В первой половине дня 17 августа американцы могли отправиться либо в колхоз, либо на станкостроительный завод «Красный пролетарий». На вечер было запланировано посещение Кремля [5, л. 45].

Из беседы советского посла в Турции С.С. Михайлова с конгрессменом Хьюбером, состоявшейся 6 сентября в Анкаре, выяснилось, что примерно за три недели его группа посетила более 10 стран (Шотландию, Норвегию, Швецию, Францию, Тунис, Германию, СССР, Италию, Югославию, Грецию, Сирию и Ливан), а после Турции собиралась направиться в Палестину, Иран и Ирак [5, л. 73]. При этом цель, которую ставили себе конгрессмены – «ознакомление с политическим и экономическим положением в различных странах, создавшимся в связи с окончанием войны в Европе», – вряд ли могла быть достигнута, поскольку, очевидно, что большую часть времени американцы провели в воздухе. Разумеется, не могла способствовать этой цели и программа пребывания их группы в Москве.

Говоря о перспективах развития отношений между Москвой и Вашингтоном, Хьюбер заявил Михайлову: «Сейчас в мире существуют практически только две великих державы, обладающие достаточной мощностью, чтобы сравнительно безболезненно и без посторонней помощи решить все эти проблемы – США и СССР. Англия сейчас является державой уже третьего порядка. Реконструкция всего мира и обеспечение длительного мира возможны только при условии тесного сотрудничества между США и СССР» [5, л. 73].

1 сентября в Москву прибыла группа Гордона. Сам Гордон и Райтер пробыли в советской столице всего 3 дня и 5 сентября улетели обратно в Берлин [5, л. 67, 71]. 4 сентября состоялась их встреча с Вышинским, носившая весьма общий характер. Судя по записям в дневнике Вышинского, конгрессмены интересовались, в частности, организацией верховной власти в Советском Союзе [5, л. 77]. Этот момент весьма любопытен, так как свидетельствует о том, что через 12 лет после установления дипломатических отношений, после масштабной информационно-про-

пагандистской кампании, проводившейся в США не только американскими СМИ по инициативе Ф.Д. Рузвельта, но и усилиями советского посольства и Амторга, в американском парламенте не было четкого понимания структуры советской верховной власти.

По всей видимости, встреча с Вышинским прошла успешно и произвела на американцев благоприятное впечатление, поскольку Карл Мундт заявил, что «правительствам двух стран, устанавливая дружественные отношения, так же необязательно придерживаться одной и той же политической и экономической системы, как двум фермерам не обязательно сеять один и тот же злак для того, чтобы находиться между собой в дружбе» [5, л. 77].

5 сентября Мундт и Болтон посетили Ленинград, а на следующий день побывали на заводе им. Сталина [5, л. 70].

8 сентября эти конгрессмены изъявили желание встретиться с наркомом просвещения В.П. Потемкиным для обсуждения возможностей советско-американского сотрудничества в области образования. По всей видимости, советскую сторону кооперация в этой сфере не слишком интересовала (или запрос был сделан слишком поздно, поскольку утром 9 сентября Мундт и Болтон покидали Москву), так что вместо Потемкина была организована встреча с заместителем Молотова М.М. Литвиновым. Помимо вопросов обучения, которые живо интересовали Мундта, обсуждались также проблемы финансирования войны и возможные результаты ближайших выборов в американский конгресс [5, л. 82–84].

На следующий день Мундт и Болтон были уже в Баку, где активно интересовались советскими нефтепромыслами [13].

Клод Пеппер и группа Колмера. 5 сентября в Советский Союз приехали Пеппер и Эдельсберг, а 11 сентября прибыли члены специального комитета Палаты представителей по экономической политике и планированию в послевоенный период. 12 сентября И.В. Сталин согласился принять и группу конгрессменов, и отдельно Пеппера через день – 14 сентября 1945 г. [5, л. 86, 88].

Колмер и Пеппер обсуждали с советским лидером схожие вопросы, в результате чего в историографии закрепилось суждение о важности миссии Пеппера, а визит группы

Колмера описывается весьма немногословно [17, р. 64] либо не упоминается вовсе [16]. На наш взгляд, это неверный подход. Благодаря отчету присутствовавшего в Кремле Кеннана мы можем проследить весь ход разговора Колмера со Сталиным – а именно этот разговор, безусловно, оказал решающее влияние на последовавшие рекомендации комитета. Например, распространено мнение о том, что вопрос о предоставлении СССР американского правительственного кредита поднял сам Сталин в разговоре с Пеппером, пожаловавшись, что на соответствующий запрос советской стороны до сих пор нет ответа. Это утверждение соответствует действительности [19, р. 178], однако перед этим условия предоставления кредита обсуждались с Колмером, причем *по инициативе последнего* (здесь и далее курсив наш. – К. М.). Сталин сообщил, что потери в железнодорожной отрасли и в области промышленного оборудования были особенно тяжелыми и что СССР требуется 5 млн т рельсов, 10 тыс. локомотивов, от 100 до 150 тыс. железнодорожных вагонов, прокатные станки и доменные печи, оборудование для производства рельсов и для металлургических заводов. По его словам, России также нужны были миллионы тонн зерна и мяса, значительное количество хлопка: «Наш внутренний рынок бездонен, и мы можем проглотить бог знает сколько». Если запрошенных 6 млрд долларов не хватило бы для закупки перечисленного Сталиным, он готов был увеличить сумму кредита и не сомневался в том, что Советский Союз сможет полностью выполнить взятые на себя обязательства.

В числе прочих Колмер хотел получить ответы на следующие вопросы:

1) какие гарантии может дать Советский Союз в том, что он будет продолжать торговлю с другими странами, достигнув самообеспечения;

2) как Советский Союз собирается платить за экспортные излишки стран Восточной Европы, которые представляют для него интерес, и что надеется получить от них за свои товары;

3) собирается ли Советский Союз публиковать данные о своих экономических показателях;

4) доволен ли Сталин теми усилиями, которые предпринимают Соединенные Штаты для достижения послевоенного сотрудничества.

Мы не можем утверждать, что ответы Сталина на вопросы конгрессменов отражали подлинные настроения советского руководства в сентябре 1945 г., однако они, безусловно, представляют огромный интерес.

Советский лидер начал с того, что поставил внешнеторговый потенциал страны в прямую зависимость от экономического развития. По его словам, внутренний рынок Советского Союза «не имел пределов». Затем он заявил, что возможности торговли СССР со странами Восточной Европы весьма ограничены, причем с обеих сторон («мы не так много можем у них взять и относительно немного можем им дать»). Кроме того, запросы по снабжению, которые до настоящего времени направлялись в страны Восточной Европы, были продиктованы пребыванием там советских оккупационных войск, а *войска скоро будут выведены*. Советский вождь также пообещал Колмеру, что СССР вскоре возобновит публикацию своих экономических показателей, как это делалось до войны [12, р. 881–884].

После ухода конгрессменов Сталин подошел к Кеннану и сказал: «Пусть ваши коллеги не беспокоятся об этих восточноевропейских странах. Наши войска уйдут оттуда, и все будет хорошо». По мнению Кеннана, «возможно, упор на проблемы восстановления России должен был оказать на конгрессменов положительное воздействие в отношении вопроса о кредите; но в основном, мне кажется, он [Сталин] говорил все это искренне» [14].

Как мы помним, в группу Колмера входили в том числе и конгрессмены, весьма отрицательно настроенные к Советскому Союзу и его лидеру. Это отношение, по воспоминаниям Кеннана, нашло свое отражение и в том, что на встречу со Сталиным часть американцев явилась навеселе; некоторые вели себя не очень адекватно. В частности, один из конгрессменов сидел напротив Сталина на другом конце стола, ухмылялся ему и подмигивал, однако никакой ответной реакции не последовало [15, р. 277].

После встречи со Сталиным конгрессмены направились на торжественный прием в

ВОКСе, в заключение которого «американские гости, под дружные аплодисменты присутствующих, спели хором несколько национальных песен» [2].

Дж. Кеннан в своих мемуарах писал: «Этот эпизод... был одним из тех, что постепенно взрастили во мне глубокий скептицизм относительно ценности личных контактов для улучшения международных отношений. С другой стороны, я должен сказать, что наши визитеры из Конгресса сильно различались между собой по своей способности извлекать пользу для себя и служить на благо интересам своей страны во время визитов – от самых безнадежных до самых лучших. В их число входили компетентные и серьезные люди, которые не только смогли оказать нам значительную поддержку по возвращении в Вашингтон, но были весьма полезны благодаря своим впечатлениям от пребывания в Москве и предложенным нам советам» [15, р. 277].

Из Москвы группа Колмера – так же, как Мундт и Болтон – направилась в Баку. Выступая 16 сентября 1945 г. на приеме, организованном бакинским горкомом, Колмер заявил: «Никогда еще мысли и чаяния народов мира не были сосредоточены на трех великих союзных государствах... Великое значение этого момента заключается в том, что в ходе войны был заложен прочный фундамент сотрудничества между народами СССР и США. Это относится и к мирным дням. И если это братство привело врага к краху, то дальнейшее его продолжение станет залогом свободы и сердечной дружбы, подтверждающим, что жертвы были не напрасны». Его спич подхватил Джесси Уолкотт: «Новая эра должна создать новый мир. Этот лозунг, за который боролись великие державы, должен стать реальностью. Нашей всеобщей задачей было победить силы зла. Это стало возможным только благодаря совместной деятельности и взаимному доверию Советского Союза, США и Великобритании. Это взаимное доверие является основой для построения современного мира» [13].

Член комитета Сената по международным отношениям (Senate Committee on Foreign Relations) Клод Пеппер, напротив, был известен в Советском Союзе как сторонник дружественных отношений между СССР и США.

В частности, в 1941 г. он активно выступал за распространение на СССР программы ленд-лиза [3, с. 120]. Любопытна реакция Кеннана на двойственность роли Пеппера в Москве. В своих мемуарах он замечает, что ему было невероятно сложно объяснить принимающей стороне, почему уважаемый сенатор решил заработать на статьях, написанных по итогам своего турне. «В этой ситуации, – писал Кеннан, – мои симпатии были на стороне русских» [15, р. 278].

На встрече Пеппера со Сталиным обсуждались приблизительно те же вопросы, что затронул Колмер. Сенатор пояснил, что предоставление кредитов помощи будет напрямую зависеть от соблюдения Москвой Ялтинских соглашений. Такая позиция не была субъективной – Пеппер просто обрисовал настроения в Вашингтоне. Сталин, в свою очередь, заявил Пепперу, что использовать любые кредитные средства в военных целях «было бы самоубийством» [23, р. 176–180]. Пеппер спросил советского лидера, считает ли он, что Соединенные Штаты сотрудничают с Советским Союзом в международных делах удовлетворительным образом. Сталин ответил, что во время войны Соединенные Штаты и Советский Союз сблизили общие интересы, и Советский Союз в большом долгу перед США за ту помощь, которую СССР получил от Соединенных Штатов. Однако, сказал он, связывающих нас уз более не существует, и нам придется найти новую основу для наших тесных отношений в будущем. Он продолжил: «Христос сказал: ищите и обрящете» [12, р. 884].

Впечатления Пеппера от встречи со Сталиным и от увиденного в СССР нашли выражение в его радиовыступлении из Москвы. В нем сенатор, в частности, заявил: «Американцы никогда не допустят, чтобы США участвовали в каком-либо блоке, враждебном Советскому Союзу» [20]. К сожалению, эти заверения Пеппера привели лишь к тому, что на родине его причислили к коммунистам или, по крайней мере, к «сочувствующим». (Позднее в мемуарах Пеппер писал, что «ни за что бы не отказался от этого опыта (имеется в виду личная встреча со Сталиным. – К. М.), даже если бы знал, как Эд Болл и его друзья воспользуются этим²» при его переизбрании в

Конгресс [19, р. 176–177].) При этом никаких практических последствий для развития советско-американских отношений позитивные впечатления Пеппера о встрече с советским лидером не возымели.

В своей регулярной колонке для флоридских газет Пеппер писал, что для восстановления экономики Советам отчаянно нужен мир, и поэтому он убежден в том, что «у русских нет никаких агрессивных намерений» [6, р. 5].

В личных бумагах Пеппера сохранилась сделанная непосредственно после встречи со Сталиным запись о том, что «цель внешней политики Советского Союза – сотрудничать с другими государствами во имя сохранения мира» [7, р. 227].

Последовавший переезд Пеппера в Баку [13] после Мундта, Болтона и группы Колмера вряд ли был случайным совпадением: интерес США к иранской нефти в полной мере распространялся и на азербайджанские нефтепромыслы.

Почему советское руководство не возражало против визита в СССР всех перечисленных нами американских чиновников и политических деятелей? Дело в том, что их приезд в Москву пришелся на очень краткий период отказа Кремля от традиционной подозрительности в отношении Запада и переориентации на международное сотрудничество. О новом подходе (правда, с некоторым опозданием) писал в 1946 г. академик Е.С. Варга [1, с. 319], его сторонниками были и высокопоставленные сотрудники Госбанка, наркоматов внешней торговли, иностранных дел и финансов, побывавшие за границей, принимавшие участие в различных переговорах по созданию послевоенной торгово-экономической и финансовой системы и понимавшие преимущества отказа от политики изоляции.

Результаты. Американские газеты, причем как крупные, так и местного значения, не оставили вниманием визиты американских конгрессменов в СССР и итоги этих визитов [8–10; 21; 24]. При этом важно подчеркнуть, что соответствующие заметки помещались, как правило, в середине или даже конце газеты, часто среди рекламных объявлений, что наглядно свидетельствует о небольшой важности этих событий, по мнению издателей.

Для нашего исследования более всего интересен доклад, опубликованный комитетом Колмера по итогам поездки по Европе в ноябре 1945 года.

В этом документе признавалось, что советская экономика находится в тяжелом состоянии и что применявшаяся гитлеровской Германией тактика «выжженной земли» оставила большую часть страны в руинах. Комитет не возражал против налаживания экономического сотрудничества с Советским Союзом, однако рекомендовал предварительно уточнить некоторые вопросы.

Во-первых, Соединенные Штаты должны были получить гарантии того, что их помощь не будет использоваться для наращивания военного потенциала. Во-вторых, советская сторона должна была полностью раскрыть свою производственную статистику. В-третьих, СССР предписывалось вывести свои оккупационные силы из Восточной Европы. В-четвертых, раскрыть условия своих торговых соглашений со странами этого региона. В-пятых, помощь СССР и Восточной Европе должна была осуществляться на неполитической основе, без переброски каких-либо ресурсов из Восточной Европы. Наконец, до получения кредитов страны Восточной Европы должны были гарантировать защиту имеющейся там американской собственности. Кроме того, рекомендовалось обеспечить американским самолетам, летавшим по стандартным советским маршрутам, режим открытого неба, уважение авторских прав при демонстрации американских объектов интеллектуальной собственности и выдачу виз в США в «достаточных количествах» [11].

Отчет Колмера носил рекомендательный характер, и было бы несправедливо считать приведенные в нем условия действительными и окончательными требованиями американской стороны. В условиях переговоров компромисс вполне мог быть достигнут где-то на середине.

Неизвестно, попали ли выводы комитета Колмера в американское посольство в Москве, однако это и не столь важно. События декабря 1945 г. – отказ СССР вступить в МВФ, успешное завершение американцами переговоров о кредите с Лондоном, провал Московской конференции СМВД и т. д. – зас-

тавили Дж. Кеннана самостоятельно резюмировать общие условия выдачи советскому руководству кредита: «Они должны продемонстрировать желание сотрудничать и гарантировать, что их международная торговля будет осуществляться в соответствии с нашим подходом к международному экономическому сотрудничеству» [18, р. 86]. Таким образом, осенью 1945 г. американское руководство оказалось перед важным выбором: поверить или не поверить в то, что Сталин готов изменить внешнеполитический курс ради получения кредита. Вашингтон предпочел пойти по второму пути.

4 декабря в Лондоне Пеппер встретился с послом СССР в США А.А. Громыко. Громыко утверждал, что ухудшение отношений связано с нежеланием администрации Трумэна придерживаться потсдамских соглашений [4]. После этого разговора сенатор записал в дневнике: «Я убежден в том, что подлинная причина лежит глубже, – в недостатке уверенности или в том, что мы разом на них навалились» [6, р. 310].

В тот же день Пеппер принял участие в неформальной встрече примерно со 100 членами Палаты общин. Он сказал им, что советская сторона отрицательно относится к Соединенным Штатам и Великобритании из-за решения американцев единолично оккупировать Японию и американской монополии на атомное оружие. Пеппер подчеркнул, что действия Соединенных Штатов вызывают беспокойство у правительства Сталина. Ослабить напряженность в союзе, по мнению сенатора, можно было только путем усиления кооперации [7, р. 310].

Как мы уже писали, просоветские выступления Пеппера не возымели никаких позитивных последствий для развития советско-американских отношений. Возможно, это отчасти объясняется тем, что сенатор вернулся в США лишь в декабре 1945 г., когда былые связи между Москвой и Вашингтоном существенно ослабли из-за возникшей напряженности вокруг иранского и корейского вопросов, проблем с ратификацией Советским Союзом Бреттон-Вудских соглашений и т. д. Самому же Пепперу его восхищение Сталиным и оптимизм в отношении перспектив взаимодействия Москвы и Вашингтона стоили политической карьеры. После визита в СССР

и последовавших за ним публикаций и выступлений (то есть еще за несколько лет до развития маккартизма) «Красный Пеппер»³ начал терять сторонников, в том числе тех, кто ранее финансировал его избирательные кампании, а в 1950 г. проиграл очередные выборы в сенат. В своей книге об отце дочь Г. Трумэна Маргарет отзывалась о Пеппере так: «Из-за таких людей, как сенатор Пеппер, моему отцу было чрезвычайно трудно проводить разумную и последовательную внешнюю политику» [23, р. 313–314].

Таким образом, несмотря на значительный потенциал, визиты американских конгрессменов в США не сыграли никакой позитивной роли в разрядке напряженности, возникшей между Москвой и Вашингтоном в августе – сентябре 1945 года. В то же время сам факт этих визитов и тот уровень, на котором делегации были приняты в Советском Союзе, может свидетельствовать о наличии значительного обоюдного интереса к поддержанию конструктивных, если не союзнических, отношений между двумя крупнейшими державами мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее приводятся характеристики, данные американским конгрессменам сотрудниками НКГБ.

² Имеется в виду поражение Пеппера на праймериз 1950 г. против Дж. Смэзерса.

³ «Красный Пеппер» (англ. Red Pepper) – игра слов, так как это выражение означает также «красный перец».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Варга Е. С. Изменения в экономике капитализма в итоге Второй мировой войны. М.: ОГИЗ, 1946. 320 с.
2. ВВОКСе//Известия. 1945. №219. 16сент. С. 4.
3. Минкова К. В. Экономические истоки холодной войны: советско-американские экономические отношения в 1943–1947 гг. СПб.: Скифия-принт, 2021. 504 с.
4. Печатнов В. О. Посол А.А. Громыко о политической борьбе в США в конце Второй мировой войны (по новым документам Архива внешней политики МИД РФ) // Война между государствами – большое зло. К 110-летию А.А. Громыко. М.: Ин-т Европы РАН, 2019. С. 272–288.

5. Приезд в СССР сенаторов и членов Конгресса // Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0129. Оп. 29 Авто. П. 177. Д. 85. 89 л.

6. Clark J. C. Claude Pepper and the Seeds of His 1950 Defeat, 1944–1948 // *Florida Historical Quarterly*. 1995. Vol. 74, № 1. Article 3. URL: <https://stars.library.ucf.edu/fhq/vol74/iss1/3>

7. Claude Pepper Personal Diary. 1945. Claude Pepper Library. Florida State University. URL: <https://diginole.lib.fsu.edu/islandora/object/fsu%3A201117#page/1/mode/2up>

8. Colmer Committee Arrives in U.S. on Queen Elizabeth // *Evening Star* (Washington). 1945. October 10.

9. Colmer Report Reveals Chaos in Reich // *Detroit Evening Times*. 1945. November 13. P. 2-C.

10. Congress May Withhold Loans to Allied Powers: Oil Rights, Military Bases, Airports Sought in Europe // *The Daily Monitor Leader* (Mount Clemens, Mich.). 1945. October 11. P. 2.

11. Economic Reconstruction in Europe // House of Representatives. Special Committee on Post-War Economic Policy and Planning. 8th Report. 79 Congress. 1st Session. Washington: U. S. Government Printing Office, November 1945. 51 p.

12. Foreign Relations of the United States. 1945. Vol. V. Washington: United States Government Printing Office, 1969. 1349 p.

13. Hasanli J. American Visitors to Baku at the Dawn of the Cold War, August–September 1945. URL: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/american-visitors-baku-dawn-cold-war-august-september-1945>

14. Interview with Joseph Stalin. University of Southern Mississippi. William M. Colmer Papers. Box 588. Folder 9.

15. Kennan G. F. *Memoirs, 1925–1950*. Boston: Little, Brown & Co., 1967. 583 p.

16. LaFeber W. *America, Russia and the Cold War, 1945–1990*. 6th ed. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1991. 370 p.

17. McCauley M. *Origins of the Cold War, 1941–1949*. 4th ed. London: Routledge, 2016. 244 p.

18. Paterson T. G. The Abortive American Loan to Russia and the Origins of the Cold War, 1943–1946 // *Journal of American History*. 1969. Vol. 56, № 1. P. 70–92.

19. Pepper C. *Pepper: Eyewitness to a Century*. N. Y.: Harcourt, 1987. 320 p.

20. Pepper Radio Broadcast from Moscow Transcript. September 18, 1945 // Claude Pepper Papers. University of Florida Library. S201. Box 161. Folder 15.

21. Senator Claude Pepper o Rossiji // *Enakopravnost* (Cleveland, Ohio). 1945. October 30. P. 4.

22. Stoesen A. R. *The Senatorial Career of Claude D. Pepper*. Chapel Hill: University of Carolina, 1965. 390 p.

23. Truman M. Harry S. Truman. N. Y.: William Morton & Company, 1973. 648 p.

24. World Cooperation Necessary, but Should Not Be 1-Way Street // *The Chronicle-Star Combined with the Moss Point Advertiser* (Pascagoula, Miss.). 1945. November 9. Sec. 2. P. 5.

REFERENCES

1. Varga E.S. *Izmenenija v ekonomike kapitalizma v itoge Vtoroj mirovoj vojny* [Changes in the Capitalist Economy as a Result of the Second World War]. Moscow, OGIZ, 1946. 320 p.

2. V VOKSe [In VOKS]. *Izvestija*, 1945, no. 219, 16 Sept., p. 4.

3. Minkova K.V. *Ekonomicheskie istoki holodnoj vojny: sovetsko-amerikanskije ekonomicheskie otnoshenija v 1943–1947 gg.* [Economic Roots of the Cold War: Soviet-American Relations in 1943–1947]. Saint Petersburg, Skifia-print Publ., 2021. 504 p.

4. Pechatnov V.O. Posol A.A. Gromyko o politicheskoy borbe v SShA v konce Vtoroj mirovoj vojny (po novym dokumentam Arhiva vneshnej politiki MID RF) [Ambassador A.A. Gromyko on the Political Struggle in the USA at the End of the World War II (Based on the New Documents from the Archive of Foreign Policy, MFA RF)]. *Vojna mezhdugosudarstvami – bolshoe zlo. K 110-letiju A.A. Gromyko* [War Between States Is a Major Evil. To the 110th Anniversary of A.A. Gromyko]. Moscow, In-t EvropyRAN, 2019, pp. 272–288.

5. Priezd v SSSR senatorov i chlenov Kongressa [Visit to the USSR of the Senators and Members of Congress]. *Arkhiv vneshnei politiki Rossijskoi Federatsii* [Foreign Policy Archive of the Russian Federation], f. 0129, inv. 29 Avto, p. 177, d. 85. 89 l.

6. Clark J.C. Claude Pepper and the Seeds of His 1950 Defeat, 1944–1948. *Florida Historical Quarterly*, 1995, vol. 74, no. 1, art. 3. URL: <https://stars.library.ucf.edu/fhq/vol74/iss1/3>

7. *Claude Pepper Personal Diary. 1945. Claude Pepper Library*. Florida State University. URL: <https://diginole.lib.fsu.edu/islandora/object/fsu%3A201117#page/1/mode/2up>

8. Colmer Committee Arrives in U.S. on Queen Elizabeth. *Evening Star* (Washington), 1945. October 10.

9. Colmer Report Reveals Chaos in Reich. *Detroit Evening Times*, 1945, November 13, pp. 2-C.

10. Congress May Withhold Loans to Allied Powers: Oil Rights, Military Bases, Airports Sought in Europe. *The Daily Monitor Leader* (Mount Clemens, Mich.), 1945, October 11, p. 2.

11. Economic Reconstruction in Europe. *House of Representatives. Special Committee on Post-War Economic Policy and Planning. 8th Report*,

- 79 Congress, 1st Session. Washington, U. S. Government Printing Office, November 1945. 51 p.
12. *Foreign Relations of the United States. 1945. Vol. V.* Washington, United States Government Printing Office, 1969. 1349 p.
13. Hasanli J. *American Visitors to Baku at the Dawn of the Cold War, August-September 1945.* URL: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/american-visitors-baku-dawn-cold-war-august-september-1945>
14. *Interview with Joseph Stalin. University of Southern Mississippi. William M. Colmer Papers,* box 588, folder 9.
15. Kennan G.F. *Memoirs, 1925–1950.* Boston, Little, Brown & Co., 1967. 583 p.
16. LaFeber W. *America, Russia and the Cold War, 1945–1990.* Ithaca, New York, Cornell University Press, 1991. 370 p.
17. McCauley M. *Origins of the Cold War, 1941–1949.* London, Routledge, 2016. 244 p.
18. Paterson T.G. The Abortive American Loan to Russia and the Origins of the Cold War, 1943–1946. *Journal of American History*, 1969, vol. 56, no. 1, pp. 70-92.
19. Pepper C. *Pepper: Eyewitness to a Century.* New York, Harcourt, 1987. 320 p.
20. Pepper Radio Broadcast from Moscow Transcript. September 18, 1945. *Claude Pepper Papers.* University of Florida Library, s201, box 161, folder 15.
21. Senator Claude Pepper o Rossiji. *Enakopravnost (Cliveland, Ohio)*, 1945, October 30, p. 4.
22. Stoesen A.R. *The Senatorial Career of Claude D. Pepper.* Chapel Hill, University of Carolina, 1965. 390 p.
23. Truman M. *Harry S. Truman.* New York, William Morton & Company, 1973. 648 p.
24. World Cooperation Necessary, but Should Not Be 1-Way Street. *The Chronicle-Star Combined with the Moss Point Advertiser (Pascagoula, Miss.)*, 1945, November 9, Sec. 2, p. 5.

Information About the Author

Kristina V. Minkova, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Department of American Studies, Saint Petersburg State University, Universitetskaja Emb., 7/9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, k.minkova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5833-6808>

Информация об авторе

Кристина Владимировна Минкова, доктор исторических наук, доцент кафедры американских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7/9, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, k.minkova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5833-6808>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.11>

UDC 327.82(73:5-015)
LBC 66.4(7Coe),04

Submitted: 21.09.2023
Accepted: 17.10.2023

US PUBLIC DIPLOMACY TOWARDS THE CENTRAL ASIAN COUNTRIES

Elena F. Parubochaya

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. Public diplomacy is an effective foreign policy instrument of the state. Public diplomacy is understood as the activity of an actor aimed at achieving foreign policy objectives by establishing and deepening long-term interstate relations. The purpose of such activities is to inform foreign audiences as well as broadcast the principles of national policy beyond the borders of one's own state. Public diplomacy is designed to influence those who have the opportunity to shape public belief systems. *Methods and materials.* The methodological basis of the study was a transnational approach, which allows us to reveal the role of state and non-state actors in international relations. The work uses a systematic approach in order to form a holistic view of American public diplomacy as an instrument of "soft power." To identify the individual tools used by the United States in promoting public diplomacy in each individual Central Asian country, a comparative method was used. *Analysis and results.* Public diplomacy seems to be an important tool of the American administration in the most important foreign policy areas. The priority instrument of US public diplomacy in the Central Asian region is the support of civil society and non-profit organizations. Using grant support mechanisms, the role of public organizations is strengthened, and dialogue between civil society and government authorities is encouraged in the formation and development of socio-economic policy. The second relevant tool is media support and working with information consumers among various segments of the population. According to the results of the study, it was revealed that these projects were most effectively implemented in Uzbekistan, Kazakhstan, and Tajikistan. The third most successful tool is education, whose work is based on grant programs both in the republics and in the United States. Systematic work carried out, taking into account a deep understanding of the internal processes in the Central Asian republics as well as the active use of public diplomacy tools, allows the United States to strengthen its foreign policy potential in the region.

Key words: public diplomacy, humanitarian policy, public organizations, tools of public diplomacy, US soft power, Central Asian region.

Citation. Parubochaya E.F. US Public Diplomacy Towards the Central Asian Countries. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 1, pp. 124-137. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.11>

УДК 327.82(73:5-015)
ББК 66.4(7Coe),04

Дата поступления статьи: 21.09.2023
Дата принятия статьи: 17.10.2023

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ США В ОТНОШЕНИИ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ СТРАН

Елена Федоровна Парубочая

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Публичная дипломатия является эффективным внешнеполитическим инструментом государства. Под публичной дипломатией понимают активность актора, направленную на достижение внешнеполитических задач путем установления и углубления долгосрочных межгосударственных отношений. Целью такой деятельности является информирование зарубежной аудитории, а также транслирование принципов национальной политики за пределами своего государства. Публичная дипломатия призвана оказывать воздействие на тех, кто имеет возможность формировать общественную систему взглядов. *Методы и материалы.* Методологической основой исследования выступил транснациональный подход, позволяющий раскрыть роль государственных и негосударственных акторов в международных отношениях. В рабо-

те используется системный подход в целях формирования целостного представления об американской публичной дипломатии как инструменте «мягкой силы». Для выявления индивидуальных инструментов, используемых США при продвижении публичной дипломатии в каждой отдельной центральноазиатской стране, был использован сравнительный метод. *Анализ и результаты.* Публичная дипломатия представляется важным инструментом американской администрации на внешнеполитических направлениях деятельности. Приоритетным инструментом публичной дипломатии США в Центрально-Азиатском регионе выступает поддержка гражданского общества и некоммерческих организаций. Используя механизмы грантовых поддержек, происходит усиление роли общественных организаций, поощряется диалог между гражданским обществом и органами государственной власти при формировании и развитии социально-экономической политики. Вторым актуальным инструментом – это поддержка СМИ и работа с потребителями информации среди различных слоев населения. По результатам исследования было выявлено, что наиболее эффективно эти проекты реализованы в Узбекистане, Казахстане и Таджикистане. Третий наиболее успешный инструмент – образование, работа с которым основывается на грантовых программах как на территории республик, так и в США. Системная работа, проводимая с учетом глубинного понимания внутренних процессов в республиках Центральной Азии, а также активное использование инструментария публичной дипломатии позволяют США усиливать свой внешнеполитический потенциал в регионе.

Ключевые слова: публичная дипломатия, гуманитарная политика, общественные организации, инструменты публичной дипломатии, «мягкая сила» США, Центрально-Азиатский регион.

Цитирование. Парубочая Е. Ф. Публичная дипломатия США в отношении центральноазиатских стран // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 1. – С. 124–137. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.11>

Введение. Публичная дипломатия является эффективным внешнеполитическим инструментом, к которому все чаще обращаются государства. Под публичной дипломатией понимают активность актора, направленную на достижение внешнеполитических задач путем установления и углубления долгосрочных межгосударственных отношений. Целью такой деятельности является информирование зарубежной аудитории о национальных ценностях и международной активности государственных институтов, а также транслирование принципов национальной политики за пределами своего государства. Одновременно происходит изучение общественного мнения в стране о важных для ее граждан событиях, отслеживается реакция местного населения на те или иные международные инциденты. Наконец, публичная дипломатия призвана оказывать воздействие на тех, кто имеет возможность формировать общественную систему взглядов. Объектами воздействия обычно выступают политические деятели, представители бизнес-сообщества, зарубежные элиты, экспертно-аналитическое сообщество, а также медийное сообщество. Однако приоритетными целевыми группами являются гражданское общество и некоммерческие организации.

Именно по линии публичной дипломатии выстраивается система диалога с зарубежной аудиторией для достижения внешнеполитических целей государства через формирование и продвижение собственного привлекательного образа, оказание влияния на общество в целом или на отдельные его группы. Среди основных инструментов публичной дипломатии выступает работа со СМИ, продвижение образовательных программ и проектов, программы академической мобильности, деятельность аналитических центров, программы гуманитарного сотрудничества. Важным отличием публичной дипломатии от общественной дипломатии, включающей проявление любой гражданской активности в гуманитарной области, является политический характер цели данной деятельности, результатом которой является оказание влияния на процесс принятия политических решений.

Согласно оценке Глобального рейтинга «мягкой силы», США традиционно занимает первое место среди других стран по уровню узнаваемости, репутации и влиянию, оставаясь привлекательным актором для выстраивания взаимоотношений с позиции других стран. Индексированные данные дают представление о восприятии бренда страны на основании ключевых показателей, формирующих его репутацию и влияние во всем мире.

Обладая такой масштабной узнаваемостью национального бренда, Вашингтон демонстрирует на данный момент серьезные преимущества по сравнению с другими акторами [34].

При этом Российская Федерация на протяжении 2020–2022 гг. занимала 10-е место в этом рейтинге, поднявшись в 2023 г. на 8-ю строку [34]. Несмотря на то что Россия постепенно усиливает свои позиции в мировом рейтинге «мягкой силы», ей все еще затруднительно конкурировать с акторами, которые обладают широким диапазоном финансовых и иных ресурсов для продвижения и усиления своих позиций, в том числе и в Центрально-Азиатском регионе (ЦАР), представляющим стратегический интерес для Москвы.

Центрально-Азиатский регион, включающий пять постсоветских республик (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан), на современном этапе представляет особое значение для многих международных акторов, среди которых Российская Федерация, Европейский Союз, Турецкая Республика, Китайская Народная Республика, Южная Корея и др. Особую роль среди них занимают США, которые применяют разносторонний инструментарий публичной дипломатии для укрепления и расширения своего политического влияния в регионе. В динамично изменяющихся геополитических условиях стратегии США как одного из ключевых акторов представляют особый интерес для международного исследовательского сообщества.

В связи с этим ключевой проблематикой данного исследования является определение наиболее приоритетных для США инструментов публичной дипломатии в ЦАР с целью возможности прогнозирования дальнейшей внешнеполитической стратегии третьих акторов, заинтересованных в продвижении своих интересов в регионе.

Методы и материалы. Методологической основой исследования выступил транснациональный подход Дж. Ная, позволяющий раскрыть роль государственных и негосударственных акторов в международных отношениях, а также сущность публичной дипломатии как одного из инструментов продвижения национальных интересов государства [29]. В работе используется системный подход в целях формирования целостного представле-

ния об американской публичной дипломатии как инструменте «мягкой силы». В исследовании был использован сравнительный метод при выявлении индивидуальных инструментов, используемых США при продвижении публичной дипломатии в каждой отдельной центральноазиатской стране. Результаты исследования опираются на анализ материалов, публикуемых американскими посольствами в ЦАР, периодических изданий, а также статей и аналитических материалов отечественных и зарубежных исследователей, занимающихся данной проблемой.

Американские ученые Э. Гуллион и А. Хоффман в середине XX в. предприняли попытку дать научное определение термину «публичная дипломатия». Они выделили новый внешнеполитический метод, с помощью которого правительство одной страны получало возможность формировать общественное мнение зарубежного государства по тому или иному вопросу [28].

Распад Советского Союза и окончание холодной войны привели к активизации публичной дипломатии. Особую популярность в 90-е гг. XX в. приобрела концепция «мягкой силы», предложенная ученым из США Джозефом Наем. Основная идея Дж. Ная заключалась в том, что приоритетом в реализации внешней политики должны выступать гуманитарные инструменты с целью сотрудничества, а не силовые методы. Помимо необходимости развития положительного образа своей страны за рубежом, упор в концепции «мягкой силы» делался и на важности формирования в других странах лояльных групп людей, а также на способах оказания на них влияния и получения от них обратной связи [29; 30]. Начиная с XXI в. публичная дипломатия подвергалась трансформации: активное внедрение в жизнь интернет-технологий повлияло и на традиционную дипломатию. В научный оборот вошли такие термины, как «цифровая дипломатия», «публичная дипломатия 2.0», «твиттер-дипломатия». Подобные изменения быстро стали целью научных интересов различных исследователей по всему миру. Так, например, американские авторы Х. Дейл и Н. Калл определяли влияние интернет-технологий на международные отношения и публичную дипломатию [26; 27].

Российские исследователи А.В. Долинский и А.В. Лукин также рассматривали технологии применения публичной дипломатии и «мягкой силы» в политическом процессе. А.В. Торкунов акцентировал внимание на роли образования во внешнеполитическом процессе. Рассмотрению публичной дипломатии США посвящены работы А.И. Кубышкина, А.А. Великой и Н.А. Цветковой. О «мягкой силе» в ЦАР писала М.М. Лебедева [1; 6; 8–10; 21; 24].

Анализ. Стратегия регионального сотрудничества в области развития Центральной Азии 2020–2025 гг. США ознаменовала реализацию различных программ и проектов, среди которых: центральноазиатская программа Media CAMP, программа поддержки стабильности в странах Центральной Азии (ЦА), программа «Партнерство для инноваций», Программа по поддержке гражданского общества, программа «Совершенствование правовой среды» и ряд других [20].

Использование механизмов и форм деятельности неправительственных структур в сфере публичной дипломатии, целенаправленная работа с общественными организациями и возможность влияния на них – один из самых эффективных инструментов, применяемых в сфере публичной дипломатии. Правильно выстроенная работа с некоммерческими организациями может приносить серьезные политические бонусы и использоваться для достижения политических целей. Для успешной реализации своих планов общественной организации необходимо быть известной на территории, иметь авторитет среди местного населения, медийный охват и доступ к финансовым ресурсам. В этом случае общественная организация может стать влиятельным актором политического процесса. Практическая реализация Вашингтоном программ публичной дипломатии имеет свои региональные аспекты, и их успех во многом зависит от учета потребностей и региональных особенностей стран ЦАР. В зависимости от специфики каждой республики делается ставка на приоритетность тех или иных инструментов, применяемых США в каждой отдельной стране и в регионе в целом.

Среди программ, реализуемых в регионе, в настоящее время можно обозначить Программу по поддержке гражданского общества

в ЦА. Данный пятилетний проект (2019–2024 гг.) с бюджетом 18 млн долл. США осуществляется фондом «Евразия» с целью развития активного гражданского общества и информирования нового поколения лидеров в этой среде [33]. Программа «Социальные инновации в Центральной Азии» также является частью общего направления, нацеленного на формирование активных молодежных лидеров, усиление роли гражданского общества и институциональное развитие неправительственных организаций в регионе. Данная программа предполагает развитие компетенций, направленных на расширение навыков взаимодействия гражданского общества с целевыми группами, экспертную помощь, включая разработку долгосрочной стратегии для построения отношений с целевыми группами и другими заинтересованными сторонами.

В 2021 г. программа начала выдавать гранты на институциональное развитие (в среднем в размере 15 000 долл. США), чтобы помочь общественной организации восполнить пробелы в институциональном развитии и эффективнее реализовать свои задачи. Среди результатов отмечено, что было проведено исследование о возможностях социального предпринимательства в Узбекистане: 74 неправительственных организаций из Центральной Азии были вовлечены в Программу институционального развития, а 21 эксперт прошел специальное обучение [33].

Проект «Партнерство для инноваций» предполагал создание условий для участия общественности в принятии политических решений через поощрение диалога и инициатив организаций гражданского общества и органов государственного управления. Повышение статуса организаций гражданского общества, а также их компетенций и развитие способности вовлекать органы государственного управления в процесс сотрудничества предполагали совместное формирование и развитие социально-экономической политики в стране [31].

Помимо этого, инструменты публичной дипломатии США направлены на создание и укрепление долгосрочных связей. С этой целью различные государственные акторы реализуют проекты, задачей которых является поддержка постоянной связи заинтересованных членов гражданского общества стран ЦА

с американскими институтами. Так, например, Фонд поддержки демократии США выдает особые гранты выпускникам американских научных и образовательных программ для поддержания контактов с США и поощрения связей с их американскими коллегами в областях, которые способствуют развитию демократии.

Стоит отметить, что объем финансирования со стороны американской администрации на реализацию публичной дипломатии в ЦАР продолжает увеличиваться. В 2024 г. USAID планирует выделить 1,03 млрд долларов Южной и Центральной Азии для содействия развитию в этой области. Это на 3,7 млн долларов больше, чем средства, запланированные на 2023 финансовый год [32].

Таким образом, американские программы направлены на развитие некоммерческих организаций в качестве значимого актора общественной жизни, работающего совместно с органами государственной власти, что не исключает возможной ангажированности на определенных этапах этой деятельности. Увеличение объемов финансирования со стороны США подтверждает интерес американского политического истеблишмента к данному региону и использованию инструментария публичной дипломатии.

Средства массовой информации также являются одним из важных и надежных инструментов публичной дипломатии, позволяющих расставлять необходимые акценты в транслировании информации широким массам зарубежной аудитории. Стремительный рост и популярность интернет-технологий увеличили число получателей информации из интернета, особенно среди молодого поколения.

В Центрально-Азиатском регионе была запущена программа Media CAMP, которая фокусировала внимание на развитии сбалансированной информационной среды в Казахстане, Таджикистане, Узбекистане, Кыргызстане и Туркменистане. Период реализации предполагал 5-летний срок (с 1 октября 2018 г. по 30 сентября 2023 г.), а общий бюджет составил 15 млн долларов. Среди профинансированных направлений была обозначена помощь СМИ в создании беспристрастных информационных материалов по важным политическим и общественным темам: медийная и информа-

ционная грамотность молодежи и возрастного населения, а также улучшение правовой среды средств массовой информации.

В документах прописывались и ожидаемые результаты: увеличение объема сбалансированной, основанной на фактах, информации; динамичное сотрудничество СМИ с аудиторией и внедрение инновационных форматов при производстве местного контента. Кроме этого, создавалась ежегодная Лаборатория по производству инклюзивного контента, которая объединила представителей медийного сообщества и гражданское общество с целью совместной разработки стратегий для повышения эффективности участия в общественной жизни даже уязвимых групп населения.

Для развития компетенций журналистов и их поощрения организуются ежегодные конкурсы и присуждаются награды, что, по мнению американских представителей, способствует признанию лидеров в журналистской среде, обеспечивает карьерный рост и развитие качественной журналистики, предоставляется юридическая поддержка журналистов и возможность обучаться на тематических и практических тренингах. Еще одна программа «Акселератор новых медиа» должна была способствовать росту инновационной журналистики через организацию стартапов, а ежегодный медиафестиваль был сфокусирован на обмене контентом и знакомстве с современными медиастратегиями.

В качестве примера обратимся к опыту Узбекистана, где по линии американских проектов стали активно внедрять и распространять учебные материалы по медиаграмотности для университетов, разработанные в рамках проекта «Доступ к информации». Кроме этого, специально были созданы материалы по медиаграмотности для средних и начальных школ региона. Грантовые программы создали условия для расширения местных пулов квалифицированных тренеров и увеличили число проводимых тренингов в этой области.

Мощная системная работа, проводимая с медиасообществом ЦАР, подтверждает значимость этого инструмента публичной дипломатии для Вашингтона. Помимо обучения, американский инструментарий предполагает и изучение общественного мнения, тем самым проводя оценку успешности реализуемых

мероприятий. Изучение предпочтений местной аудитории, степень доверия к СМИ и уровень медиаграмотности, подключение общественности к созданию информационных материалов, с одной стороны, способствует развитию гражданской журналистики, а с другой – имеет риски стать ресурсом для внешней манипуляции.

Объектом финансирования становятся местные СМИ, которых призывают к вовлечению новой аудитории в целях увеличения информирования. Кроме этого, поддерживается совершенствование нормативно-правовой среды в сфере журналистики: проводятся семинары по правозащитной деятельности журналистов, а главное, происходит мониторинг и аналитическая оценка этой деятельности. Особое внимание и финансовая поддержка предоставляются медиаассоциациям, которые заинтересованы представлять интересы СМИ в уполномоченных государственных и законодательных органах. Благодаря обучению, разъяснительным проектам и тренингам, по мнению американских представителей, независимые теле- и радиокomпании смогут эффективнее защищать свои права и интересы и продвигать свою повестку в массы. Стоит отметить, что помимо законодательных инициатив в области СМИ планируется и контроль над исполнением соответствующих законов, подключение журналистов к участию в рабочих группах, отслеживающих их исполнение.

С 2018 по 2021 г. по программе Media CAMP в Казахстане, Узбекистане и Таджикистане прошли подготовку 1 500 журналистов, а консультационную поддержку получило 41 негосударственное информационное агентство [25]. В 2019/20 учебном году 24 университета из Казахстана и Таджикистана использовали модули из подготовленного *Internews* пособия по медиаграмотности на русском, узбекском, казахском, таджикском языках для формирования учебных программ и курсов, подготовку в рамках которых уже прошли 1 500 студентов. Кроме этого, оказывалась американская помощь 6 медиакомпаниям из Казахстана и Таджикистана.

Параллельно был реализован 41 проект по производству медиаконтента, охватывающего следующие темы: проблема гендерного насилия, бедность, доступность образования,

проблемы молодежи, а также людей с ограниченными возможностями. С помощью ресурсов США была создана сеть журналистских сообществ, которая объединила 90 гражданских журналистов в 27 городах, а также были завершены 20 совместных проектов между информационными агентствами и организациями гражданского общества в Казахстане и Таджикистане с целью вовлечения широких слоев населения в общественно важные события [4]. Программа способствовала существенным изменениям в национальных законодательных системах Казахстана и Таджикистана, аналитических документах по совершенствованию правовых норм в медиасфере Узбекистана. По итогам ее реализации были также сформированы три главные медиасети в качестве источников информации для журналистского сообщества.

Поскольку для Российской Федерации регион Центральной Азии представляет не меньшую значимость, чем для США, в рамках данного исследования стоит провести небольшую корреляцию с деятельностью Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом и по международному гуманитарному сотрудничеству. Основываясь на отчете Россотрудничества за 2022 г., следует отметить проделанную работу по систематизации деятельности всего агентства. Несмотря на это, масштабы деятельности российского института в Центральной Азии все еще несоизмеримы с американским инструментарием. Информационная деятельность Россотрудничества направлена на усиление российского влияния в сфере международного гуманитарного сотрудничества и распространение объективного представления о России за рубежом. В 2022 г. была активизирована работа с зарубежными журналистами, однако на современном этапе она все еще не имеет системного характера [19].

В контексте успехов проделанной работы можно отметить проведение ряда встреч с журналистами Казахстана, Армении и Азербайджана, в рамках которых речь шла о работе Россотрудничества в республиках, а также о продвижении русского языка, российского образования и поддержке русскоговорящих СМИ [19]. Был реализован международный

проект «Школа реальной журналистики “Герои поверх границ”». Проект направлен на работу с молодыми журналистами, блогерами, студентами и журналистами стран постсоветского пространства. Помимо этого, был запущен уникальный проект «Школа молодого блогера», который объединил молодых журналистов стран региона. 35 студентов-журналистов из разных стран смогли принять участие в тематических мастер-классах. Все вышесказанное подчеркивает важность работы с медиапространством для усиления российского влияния в сфере международного гуманитарного сотрудничества. Но количественные и качественные показатели все еще заметно уступают масштабам деятельности США.

Предоставление образования для иностранных граждан как образовательный элемент публичной дипломатии имеет важное политическое значение. Образование способно влиять на формирование мировоззрения людей, их картины мира и системы взглядов, а также личные ценности. Предоставляя образовательные услуги, актор способен создавать группы лояльных государству лиц и способствовать их объединению. Образование выступает первой ступенью по созданию элит, лояльных к той стране, которая предоставляет образовательные услуги. Особенно важен дальнейший алгоритм взаимодействия «принимающего государства» с «выпускниками». Как уже упоминалось ранее, в американской системе с этой целью создаются многочисленные клубы выпускников (Alumni Clubs). После получения диплома и соответствующего образования или даже прохождения курсов и образовательных тренингов за рубежом, человек более восприимчив к ценностям и культуре этой страны. Имея определенный опыт, он охотнее соглашается на участие в мероприятиях и встречах выпускников, продолжает укреплять профессиональные связи с участниками тех или иных образовательных проектов.

Политика США по оказанию помощи иностранным государствам в сфере образования строится на основе «Стратегии по международному базовому образованию 2019–2023 гг.» от правительства США. Инвестиции в международное образование рассмат-

риваются как дополнительное направление усилий в области международного развития, способствующее достижению внешнеполитических целей США.

В апреле 2023 г. в Восточной Европе, на Кавказе и в Центральной Азии была запущена новая инновационная 12-месячная программа обучения «Информатика и наука о данных для здравоохранения» (IDASH). Программа IDASH является результатом сотрудничества Украины, Грузии, Кыргызстана, Узбекистана, Казахстана, а также Вашингтонского университета [11]. Большая часть работы по линии образования осуществляется отделом информации, культуры и образования Посольства США. Для каждой страны предлагается около 10 различных образовательных программ, которые предоставляются с учетом специфики отдельной страны и национальных интересов самих США.

В частности, в Узбекистане проводится целый ряд программ образовательного обмена. Эти программы, разработанные как для студентов, так и для кандидатов на получение высших ученых степеней, способствуют свободному обмену информацией и укреплению взаимопонимания между их участниками. Существует множество программ, позволяющих пройти обучающие и профессиональные стажировки в США. Так, например, программа «Фулбрайт» для специалистов и приглашенных ученых дает возможность успешным ученым из Центральной Азии приехать в Соединенные Штаты для проведения научных исследований в университетах США в течение года; программа «Фулбрайт» для иностранных студентов позволяет магистрантам и молодым специалистам обучаться в американских высших учебных заведениях и получить степень магистра. Программа стипендий Хьюберта Х. Хамфри ориентирована на талантливых молодых специалистов и предлагает им приобрести практический опыт по своей специальности. Стипендии присуждаются на конкурсной основе, привлекая интеллектуальную элиту из стран региона [13].

По линии посольства также работают программы, направленные на усиление и расширение преподавания английского языка. В частности, программа FLTA предоставляет возможность молодым преподавателям

повысить уровень владения английским языком и расширить свои знания о Соединенных Штатах в рамках прохождения 9-месячного курса обучения. Для поддержки учителей английского языка для стран Центральной Азии действует еще одна программа – ТЕА, ориентированная на учителей средних школ, которые могут повысить языковой уровень и расширить знания о США. Для студентов работают программы академических стажировок в университетах Соединенных Штатов. Наконец, реализуемая международная программа Global UGRAD ориентирована на все постсоветские страны, включая республики ЦА.

Еще одна программа, работающая с фокусом на молодежь, – это программа культурного обмена Государственного департамента США «Будущие лидеры» (FLEX), реализуемая в Узбекистане Американским советом по международному образованию при поддержке Посольства США в республике и Министерством народного образования Республики Узбекистан. Программа предоставляет возможность обучающимся со всей республики пройти обучение в американской школе, проживая в течение года в специально подобранной «принимающей» семье. Среди актуальных программ посольства есть специальная программа для девушек под названием TechGirls – международная летняя программа обмена, целью которой является расширение возможностей молодых девушек из стран ЦАР и вдохновение их на поиск своего призвания в области науки, технологий и образования [18].

Набор образовательных программ США для стран региона не предполагает значительных различий. В Таджикистане действуют все вышеперечисленные программы. Помимо этого, можно выделить несколько проектов, сфокусированных конкретно на гражданском обществе Таджикистана. Среди них в первую очередь можно говорить о специальных курсах по изучению США (SUSI). Эта возможность предоставляется студентам-лидерам, чтобы пройти интенсивную краткосрочную академическую подготовку и получить глубинные знания о США, усилить свои лидерские качества. В рамках данного гранта предполагается пятидневный интенсив из лек-

ций, групповых тренингов и дискуссий, а также внеурочные образовательные поездки и культурные мероприятия для погружения в местную культуру. Посольство США уделяет особое внимание работе с различными общинами Таджикистана, так как он входит в список стран, на которые распространяется программа Community Solution, спонсируемая Бюро по делам образования и культуры США. Она ориентирована на лидеров местных общин и предполагает участие в обменной программе профессионального развития в США [22].

Программа «Открытый мир», финансируемая Конгрессом США, работает с активистами и лидерами из различных сфер, которые рассматриваются американской стороной в качестве будущей элиты республик. Она задействует молодых людей из Азербайджана, Грузии, а также Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана. Участники могут познакомиться с членами и сотрудниками Конгресса, а также получить возможность установить профессиональные контакты с коллегами из США. Согласно основной цели по линии программы, должны выстраиваться сетевые контакты по различным профессиональным направлениям для осуществления позитивных трансформаций в своих странах. К участию в программе привлекаются активные, амбициозные представители законодательной власти и должностные лица из государственного сектора. У каждой страны-участницы имеется ряд соответствующих тем, которые определяются программой «Открытый мир» на основе потребностей данной страны, а также целей внешней политики США. От Таджикистана в обменной программе «Открытый мир» чаще всего участвовали парламентарии, преподаватели и женщины-лидеры [2].

Представители законодательства из Казахстана также являются активными участниками американских программ. Председатели судов Западно-Казахстанской области приняли участие в программе «Открытый мир». В рамках обучающих визитов делегация судей из Казахстана побывала в ряде судов США в 2015 и 2017 годах [5]. Обменный проект для молодых музыкантов One Beat стал связующим звеном молодежного твор-

ческого сектора США и стран ЦА. Важной составляющей проекта является одномесячное проживание в США, за время которого участники формируют небольшие коллективные ансамбли, имеют возможность записывать собственную музыку в студии и давать сольные концерты. Профессиональная программа также дополнена образовательными семинарами и наибольшую популярность имеет среди молодежи в Кыргызстане.

В Кыргызской Республике отдел по связям с общественностью американского посольства администрирует ряд обменных образовательных программ, сфокусированных на укреплении взаимопонимания между гражданами и народами США и Киргизии [16]. С учреждениями Казахстана в сфере культуры сотрудничает Отдел культуры посольства США в Республике. Набор обменных и образовательных программ для Казахстана идентичен программам, предлагаемым американским посольством в Узбекистане. Однако в рамках сотрудничества с Казахстаном действует краткосрочная академическая программа, нацеленная на получение глубинных знаний о США, – это программа «Институты по американистике» (SUSI). Среди казахстанских студентов популярен еще один формат, спонсируемый правительством США, – программа Work and Travel [14].

В Туркменистане, как и в ряде других стран ЦАР, существуют программы по обмену, спонсируемые правительством США [12]. Отличительной особенностью американских грантов для Туркменистана является программа «Кохран», предлагающая двухнедельную ознакомительную поездку в США для специалистов сельского хозяйства в государственном и частном секторах. Международная программа для писателей от Университета штата Айова предназначена для объединения писателей со всего мира [17] и в большей степени ориентирована на Туркмению, где из-за особенностей внутривнутриполитической ситуации в стране публичная дипломатия ограничена и не может развернуть более масштабную работу, как в других республиках ЦА.

Программы малых грантов Посольства США – еще один инструмент публичной дипломатии США в регионе. Отделы общественной дипломатии при Посольстве США в г. Ас-

тана и Генеральном консульстве США в г. Алматы представляют финансирование, направленное на поддержку развития казахстанских демократических институтов и гражданского общества. Содействие развитию и укреплению организационного потенциала казахстанских организаций, авторитетных общественных деятелей и лидеров общественного мнения – одно из самых масштабных направлений деятельности публичной дипломатии США в регионе. Численность неправительственных организаций в Казахстане насчитывает 17 000 объединений, однако представители многих из них, в том числе и авторитетные общественные деятели, лидеры общественного мнения и эксперты, действуют в одиночку. Для систематизации работы американская сторона содействует развитию их организаторских способностей, позволяет казахстанским представителям стать лидерами общественного мнения как в Казахстане, так и в регионе, учитывая тот важный факт, что роль Казахстана как политического лидера в регионе только возрастает [15].

Интересам внешней политики США отвечает создание устойчивой экспертной сети в странах региона. Через предоставление грантов происходит мотивирование соответствующих участников на реализацию коллективных действий с целью решения ключевых общественных проблем. «Нетворкинг» содействует расширению профессиональных связей и развитию сотрудничества. С одной стороны, не отмечается негативных результатов деятельности американских грантодателей в области укрепления коммуникации экспертов и содействия инновационной активности, но вместе с тем подобные группы, возглавляемые лидерами общественного мнения, могут быть «мобилизованы» разными силами для дестабилизации ситуации в той или иной стране региона. В случае анализа подобной деятельности американских акторов важно понимание формата работы таких объединений и мониторинг интересов государств, продвигаемых лидерами общественного мнения.

Программа малых грантов действует и в Таджикистане. Однако, если в Казахстане малые гранты выдаются общественным лидерам, способным объединять вокруг себя

экспертные группы, в Таджикистане направление малых грантов нацелено на создание комиссий по развитию демократии и программ поддержки выпускников обменных программ.

Учрежденный Конгрессом осенью 2000 г. Фонд посла США по сохранению культурного наследия присуждает гранты в более чем 130 странах мира в целях сохранения объектов, изделий и коллекций историко-культурного значения [23]. С 2001 г. Программа Фонда послов США по сохранению культурного наследия профинансировала 17 проектов в Республике Таджикистан на общую сумму 806 424 долларов [15]. Поддержка гражданского общества и неправительственных организаций является важнейшим направлением грантовой поддержки посольства США в республике. Успех американской публичной дипломатии объясняется умением строить долгосрочные связи с членами зарубежного общества, что позволяет поддерживать перманентный диалог с представителями региона на протяжении их жизни, а также объединять людей, в большей степени позитивно относящихся ко всему, что связано с США. Американские посольства тщательно администрируют деятельность в данном направлении. Ежеквартально выпускается электронная газета для укрепления взаимодействия и контактов путем публикации статей о наиболее громких успехах в профессиональной деятельности выпускников американских программ [3].

Можно отметить и разнонаправленность американских малых грантов в Узбекистане. Приветствуются академические и профессиональные лекции, семинары и программы для докладчиков, художественные и культурные мастер-классы, совместные спектакли и выставки, профессиональные и академические обмены и программы, а также проекты по охране и сохранению культурного наследия. Примечательно, что участниками программ могут стать разные социальные группы: представители общественности, жители деревень и сел, малообеспеченные слои населения, молодежь, предприниматели, сотрудники университета, студенты, художники.

В Узбекистане задачи сводятся к приобщению широких слоев населения к американскому образу жизни, расширению осве-

домленности о жизни в США с помощью образовательных и культурных программ. Кроме этого, поощряется установление официальных или неформальных партнерских отношений между гражданами двух стран. Среди специфики американских грантов в Узбекистане – фокус на поддержку женщин, а именно расширение прав и возможностей женщин в Узбекистане посредством обучения и наставничества. Женское население в Республике Узбекистан ущемляется в правах, о чем свидетельствуют многочисленные доклады ООН [7].

Участниками проекта могут являться женщины в сельских или недостаточно развитых общинах, женщины-предприниматели, а также женщины и девочки с ограниченными возможностями. С одной стороны, нет ничего значимого, в контексте международных отношений, в стремлении повысить профессиональный потенциал женщин с помощью программ обучения и наставничества, которые направлены на развитие профессиональных и социальных навыков. Вместе с тем необходимо учитывать тот факт, что, несмотря на примерно равную численность женского и мужского населения, женщины гораздо реже имеют полномасштабный доступ к образованию: уровень занятости среди женщин составляет 38,5 % против 61,5 % среди мужчин. С учетом численности женщин в республике человеческий фактор становится ресурсом, который может быть использован в разных направлениях. Внимание к правам женщин, а также фокус на уязвимых слоях населения демонстрируют, что грантовые программы США ориентированы на социальные группы, нуждающиеся во внимании и поддержке.

Результаты. Таким образом, США обладают совершенной с точки зрения инструментария и объемов финансирования национальной системой публичной дипломатии. Они используют разнообразные механизмы для достижения собственных внешнеполитических целей в Центральной Азии. США применяют индивидуальный подход к каждой стране региона и демонстрируют тонкое понимание внутренних процессов и проблем, которые учитываются в каждой программе, а также в общей стратегии публичной дипломатии. Для каждой

республики выбираются инструменты, которые наиболее востребованы в каждом конкретном случае. Успешная работа в этом направлении обеспечивается благодаря слаженной работе отделов общественной дипломатии посольств США в ЦАР, тщательно администрирующих программы и проекты.

Используя информационные ресурсы, США выстраивают систему стратегической коммуникации между различными слоями населения республик, разрабатывают механизмы информационного воздействия на целевые аудитории стран – объектов влияния. Созданы и поддерживаются через различные гранты образовательные, экспертно-научные, обменные программы. Кроме этого, поддерживаются общественные организации, продвигаются языковые программы, проводится работа с разными социальными группами, делается особый упор на молодежной аудитории.

Среди приоритетных инструментов публичной дипломатии США в регионе можно выделить поддержку гражданского общества и некоммерческих организаций, что характерно для всего ЦАР. Используя механизмы грантовых поддержек, США стимулируют усиление роли общественных организаций, поощряют диалог между активными представителями гражданского общества и органами государственной власти при формировании и развитии социально-экономической политики.

Второй актуальный инструмент, который используется американской администрацией во всем регионе, – это поддержка СМИ, предполагающая формирование «разборчивых потребителей информации» среди различных слоев населения. Этот инструмент включает самые разнообразные формы работы как с потребителями информационного контента, которых обучают критически мыслить, так и с теми, кто его формирует. Для них организуются тренинги, медиаконкурсы, ярмарки обмена контентом и выставки современных медийных стратегий. По результатам исследования было выявлено, что наиболее эффективно эти проекты были реализованы в Узбекистане, Казахстане и Таджикистане.

Наконец, третий, наиболее успешный инструмент публичной дипломатии – образование, работа с которым основывается на гран-

товых программах как на территории республик, так и в США. Предоставление образования для иностранных граждан – важный ресурс публичной дипломатии, который может иметь политическое значение, так как формирует мировоззрение людей, систему взглядов и картину мира, а в перспективе может формировать лояльных государству лиц. Системная работа, проводимая с учетом глубинного понимания внутренних процессов в республиках ЦА, а также активное использование инструментария публичной дипломатии – все это позволяет США усиливать свой внешнеполитический потенциал в регионе, входящем в систему российских внешнеполитических приоритетов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Великая А. А. Публичная дипломатия России и США: сравнительные аспекты двух систем и роль в развитии двустороннего диалога. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publichnaya-diplomatiya-rossii-i-ssha-sravnitelnye-aspekty-dvuh-sistem-i-rol-v-razviti-dvustoronnego-dialoga>
2. В рамках программы «Открытый мир» // Западно-казахстанский областной суд. URL: <https://zko.sud.kz/rus/news/v-ramkah-programmy-otkrytyy-mir>
3. Грантовая поддержка. Образование и культура // Посольство США в Таджикистане. URL: <https://tj.usembassy.gov/ru/education-culture-ru/grant-programs-ru/>
4. Гуманитарный инструментарий политического влияния иностранных государств на постсоветском пространстве. М.: Юрист, 2021. 100 с.
5. Делегация судей Казахстана побывала в ряде судов США. URL: <https://sud.gov.kz/rus/news/delegaciya-sudey-kazahstana-pobyvali-v-ryadesudov-ssha>
6. Долинский А. В. Что такое общественная дипломатия и зачем она нужна России? // Российский совет по международным делам. 2012. 12 сент. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-takoe-obshchestvennaya-diplomatiya-i-zachem-ona-nuzhna>
7. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml
8. Кубышкин А. И., Цветкова Н. А. Публичная дипломатия США. М.: Аспект Пресс, 2013. 271 с.
9. Лебедева М. М. «Мягкая сила» в отношении Центральной Азии: участники и их действия // Вестник МГИМО. 2014. № 2. С. 47–56.

10. Лукин А. В. Публичная дипломатия // *Международная жизнь*. 2013. № 3. С. 69–87.
11. Новая стипендиальная программа CDC США и ВОЗ в Европе помогает Центральной Азии прокладывать пути к информатике и науке о данных // Посольство США в Кыргызской Республике. URL: <https://kg.usembassy.gov/ru/central-asia-paves-the-way-to-informatics-and-data-science-through-a-new-fellowship-program-with-u-s-cdc-and-who-europe/>
12. Образование и культура // Посольство США в Туркменистане. URL: <https://tm.usembassy.gov/ru/education-culture-ru/>
13. Программа стипендий Хьюберта Х. Хамфри. URL: <https://uz.usembassy.gov/ru/education-culture-ru/exchange-programs-ru/hubert-h-humphrey-fellowship-program-ru/>
14. Программы в области культуры и образования // Посольство и консульство США в Казахстане. URL: <https://kz.usembassy.gov/ru/education-and-cultural-programs/>
15. Программы малых грантов Посольства США // Посольство и консульство США в Казахстане. URL: <https://kz.usembassy.gov/ru/small-grants-program-3/>
16. Программы обмена // Посольство США в Кыргызской Республике. URL: <https://kg.usembassy.gov/ru/education-culture-ru/exchange-programs-ru/>
17. Программы по обмену, спонсируемые правительством США // Посольство США в Туркменистане. URL: <https://tm.usembassy.gov/ru/education-culture-ru/exchange-programs-ru/>
18. Программы по образовательному обмену // Посольство США в Узбекистане. URL: <https://uz.usembassy.gov/ru/education-culture-ru/exchange-programs-ru/>
19. Россотрудничество 2022. URL: <https://rs.gov.ru/app/uploads/2023/03/rossotrudnichestvo-2023-kopiya-4.pdf>
20. Стратегия регионального сотрудничества в области развития (СРСП). Декабрь 2020 – декабрь 2025. URL: https://www.usaid.gov/sites/default/files/2022-05/RDCS_Central_Asia_December_2025_external_rus_final.pdf
21. Торкунов А. В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Российский совет по международным делам. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/obrazovanie-kak-instrument-mygkoy-sily-vo-vneshney-politike>
22. Учеба в США // Посольство США в Таджикистане. URL: <https://tj.usembassy.gov/ru/education-culture-ru/study-usa-ru/>
23. Фонд послов США по сохранению культурного наследия // Посольство США в Таджикистане. URL: <https://tj.usembassy.gov/ru/education-culture-ru/grant-programs-ru/ambassadors-fund-program-ru/>
24. Цветкова Н. А. Публичная дипломатия США: теория и концепции. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2015_4-1_50.pdf
25. Центральноазиатская медиапрограмма MediaCAMP. URL: <https://ru.internews.kz/mediacamp/#1548974787911-90fe73ba-d611>
26. Cull N. J. *Public Diplomacy: Lessons from the Past*. Los Angeles: Figueroa Press, 2009. 61 p.
27. Dale H. C. *Public Diplomacy 2.0: Where the U.S. Government Meets “New Media”* // *Backgrounder*. 2009. Dec. 8 (№ 2346). P. 1–11. URL: http://s3.amazonaws.com/thf_media/2009/pdf/bg2346.pdf
28. *International Communication and the New Diplomacy*. Bloomington: Indiana University Press, 1968. 206 p. URL: https://openlibrary.org/books/OL5608121M/International_communication_and_the_new_diplomacy
29. Nye J. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York: Basic Books, 1990. 32 p. URL: <https://www.kropfpolisci.com/exceptionalism.nye.pdf>
30. Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N. Y.: Public Affairs Group, 2004. 191 p.
31. Partnership project for innovation // USAID. URL: https://2017-020.usaid.gov/sites/default/files/documents/1861/04242020_Partnership_for_Innovation_Fact_Sheet_rus_final.pdf
32. Schiffer M. FY 2024 Budget Request for South and Central Asia // USAID. URL: <https://www.usaid.gov/news-information/congressional-testimony/jul-13-2023-fy-2024-budget-request-south-and-central-asia>
33. Social Innovation in Central Asia // USAID. URL: <https://www.usaid.gov/central-asia-regional/fact-sheets/social-innovation-central-asia>
34. The World’s Most Comprehensive Research Study on Perceptions of National Brand. *Global Soft Power Index 2023* // Brand Finance. URL: <https://brandirectory.com/softpower/nation?country=149>

REFERENCES

1. Velikaya A.A. *Publichnaya diplomatiya Rossii i SShA: sravnitelnye aspekty dvuh sistem i rol v razvitii dvustoronnego dialoga* [Public Diplomacy of Russia and the USA the Comparative Aspect of the Two Systems and the Role in the Development of Bilateral Dialogue]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publichnaya-diplomatiya-rossii-i-ssha-sravnitelnye-aspekty-dvuh-sistem-i-rol-v-razvitii-dvustoronnego-dialoga>
2. V ramkah programmy «Otrytyj mir» [Within the Framework of the Open World Program]. *Zapadno-kazakhstanskiy oblastnoy sud* [Western Kazakhstan

Regional Court]. URL: <https://zko.sud.kz/rus/news/v-ramkah-programmy-otkrytyy-mir>

3. Grantovaya podderzhka. Obrazovanie i kultura [Grant Support. Education and Culture]. *Posolstvo SShA v Tadjikistane*. URL: <https://tj.usembassy.gov/ru/education-culture-ru/grant-programs-ru/>

4. *Gumanitarnyj instrumentarij politicheskogo vliyaniya inostrannyh gosudarstv na postsovetском prostranstve* [Humanitarian Tools of Political Influence of Foreign States in the Post-Soviet Space]. Moscow, Yurist Publ., 2001. 100 p.

5. *Delegaciya sudej Kazahstana pobывала v ryade sudov SShA* [A Delegation of Judges from Kazakhstan Visited a Number of US Courts]. URL: <https://sud.gov.kz/rus/news/delegaciya-sudej-kazahstana-pobyvali-v-ryade-sudov-ssha>

6. Dolinskij A. V. Chto takoe obshchestvennaya diplomatiya i zachem ona nuzhna Rossii? [What Is Public Diplomacy and Why Does Russia Need It?]. *Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam* [Russian Council on International Affairs], 2012, 12 Sept. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-takoe-obshchestvennaya-diplomatiya-i-zachem-ona-nuzhna>

7. *Konvenciya o likvidacii vsekh form diskriminacii v otnoshenii zhenshchin* [Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination Against Women]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml

8. Kubyshkin A.I., Cvetkova N.A. *Publichnaya diplomatiya SShA* [Public Diplomacy of the USA]. Moscow, Aspect Press Publ., 2013. 271 p.

9. Lebedeva M.M. «Myagkaya sila» v otnoshenii Centralnoj Azii: uchastniki i ih dejstviya [“Soft Power” in Relation to Central Asia: Participants and Their Actions]. *Vestnik MGIMO* [MGIMO Bulletin], 2014, no. 2, pp. 47-56.

10. Lukin A. V. Publichnaya diplomatiya [Public Diplomacy]. *Mezhdunarodnaya zhizn* [International Life], 2013, no. 3, pp. 69-87.

11. Novaya stipendialnaya programma CDC SShA i VOZ v Evrope pomogaet Centralnoj Azii prokladyvat puti k informatike i nauke o dannyh [The New CDC USA and WHO Scholarship Program in Europe Helps Central Asia Pave the Way for Computer and Data Science]. *Posolstvo SShA v Kyrgyzskoj Respublike* [US Embassy in Kyrgyz Republic]. URL: <https://kg.usembassy.gov/ru/central-asia-paves-the-way-to-informatics-and-data-science-through-a-new-fellowship-program-with-u-s-cdc-and-who-europe/>

12. Obrazovanie i kultura [Education and Culture]. *Posolstvo SShA v Turkmenistane* [U.S. Embassy in Turkmenistan]. URL: <https://tm.usembassy.gov/ru/education-culture-ru/>

13. *Programma stipendij Hyuberta H. Hamfri* [Fellowship Program Humphrey]. URL: <https://uz.usembassy.gov/ru/education-culture-ru/exchange-programs-ru/hubert-h-humphrey-fellowship-program-ru/>

uz.usembassy.gov/ru/education-culture-ru/exchange-programs-ru/hubert-h-humphrey-fellowship-program-ru/

14. Programmy v oblasti kultury i obrazovaniya [Cultural and Educational Programs]. *Posolstvo i konsulstvo SShA v Kazakhstane* [U.S. Embassy in Kazakhstan]. URL: <https://kz.usembassy.gov/ru/education-and-cultural-programs/>

15. Programmy malyh grantov Posolstva SShA [The Small U.S. Embassy’s Grant Programs]. *Posolstvo i konsulstvo SShA v Kazakhstane* [U.S. Embassy and Consulate in Kazakhstan]. URL: <https://kz.usembassy.gov/ru/small-grants-program-3/>

16. Programmy obmena [Exchange Programs]. *Posolstvo SShA v Kyrgyzskoj Respublike* [U.S. Embassy in Kyrgyz Republic]. URL: <https://kg.usembassy.gov/ru/education-culture-ru/exchange-programs-ru/>

17. Programmy po obmenu, sponsiruemye pravitelstvom SShA [Exchange Programs Sponsored by the U.S. Government]. *Posolstvo SShA v Turkmenistane* [U.S. Embassy in Turkmenistan]. URL: <https://tm.usembassy.gov/ru/education-culture-ru/exchange-programs-ru/>

18. Programmy po obrazovatelnomu obmenu [Educational Exchange Programs]. *Posolstvo SShA v Uzbekistane* [U.S. Embassy in Uzbekistan]. URL: <https://uz.usembassy.gov/ru/education-culture-ru/exchange-programs-ru/>

19. *Rossotrudnichestvo 2022*. URL: <https://rs.gov.ru/app/uploads/2023/03/rossotrudnichestvo-2023-kopiya-4.pdf>

20. Strategiya regionalnogo sotrudnichestva v oblasti razvitiya (SRSR). Dekabr 2020 – dekabr 2025. [Strategy of Regional Development Cooperation. December 2020 – December 2025]. URL: https://www.usaid.gov/sites/default/files/2022-05/RDCS_Central_Asia_December_2025_external_rus_final.pdf

21. Torkunov A.V. Obrazovanie kak instrument «myagkoj sily» vo vneshnej politike Rossii [Education as an Instrument of “Soft Power” in Russia’s Foreign Policy]. *Rossiyskij sovet po mezhdunarodnym delam* [Russian Council on International Affairs]. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/obrazovanie-kak-instrument-myagkoj-sily-vo-vneshney-politike>

22. Ucheba v SShA [Study in the U.S.A.]. *Posolstvo SShA v Tadjikistane* [U.S. Embassy in Tajikistan]. URL: <https://tj.usembassy.gov/ru/education-culture-ru/study-usa-ru/>

23. Fond poslov SShA po sohraneniyu kulturnogo naslediya [The Foundation of the Ambassadors of the United States for the Preservation of Cultural Heritage]. *Posolstvo SShA v Tadjikistane* [U.S. Embassy in Tajikistan]. URL: <https://tj.usembassy.gov/ru/education-culture-ru/grant-programs-ru/ambassadors-fund-program-ru/>

24. Cvetkova N.A. *Publichnaya diplomatiya SShA: teoriya i koncepcii* [Public Diplomacy of the USA: Theory and Concepts]. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2015_4-1_50.pdf
25. *Centralnoaziatskaya mediaprogramma MediaCAMP* [Central Asian Media Program MediaCAMP]. URL: <https://ru.internews.kz/mediacamp/#1548974787911-90fe73ba-d611>
26. Cull N.J. *Public Diplomacy: Lessons from the Past*. Los Angeles, Figueroa Press, 2009. 61p.
27. Dale H.C. Public Diplomacy 2.0: Where the U.S. Government Meets “New Media”. *Backgrounder*, 2009, Dec. 8 (No. 2346), pp. 1-11. URL: http://s3.amazonaws.com/thf_media/2009/pdf/bg2346.pdf
28. *International Communication and the New Diplomacy*. Bloomington, Indiana University Press, 1968. 206 p. URL: https://openlibrary.org/books/OL5608121M/International_communication_and_the_new_diplomacy
29. Nye J. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York, Basic Books, 1990. 32 p. URL: <https://www.kropfpolisci.com/exceptionalism.nye.pdf>
30. Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York, Public Affairs Group, 2004. 191 p.
31. Partnership Project for Innovation. *USAID*. URL: https://2017-020.usaid.gov/sites/default/files/documents/1861/04242020_Partnership_for_Innovation_Fact_Sheet_rus_final.pdf
32. Schiffer M. FY 2024 Budget Request for South and Central Asia. *USAID*. URL: <https://www.usaid.gov/news-information/congressional-testimony/jul-13-2023-fy-2024-budget-request-south-and-central-asia>
33. Social Innovation in Central Asia. *USAID*. URL: <https://www.usaid.gov/central-asia-regional/fact-sheets/social-innovation-central-asia>
34. The World’s Most Comprehensive Research Study on Perceptions of National Brand. Global Soft Power Index 2023. *Brand Finance*. URL: <https://brandirectory.com/softpower/nation?country=149>

Information About the Author

Elena F. Parubochaya, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Director of the Center of Public Diplomacy, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, parubochaya@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2115-6595>

Информация об авторе

Елена Федоровна Парубочая, кандидат исторических наук, доцент, директор Центра общественной дипломатии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, parubochaya@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2115-6595>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.12>

UDC 001.83+327.7(470+571/73/98)
LBC 66.4(2Рос+7США)

Submitted: 20.08.2023
Accepted: 03.11.2023

RUSSIAN-AMERICAN SCIENTIFIC COOPERATION IN THE ARCTIC IN THE AGE OF GEOPOLITICAL TURBULENCE¹

Valery N. Konyshov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Alexander A. Sergunin

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation;
Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article examines cooperation between Russia and the US on Arctic research in the context of the Ukrainian crisis. One of the accompanying tasks is to study the motivations of both sides for continuing such cooperation. *Methods and materials.* The article uses the so-called liberal intergovernmental approach as a research method, aiming to explain the reasons for cooperation between countries with different socio-political structures and national interests on the world stage. The empirical basis for the study was the documents of international organizations, US and Russian state institutions, as well as research organizations in Russia and the US involved in the study of the Arctic. *Analysis.* The article demonstrates that currently there are four main levels of US-Russian scientific cooperation in the Arctic: interpersonal (individual), institutional (between various Russian and American organizations), state (government exchange programs), and international (within the framework of multilateral organizations of a global and regional nature). *Results.* It is concluded that despite the unfriendly actions taken by the US against Russian scientists and organizations, the “mechanism of interdependence” created in previous years did not allow to completely interrupt scientific ties between these countries. Both sides are well aware of the value of cooperation in this area and therefore try to maintain certain channels of interaction. Natural science topics (climate change, meteorology, environmental protection, biodiversity conservation, oceanology, glaciology, etc.) dominate the priorities of US-Russian scientific cooperation in the Arctic. However, socio-humanitarian and interdisciplinary issues (local communities, indigenous peoples, gender studies, urban development and planning, etc.) have recently become increasingly important. The authors believe that scientific cooperation between Russia and the US in the Arctic will revive as the international situation and bilateral relations between the two countries normalize after the settlement of the Ukrainian conflict. *Authors' contribution.* V.N. Konyshov: Introduction and Analysis. A.A. Sergunin: Abstract, methods and materials, results, and design of the scientific apparatus.

Key words: Russia, USA, Arctic, scientific cooperation, geopolitical turbulence.

Citation. Konyshov V.N., Sergunin A.A. Russian-American Scientific Cooperation in the Arctic in the Age of Geopolitical Turbulence. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 1, pp. 138-144. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.12>

УДК 001.83+327.7(470+571/73/98)
ББК 66.4(2Рос+7США)

Дата поступления статьи: 20.08.2023

Дата принятия статьи: 03.11.2023

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В АРКТИКЕ В ЭПОХУ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ¹

Валерий Николаевич Коньшев

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Александр Анатольевич Сергунин

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;
Нижегородский государственный университет, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье изучаются основные формы и направления сотрудничества между Россией и США в области арктических исследований в условиях нынешней геополитической напряженности между РФ и «коллективным Западом». Одной из сопутствующих задач является изучение мотивации обеих сторон в продолжении такого сотрудничества. *Методы и материалы.* В статье в качестве исследовательского метода использован так называемый либеральный межправительственный подход, который нацелен на объяснение причин сотрудничества между странами, имеющими различные общественно-политическое устройство и национальные интересы на мировой арене. Эмпирической базой для исследования послужили документы международных организаций, государственных учреждений России и США, а также российских и американских научно-образовательных организаций, вовлеченных в изучение Арктики. *Анализ.* В статье показано, что в настоящее время имеются четыре основных уровня российско-американского научного сотрудничества в Арктике – межличностный (индивидуальный), институциональный (между различными российскими и американскими организациями), государственный (правительственные программы обмена) и международный (в рамках многосторонних организаций глобального и регионального характера). *Результаты.* Делается вывод, что несмотря на недружественные действия, предпринятые США в отношении российских ученых и организаций, занимающихся арктическими исследованиями, созданный в предшествующие годы «механизм взаимозависимости» не позволил полностью прервать научные связи между российскими и американскими арктиковедами. Обе стороны хорошо понимают всю ценность сотрудничества в этой области и потому стараются сохранить определенные каналы взаимодействия. Среди приоритетов российско-американского научного сотрудничества в Арктике преобладает естественнонаучная тематика (изменение климата, метеорология, охрана окружающей среды, сохранение биоразнообразия, океанология, гляциология и пр.). Однако в последнее время все большее значение приобретает социо-гуманитарная и междисциплинарная проблематика (местные сообщества, коренные народы, гендерные исследования, городское развитие и планирование и пр.). Авторы выражают надежду на то, что российско-американское научное сотрудничество в Арктике возродится по мере нормализации международной обстановки и двусторонних отношений между Россией и США после урегулирования украинского конфликта. *Вклад авторов.* В.Н. Коньшев написал разделы статьи: введение, анализ. А.А. Сергунин – аннотацию, методы и материалы, результаты и выводы, а также оформил научный аппарат.

Ключевые слова: Россия, США, Арктика, научное сотрудничество, геополитическая турбулентность.

Цитирование. Коньшев В. Н., Сергунин А. А. Российско-американское научное сотрудничество в Арктике в эпоху геополитической турбулентности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 1. – С. 138–144. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.12>

Введение. С началом украинского кризиса в 2014 г. арктическое научное сотрудничество не пострадало от западных санкций против России. Более того, оно продолжало довольно активно развиваться. В рамках Арктического совета (АС) была создана целевая группа под председательством американского и российского представителей, которая подготовила текст Соглашения об укреплении международного арктического научного сотрудничества, заключенного в мае 2017 г. восемью членами АС [5]. Правда, его имплементация была затруднена многочисленными бюрократическими и иными (включая коронавирусные ограничения) препятствиями еще до начала российской спе-

циальной военной операции (СВО) на Украине в 2022 г. [15].

Реальные проблемы для российско-американского научного сотрудничества в Арктике начались именно после начала СВО. Практически все основные региональные и международные институты, по линии которых осуществлялись научные исследования – АС, Совет Баренцева / Евроарктического региона (СБЕР), Международный арктический научный комитет (МАНК), Университет Арктики, Международный географический союз и пр., – выступили с заявлениями, осуждающими СВО и, кроме МАНК, прекратили сотрудничество с российскими партнерами. В сентябре 2023 г. Россия вышла из СБЕР. Некоторые

американские университеты и научно-исследовательские институты (НИИ) разорвали партнерские связи с российскими научно-образовательными учреждениями и вышли из совместных проектов [4, с. 102; 6].

На фоне этих событий может сложиться впечатление, что российско-американское научное сотрудничество в Арктике полностью прекратилось. Однако на практике дело обстоит вовсе не так пессимистично, как может показаться. В задачи данного исследования входит идентификация и изучение основных форм и направлений сотрудничества между РФ и США в области арктических исследований в условиях нынешней международной напряженности. Одной из сопутствующих задач является изучение мотивации обеих сторон в сохранении и продолжении такого сотрудничества.

Методы и материалы. В статье в качестве исследовательского метода использован так называемый либеральный межправительственный подход (ЛМП), который нацелен на объяснение причин сотрудничества между странами, имеющими различные общественно-политическое устройство и национальные интересы на мировой арене. В рамках ЛМП, автором которого считают американского политолога Э. Моравчика, выделяют три основных уровня формирования интеграционных импульсов [12].

Первый уровень называется *формированием внутренних предпочтений* (или *внутренним спросом*). То есть на этом уровне изучается, как на процесс интеграционных предпочтений оказывают влияние различные внутригосударственные акторы, включая группы интересов, под которыми в нашем случае понимаются, прежде всего, академические сообщества РФ и США, заинтересованные в совместных арктических исследованиях.

Второй уровень – это *межгосударственный торг* (или *предложение*), приводящий к выработке общих решений, компромиссов, которые достигаются иногда сложным путем и удовлетворяют далеко не всех участников процесса. Так, даже русофобски настроенные круги в США все же вынуждены согласиться на сотрудничество с Россией в определенных областях арктических исследований, потому что не могут обойтись без

нее, например, в таких областях, как выработка климатической стратегии, метеопрогнозы, сохранение биоразнообразия, динамика полярного льда и пр.

Последний, третий, уровень – *наднациональные институты*. Государства, создавшие их, по мнению Э. Моравчика, заинтересованы в дальнейшем существовании этих институтов, так как, во-первых, будучи раз созданными, они экономят время и усилия на переговорах и облегчают достижение новых соглашений. Во-вторых, они помогают национальным правительствам добиться большей автономии от требований своих граждан, так как всегда могут оправдать свои действия «высшими интересами» наднациональных структур. В-третьих, сами наднациональные институты заинтересованы в продолжении своего существования и потому волей-неволей содействуют сотрудничеству между государствами, создавшими их. Так, целый ряд международных учреждений – МАНК, Всемирная метеорологическая организация (ВМО), Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК), Международная морская организация (ММО), Программа по охране окружающей среды (ПООС) ООН, Программа по развитию ООН (ПРООН) и др. – не прерывали сотрудничества с Россией после начала СВО.

Основные источники включают в себя документы международных организаций, занимающихся арктическими исследованиями, государственных учреждений России и США, курирующих эту область научной деятельности, а также российских и американских научно-образовательных организаций, вовлеченных в изучение арктического региона.

Анализ. Если в соответствии с ЛМП двигаться «снизу вверх» по факторам интеграционных устремлений, то первым уровнем, на котором сохраняется и продолжает развиваться арктическое сотрудничество, являются межличностные отношения, то есть взаимодействие между отдельными российскими и американскими учеными, которые не прерывали своего сотрудничества после начала СВО. Мотивацией для продолжения подобного сотрудничества является стремление ученых из обеих стран сохранить достигнутые результаты, которые, как правило, являются

следствием долгосрочных проектов. Следует отметить, что американское правительство и отдельные университеты и НИИ негласно поощряют подобного рода сотрудничество, хотя и выступают за прекращение партнерств на институциональном уровне. Так, например, известный американский специалист в области арктической научной дипломатии П. Беркман имеет опыт многолетнего сотрудничества с МГИМО МИД РФ, особенно с профессором А.Н. Вылегжаниным [7]. Это партнерство сохраняется и после начала СВО: П. Беркман по-прежнему участвует в научных конференциях, организуемых российскими организациями, и публикует совместные работы с российскими учеными. Ряд российских исследователей из МГУ и СПбГУ по-прежнему участвуют в проекте по устойчивости арктических городов, финансируемом Национальным научным фондом США и руководимом Университетом Дж. Вашингтона [11]. Проект был начат еще в 2021 г. и рассчитан до 2025 года.

Второй уровень – институциональный. Далеко не все американские университеты и НИИ разорвали связи со своими российскими партнерами. Дело в том, что, в отличие от Европы, где практически все научно-образовательные учреждения являются государственными и потому вынуждены подчиняться указам из соответствующих министерств, в США многие университеты являются частными или находятся в ведении штатов, что обуславливает их большую независимость от федерального правительства. Конечно, они вынуждены прислушиваться к рекомендациям из Вашингтона, но определенная свобода действий у них сохраняется.

Так, Стэнфордский, Ратгерский, Американский университеты, Университет Тафта, Мидлберийский институт международных исследований в Монтерее не стали разрывать свои связи со своими российскими партнерами. Президент Ассоциации американских университетов Б. Снайдер выступила против инициативы конгрессмена Э. Суолвелла, демократа от Калифорнии, прекратить всякое сотрудничество с Россией в сфере науки и образования, включая высылку российских студентов из страны в отместку за «агрессию» РФ против Украины [6]. Сохраняются связи и

между Арктической научно-исследовательской ассоциацией США и Российским государственным гидрометеорологическим университетом, входящим в эту ассоциацию с 2016 г. [3].

Определенные каналы сотрудничества с Россией сохраняются и на уровне федерального правительства США. Так, Вашингтон не стал приостанавливать так называемую Арктическую инициативу Фулбрайта, которая нацелена на привлечение молодых ученых-арктиковедов из стран-членов АС, включая Россию. В третьем наборе этой программы приняли участие два российских исследователя, которые, наряду с другими участниками, явились авторами итогового доклада, вышедшего в апреле 2023 г., то есть через год после начала СВО [13]. В рамках общей программы Фулбрайта до 2023 г. российские исследователи разных возрастных категорий регулярно получали стипендии на изучение арктической проблематики. Один из авторов этой статьи провел 2022/2023 учебный год, преподавая и осуществляя научные исследования в Университете Аляски (г. Фэрбенкс) по программе Фулбрайта. К сожалению, офис Фулбрайта в Москве был закрыт в 2023 г., и этот канал сотрудничества между российскими и американскими учеными был утрачен на неопределенное время.

Соглашение об укреплении арктического научного сотрудничества 2017 г. не аннулировано и при желании правительства США может послужить правовой основой для совместных российско-американских проектов на Крайнем Севере.

Четвертый уровень – взаимодействие между российскими и американскими учеными в рамках международных организаций. Как уже отмечалось, ряд международных организаций, прежде всего, входящих в систему ООН – ПРООН, ПООС ООН, ММО, МГЭИК, ВМО и пр., – не прекращали сотрудничества с Россией даже после начала СВО. Так, американские и российские исследователи совместно работают в составе Международной обсерватории по выбросам метана ПРООН [16]. Они также принимали участие в подготовке докладов МГЭИК по изменению климата 2022 и 2023 гг. [8; 9].

Российские и американские представители входят в руководящие органы МАНК, во все

пять рабочих групп комитета и рабочую группу по выработке его стратегии [10]. Российские и американские ученые принимают участие в индивидуальном качестве и организуют совместные секции на ежегодных Неделях арктической науки (НАН), спонсируемых МАНК. Лишь единожды, в марте 2022 г., российские арктиковеды не были допущены к участию в НАН в г. Тромсе по инициативе норвежского оргкомитета конференции.

Исследователи из России и США сотрудничают в рамках ряда региональных организаций по рыболовству, охватывающих морские арктические регионы, – Североатлантической организации по рыболовству, Комиссии по анадромным рыбам северной части Тихого океана, Конвенции о сохранении ресурсов минтая и управлении ими в центральной части Берингова моря, Рабочей группе по океанам и рыболовству Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества и пр. [14].

Результаты и выводы. Несмотря на недружественные действия, предпринятые США (и «коллективным Западом» в целом) в отношении российских ученых и организаций, занимающихся арктическими исследованиями, созданный в предшествующие годы «механизм взаимозависимости» не позволил полностью прервать научные связи между российскими и американскими арктиковедами. Обе стороны прекрасно понимают всю ценность сотрудничества в этой области и потому стараются сохранить определенные каналы взаимодействия. Особенно важно это сотрудничество для американского научного сообщества, ибо Россия контролирует 40 % арктического пространства, имеет в своей арктической зоне разветвленную сеть полярных станций и пунктов метеонаблюдений, а также большой научно-исследовательский флот, позволяющий проводить уникальные морские исследования в Северном Ледовитом океане, чем не могут похвастаться США.

В ходе исследования были идентифицированы четыре основных уровня сотрудничества, действующие в настоящее время, – межличностный (индивидуальный), институциональный, государственный (правительственные программы обмена) и международный (в рамках многосторонних организаций глобального и регионального характера).

Среди приоритетов научного сотрудничества России и США преобладает естественнонаучная тематика (изменение климата, метеорология, охрана окружающей среды, сохранение биоразнообразия, океанология, гляциология и пр.). Однако в последнее время в число этих приоритетов вошла социогуманитарная и междисциплинарная проблематика (местные сообщества, коренные народы, гендерные исследования, городское развитие и планирование и пр.). Большое внимание стало уделяться такой относительно новой теме, как арктическая научная дипломатия, в которой стали видеть еще одну возможность (канал) международного сотрудничества в нынешних сложных условиях [1; 2; 4].

Остается надеяться, что, учитывая накопленный в предыдущие годы значительный потенциал, российско-американское научное сотрудничество на Крайнем Севере возродится по мере нормализации международной обстановки и двусторонних отношений между Россией и США после урегулирования украинского кризиса.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (РНФ) № 22-28-20276 и гранта Санкт-Петербургского научного фонда в соответствии с соглашением от 14.04.2022 г. № 38/2022 на тему «Роль Санкт-Петербурга в развитии арктической научной дипломатии Российской Федерации».

The research was supported financially by the grant of the Russian Science Foundation (RSF) № 22-28-20276 and the grant of the St. Petersburg Science Foundation under agreement № 38/2022 from 14.04.2022 on “The role of St. Petersburg in the development of Arctic science diplomacy of the Russian Federation”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гутенев М. Ю., Сергунин А. А. Арктическая научная дипломатия России: теория и практика // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17, № 3. С. 155–174. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-03-06
2. Заика Ю. В., Рябова Л. А., Сергунин А. А. Научная дипломатия в Арктике: платформы, практики, новые вызовы. Апатиты: Изд-во ФИЦ Кольский научный центр РАН, 2023. 192 с.

3. Российский государственный гидрометеорологический университет. Членство в профессиональных ассоциациях. URL: <https://www.rshu.ru/university/ass/>

4. Сергунин А. А., Гутенев М. Ю. Арктическая научная дипломатия США и Канады: сравнительный анализ // *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. Т. 67, № 6. С. 92–105. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-6-92-105

5. Agreement on Enhancing International Arctic Scientific Cooperation, Signed 11 May 2017 and Entered into Force 23 May 2018. URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/1916>

6. The Associated Press. U.S. Colleges Are Cutting Their Partnerships and Financial Ties with Russia, 2022, 10 March. URL: <https://wamu.org/story/22/03/10/u-s-colleges-are-cutting-their-partnerships-and-financial-ties-with-russia/>

7. Berkman P. A., Kullerud L., Pope A., Vylegzhanin A. N., Young O. The Arctic Science Agreement Propels Science Diplomacy // *Science*. 2017. Vol. 358 (6363). P. 596–598. DOI: 10.1126/science.aaq0890

8. Intergovernmental Panel on Climate Change // *Climate Change 2022. Mitigation of Climate Change*. URL: https://www.ipcc.ch/report/ar6/wg3/downloads/report/IPCC_AR6_WGIII_FullReport.pdf

9. Intergovernmental Panel on Climate Change // *Climate Change 2023. Synthesis Report*. URL: https://www.ipcc.ch/report/ar6/syr/downloads/report/IPCC_AR6_SYR_FullVolume.pdf

10. International Arctic Science Committee Homepage. URL: <https://iasc.info>

11. Measuring Urban Sustainability in Transition (MUST). URL: <https://www.arcticmust.org>

12. Moravcsik A., Schimmelfennig F. Liberal Intergovernmentalism // *European Integration Theory* / ed. by A. Wiener and T. Diez. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 67–87.

13. Poeltzer G., Rink E., eds. 2023 Policy Brief. Closing Meeting April 24–28, 2023. URL: https://fulbrightscholars.org/sites/default/files/2023-04/Fulbright_Arctic_Policy_Brief_2023.pdf

14. Sergunin A. Russia and Arctic fisheries // *Governing Marine Living Resources in the Polar Regions* / ed. by N. Liu, C. M. Brooks and T. Qin. Northampton: Edward Elgar Publishing, Inc., 2019. P. 109–137. DOI: 10.4337/9781788977432

15. Sergunin A., Shibata A. Implementing the 2017 Arctic Science Cooperation Agreement: Challenges and Opportunities as Regards Russia and Japan // *The Yearbook of Polar Law*. Vol. 14 / ed. by Ye. Yermakova and A. Shibata. Leiden, Boston: Brill/Nijhoff, 2023. P. 45–75. DOI: 10.1163/22116427_014010004

16. United Nations Environment Program. Meet the Team. URL: <https://www.unep.org/explore-topics/energy/what-we-do/methane/meet-imeo-team>

REFERENCES

1. Gutenev M. Yu., Sergunin A. A. Arkticheskaya nauchnaya diplomatiya Rossii: teoriya i praktika [Russia's Arctic Science Diplomacy: Theory and Practice]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy* [International Organizations Research Journal], 2022, vol. 17, no. 3, pp. 155-174. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-03-06

2. Zaika Yu. V., Ryabova L. A., Sergunin A. A. *Nauchnaya diplomatiya v Arktike: platformy, praktiki, novye vyzovy* [Arctic Science Diplomacy: Platforms, Practices, and New Challenges]. Apatity, Izd-vo FITs Kolskiy nauchny tsentr RAN, 2023. 192 p.

3. *Rossiyskiy gosudarstvenny gidrometeorologicheskiy universitet. Chlenstvo v professionalnykh associatsiyakh* [Russian State Hydrometeorological University. Professional Association Membership]. URL: <https://www.rshu.ru/university/ass/>

4. Sergunin A. A., Gutenev M. Yu. Arkticheskaya nauchnaya diplomatiya SShA i Kanady: sravnitelny analiz [US and Canadian Arctic Science Diplomacy: A Comparative Analysis]. *Mirovaya Ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2023, vol. 67, no. 6, pp. 92-105. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-6-92-105

5. *Agreement on Enhancing International Arctic Scientific Cooperation, Signed 11 May 2017 and Entered into Force 23 May 2018*. URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/1916>

6. *The Associated Press. U.S. Colleges Are Cutting Their Partnerships and Financial Ties with Russia, 2022, 10 March*. URL: <https://wamu.org/story/22/03/10/u-s-colleges-are-cutting-their-partnerships-and-financial-ties-with-russia/>

7. Berkman P. A., Kullerud L., Pope A., Vylegzhanin A. N., Young O. The Arctic Science Agreement Propels Science Diplomacy. *Science*, 2017, vol. 358 (6363), pp. 596-598. DOI: 10.1126/science.aaq0890

8. Intergovernmental Panel on Climate Change. *Climate Change 2022. Mitigation of Climate Change*. URL: https://www.ipcc.ch/report/ar6/wg3/downloads/report/IPCC_AR6_WGIII_FullReport.pdf

9. Intergovernmental Panel on Climate Change. *Climate Change 2023. Synthesis Report*. URL: https://www.ipcc.ch/report/ar6/syr/downloads/report/IPCC_AR6_SYR_FullVolume.pdf

10. International Arctic Science Committee Homepage. URL: <https://iasc.info>

11. *Measuring Urban Sustainability in Transition (MUST)*. URL: <https://www.arcticmust.org>

12. Moravcsik A., Schimmelfennig F. Liberal Intergovernmentalism. Wiener A., Diez T., eds. *European Integration Theory*. Oxford, Oxford University Press, 2009, pp. 67-87.

13. Poeltzer G., Rink E., eds. *2023 Policy Brief. Closing Meeting April 24–28, 2023*. URL: https://fulbrightscholars.org/sites/default/files/2023-04/Fulbright_Arctic_Policy_Brief_2023.pdf

14. Sergunin A. Russia and Arctic Fisheries. Liu N., Brooks C.M., Qin T., eds. *Governing Marine Living Resources in the Polar Regions*. Northampton, Edward Elgar Publishing, Inc., 2019, pp. 109-137. DOI: 10.4337/9781788977432

15. Sergunin A., Shibata A. Implementing the 2017 Arctic Science Cooperation Agreement: Challenges and Opportunities as Regards Russia and Japan. Yermakova Ye., Shibata A., eds. *The Yearbook of Polar Law. Vol. 14*. Leiden, Boston, Brill/Nijhoff, 2023, pp. 45-75. DOI:10.1163/22116427_014010004

16. *United Nations Environment Program. Meet the Team*. URL: <https://www.unep.org/explore-topics/energy/what-we-do/methane/meet-imeo-team>

Information About the Authors

Valery N. Konyshev, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Department of Theory and History of International Relations, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7/9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, konyshev06@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7257-6848>

Alexander A. Sergunin, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Department of Theory and History of International Relations, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7/9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation; Professor, Department of Political Science, Nizhny Novgorod State University, Ulyanova St, 2, 603005 Nizhny Novgorod, Russian Federation, sergunin60@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4683-0611>

Информация об авторах

Валерий Николаевич Конышев, доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7/9, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, konyshev06@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7257-6848>

Александр Анатольевич Сергунин, доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7/9, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; профессор кафедры политологии, Нижегородский государственный университет, ул. Ульянова, 2, 603005 г. Нижний Новгород, Российская Федерация, sergunin60@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4683-0611>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.13>

UDC 930.1(091)
LBC 63.3(7)

Submitted: 30.08.2023
Accepted: 14.11.2023

FIRST LADIES IN US HISTORY: HISTORICAL AND BIBLIOGRAPHICAL REVIEW

Alexandr L. Perevezentsev

K. Zhubanov Aktobe Regional University, Aktobe, Republic of Kazakhstan

Abstract. The *introduction* of this article delves into the author's contemplations on the role of the first ladies of US presidents in maintaining their image and electoral appeal. The author highlights that the general public's lack of knowledge regarding the intelligence, education, mentality, and character of first ladies is an evident historical injustice. Currently, modern historians are actively rectifying this oversight. The *purpose of the study* is to analyze modern literature on the role and significance of first ladies in the history and political life of the United States and to provide a chronology of published biographical research on this issue in English-language and domestic historiography. The *methodology* employed is rooted in specialized historical research methods, including comparative-historical analysis, which allows for an exploration of research trends in this historical domain. Additionally, historical systemic and retrospective methods are employed, along with elements of the historical biographical method. The author's historiographical analysis is founded on principles of historicism and historical objectivity. The *materials* used in the study are memoirs, biographical essays, documents, scientific monographs and articles, and Internet resources, including the official websites of the White House and the National First Ladies' Library. The "*Analysis*" section contains the main part of the article's text, that is, an analysis of literature and other sources, including autobiographies and memoirs of first ladies, interesting information about the authors of modern biographical studies, as well as the chronological order of published works of English-language and domestic authors. The *results* of the research are encapsulated in the author's conclusions on the topic. It is determined that the historiography surrounding the role and significance of first ladies in American history is currently underdeveloped and, often, subjectively biased. Typically, more attention and subsequent publications are dedicated to the spouses of the most popular presidents, overshadowing other first ladies, even if they were remarkable individuals themselves.

Key words: US first ladies, contemporary historiography, memoirs, autobiographies, National First Ladies' Library.

Citation. Perevezentsev A.L. First Ladies in US History: Historical and Bibliographical Review. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 1, pp. 145-156. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.13>

УДК 930.1(091)
ББК 63.3(7)

Дата поступления статьи: 30.08.2023
Дата принятия статьи: 14.11.2023

ПЕРВЫЕ ЛЕДИ В ИСТОРИИ США: ИСТОРИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Александр Леонидович Перевезенцев

Актюбинский региональный университет им. К. Жубанова, г. Актобе, Республика Казахстан

Аннотация. *Введение* статьи включает в себя размышления автора о роли первых леди президентов США в поддержании их имиджа и электоральной привлекательности. Автор считает, что тот факт, что широкой общественности почти ничего не известно об уровне интеллекта, образования, менталитете и характере первых леди, является очевидной исторической несправедливостью. В настоящее время эти позиции в значительной мере корректируются современными историками. *Целью* исследования является анализ современ-

ной литературы по проблеме роли и значения первых леди в истории и политической жизни США, хронология опубликованных исследований биографического характера по данной проблеме в англоязычной и отечественной историографии. Основу используемой *методологии* составили специальные методы исторического исследования – сравнительно-исторический (позволяющий проанализировать динамику научных исследований в данной сфере исторической науки), историко-системный и ретроспективный, а также элементы историко-биографического метода. Предпринятый автором историографический анализ исследуемой проблемы основан на принципах историзма и исторической объективности. В качестве *материалов* в исследовании используются мемуары, биографические очерки, документы, научные монографии и статьи, интернет-ресурсы, включая официальные веб-сайты Белого дома и «Национальной Библиотеки Первых Леди». Раздел «Анализ» содержит основную часть текста статьи, то есть анализ литературы и других источников, включая автобиографии и мемуары первых леди, интересную информацию об авторах современных биографических исследований, а также хронологический порядок опубликованных работ англоязычных и отечественных авторов. *Результаты* научной работы содержатся в авторских *выводах* по теме исследования. Автор приходит к выводу о том, что историография проблемы роли и значения первых леди в американской истории является недостаточно разработанной, а также очевидно субъективной – как правило, больше внимания (и соответственно публикаций) достается супругам наиболее популярных президентов в ущерб всем остальным, даже если они сами по себе являлись выдающимися личностями.

Ключевые слова: первые леди США, современная историография, мемуары, автобиографии, «Национальная Библиотека Первых Леди».

Цитирование. Перевезенцев А. Л. Первые леди в истории США: историко-библиографический обзор // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 1. – С. 145–156. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.13>

Введение. «За каждым выдающимся мужчиной стоит выдающаяся женщина» – это известное многим высказывание так и хочется вынести в эпиграф к этой статье. Оно кажется почти бесспорным в таких сферах человеческой жизнедеятельности, как наука и искусство – как говорится, «художнику (артисту, музыканту, поэту, ученому...) нужна муза», которая могла бы вдохновить творческую личность на гениальные свершения.

Но в нашем случае речь пойдет о политической деятельности, и здесь, как нам кажется, крупному политику, лидеру важнее та, кто обеспечит «надежный тыл». Жены политиков, как правило, находятся «в тени» своих облеченных властью супругов, и именно поэтому нам зачастую достаточно трудно даже визуально представить, например, жен выдающихся политиков прошлого... В наше время вездесущие социальные сети и «масс-медиа» практически не оставляют шансов остаться незамеченными для публичных личностей. Но если мы даже внешне не можем представить себе жен выдающихся лидеров, то что же в таком случае мы можем знать об их уровне образованности, вкусах, привычках, хобби, особенностях воспитания и менталитета? Как правило, практически ничего. И это «белое пятно» в исторической науке, особенно при-

менительно к личностному фактору в истории человечества, подлежит, по нашему мнению, скорейшему исправлению.

Супруги президентов могут повлиять на мнение простых американцев, склонить их сделать определенный выбор во время «президентской гонки». Специалисты отмечают, что опросы американцев, проводимые после президентских выборов на протяжении последних четырех десятилетий, стабильно показывают, что «5–7 % избирателей делают свой выбор, основываясь на симпатии или антипатии к потенциальной Первой леди» [11, с. 51].

Для современных историков восстановление исторической справедливости в отношении несправедливо обойденных вниманием выдающихся личностей, ликвидация «белых пятен» в сфере роли личности в истории является, по нашему мнению, одной из актуальнейших исследовательских задач.

Методы и материалы. Основу используемой в нашем исследовании методологии составили как общенаучные, так и специальные методы исторического исследования – сравнительно-исторический (позволяющий проанализировать динамику научных исследований в данной сфере исторической науки), историко-системный и ретроспективный, а также элементы историко-биографического

метода. Предпринятый автором историографический анализ исследуемой проблемы в целом основан на принципах историзма и исторической объективности. В качестве основных исторических источников (материалов) в исследовании использованы научные монографии и статьи, рецензии, архивные документы, различные интернет-ресурсы, включая официальные веб-сайты Белого дома [30] и «Национальной Библиотеки Первых Леди» [28].

Анализ. Титул «первая леди» относится к супругам президентов Соединенных Штатов Америки и является неофициальным, что порождает массу проблем при исследовании этого политического и социального феномена. Российская исследовательница К.Ю. Ким отмечает, что «на протяжении долгого времени институт первых леди оставался упущенным звеном в исследованиях американского президентства. “Невидение” исследователями данной проблемы было обусловлено неопределенностью самой позиции, занимаемой супругой президента. В конституции США нет ни единого упоминания о первой леди, как и не существует ни одного законодательного акта, определяющего перечень ее конкретных обязанностей. Именно поэтому исследование данного института было затруднено недостатком формальных процедур» [5, с. 171]. Еще один российский специалист, Н.А. Шведова, в свою очередь, подчеркивает, что «если ранее Первая леди нередко была лишь сопровождающим лицом своего мужа – главы государства... в поездках по стране в попытках завоевания симпатий электората, то теперь ее роль вышла далеко за пределы этих границ. До и после избрания супруга президента страны в США выполняет достаточно широкий спектр функциональных обязанностей: от укрепления авторитета и власти президента внутри страны – до поддержания позитивного образа страны на мировой арене» [11, с. 51]. В качестве еще одного «сдерживающего фактора» изучения проблемы ученые называют «длительную недоступность основных источников, непосредственно или косвенно относящихся к первым леди» [5, с. 171]. Вот что пишет об этом архивист Гуверовской Президентской Библиотеки и Музея Дэйл С. Майер в статье «Документальное наследие Лу Генри Гувер»: «Большинство американцев знают

о Марте Вашингтон, Мэри Тодд Линкольн, Элеонор Рузвельт и более “недавних” первых леди, но эти знания являются очень поверхностными. Попытки узнать больше о предыдущих первых леди были тщетными, потому что их личные документы не сохранились – это проблема, которая выражается в “рассредоточенности” и относительной нехватке президентских документов в период до (президентства) Уильяма Г. Тафта. Период, когда начала появляться более обширная документация о деятельности первых леди, начался с сохранения личных документов (менее 20 000 единиц) Эдит Гэлт Вильсон. Наиболее ранняя коллекция, дающая полномасштабное представление о (жизни и деятельности) первой леди, посвящена Лу Генри Гувер. Она содержит более 220 000 документов и охватывает все важные вехи ее жизни» [26, р. 127].

В настоящий момент, по нашему мнению, нехватка информации о жизни и деятельности современных первых леди не является проблемой в связи с появлением массы источников, включая упомянутые выше официальные сайты Белого дома и «Национальной Библиотеки Первых Леди США».

Большую роль в создании документальной базы по данной проблеме сыграли создаваемые в США с середины прошлого века Президентские Библиотеки и Музеи, где источники о жизни и деятельности того или иного президента, как правило, дополнены различными ресурсами об их первых леди. Так, на сайте Клинтонской Президентской Библиотеки есть раздел «Клинтонь», в котором содержатся документы и материалы как о самом 42-м президенте США, так и о первой леди (в девичестве Хиллари Дайан Родэм). Президентских библиотек в США уже 14, первой была открытая в 1941 г. Президентская Библиотека и Музей Ф.Д. Рузвельта, второй в 1957 г. – Гэри Трумэна; в 1962 г. были открыты сразу две – Д. Эйзенхауэра и Г. Гувера (на его родине – городке Вест Бранч, Айова). Недавно в Чикаго был открыт Президентский Центр Барака Обамы, включающий в себя Библиотеку, Музей и Образовательный проект. На сайте Центра также есть раздел «The Obamas», включающий в себя информацию о Бараке и Мишель Обама. В исследовательском центре (а также на сайте)

Гуверовской Президентской Библиотеки и Музея находятся архивы Герберта и Теодора (брат президента), а также Лу Генри Гувер [19; 23]. В отличие от Герберта Гувера, Лу Генри не оставила после себя подробных мемуаров, но оставила массу дневниковых записей, рисунков, школьных эссе и писем... Большую роль в сборе и систематизации материалов о своей бабушке, экс-первой леди, сыграл внук президентской четы, сын их старшего сына Герберта, Герберт Гувер III по прозвищу «Пит» (Pete) [20]. Следует похвалить и отца будущей первой леди, банкира Чарльза Д. Генри, который сыграл самую большую роль в ее личностном становлении, а также постарался сохранить большинство детских и подростковых записей и рисунков своей дочери.

Существуют разногласия по вопросу о происхождении самого термина «первая леди». В одних источниках утверждается, что так со временем стали называть Марту Вашингтон, вдову первого президента США – не «леди Вашингтон», а «our Lady Presidentess» [27]. В других отмечается, что в США термин был впервые использован в 1849 г., когда президент Закари Тейлор назвал так жену четвертого президента Джеймса Мэдисона, Долли Мэдисон, в своем панегирике на ее похоронах. Однако первой женщиной, которую стали называть первой леди, стала Хэрриет Лэйн – племянница 15-го президента США была единственной официальной первой леди, не находящейся в браке с президентом – Джеймс Бьюкенен, потеряв в молодости невесту, решил никогда не жениться и вошел в историю своей страны, как единственный президент-холостяк. Но всеобщее признание данное понятие получило только в 1877 г., когда Мэри Эймс в своем газетном репортаже об инаугурации президента Ратерфорда Хейза использовала термин «первая леди» для обозначения его жены Люси Уэбб Хейз, очень популярной в США женщины [8].

Следует отметить тот факт, что порядковый номер первой леди, как правило, не совпадает с порядковым номером ее мужа-президента. Так, Джилл Байден, нынешняя «хозяйка» Белого дома, является 47-й первой леди, а ее муж, Джо Байден – 46-м президентом США. Нумерация нарушилась потому, что, например, у президентов Джона Тайлера

и Вудро Вильсона было по два брака – оба они вступили в брак вторично на протяжении их президентского срока. А супруга Гровера Кливленда, 22-го и 24-го президента США, единственного из президентов, который был в должности два срока с перерывом на 4 года, Френсис Фолсом Кливленд, вошла в историю как 27-я первая леди. Она также была самой молодой первой леди в истории США, выйдя замуж за действующего президента в возрасте 21 года. Гровер Кливленд также вошел в историю, став первым (и пока единственным) президентом, женившимся в президентской резиденции – Белом доме. Этому событию предшествовала очень романтическая история – Гровер Кливленд был другом отца своей будущей супруги и знал ее с детства. Френсис осталась сиротой в 11-летнем возрасте, и будущий президент стал ее опекуном. Разница в возрасте между ними составляла 28 лет. Френсис стала матерью пяти детей. Овдовев в 44 года, 27-я первая леди вновь вышла замуж (став первой вдовой президента США, вступившей в повторный брак) в 49 лет и дожила до 83 лет [10].

Известно, что президентам Соединенных Штатов посвящены многие сотни, а скорее – тысячи научных трудов (а вместе с краткими биографическими очерками, специализированными веб-сайтами, разного рода обзорами и т. п. – десятки и сотни тысяч), при этом их супругам – первым леди страны – исследователями уделено на порядок меньше внимания.

Даже в самих США, где разделу «Биографическая литература» в больших книжных магазинах наподобие «Barnes and Noble» посвящены обычно целые книжные шкафы или стеллажи, насчитывается не так много обобщающих трудов о жизни и деятельности первых леди [34–36], а отдельные труды посвящены, как правило, лишь пяти-шести наиболее популярным персоналиям – таким ярким личностям и «иконам стиля», как Жаклин Кеннеди, Элеонор Рузвельт, Хиллари Клинтон, Мишель Обама или предыдущей «хозяйке» Белого дома Мелании Трамп. Кстати, Мелания, уроженка Словении (напомним, что в 1970 г., когда родилась Мелания Трамп, в девичестве – Кнавс, Словения была частью Югославии), стала всего лишь второй иностранкой среди всех первых леди – самой пер-

вой была родившаяся и выросшая в Лондоне Луиза Адамс (в девичестве Луиза Кэтрин Джонсон) [25], жена 6-го президента США Джона Куинси Адамса (1825–1829).

Отметим также, что совсем недавно, в июне 2020 г., была опубликована книга известной американской журналистки, лауреата Пулитцеровской премии, Мэри Джордан «Искусство ее сделки: нерассказанная история Мелании Трамп» [21] – одна из самых новейших публикаций из всех изданных когда-либо книг о первых леди. Самой же недавней (на момент написания этих строк) работой на эту тему является биографический труд о нынешней «хозяйке» Белого дома – Джилл Байден [31]. Сама супруга действующего президента США Джо Байдена сравнительно недавно, в 2020 г., выпустила собственные мемуары [14], рассказав о своей жизни до 2015 г., когда от рака мозга умер ее пасынок – Бо Байден (книга посвящена его памяти).

Наиболее «плодовитым» из всех авторов, пишущих о первых леди, следует признать, видимо, Карла С. Энтони, опубликовавшего биографические исследования об Иде Мак-Кинли, Нелли Тафт, Флоренс Гардинг и Жаклин Кеннеди, а также один из обобщающих трудов [13].

Еще одним популярным у западного читателя жанром литературы биографического характера являются автобиографии выдающихся личностей. Первой из опубликованных автобиографий первых леди стала изданная более ста лет назад, в 1914 г., книга Хелен Тафт, супруги 27-го президента США Уильяма Ховарда Тафта (1909–1913). Она называется «*Recollections of Full Years*», что можно перевести как «Воспоминания о насыщенных (событиями) годах», и была издана уже через год после окончания срока президентства У.Г. Тафта. Затем последовали автобиографии Элеонор Рузвельт («*Это моя история*», 1937 г. издания) и Эдит Вильсон («*Мои мемуары*», 1939 г. издания). Отметим, что впоследствии были изданы еще три книги мемуаров Элеонор Рузвельт – «*This I Remember*» («*Это я помню*», 1949), «*On My Own*» («*Самостоятельно*», 1958) и «*The Autobiography of Eleanor Roosevelt*» («*Автобиография Элеонор Рузвельт*», 1961) – все в издательстве «Харпер энд Бразерс» [22].

Самой же ранней по времени опубликования стала написанная в конце XIX в., но изданная почти столетие спустя, в 1975 г., книга под названием «*Личные мемуары Джулии Дент Грант*» [32] – автобиографическое сочинение супруги 18-го президента США (1869–1877) и выдающегося полководца северян в Гражданской войне Улисса Гранта. Также в 1970-е гг. были изданы автобиографии Леди Берд Джонсон («*Дневник Белого дома*», 1970) и Бетти Форд («*Времена моей жизни*», 1978), в 1980-е – две книги Нэнси Рейган («*Нэнси: Автобиография первой леди Америки*», 1980 и «*Моя очередь: Мемуары Нэнси Рейган*», 1989 («*My Turn*» в названии книги можно также перевести как «*Мой выход*»)), а также две книги Розалин Картер (1984 и 1987 гг. издания) и еще одна книга Бетти Форд «*Бетти – радостное пробуждение*» (1987) [22]. Название последней книги «*Betty – A Glad Awakening*» можно перевести также как «*Бетти – радостное избавление (от иллюзий)*».

В 1990-е гг. была издана лишь одна автобиография – «*Мемуары*» Барбары Буш (1994), супруги 41-го президента США Джорджа Герберта Уокера Буша, более известного как Джордж Буш-старший, и матери шести детей, в том числе 43-го президента Джорджа Буша-младшего. В начале 2000-х гг. были изданы сразу же три книги Хиллари Клинтон – что неудивительно, учитывая ее политическую активность и занимаемые в то время должности («*Living History*» («*Живая история*»), 2003; «*Hard Choices*» («*Трудный выбор*»), 2014 и «*What Happened*» («*Что случилось*»), 2017), а также еще одна книга Барбары Буш «*Reflections: Life After the White House*» («*Размышления: О жизни после Белого дома*») 2004 г., книга супруги Джорджа Буша-младшего Лоры Буш «*Сказано от сердца*» («*Spoken from the Heart*», 2010, а также ставшая бестселлером «*Becoming*» («*Становление*»), 2018 г. Мишель Обамы [22]. Отметим тот факт, что только за первый год после ее опубликования было продано свыше 10 миллионов экземпляров [18].

В последние годы на Западе можно заметить вспышку интереса к жизни и деятельности выдающихся женщин, в том числе первых леди. На наш взгляд, это является следствием растущего интереса к личностному

фактору в истории, с одной стороны, и развитию модного тренда на «гендерные исследования» – с другой. Подогревает этот интерес и успех так называемых «байопиков» – жизнеописаний известных личностей, ставших популярным веянием в современном Голливуде, когда один за другим снимаются фильмы и даже сериалы (художественные и документальные) о выдающихся людях прошлого и современности.

На русском же языке вся информация о первых леди США, не считая нескольких переведенных с английского языка книг [3; 6], ограничена лишь несколькими научными статьями, в основном об институте первых леди [5; 11], а также газетными статьями и очерками [7]. Отметим публикации и разработки С.А. Коротковой и Т.В. Алентьевой, посвященные гендерной проблематике. Так, в Высшей школе экономики в 2010-х гг. доцентом С.А. Коротковой читался интересный факультативный курс «Женщины в мировой истории» (на основе обширного списка литературы – только к вводной лекции рекомендовано 25 источников, включая англоязычные). Т.В. Алентьева – автор замечательных статей «“Женская война” в Белом доме», посвященной так называемой «войне юбок», приведшей к политическому кризису в США в период президентства Э. Джексона [1], а также биографического исследования об одной из первых американских феминисток – Маргарет Фуллер [2]. Также следует особо выделить изданную в начале 2000-х гг. рецензию доктора исторических наук, профессора Б.М. Шпотова на опубликованное одним из американских издательств исследование Кати Мартон «Скрытая власть: президентские браки, повлиявшие на наше недавнее прошлое» – книгу о первых леди США в XX веке. «Книга, – отмечает, в частности, Б.М. Шпотов, – проливает свет на “женский фактор” во власти, который традиционно игнорировался историками и политологами, и не только американскими» [12], с чем, конечно же, трудно не согласиться.

Интересно, что Кати Мартон выбрала для своего исследования не все президентские пары XX в., а только те, где, по ее мнению, проявлялась власть женщины. Это не зависело от личных качеств их мужей: на стра-

ницах книги не фигурируют жены Теодора Рузвельта, Уильяма Тафта, Уоррена Гардинга, Калвина Кулиджа, Герберта Гувера и Дуайта Эйзенхауэра... Этот подход, когда первая леди характеризуется не в качестве некоего «дополнения» к своему известному супругу-президенту, а как самостоятельная личность, можно только приветствовать. Как правило, популярность той или иной первой леди (выражаемая в соответствующем количестве публикаций) во многом зависит от рейтинга популярности соответствующего президента, то есть «хозяин» и «хозяйка» Белого дома рассматриваются (и оцениваются) в неразрывной связи друг с другом. Американский социолог Джеффри Коэн отмечал, что в случае, если первая леди США является яркой личностью и способна найти свою общественную нишу, ее рейтинги начинают существовать независимо от рейтингов президента [4].

При этом в истории США можно привести примеры полноценных семейных «тандемов», в которых гармонично и полноценно существовали равновеликие по харизматичности, образованности и интеллекту личности, – в прошлом столетии это, безусловно, Элеонор и Франклин Делано Рузвельт, причем по опросу 1939 г. рейтинг одобрения деятельности у первой леди был выше, чем у действующего президента – 67 против 58 % [6], а также Герберт и Лу Генри Гувер (оба – выпускники геологического факультета Стэнфордского университета), из недавних примеров – Уильям и Хиллари Клинтон (их портреты украшают галерею выдающихся выпускников Йельского университета), а также Барак и Мишель Обама... А Нэнси Рейган и Барбара Буш в интеллектуальном плане, по мнению многих, пожалуй, заметно превосходили своих супругов.

Напоследок еще раз позволим себе процитировать Б.М. Шпотова: «Если успех президента зависит от его соответствия ожиданиям общества, то успех его супруги – от умения идти в ногу со временем и, конечно, воплотить идеал американской женщины» [12]. Если следовать этим критериям успешности, то некоторые неизвестные широкой публике супруги президентов соответствуют им никак не менее, чем любая из более известных и популярных первых леди, что мы

и постараемся показать в данной публикации. Например, 38-й президент США Джеральд Форд был одним из самых непопулярных президентов страны, а его супруга, 40-я первая леди Бетти Форд, напротив, оставила ярчайший след в ее истории. Она всегда поддерживала мужа и была одной из самых активных первых леди в истории США: выступала за права женщин и легализацию абортов, патронирует детские больницы Вашингтона, устраивала в Белом доме праздники для детей из неблагополучных семей. Журнал «Тайм» назвал ее человеком года. Ее популярность среди американцев была столь высока, что во время президентской кампании 1976 г. предвыборный штаб Форда выпустил значки с надписью «Голосуйте за мужа Бетти!» [11, с. 54]. Но особенно прославил Бетти Форд снимок, сделанный известным американским фотографом Дэвидом Кеннерли 19 января 1977 г., в последний день пребывания 40-й первой леди в Белом доме. Прогуливаясь по президентской резиденции, они зашли в кабинет для совещаний, примыкающий к Овальному кабинету, и здесь Бетти Форд... решила станцевать на столе (до замужества она профессионально занималась танцами). Фотография Бетти в грациозной позе была опубликована много лет спустя, в 1995 г., и только добавила популярности этой неординарной женщине [9].

Возвращаясь к двум вышеупомянутым работам, переведенным на русский язык, необходимо отметить, на наш взгляд, такую важную особенность – их авторами, как и авторами большинства англоязычных исследований биографического характера, являются не историки, а журналисты, репортеры, редакторы, PR-менеджеры – в основном специальные корреспонденты или обозреватели крупнейших телеканалов и газет, в том числе при Белом доме... Например, Кейт Андерсен Брауэр – известная американская писательница и журналист – в течение четырех лет работала корреспондентом при Белом доме для «Bloomberg News», а также на «CBS News» и «Fox News».

Будучи «по работе» знакомыми с политиками, а также их ближайшим окружением (советниками, пресс-секретарями, администраторами разного уровня), очевидцами и участниками исторических событий, вхожими «за

кулисы» Белого дома и Конгресса, они имеют возможность получить доступ к информации «из первых рук» и, что называется, «по горячим следам». Их козырь – использование так называемых «качественных методов» исследования, привнесенных в историю из социологии, когда мощным информационным фундаментом того или иного исследования становятся материалы, полученные путем десятков и сотен интервью, при этом среди интервьюируемых можно встретить очень разных по статусу людей – от Государственного секретаря до дворецкого, повара или электрика Белого дома. Так, автор одноименной биографии Жаклин Кеннеди, Китти Келли, в предисловии к своей книге отмечает, что в ходе работы над ней она «переговорила более чем с 350 людьми, включая близких друзей Жаклин и членов ее семьи» [6]. А одну из монографий, посвященных биографии Лу Генри Гувер, и вовсе написала доктор медицинских наук – Хелен Б. Прайор [33]. Изучив ее биографию, становится понятно, почему медик по образованию решила написать подобную книгу – Хелен Прайор более десяти лет была директором Службы здоровья женщин-студенток (Women Students Health Service) в Стэнфордском университете, где тесно взаимодействовала с супругой 31-го президента США, была ее подругой и коллегой. Ее книга дополнена уникальной картой мира, на которой обозначены все резиденции (всего 12 мест) четы Гуверов за время инженерной и политической карьеры 31-го президента США [33, р. XIV–XV].

Все чаще в разделе «об авторах» той или иной книги можно встретить определения «независимый исследователь» или «независимый ученый и журналист» – как, например, сказано об авторе недавно опубликованного очередного биографического исследования о Лу Генри Гувер Аннетт Б. Данлэп [16]. В подтверждение этого тезиса отметим, что из полдюжины биографов Лу Генри Гувер только одна – Нэнси Бек Янг – была ученым-историком высокого уровня, Ассоциированным Профессором МакКендри Колледжа в Иллинойсе (McKendree College, IL), и именно ее работа представляется нам наиболее интересной, глубокой и информативной [37]. Остальные авторы также проделали неплохую работу, но научно-популярные труды, конечно же,

отличаются от исторических по своему уровню. «Настоящие» историки, безусловно, гораздо ответственнее относятся к историческим фактам, хронологии событий и т. п. и вряд ли допустят такие серьезные ошибки, которые можно встретить в трудах, так сказать, «биографов-журналистов». Приведу один пример из книги Кейт А. Брауэр. Говоря о смене президентских администраций, предполагающей выезд из Белого дома семьи прежнего президента и прибытие семьи нового, она упоминает тот факт, что «уходящая первая леди традиционно проводила со своей преемницей прогулку по частным жилым помещениям Белого дома на втором и третьем этажах – ...подобную той, какую Элеонор Рузвельт организовала для Лу Гувер...» [3, с. 311]. Таким образом, у читателя может сложиться впечатление, что в марте 1933 г. администрация Гувера сменяла уходящую «команду» Ф.Д. Рузвельта, хотя в действительности все было, как говорится, «с точностью до наоборот», и именно выезжающая из президентской резиденции Лу Генри Гувер должна была организовать подобную «частную экскурсию» для следующей первой леди – Элеонор Рузвельт...

Еще один важный в контексте нашего повествования, и, главное, качественно разработанный и опять же очень информативный электронный ресурс – это официальный сайт «Белого дома», точнее, его раздел, посвященный первым леди Соединенных Штатов и содержащий в себе 48 подробных биографических очерков – от Марты Вашингтон до Джилл Байден – единственной из всех, чье имя указано вместе с титулом «Доктор» (Dr.), поскольку она окончила Университет Вилланова (1987) со степенью магистра искусств английского языка [17].

Отметим также тот факт, что в материалах этого сайта, базирующегося на книге Аллиды Блэк «Первые леди Соединенных Штатов Америки» [15] (предисловие к этой книге, вышедшей в 2013 г., написала Мишель Обама, на тот момент являвшаяся первой леди США), Лу Генри Гувер названа «заядлым китайским лингвистом и геологом», а также отмечен тот факт, что она «была первой из “первых леди”, которая стала регулярно участвовать в передачах общенационального радио...» [24].

Классифицировать столь эклектичную массу биографических трудов довольно сложно. Во многом направленность той или иной публикации зависит от партийных предпочтений авторов – о президентах-республиканцах (и их первых леди) пишут симпатизирующие им «прореспубликанские» и наоборот; вне партийных пристрастий (и соответствующих течений в западной историографии) вновь оказываются лишь немногие сверхпопулярные первые леди, такие как Элеонор Рузвельт или Жаклин Кеннеди (кстати, первая из жен президентов, у которой был собственный пресс-секретарь...) [7].

Историки и социологи делят первых леди США на две группы: «традиционалисток» – то есть женщин, которые довольствуются выполнением обязанностей жены и матери, предпочитая влиять на президента в неформальной обстановке, и «активисток», которые пытаются изменить мир, выходя за рамки традиционных семейных сфер. «Традиционалистками» считаются, например, Жаклин Кеннеди и Барбара Буш, «активистками» – Элеонор Рузвельт и Хиллари Клинтон [4]. Это деление можно считать достаточно условным, поскольку некоторые первые леди старались сочетать и то, и другое. Так, известно высказывание Лу Генри Гувер о том, что «вполне возможно иметь и дом, и карьеру, (поскольку) в наше время мы освобождены от стольких бремени, которые приходилось нести нашим бабушкам и прабабушкам» [28]. В новейшее время все первые леди стремились реализовывать масштабные гуманитарные программы. Лу Гувер стала патронессой движения «Герлскаутов» и детского спорта в США, Леди Берд Джонсон инициировала общенациональную кампанию по организации цветочных клумб. Бетти Форд, Нэнси Рейган и Барбара Буш занимались борьбой с наркотиками и алкоголем. Розалин Картер поддерживала искусство и боролась за улучшение ситуации в лечебницах для душевнобольных. Лора Буш пропагандировала любовь к чтению, а Мишель Обама проводила кампании за здоровый образ жизни [4].

В завершение хотелось бы обратить внимание на тот факт, что в США существует «Национальная Библиотека Первых Леди», являющаяся частью специально созданной

структуры – сети так называемых «Национальных исторических памятников», входящих в систему Национальных парков США. К ней, в частности, относится расположенный в городе Кантон штат Огайо «First Ladies National Historic Site», который был основан в 2000 г. для того, чтобы «почтить память всех первых леди США» [29]. Инициатором создания «Библиотеки Первых Леди» в 1996 г. была Мэри Регула, жена конгрессмена из Огайо Ральфа Регула. Комплекс состоит из двух помещений – дома, в котором родилась и выросла Ида Сэкстон Мак-Кинли, жена 25-го президента США Уильяма Мак-Кинли (1897–1901), а также здания Образовательного и Исследовательского центра. Доступ ко всем информационным ресурсам этой «историко-просветительской организации» может предоставить всем желающим ее официальный сайт [28].

Результаты и выводы. Подводя итог данному исследованию, еще раз отметим тот факт, что историография по вопросу о роли и значении первых леди в американской истории является разрозненной, недостаточно разработанной (особенно в отечественной исторической литературе), а также очевидно субъективной – как правило, больше внимания (и соответственно публикаций) достается супругам наиболее популярных президентов в ущерб всем остальным, даже если они сами по себе являлись выдающимися личностями. Явно недостаточно исследований о влиянии людей из ближнего окружения президентов (жен, матерей, детей) на процесс принятия важных политических и социально-экономических решений. Ярким примером может служить воздействие дочери Дональда Трампа, Иванки, на некоторые из его импульсивных решений – о бомбардировке сирийской авиабазы в апреле 2017 г. и т. п. Она же участвовала в подготовке программного обращения Д. Трампа к Конгрессу США 28 февраля 2017 г., придав ему, по мнению специалистов, «умеренный и миролюбивый тон». Роль членов семей президентов, их влияние на проводимую им политику или отдельные «судьбоносные» решения являются, по нашему мнению, темой отдельного исследования. Например, до сих пор огромной загадкой остается решение действовавшего на тот момент президента К. Кулиджа (1923–1929) не участво-

вать в избирательной кампании 1928 года. Некоторые специалисты предполагают, что речь идет о «гениальном предвидении» Кулиджем грядущей «Великой депрессии» и нежелании быть ответственным за столь трагическое явление. Хотелось бы напомнить, что речь идет о событиях 1927–1928 гг., когда США находились на пике «просперити» (процветания) и никто не ожидал экономического краха. На наш взгляд, причина этого неожиданного решения лежит во «внутрисемейной» плоскости – дело в том, что в июле 1924 г. его младший сын, 16-летний Кэлвин Кулидж-младший, скончался от заражения крови после того, как поранился во время игры в теннис. 30-й президент США до конца своих дней винил себя в произошедшей трагедии. А поскольку произошла она в стенах Белого дома, то можно понять его нежелание находиться здесь (где все напоминало о сыне) еще четыре года...

Хорошим стимулом для активизации подобных исследований могла бы стать масштабная научная конференция о роли и значении личностного фактора (а также гендерного аспекта) в американской истории с участием ведущих отечественных американистов с последующей публикацией сборника ее материалов, а также активизация и расширение спектра проводимых исследований по данной проблематике в академических центрах страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алентьева Т. В. «Женская война» в Белом доме. URL: https://roii.ru/publications/dialogue/article/67_26/alentieva_t.v./womens-war-in-the-white-house
2. Алентьева Т. В. Маргарет Фуллер (1810–1850). У истоков американского феминизма // Американский ежегодник, 1999 / под ред. Н. Н. Болховитинова. М.: Наука, 2001. С. 84–103.
3. Брауэр Кейт А. Первая леди: тайная жизнь жен президентов. М.: Эксмо, 2018. 464 с.
4. Григорьев А. Первые леди США: борьба за рейтинг. URL: <https://www.golosameriki.com/a/first-ladies-of-us-2011-04-08-119499894/231765.html>
5. Ким К. Ю. Институт первых леди (на примере США) // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз : журнал политической философии и социологии политики. 2005. № 1. С. 171–180. DOI: 10.30570/2078-5089-2005-36-1-171-180

6. Келли К. Жаклин. Смоленск: Русич, 1997. 448 с.
7. Осипов А. Первые леди США: Мишель Обама выращивала овощи, а Мэри Линкольн вызывала духов. URL: <http://www.kp.ru/daily/26623.3/3639594/>
8. Первая леди. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/219025>
9. Прощальный танец на столе в Белом доме: история одной фотографии: (Как первая леди США отметила уход супруга с поста президента). URL: <https://www.vokrugsveta.ru/articles/proshalnyitanec-na-stole-v-belom-dome-istoriya-odnoi-fotografii-id705410/>
10. Френсис Кливленд, самая молодая первая леди Америки. URL: https://www.peoples.ru/family/wife/frances_cleveland/
11. Шведова Н. А. Институт первых леди как компонент американской политической культуры // Женщина в российском обществе. 2013. № 3 (68). С. 51–58.
12. Шпотов Б. М. Президент и его леди. URL: <http://hl.mailru.su/cached?url=http%3A%2F%2Fwww.historia.ru%2F2002%2F04%2Fmarton.htm&text=%D2%E8%F2%F3%EB%FB+%E8+%ED%E0%E3%F0%E0%E4%FB+%C3%E5%F0%E1%E5%F0%F2%E0+%C3%F3%E2%E5%F0%E0&dsn=0&d=2913490>
13. Anthony C. S. First Ladies: The Saga of the Presidents' Wives and Their Power, 1789–1961. New York: William Morrow and Company, Inc., 1990. 685 p.
14. Biden Jill. Where the Light Enters. New York: Flatiron Books, 2020. 224 p.
15. Black A. M. The First Ladies of the United States of America. Washington, DC: White House Historical Association, 2013. 106 p.
16. Dunlap A. B. A Woman of Adventure: The Life and Times of First Lady Lou Henry Hoover. Lincoln, NE: Potomac Books, 2022. 296 p.
17. First Ladies. Official Website of the White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/about-the-white-house/first-ladies/>
18. Germano S. Michelle Obama's Memoir Nears 10 Million Copies Sold. URL: <https://www.wsj.com/articles/michelle-obamas-memoir-on-course-to-be-most-successful-ever-11553601931>
19. Herbert Hoover Presidential Library and Museum. Lou Henry Papers (Subject Files Series).
20. Herbert Hoover Presidential Library and Museum. Pete Hoover's Archives. Box № 2. File «Hoover, Mrs. Herbert (Lou Henry)».
21. Jordan M. The Art of Her Deal: The Untold Story of Melania Trump. New York: Simon and Schuster, 2020. 352 p.
22. List of Memoirs by First Ladies of the United States. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_memoirs_by_first_ladies_of_the_United_States
23. Lou Henry Hoover: A Biographical Sketch. URL: <http://www.hoover.archives.gov/education/louhenrybio.html>
24. Lou Henry Hoover. Official Website of the White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/about-the-white-house/irst-ladies/lou-henry-hoover/>
25. Louisa Catherine Johnson Adams. Official Website of the White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/about-the-white-house/first-ladies/louisa-catherine-johnson-adams/>
26. Mayer D. C. The Documentary Legacy of Lou Henry Hoover. *Lou Henry Hoover: Essays on a Busy Life*. Worland: High Plains Company, 1994. P. 127–135.
27. Official Website of the George Washington's Mount Vernon. URL: <https://www.mountvernon.org/george-washington/martha-washington/ten-facts-about-martha-washington/>
28. Official Website of the National First Ladies' Library. URL: <http://www.firstladies.org>
29. Official Website of the National Park Service. First Ladies National Historic Site. Ohio. URL: <http://www.nps.gov/fila/index.htm>
30. Official Website of the White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/about-the-white-house/>
31. Pace, Julie and Superville, Darlene. Jill: A Biography of the First Lady. Boston: Little, Brown and Company, 2022. 320 p.
32. Personal Memoirs of Julia Dent Grant (Mrs. Ulysses S. Grant). Carbondale: Southern Illinois University Press, 1988. 346 p.
33. Pryor H. B. Lou Henry Hoover: Gallant First Lady. New York: Dodd, Mead & Company, 1969. 271 p.
34. Rosebush J. S. First Lady: Public Life. Lanham, Maryland: Madison Books, 1987. 128 p.
35. Skarmas N. J. First Ladies of the White House. Their Lives and Stories. Nashville, Tennessee: Ideals Publications, 2012. 87 p.
36. Swain Susan and C-SPAN. First Ladies: Presidential Historians on the Lives of 45 Iconic American Women. New York: PublicAffairs, Perseus Books Group, 2015. 496 p.
37. Young Nancy Beck. Lou Henry Hoover: Activist First Lady. Lawrence, Kansas: University Press of Kansas, 2004. 238 p.

REFERENCES

1. Alentyeva T.V. «Zhenskaja vojna» v Belom dome [Women's War in the White House]. URL: https://roii.ru/publications/dialogue/article/67_26/alentyeva_t.v./womens-war-in-the-white-house
2. Alentyeva T.V. Margaret Fuller (1810–1850). U istokov amerikanskogo feminizma [Margaret Fuller (1810–1850). At the Origins of American Feminism]. Bolhovitinova N.N., ed. *Amerikanskij ezhegodnik*,

1999 [American Yearbook. 1999]. Moscow, Nauka Publ., 2001, pp. 84-103.

3. Braujer Kejt A. *Pervaja ledi: tajnaja zhizn zhen prezidentov* [The First Lady: The Secret Lives of Presidents' Wives]. Moscow, Eksmo Publ., 2018. 464 p.

4. Grigoryev A. *Pervye ledi SShA: borba za rejting* [First Ladies of the USA: The Struggle for Rating]. URL: <https://www.golosameriki.com/a/first-ladies-of-us-2011-04-08-119499894/231765.html>

5. Kim K.Ju. Institut pervyh ledi (na primere SShA) [First Ladies Institute (The US Example)]. *Politija: Analiz. Hronika. Prognoz: zhurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki* [Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia], 2005, no. 1, pp. 171-180. DOI: 10.30570/2078-5089-2005-36-1-171-180

6. Kelli K. *Zhaklin* [Jacqueline]. Smolensk, Rusich Publ., 1997. 448 p.

7. Osipov A. *Pervye ledi SShA: Mishel Obama vyrashhivala ovoshhi, a Meri Linkoln vzyvala duhov* [First Ladies of the USA: Michelle Obama Grew Vegetables, and Mary Lincoln Summoned Spirits]. URL: <http://www.kp.ru/daily/26623.3/3639594/>

8. *Pervaja ledi* [First Lady]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/219025>

9. *Proshhalnyj tanec na stole v Belom dome: istorija odnoj fotografii: (Kak pervaja ledi SShA otmetila uhod supruga s posta prezidenta)* [Farewell Dance on the Table in the White House: The Story of One Photo (How the First Lady of the United States Noted the Departure of her Husband from the Presidency)]. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/articles/proshalnyi-tanec-na-stole-v-belom-dome-istoriya-odnoi-fotografii-id705410/>

10. *Frensis Klivlend, samaja molodaja pervaja ledi Ameriki* [Frances Cleveland, America's Youngest First Lady]. URL: https://www.peoples.ru/family/wife/frances_cleveland/

11. Shvedova N.A. Institut pervyh ledi kak komponent amerikanskoj politicheskoy kultury [The Institute of First Ladies as a Component of American Political Culture]. *Zhenshhina v rossijskom obshhestve* [Woman in Russian Society], 2013, no. 3 (68), pp. 51-58.

12. Shpotov B.M. *Prezident i ego ledi* [The President and His Lady]. URL: <http://hl.mailru.su/ cached?url=http%3A%2F%2Fwww.historia.ru%2F2002%2F04%2Fmarton.htm&text=%D2%E8%F2%F3%EB%FB+%E8+%ED%E0%E3%F0%E0%E4%FB+%C3%E5%F0%E1%E5%F0%F2%E0+%C3%F3%E2%E5%F0%E0&dsn=0&d=2913490>

13. Anthony C.S. *First Ladies: The Saga of the Presidents' Wives and Their Power, 1789–1961*. New York, William Morrow and Company, Inc., 1990. 685 p.

14. Biden Jill. *Where the Light Enters*. New York, Flatiron Books, 2020. 224 p.

15. Black A.M. *The First Ladies of the United States of America*. Washington, DC, White House Historical Association, 2013. 106 p.

16. Dunlap A.B. *A Woman of Adventure: The Life and Times of First Lady Lou Henry Hoover*. Lincoln, NE, Potomac Books, 2022. 296 p.

17. *First Ladies. Official Website of the White House*. URL: <https://www.whitehouse.gov/about-the-white-house/first-ladies/>

18. Germano S. *Michelle Obama's Memoir Nears 10 Million Copies Sold*. URL: <https://www.wsj.com/articles/michelle-obamas-memoir-on-course-to-be-most-successful-ever-11553601931>

19. *Herbert Hoover Presidential Library and Museum. Lou Henry Papers (Subject Files Series)*.

20. *Herbert Hoover Presidential Library and Museum. Pete Hoover's Archives. Box no. 2. File «Hoover, Mrs. Herbert (Lou Henry)»*.

21. Jordan M. *The Art of Her Deal: The Untold Story of Melania Trump*. New York, Simon and Schuster, 2020. 352 p.

22. *List of Memoirs by First Ladies of the United States*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_memoirs_by_first_ladies_of_the_United_States

23. *Lou Henry Hoover: A Biographical Sketch*. URL: <http://www.hoover.archives.gov/education/louhenrybio.html>

24. *Lou Henry Hoover. Official Website of the White House*. URL: <https://www.whitehouse.gov/about-the-white-house/first-ladies/lou-henry-hoover/>

25. *Louisa Catherine Johnson Adams. Official Website of the White House*. URL: <https://www.whitehouse.gov/about-the-white-house/first-ladies/louisa-catherine-johnson-adams/>

26. Mayer D.C. The Documentary Legacy of Lou Henry Hoover. *Lou Henry Hoover: Essays on a Busy Life*. Worland, High Plains Company, 1994, pp. 127-135.

27. *Official Website of the George Washington's Mount Vernon*. URL: <https://www.mountvernon.org/george-washington/martha-washington/ten-facts-about-martha-washington/>

28. *Official Website of the National First Ladies' Library*. URL: <http://www.firstladies.org>

29. *Official Website of the National Park Service. First Ladies National Historic Site. Ohio*. URL: <http://www.nps.gov/fila/index.htm>

30. *Official Website of the White House*. URL: <https://www.whitehouse.gov/about-the-white-house/>

31. *Pace, Julie and Superville, Darlene. Jill: A Biography of the First Lady*. Boston, Little, Brown and Company, 2022. 320 p.

32. *Personal Memoirs of Julia Dent Grant (Mrs. Ulysses S. Grant)*. Carbondale, Southern Illinois University Press, 1988. 346 p.

33. Pryor H.B. *Lou Henry Hoover: Gallant First Lady*. New York, Dodd, Mead & Company, 1969. 271 p.

34. Rosebush J.S. *First Lady: Public Life*. Lanham, Maryland, Madison Books, 1987. 128 p.

35. Skarmeas N.J. *First Ladies of the White House. Their Lives and Stories*. Nashville, Tennessee, Ideals Publications, 2012. 87 p.

36. Swain Susan and C-SPAN. *First Ladies: Presidential Historians on the Lives of 45 Iconic American Women*. New York, PublicAffairs, Perseus Books Group, 2015. 496 p.

37. Young Nancy Beck. *Lou Henry Hoover: Activist First Lady*. Lawrence, Kansas, University Press of Kansas, 2004. 238 p.

Information About the Author

Alexandr L. Perevezentsev, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and Religious Studies, K. Zhubanov Aktobe Regional University, Prosp. A. Moldagulovoi, 34, 030000 Aktobe, Republic of Kazakhstan, alex_perevezentsev@yahoo.com, <https://orcid.org/0009-0009-7918-4140>

Информация об авторе

Александр Леонидович Перевезенцев, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и религиоведения, Актюбинский региональный университет им. К. Жубанова, просп. А. Молдагуловой, 34, 030000 г. Актобе, Республика Казахстан, alex_perevezentsev@yahoo.com, <https://orcid.org/0009-0009-7918-4140>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.14>

UDC 327.83
LBC 66.4

Submitted: 12.04.2023
Accepted: 11.07.2023

USA POLICY TOWARDS UNITED NATIONS: THE CASE OF UN PKOS IN THE DEMOCRATIC REPUBLIC OF CONGO

Darya B. Pushkina

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Rada V. Kalina

Freie Universität Berlin, Berlin, Germany

Abstract. *Introduction.* This article examines United States policy towards United Nations Peacekeeping Operations (UN PKOs) by analyzing the U.S. position towards peacekeeping operations in the Congo (Democratic Republic of the Congo, DRC) to trace the evolution and specific features of this policy over time. The article attempts to answer the question: is U.S. policy toward UN PKOs defined by only national interest, or is there more to it? *Methods and materials.* The article analyzes U.S. official speeches and documents, UN official documents related to peacekeeping operations in the Democratic Republic of Congo, American foreign policy doctrines, and academic literature on U.S. foreign policy, U.S.-UN relations, and UN PKOs in the DRC. *Analysis.* American policy towards UN peacekeeping operations in Congo in 1960–1964 and 1999–2022 is analyzed to identify the main trends in the USA's approach toward UN PKOs. *Results.* The article concludes that U.S. policy towards the United Nations is defined by the combination of the national interest of the country and the ideas of American exceptionalism. *Authors' contributions.* D. Pushkina defined the research focus of the article, examined academic literature on UN PKOs in Congo and relevant documents, and defined the main vectors of the research. R. Kalina examined academic literature about U.S.-UN relations, analyzed official U.S. statements on UN peacekeeping operations in Congo, and made conclusions.

Key words: American foreign policy, United Nations, UN peacekeeping, U.S.-UN relations, UN PKOs in Democratic Republic of Congo.

Citation. Pushkina D.B., Kalina R.V. USA Policy Towards United Nations: The Case of UN PKOs in the Democratic Republic of Congo. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 1, pp. 157-168. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.14>

УДК 327.83
ББК 66.4

Дата поступления статьи: 12.04.2023
Дата принятия статьи: 11.07.2023

ПОЛИТИКА США В ОТНОШЕНИИ ООН: КЕЙС МИРОТВОРЧЕСКИХ МИССИЙ ООН В ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ КОНГО

Дарья Булатовна Пушкина

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Рада Владимировна Калина

Свободный университет Берлина, г. Берлин, Германия

Аннотация. Политика США по отношению к миротворческим операциям ООН менялась в течение существования организации. В данной статье анализируется политика США по отношению к миротворчеству ООН на примере миротворческих операций в Демократической Республике Конго. Рассматриваются официальные речи представителей США, официальные документы ООН касательно миротворческой опера-

ции в Конго, академическая литература про отношения США и ООН и миротворческие операции в Конго. Американская политика по отношению к миротворческим операциям ООН в Конго в 1960–1964 гг. и 1999–2022 гг. проанализирована, чтобы выявить основные тенденции в американском подходе к миротворческим операциям ООН. В статье сделан вывод, что американская политика по отношению к ООН определяется комбинацией национальных интересов страны и идеями американской исключительности. *Вклад авторов.* Д.Б. Пушкина сформировала исследовательский вектор статьи, проанализировала литературу и официальные документы ООН по отношению к миротворческой операции в Конго, определила методологию исследования. Р.В. Калина проанализировала литературу об отношениях США и ООН, официальные заявления представителей США касательно миротворческих операций ООН в Конго.

Ключевые слова: внешняя политика США, Организация Объединенных Наций, операции ООН по поддержанию мира, отношения США и ООН, миротворческие операции ООН в Демократической республике Конго.

Цитирование. Пушкина Д. Б., Калина Р. В. Политика США в отношении ООН: кейс миротворческих миссий ООН в Демократической Республике Конго // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 1. – С. 157–168. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.14>

Introduction. This article analyzes the United States' policy towards United Nations peacekeeping operations (UN PKOs) using the example of UN PKOs in the Democratic Republic of the Congo (DRC). The case of DRC can help to trace the developments in American policy towards UN peacekeeping because the war outbreaks in DRC in the 1960s and 1990–2010s are tightly linked with the history of the UN PKOs during both the Cold War and the post-Cold War periods.

The academic debate investigates the complexity of the relationship between the USA and the United Nations. Many researchers tend to define the relationship between two international actors as unequal. They point out two things: the ambiguity of U.S. policy towards the UN and the hegemony of the U.S. on the global stage. Cronin, for example, writes that promoting the development of the UN as an international organization was crucial for the hegemonic nature of the U.S. presence in world politics [8]. With time, the United Nations started to reflect American principles in its work and structure. Puchala states that U.S. hegemony in the United Nations started even before the end of the Cold War. He claims it happened at the end of World War II and that the United Nations was an American creation [29]. The U.S. has been using its power to control the United Nations and promote its national interest in the organization. With regards to UN PKOs in Congo, Dean, an American diplomat, said in 1963, "Throughout most of the three years [of Congo operation], the UN acted as an agent of the U.S." [17]. Yet other

scholars find another pattern. For instance, Cohen claims that the creation of the United Nations showed the U.S. how to act following their interests but also be conscious of world politics and more responsive to it [7]. As an example of this point of view, scholars point out that during the first Peacekeeping Operation in Congo, ONUC, USA favored the UN PKO mission rather than the American troops' intervention [27].

Researchers claim that the cooperation between the USA and the UN is about the costs and benefits, and the approach the U.S. has towards the organization is pragmatic [19, p. 31]. Peacekeeping Operations in the Congo can illustrate the United States' evaluation of UN peacekeeping activity at various times. The Democratic Republic of the Congo, with several decades of UN interference, caused a plethora of views from the U.S. presidential administration offices when each newly elected president modified the U.S. attitude towards UN intergovernmental cooperation in global peace promotion. Our previous research analyzed USA policy towards UN PKOs in post-Cold War administrations [30]. The current paper analyzes academic literature and U.S. officials' public statements to better understand the American approach toward UN PKOs, looking at the Cold War and post-Cold War periods.

Methods and materials. This article analyzes U.S. and UN official documents, as well as statements from public officials and academic literature. The study examines the official statements from United States politicians towards UN PKOs and specifically UN PKOs in Congo

in the years 1960–1964 (Cold War) and 1990–2022 (post-Cold War) to highlight the main trends of the American approach to UN Peacekeeping Operations. Time selection emanates from the ‘Most Different Design Approach’. There is a difference in US foreign policy between the 1960s (the Cold War climax, the Vietnam War, etc.) and the 1990s (the era of US ‘triumphalism’). Yet, it is still interesting to look at the above-mentioned periods through the prism of UNPKO in Congo to find the very patterns of the US attitude toward United Nations peacekeeping. The authors provided a historical overview of the situation in Congo and the USA’s involvement in peacekeeping operations in the country. The analysis of official statements and academic literature on the topic helped to highlight the pivotal moments in the U.S. approach toward UN PKOs.

Analysis. Congo was a Belgian colony between 1908 and 1960, although de facto colonial rule had existed since the declaration of the “Congo Free State” in 1885 under King Leopold II of Belgium. Congo is rich in natural resources such as gold, diamonds, coltan, copper, coal, and uranium. Most exploitable mineral resources are located in the south, especially in the Katanga (now Shaba) province [13]. Belgium granted Congo independence in 1960, a decision stimulated by armed clashes and rioting against the colonial administration. Regional political leaders worked out a power-sharing arrangement, and as a result, there was a compromise between two rival leaders: Joseph Kasavubu became the President of the Republic and Patrice Lumumba the Prime Minister [34].

Following independence, there was a rebellion within the Congolese Army Force Publique (known after independence as *Armée Nationale Congolaise*, or ANC), due to dissatisfaction with the continued presence of Belgian officers and citizens within the country’s military and political structures. At the same time, with the support of Belgium, several regions declared their independence from the country. Central government forces mobilized to prevent these secessions from occurring. On July 11th, 1960, just before the UN’s arrival to oversee Belgian withdrawal, regional leader Tshombe, perceived as ‘pro-Western’ by both the USA and USSR, declared Katanga province independent, requested mobilization to resist UN forces, and

refused to negotiate [13, p. 318]. Another Congo province, South Kasai, demanded full autonomy soon afterward.

The United Nations Operation in the Congo, or ONUC, was established in July of 1960 and mandated to oversee the withdrawal of Belgian forces and assist the new government in maintaining law and order [35]. The mission was subsequently mandated to focus more on preventing civil war and maintaining the territorial sovereignty of the Congo. Such missions were rare, as there were extreme difficulties in maintaining them [10].

The USA and USSR voted in favor of the mission; however, with time, their positions regarding the operation and peacekeeping in general changed. The Congo turned into the first hotspot on the African continent after the decolonization period. Opposite sides of the Cold War crisis had their interest in the country: it had a good geographical position in the middle of Africa, and the country’s natural resources and minerals made it very attractive to foreign powers. “Western perceptions of both the Congo’s intrinsic value, stemming from its mineral wealth, and the country’s vulnerability to Communist pressure made the country both an open and covert Cold War battleground” [13, p. 319]. The U.S. President Eisenhower and the First Secretary of the Communist Party of the Soviet Union, Khrushchev, tried to use the crisis in their favor. Eisenhower was aiming at protecting the interests of the West with the help of the United Nations without necessarily using American resources for it. For Khrushchev, the UN operation was an opportunity to influence the events in Congo to increase Soviet influence in Africa and support Prime Minister Lumumba. Lumumba hoped for the help of military operations to unite the country again [25]. UN forces began deployment in 1960 amid civil war and attempts by Lumumba (with the help of the USSR) to implement peace. In December 1960, Khrushchev criticized the mission: he accused the United Nations and its Secretary General, Dag Hammarskjöld, of bias towards Lumumba and even suggested reforming the United Nations, by abolishing the position of Secretary General and replacing it with a troika system. His proposal was rejected [23]. The Congolese crisis was seen as a dangerous front in the Cold War and could potentially lead to

escalation between the USA and USSR. At the time, US policy towards Congo was dominated by the domino theory, which argued that if Communist influence took place in one country, it would spread to others. Assistant Secretary of State for African Affairs, G. Mennen Williams, testifying before a closed hearing of the Senate Foreign Relations Committee in early 1961, stated that if the US pulled out of Congo at the time, the USSR would soon control the whole of Africa [13, p. 322]. George McGhee, an Under Secretary of State for Political Affairs, confirmed it in his 1990 interview, saying that Kennedy treated the USSR as an enemy in the Congo [25].

The United States, thus, viewed its participation in the UN PKO in the Congo as a way to increase its power in Africa. As a result, the United States provided half of the finances for the PKO mission, most of the airlift, and overall, the US contribution to ONUC's covered about 48% of the military and about 71% of the UN civilian operations [13, p. 331]. However, the United States also manipulated the rival Congolese factions, their outside supporters, and the UN and "mounted covert operations" [13, p. 322]. Domestically in the USA, there were disagreements within the State Department, the Congress, and the media's influencers of public opinion about "African nationalism, the role of Communist influence in the region, and the relative importance of good relations with Third World countries when that goal clashed with traditional relations with the NATO allies, several of whom retained colonial empires" [13, p. 323].

The American leadership kept providing support to the UN Peacekeeping Operation in the Congo, while the Soviet Union criticized the involvement of the UN in the internal conflict in the Congo and tried to reform the structure of the United Nations alongside it. US President Dwight Eisenhower defended UN involvement in the Congo during the UN General Assembly in 1960. He claimed that "criticism directed by these nations against the Secretary General <...> is nothing less than a direct attack upon the United Nations itself" [2]. Eisenhower's successor, John F. Kennedy, addressed the failed attempt of the Soviet Union's reform of the UN at the UN General Assembly in 1963, highlighting again the importance of U.S. support for the operation [3]. Dean Rusk, who was Secretary of State during

Kennedy's presidency, in 1961 asked for a stronger mandate for the UN, showing again the interest of the U.S. in UN involvement in the conflict [24].

The rivalry between the USA and USSR was not the only reason why the U.S. supported ONUC. The post-colonial nature of the conflict in the Congo and, hence, the presence of Belgian armed forces in the country, influenced the decision-making of the United States. With Belgium being a NATO member state, the American administration did not want any confrontation between UN troops and the Belgians. In a way, the U.S. tried to be in contact with many sides involved in the conflict but acted according to their national interests. In some situations, during ONUC, the national interest of the U.S. prevailed over the interest in resolving the conflict in Congo, and it influenced the UN Peacekeeping Operation as well. Eisenhower's administration was interested in its loyalty to the NATO alliance and "sought to protect European interests, save Europeans from humiliation, and to block Communist designs" [28]. The approach of Kennedy's administration was also directed at fighting Communist ideas and Soviet influence.

The United States provided substantial financial and military support to the ONUC. When some other states, including the USSR and France, refused to support the continuation of the operation, the U.S. provided a significant portion of funding. When Lumumba was assassinated in Katanga province, the conflict severely worsened. According to declassified documents, the CIA initiated operations aimed at destabilizing Lumumba [17]. The role of the USA in the destabilizing situation in Congo by the assassination of Lumumba demonstrated how the USA could put its interests over cooperation with the United Nations. Moreover, the U.S. began to support rivals who were fighting for control of the Congo, while US official support for UN PKOs continued. ONUC was authorized to use force to end Katanga's secession. In July 1961, ONUC's maximum strength consisted of 19,828 military personnel and was supported by international civilian and locally recruited staff [4]. Such numerous troop missions were unusual for the Cold War period. The mission was one of the few during the Cold War to be deployed in an internal armed conflict with an enforcement mandate, as during

the Cold War period, peace operations mostly performed cease-fire monitoring. It was possible due to the initial consensus within the Security Council regarding the mission. It was also the most ambitious and costly of the United Nations missions during the Cold War [4].

There are debates within the academic literature regarding the success of the mission. Partially, the mission fulfilled its mandate, but some critics see it as a failure [18]. This paper concurs that the successes included the removal of Belgian forces, the eventual establishment of the territorial integrity of the country, and the removal of all non-UN military and paramilitary personnel from the country. However, ONUC witnessed several major cease-fire violations, and many civilian casualties occurred during the mission. There were large outflows of refugees, with hundreds of thousands fleeing from the South Kasai region. This aspect significantly contributed to the conclusion that the Congo conflict destabilized regional security. In February of 1963, when the mission did succeed in reintegrating Katanga into the national territory of the Congo, the UN began its withdrawal.

The example of UN PKO in Congo demonstrates that U.S. involvement in the operation in Congo followed the national interest of the country: it opposed the Soviet Union on a geopolitical level and supported anti-communist and anti-Soviet regimes in countries across the globe, including Congo. Involvement in the UN PKOs was another way to gain support from the organization and to support and influence third countries around the globe. ONUC also showed that the U.S. was willing to put NATO allies interests above the United Nations.

One of the reasons why the United States followed its national interests can be the idea of American exceptionalism. As defined by different researchers, exceptionalism is “any collective ideas asserting that a certain community (imagined or not) deviates from the norms typical of all other similar communities, due to the special features it possesses” [1]. In the case of the United States, the idea of their exceptionalism includes belief in the uniqueness of the American political system and historical development. We can see the belief in American uniqueness in the USA’s relationship with the United Nations. While the U.S. gained support from the UN, there were instances when

it did not follow UN orders and chose to act within its interests. While the ONUC mission was clearly not a successful peacekeeping operation, it was declared by American officials, such as Harlan Cleveland, then US Assistant Secretary of State for International Affairs, to be better than any alternatives (meaning growing Soviet influence in the region) [13, p. 345]. Following the end of the UN PKO involvement, the United States supported militarily and economically the dictatorship regime of Mobutu Sese Seko, who ruled the country while ignoring its political, economic, and social problems, which, in turn, contributed to the outbreak of conflict in the region again in the 1990s [15, p. 231]. The fact that Congo in the 1960s became a case of Cold War rivalry contributed to the fact that there was reluctance among UNSC permanents in the 1990s to engage in the region again [15, p. 230]. ONUC “created an acute political and financial crisis that scarred the Organization for a long time” [13]. This United Nations operation in Congo became one of the most difficult ones for UN Peacekeeping [25]. The renewal of instability and the beginning of a new war in the 1990s led to further doubt about the success of the original peacekeeping mission, which used an enforcement mandate to guarantee the unity of the country rather than develop a cohesive peace plan for the country’s prolonged peace and prosperity. The latter part was arguably not feasible given the USA’s support of the rival factions.

In the post-Cold War period, there has been a noticeable change in the USA’s approach to the UN in general and peacekeeping operations in particular, with almost every new administration in office. The approach to the United Nations can be described as fluctuating; it goes from close cooperation and financing to a far more distant relationship.

In the 1990s, the UN drastically increased the number of operations. It also evolved from traditional cease-fire missions to encompass peacebuilding, which added additional dimensions to peacekeeping operations [9]. With the end of the Cold War, the USA considered itself the only remaining superpower, and in its latter years, the President G.H.W. Bush administration drafted a US policy towards UN peacekeeping operations [14, pp. 35-36]. In September 1992, President Bush stated in his speech to the UN General Assembly that the

USA was ready to strengthen the world's peace by strengthening international peacekeeping [14, p. 37]. Domestically, there was disagreement both within Congress and within military command regarding the degree to which the US should participate in UN PKOs [14, p. 38]. National Security Decision Directive 74 issued by President Bush stated that UN capability for peacekeeping should be strengthened and the participation of US forces considered only if their 'unique' military capabilities were necessary for the success of UN PKO [14, p. 39]. President Clinton's administration aimed to create a comprehensive US policy towards UN peacekeeping operations, issuing Presidential Review Directive 13.

Many members of Clinton's administration were initially in favor of stronger US support for UN PKOs, as they also considered greater UN involvement in world peace to be a certain burden relief for the United States. For example, Ambassador Albright stated to Congress in 1993 that peacekeeping would be instrumental in 'meeting three fundamental imperatives of our national interest: economic, political and humanitarian' [14, p. 41]. However, there was also considerable skepticism in the USA about American involvement in UN PKOs, particularly among US military command: having only extremely limited engagement with PKOs in the past, US military tended to view the organization missions with suspicion [14, p. 41]. It was combined with the fact that the UN missions in Bosnia, Somalia, and Cambodia were running into substantial difficulties. The opposition to US active involvement in the UN PKOs within the United States was represented, for example, by the former Secretary of State Henry Kissinger, who stated that Clinton's administration failed to relate the use of US military troops to a concept of the national interest [14, p. 50].

Due to the mounting domestic opposition to the increased US participation in the UN PKO's, the Clinton administration started to adopt a more critical stand towards US participation in UN PKOs' than it initially announced. The important defining point came in October 1993, when U.S. troops were killed in the Battle of Mogadishu in Somalia. This resulted in the Clinton administration's withdrawal from strong cooperation with the United Nations PKOs [14,

p. 49]. The U.S. still supported the organization financially, but cooperation in other spheres, including the provision of troops, was significantly lowered. During this time, American interests became more central and separate from concepts of broader, global interests.

President Clinton issued Presidential Decision Directive 25 (PDD-25) in 1994. The directive stated that the UN PKOs might be supported and US participation in them might be considered if the operation advances US interests, domestic / congressional support exists, and unique / general risks to US troops are acceptable [14, p. 58].

Another pivotal turning point happened during George W. Bush's administration. This change was a direct impact of 9/11 and the Iraq War. In the beginning of the George W. Bush Presidency, the administration was quite ambivalent towards the United Nations. After 9/11, there was a major shift in the approach: Bush's administration started pushing toward peace operations and increased the UN budget [20]. Obama's administration was also in favor of cooperation with the United Nations. Aside from personally attending the UN General Assembly and giving multiple speeches there, his administration attempted to reform the UN to increase the organization's efficiency and to have a more inclusive approach to the Security Council. Under Obama, the United States continued to be the largest financial contributor to the UN budget. A significant number of contributions by the U.S. went to peacekeeping accounts at the UN. Concerning peacekeeping, Obama's administration tried to review the way peacekeeping operations were structured, paying significant attention to the countries that contribute the most to PKOs in terms of personnel [5].

The situation changed with the Trump administration. President Trump has been very critical of the United Nations since his presidential campaign. The nature of his "America First" policy was skepticism toward multilateral cooperation. Such policy resulted in a refusal to fund and participate in the United Nations and withdrawal from multiple UN institutions. In terms of peacekeeping, Trump's administration was cutting the budget directed to PKOs as well as the general budget for the United Nations. The current American President Biden promised that the United States would be more involved in world politics and United Nations processes, including

the increase in participation in peacekeeping operations [31], but the administration's priorities have mostly been directed towards other issues.

The dynamics of US policy towards UN PKOs can be traced in the case of the DRC. In the 1990s, Congo became embroiled in conflict again due to its domestic economic, social, and political problems (ignored by the Mobutu regime), but also, to a large degree, to its role in the 1994 Rwandan Civil War. In the aftermath of the 1994 Rwanda genocide, the Hutu militias of Interahamwe, fearing retaliation for their attacks on Tutsis in Rwanda, fled to neighboring Zaire (the Democratic Republic of Congo bore the name of Zaire between 1971 and 1997). The Hutus set up camps in the North and South Kivu in eastern Zaire and began attacking Congolese Tutsis, which resulted in the latter fearing another Rwanda-like genocide. Rwanda's President Paul Kagame formed a coalition with Uganda's leader Yoweri Museveni and sent several armed units to South Kivu to support the Congolese Tutsis and to remove the Hutu camps from the Zaire-Rwandan border. The conflict became a regional one, with several countries involved and several insurgent groups fighting. Zaire's President Mobutu's army refused to fight back and fled. With encouragement from Rwanda and Uganda, Congolese Laurent Kabila created the Alliance of Democratic Forces for the Liberation of Congo-Zaire, and on March 16th, 1997, Kabila forced Mobutu to resign, assumed the Congolese Presidency, and renamed the country the Democratic Republic of the Congo. However, the regional and domestic conflict continued. In 2001, Laurent Kabila was assassinated, and his son, Joseph Kabila, took over power. Joseph Kabila called for multilateral peace talks and welcomed the UN PKO mission. The Lusaka Ceasefire Agreement that was signed in July 1999 between the Democratic Republic of the Congo and Rwanda, Uganda, Angola, Namibia, and Zimbabwe allowed the UN Security Council to authorize the deployment of the United Nations PKO [37]. Initially, the mission had a mandate for the observation of the ceasefire and disengagement of its forces, as well as to be a liaison between all parties to the Ceasefire Agreement. The limitations of the mandate were due largely to the fact that missions with more expanded mandates are more expensive, and "the

more expensive the mission, the more reluctant the United States and other permanent members of the UN Security Council are to authorize or expand it" [15, p. 301].

Richard Holbrook, US ambassador to the United Nations, spoke in favor of initiating UN PKO in Congo but insisted that the USA would delay deployment of any mission until warring parties respect the cease-fire. Together with other American politicians, he visited several countries in Sub-Saharan Africa, including the DRC, Rwanda, Uganda, and Angola, stressing the importance of stopping violence [15, p. 250]. In expressing their opinions to the Security Council in the following consultations, African countries called for a very robust peacekeeping force, and France was also in favor of a quick, strong enforcement mission. These opinions, however, were not in accordance with what the U.S. administration envisioned [15, p. 250]. Besides, there was some domestic opposition in the U.S. Congress to funding the UN PKO mission, considering ongoing UN missions in Kosovo and East Timor [15, p. 251]. The Clinton administration argued that the mission would not involve any U.S. troops and should necessarily involve cooperation from the warring parties; thus, the USA proposed Resolution 1291 with a minimalist approach to the conflict, which frustrated African countries [15, p. 251].

According to the analysis of several American scholars, even though the USA took the lead on Resolution 1291, American political support for the MONUC mission would weaken over time. The non-implementation of peace agreements by the warring parties undermined the United States' interest in the area. In its first years in office, the Bush administration did not focus on MONUC until William Lacy Swing was appointed as the Secretary-General's special representative in the DRC in May 2003. Swing was a former U.S. ambassador to the country, well connected to the State Department, and his leadership of the mission allowed him to secure more support from the United States [15, p. 253]. The Security Council expanded the mandate to include the supervision of the implementation of the Ceasefire Agreement and several other related tasks [38]. MONUC's maximum strength was 22,016 total uniformed personnel [39]. In spring 2003, the SC agreed to enforcement measures (authorizing a French-led European Union force).

Although MONUC contributed somewhat to conflict management in the DRC, overall, the mission largely failed to stop the war in the country. The numerous expansions of the MONUC mandate reflect the complexity of the challenges within the country, which required military peace enforcement, national state-building, and regional diplomatic efforts at the same time. While there was no direct spread of conflict, there was serious destabilization of regional security: neighboring countries' armies (Rwanda, Uganda, and Angola) and militant groups were involved in the DRC war. Parties to the conflict were also involved in other regional conflicts [21]. The Democratic Republic of the Congo was claimed to be "one of the most intervened countries in the world" [32]. To the mission's credit, MONUC partially contributed to the withdrawal of most foreign forces from the DRC. A significant failure of the mission lies in failing to protect civilians even with the peace-enforcement mandate.

By June 2010, the UN reported that there had been improvements in the Democratic Republic of the Congo: relative stability has been achieved in the western DRC, relations with neighboring states have improved, several rebel leaders (such as Laurent Nkunda) have been captured, Interhamwe FDLR rebels have been defeated, and some demobilization and disarmament have been conducted. The UN reports also noted some progress in building new institutions [41]. However, many problems remained: persistent fighting, violence against civilians, "the illegal exploitation of natural resources; inter-communal tensions compounded by population movements between the Democratic Republic of Congo, primarily North Kivu, and Rwanda; and the root causes of the instability in the area, including the limited presence of State authority" [40]. As a result, MONUC has been widely characterized as a failed mission [11]. By 2004, the realization of the lack of significant progress in MONUC, serious domestic disagreements within the Congress about supporting funding for the mission, and the accusations of the UN peacekeepers of breaking international and domestic law began to significantly erode U.S. support for the UN PKOs in general and the mission in Congo in particular [15, p. 254].

In July 2010, UNSC initiated a United Nations Organization Stabilization Mission in the Democratic Republic of Congo (MONUSCO). To combat groups such as M23, a rebel military group, in March 2013, the UNSC authorized the deployment of a force intervention brigade (FIB) within MONUSCO "to conduct offensive operations against M23 and other armed groups within eastern DRC" [36]. The main purpose of FIB was "to eliminate threats to the DRC government, improve civilian security and create conditions for post-conflict reconstruction and stabilization." In July 2013, the UN Intervention Brigade of 3,000 military personnel was deployed to the DRC, thus creating a new and unprecedented initiative in UN enforcement measures. The maximum authorized troop size was 20,000, with the authorization to use enforcement even without the consent of the Congolese government. Traditionally, UN peacekeepers are equipped with light weapons intended for use in self-defense, but the FIB has mortal weapons, snipers, heavy artillery, attack helicopters, and drones [22].

MONUSCO, with about 20,000 personnel, including 18,000 military personnel, has proceeded to tackle many of the same mandates as its predecessor [26]. However, rebel forces continue to fight each other, and government forces, civilians, and peacekeepers are being targeted. One of the ongoing problems, according to the UN reports, is the control of the militants over the rich mineral resources in the area, such as coltan. Coltan is very demanded in the world market (it is vital for the production of mobile phones and other expensive electronic devices), and revenue from selling it helps fund militant groups. In addition, a resurgence of Ebola and the COVID-19 pandemic challenge the nation. At present, the Democratic Republic of the Congo is one of the most failed states in the world [16]. Despite the long-term commitment of the United Nations peacekeepers and peace enforcement mandates of the missions, the inability to prevent ongoing violence reflects the overall failure of the missions.

The example of the Democratic Republic of the Congo allows us to monitor American government policy toward the United Nations PKOs. Clinton's administration promised to work more closely with the UN toward solving the crises in Africa, including the Congo [6].

However, the USA refused to send troops to the continent to support peacekeeping operations, especially after the tragic event in Somalia. The Bush administration, after 9/11/2001, supported the UN PKO in the DRC, but its backing faded over time, especially when the allegations of UN peacekeepers committing crimes became public. Obama's administration was also involved in solving this conflict. Hillary Clinton, a secretary of state at the time, personally visited the Democratic Republic of the Congo and called attention to the region's ongoing conflict [33]. Moreover, Barack Obama said that the U.S. is "prepared to work with the United Nations, regional organizations and others to help him (Joseph Kabila, the DRC president from 2001 to 2019) build capacity". Donald Trump's election signified another change in U.S.-UN cooperation, this time more drastic than previously. While his predecessors might not have been strongly supportive of the organization, his term was defined by a retreat from globalization and a reduction of financial contributions to international organizations [9]. Trump's administration lessened the U.S. involvement in UN Peacekeeping Operations, reducing their support for MONUSCO. Haley claimed that the UN mission was "aiding a government that is inflicting predatory behavior against its own people" [12]. President Biden pledged more cooperation with the UN PKOs while entering office, yet his administration has defined different foreign policy priorities so far.

Given the above, since the end of the Cold War, the United States has tried different approaches toward UN Peacekeeping Operations. The relationship between the U.S. and the UN has changed more than once since the Cold War ended. Under Clinton's administration, the U.S. initially increased but later decreased its participation in UN processes, including peacekeeping operations. After 9/11 and the beginning of the Iraq War, the attitude changed, and the U.S. became more involved in the organization, including peacekeeping initiatives. For a while, the United States continued to be involved with the UN and its peacekeeping operations, providing financial and military support. After the beginning of Trump's term, the U.S. reduced its cooperation with organizations. It stopped being a member of some internal UN organizations and significantly lowered the amount of budget that

would go to the United Nations. President Biden's administration calls for increased involvement with the organization; however, the American administration continues to view the United Nations as a venue to advance its national interests.

Results. In the previous part, we looked at the historical overview of UN PKOs in the Democratic Republic of the Congo and the American involvement in them. One of the main features of U.S.-UN cooperation is the motivation behind the USA's support for the organization and its peacekeeping missions. It is not only the national interest of the United States that drives them to support peacekeeping operations; it is also the idea of American exceptionalism.

While American exceptionalism is not an official doctrine of the United States when it comes to foreign policy, Barack Obama and Donald Trump recognized it, despite their very different attitudes toward the UN. Both have talked about the USA's uniqueness on the world stage. It is also possible to trace discourses of American uniqueness during the Cold War era and after. This belief in American exceptionalism manifests itself in different ways during UN PKOs in the Democratic Republic of the Congo.

The U.S. has financially contributed to United Nations Peacekeeping Operations, in many cases more than other countries in the world. Such contributions allowed the U.S. to influence the direction and nature of these operations and direct them toward American interests on the global stage. What we also see in the example of UN PKOs in the DRC, USA, is their selective engagement in them. The country's leadership oftentimes prioritizes the national interests of the U.S., which does not always align with the UN agenda. In the 1960s, during the first UN Peacekeeping Operation in the Congo, we can see the U.S. government coordinating and focusing more on its cooperation with NATO countries than its cooperation with the United Nations as the organization representing a broader membership. The same tendency can also be seen in the years following the 1990s. On top of that, concerns for the sovereignty and autonomy of the United States have also been expressed by American politicians when it comes to cooperation with the UN. President Trump, in this case, declared policy priority to preserve U.S. autonomy from the United Nations.

American exceptionalism has a significant role in U.S.-UN cooperation. While the United States has contributed resources and expertise to the United Nations, engagement is often characterized by the desire to balance its uniqueness on the global stage, maintain autonomy, and influence other initiatives. The complexity of this interplay between exceptionalism and cooperation influences U.S.-UN relations.

Conclusion. This article investigated the American involvement in UN Peacekeeping Operations in the DRC. From the analysis presented in this article, we conclude that the American approach to the operations shows that the USA acts in its national interest but also in accordance with the notion of its uniqueness. The combination of American exceptionalism and national interest is crucial to understanding the nature of U.S. policies. From the analysis in the article, it is clear that national interest defined the approach the USA took toward the United Nations in the 1960s and 2000s. During the Cold War, the goals of the United States in an international context were defined by the rivalry with the USSR and the competition for spheres of influence. Moreover, the constant state of rivalry with the Soviet Union challenged the idea that the U.S. was an exceptional country. Since the end of the Cold War, the United States has perceived itself as the only global superpower, which has reaffirmed the idea of American exceptionalism.

ACKNOWLEDGMENTS

The authors express special thanks to Roman Shcherbakov (Saint Petersburg State University, Russian Federation) for editing and research assistance.

REFERENCES

1. Adamova N.E. The Coinage of the Term American Exceptionalism and its Original Meanings. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2017, vol. 62, iss. 1, pp. 106-119. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.109
2. Address Before the 15th General Assembly of the United Nations, New York City. *The American Presidency Project*. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-before-the-15th-general-assembly-the-united-nations-new-york-city>
3. Address before the 18th General Assembly of the United Nations, September 20, 1963. *JFK Library*. URL: <https://www.jfklibrary.org/archives/other-resources/john-f-kennedy-speeches/united-nations-19630920>
4. Aksu E. *The United Nations, Intra-State Peacekeeping and Normative Change*. Manchester, Manchester University Press, 2003. 241 p.
5. Bosco D. Course Corrections: The Obama Administration at the United Nations. *The Hague Journal of Diplomacy*, 2011, vol. 6, no. 3-4, pp. 335-349. DOI: <https://doi.org/10.1163/187119111X587884>
6. *Clinton Expresses Support for Peacekeeping*. URL: <https://www.thenewhumanitarian.org/report/5358/drc-clinton-expresses-support-peacekeeping>
7. Cohen B.V. The Impact of the United Nations on United States Foreign Policy. *International Organization*, 1951, vol. 2, no. 2, pp. 274-281. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020818300015320>
8. Cronin B. The Paradox of Hegemony: America's Ambiguous Relationship with the United Nations. *European Journal of International Relations*, 2001, vol. 7, no. 1, pp. 103-130. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354066101007001004>
9. Diehl P. Triage or Substitution?: The Changing Face of UN Peacekeeping in the Era of Trump and Nationalism. *International Peacekeeping*, 2019, vol. 26, no. 5, pp. 540-554. DOI: <https://doi.org/10.1080/13533312.2019.1677287>
10. Diehl P., Druckman D. Multiple Peacekeeping Missions: Analysing Interdependence. *International Peacekeeping*, 2018, vol. 5, no. 1, pp. 28-51. DOI: <https://doi.org/10.1080/13533312.2017.1346474>
11. Diehl P., Mueller G., Druckman D. Juggling Several Balls at Once: Multiple Missions in MONUC. *Global Governance*, 2021, vol. 25, no. 4, pp. 493-516. DOI: <https://doi.org/10.1163/19426720-02704003>
12. *Donald Trump Scales Back the UN's Peacekeeping in Congo*. URL: <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2017/04/08/donald-trump-scales-back-the-uns-peace-keeping-in-congo>
13. Durch W.J., ed. *The Evolution of UN Peacekeeping: Case Studies and Comparative Analysis*. New York, St. Martin's Press, 1993. 511 p.
14. Durch W.J., ed. *UN Peacekeeping, American Policy and the Uncivil Wars of the 1990s (A Stimson Center Book)*. Palgrave Macmillan, 1996. 512 p.
15. Durch W.J., ed. *Twenty-First-Century Peace Operations*. United States Institute of Peace, 2007. 660 p.
16. *Fragile States Index 2019*. URL: [fundforpeace.org/2019/04/10/fragile-states-index-2019/](https://www.fragilestatesindex.org/2019/04/10/fragile-states-index-2019/)
17. Gibbs D.N. The United Nations, International Peacekeeping and the Question of 'Impartiality': Revisiting the Congo Operation of 1960. *The Journal of Modern African Studies*, 2000, vol. 38, no. 3, pp. 359-382. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0022278X00003384>

18. Hemmert S.G. *Peace-Keeping Missions SOFAs: U.S. Interests in Criminal Jurisdiction*. B.U. INT'L L.J., 1999, pp. 215-238.
19. Holt V.K., Mackinnon M.G. The Origins and Evolution of US Policy Towards Peace Operations. *International Peacekeeping*, 2008, vol. 15, no. 1, pp. 18-34. DOI: <https://doi.org/10.1080/13533310701879860>
20. Howard L.M. Sources of Change in United States-United Nations Relations. *Global Governance*, 2010, vol. 16, no. 4, pp. 485-503.
21. *ICC Sentences Former Congolese Vice-President Bemba to 18 Years in Prison for War Crimes*. URL: <https://www.un.org/africarenewal/news/icc-sentences-former-congolese-vice-president-bemba-18-years-prison-war-crimes>
22. *Intervention Brigade: End Game in the Congo?* URL: <http://www.un.org/africarenewal/magazine/august-2013/intervention-brigade-end-game-congo>
23. Macqueen N. *The United Nations: Peace Operations and the Cold War*. London, Routledge, 2017. 224 p.
24. *Mandate For U.N. Is Asked by Rusk; New Congo Plan Favored by Rusk*. URL: <https://www.nytimes.com/1961/02/07/archives/stronger-congo-mandate-for-un-is-asked-by-rusk-new-congo-plan.html>
25. Mazov S.V. *Kholodnaya vojna v «sertse Afriki»: SSSR i Kongolezskiy krizis. 1960–1964* [The Cold War in the “Heart of Africa”: The USSR and the Congolese Crisis. 1960–1964]. Moscow, Un-t Dmitriia Pozharskogo, 2015. 312 p.
26. *MONUSCO Fact Sheet*. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/mission/monusco>
27. O'Neill J.T., Rees N. *United Nations Peacekeeping in the Post-Cold War Era*. Routledge, 2005. 228 p.
28. Orwa K.D. *Responses of the United Nations and the United States to the Congo Crisis: Events and Issues: Thesis*. University of Akron, 1979. URL: <http://erepository.uonbi.ac.ke/handle/11295/27208>
29. Puchala D.J. World Hegemony and the United Nations. *International Studies Review*, 2005, vol. 7, no. 4, pp. 571-584.
30. Pushkina D.B., Khazanova A.L. The United States Policy Towards UN Peacekeeping Operations Under the Trump Administration. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 2, pp. 126-136. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.11>
31. *Restoring American Engagement: Priorities for the Biden Administration to Improve United Nations Peace Operations*. URL: <https://www.stimson.org/2021/restoring-american-engagement-un-peace-operations/>
32. Rosen A. Getting Congo Right: Can the West Fix Past Failures? *World Affairs*, 2013, vol. 176, no. 3, pp. 85-91.
33. *Secretary Hillary Clinton Visits Eastern Congo – United States Holocaust Memorial Museum*. URL: <https://www.ushmm.org/genocide-prevention/blog/secretary-hillary-clinton-visits-eastern-congo>
34. Stearns J. *Dancing in the Glory of Monsters: The Collapse of the Congo and the Great War of Africa*. New York, Public Affairs, 2012. 416 p.
35. *S/RES/143(1960) – Resolution 143 (1960) of 14 July 1960*. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/112108>
36. *S/RES/2098 (2013) – United Nations Security Council Resolution 2098 (2013)*. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/747650>
37. *S/RES/1279 (1999) – United Nations Security Council Resolution 1279 (1999)*. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/384901>
38. *S/RES/1291 (2000) – United Nations Security Council Resolution 1291 (2000)*. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/408364>
39. *S/RES/1856 (2008) – United Nations Security Council Resolution 1856 (2008)*. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/644491>
40. *United Nations Security Council Report S/2010/164 (2010)*. URL: <https://monuc.unmissions.org/sites/default/files/n1029069.pdf>
41. *United Nations Security Council Report S/2010/288 (2010)*. URL: <https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/CAC%20S%202010%20288.pdf>

Information About the Authors

Darya B. Pushkina, PhD, Associate Professor, Department of Problems of Interdisciplinary Synthesis in the Field of Social Sciences and Humanities, Saint Petersburg State University, Galernaya St, 58-60, 190121 Saint Petersburg, Russian Federation, d.pushkina@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7282-1073>

Rada V. Kalina, MA Candidate in North American Studies, Freie Universität Berlin, Kaiserswerther St, 16-18, 14195 Berlin, Germany, brownrada@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-9359-4833>

Информация об авторах

Дарья Булатовна Пушкина, PhD, доцент кафедры проблем междисциплинарного синтеза в области социальных и гуманитарных наук, Санкт-Петербургский государственный университет, ул. Галерная, 58-60, 190121 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, d.pushkina@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7282-1073>

Рада Владимировна Калина, магистр программы Северо-американских исследований, Свободный университет Берлина, ул. Кайзерсвергер, 16-18, 14195 г. Берлин, Германия, brownrada@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-9359-4833>

СТРАНЫ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ: ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ ==

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.15>

UDC 355.1:327.51(8=6)
LBC 68.4(70)

Submitted: 28.08.2023
Accepted: 15.11.2023

THE ARMED FORCES OF LATIN AMERICA: THE POWER POTENTIAL, NEW FUNCTIONS AND THE EXTRAREGIONAL FACTOR ¹

Andrey N. Piatakov

Latin America Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;
HSE University, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* As a state institution, the Armed Forces of countries in Latin America maintain certain development dynamics in the 21st century. The analysis of those problems gives an opportunity to determine the armed force potential of the Latin American region. *Methods and materials.* The study is based on distinguishing between the quantitative and qualitative aspects of the transformation of the Armed Forces of the Latin American region. During the analysis of both aspects, the key methodic role belongs to the comparative method. The quantitative parameters are represented in two aspects: national and international. The dynamics of the basic quantitative parameter, the Armed Forces number, and also the positioning of the armies of that region on the global scale are compared. *Analysis.* Since the eve of the 21st century, practically all the countries of Latin America have demonstrated a tendency toward the growth of the active military staff, proving the increment of the militarization of the region. That process represents one of the macrotendencies characterizing the actual development of the region. *Results.* According to the criteria of the militarization degree, three groups of countries are singled out: the stable high dynamics group, the middle dynamics indications group, and the low indications group. In the transformation of regional armies in the 21st century, the qualitative change is the appearance of a spectrum of new non-traditional functions. The hypotheses formulated in the study are the following: “The broadening of the sociopolitical functions of the military is related to the changes in attitudes toward security in the countries of the region.” The scrutiny of the military-industrial complexes of the Latin American countries gives a reason to affirm that their potentiality is mainly restricted in its character. The dependent and peripheric character of the region determines its quality as a market for the NATO countries military-technical arsenal.

Key words: Latin America, armed forces, military contingent, extra-regional relations, NATO.

Citation. Piatakov A.N. The Armed Forces of Latin America: The Power Potential, New Functions and the Extraregional Factor. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 1, pp. 169-179. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.15>

**ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ: СИЛОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ,
НОВЫЕ ФУНКЦИИ И ФАКТОР ВНЕРЕГИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ¹****Андрей Николаевич Пятаков**Институт Латинской Америки РАН, г. Москва, Российская Федерация;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Вооруженные силы стран Латинской Америки как государственный институт сохраняют уверенную динамику развития в XXI веке. Анализ данной проблематики позволяет определить силовой потенциал латиноамериканского региона. *Методы и материалы.* Исследование основано на различении количественных и качественных аспектов трансформации вооруженных сил латиноамериканского региона. Сквозным методом при анализе обоих аспектов выступает сравнительный метод, позволивший выявить страновые отличия в особенностях функционирования армий и их причины. Количественные параметры представлены в двух ракурсах: национальном и международном. Проведено сопоставление динамики базового количественного параметра – численности вооруженных сил, а также позиционирование армий региона в глобальном масштабе. Статистическую базу исследования составили данные мирового рейтинга вооруженных сил Power Index. *Анализ.* Практически во всех странах Латинской Америки с начала XXI в. наблюдается тенденция к наращиванию активного военного персонала, что свидетельствует о нарастании милитаризации региона. Данный процесс представляет собой одну из макротенденций, которыми характеризуется актуальное развитие латиноамериканского региона. *Результаты.* Выделены три группы стран по критерию степени милитаризации: со стабильно высокой динамикой, со среднединамическими показателями и с низкими показателями милитаризации. В мировом рейтинге зафиксированы разнонаправленные колебания пяти крупнейших армий Латинской Америки – Бразилии, Мексики, Аргентины, Перу и Колумбии, входящих в топ-50. Качественные сдвиги в трансформации армий региона в XXI в. состоят в появлении спектра новых нетрадиционных функций. Высказана гипотеза, согласно которой расширение общественно-политических функций военных связано с изменением подходов к безопасности в странах региона. Практически во всех Белых книгах государств региона зафиксирован комплексный подход к безопасности, в рамках которого функции вооруженных сил не сводятся к сугубо оборонительным аспектам, но предполагают высокую степень вовлеченности в общественно-политическую жизнь. Рассмотрение контуров военно-промышленных комплексов латиноамериканских стран дает основание говорить о том, что во многом их потенциал носит ограниченный характер. В свою очередь, это детерминирует зависимость государств региона от импорта военной продукции. Зависимый и периферийный характер региона обуславливает его в качестве рынка военно-технического арсенала стран НАТО.

Ключевые слова: Латинская Америка, вооруженные силы, военный контингент, внерегиональные связи, НАТО.

Цитирование. Пятаков А. Н. Вооруженные силы Латинской Америки: силовой потенциал, новые функции и фактор внерегиональных связей // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 1. – С. 169–179. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.15>

Введение. С начала XXI в. Латинская Америка пережила и переживает ряд крупных общественно-политических трансформаций, касающихся всего спектра государственных институтов. Ключевой базовой тенденцией по-прежнему остается процесс «третьей волны демократизации», в ходе которой механизмы электоральной демократии уже становятся принципиально определяющими в большин-

стве латиноамериканских стран. Вместе с тем с середины 2010-х гг. в политологических исследованиях стало фиксироваться постепенное торможение данной третьей волны и нарастание интенций в сторону авторитарных мотивов и настроений в обществах региона. Концептуальным оформлением данной тенденции стало появление термина «новый милитаризм» для описания общественно-полити-

ческих процессов в регионе [12]. К 2023 г. он прочно вошел в научный дискурс западных и латиноамериканских политологов, а использование понятий «милитаризация» и «милитаризм» стало общим местом в ходе анализа политических процессов в Латинской Америке [26]. Интенции к открыто авторитарному стилю правления проявляются преимущественно в Центральной Америке (особенно ярко это выражено в Сальвадоре), но так или иначе, в разной степени проявления новой промилитаристской и авторитаристской стилистики, становятся характерными для большинства стран региона [13].

Подобная тенденция фиксируется и на уровне общественного мнения. Так, согласно докладу престижного социологического агентства *Latinobarómetro* с показательным названием «Демократическая рецессия в Латинской Америке», уровень поддержки модели военного правительства вырос с 24 % в 1994 г. до 35 % в 2023 году [20]. Обобщая соопросы, аналитики агентства даже оперируют таким понятием, как «выборная диктатура» (*electo-dictadura*) в качестве релевантного для описания потенциальной политической реальности в регионе. По данным того же агентства, на протяжении двух десятилетий XXI в. уровень доверия к институту вооруженных сил (далее – ВС) оказывается самым высоким по сравнению с другими общественно-политическими институтами. Достигнув максимума в 2007 и 2016 гг. (51 %), к 2018 г. доверие к военным в латиноамериканских странах в среднем составило 44 % (в Уругвае – 62 %, Эквадоре – 61 %, Бразилии – 58 %, Колумбии – 56 %) [20]. По сравнению с 2011 г. уровень доверия к ВС возрос на 5 пунктов, а по сравнению с 2003 г. – на 10. На фоне низкой общественной поддержки других институтов (исполнительной власти – 22 %, юридической – 24 %, парламента – 21 %, политических партий – 13 %) ВС пользуются наибольшим уровнем легитимности. Это фактически дает им карт-бланш на расширение своих полномочий вплоть до претензий на политическое доминирование.

Стабильно позитивное отношение к ВС и тенденции к эрозии продемократических настроений в латиноамериканских обществах дают основание рассматривать данный инсти-

тут в спектре базовых механизмов, определяющих общественно-политический облик региона, и, в свою очередь, диктуют научный императив его системного исследования. Без достоверных и научно апробированных данных об этом важнейшем для современной политической реальности Латинской Америки институциональном элементе невозможно будет прогнозировать ее дальнейшую динамику. Именно этими обстоятельствами обуславливается актуальность настоящего исследования.

Цель данной статьи – аналитически обрисовать фундаментальные сдвиги, произошедшие в развитии института ВС стран Латинской Америки в первые два десятилетия XXI века. Рассмотрение данной проблематики позволяет определить силовой потенциал латиноамериканского региона, находящегося в орбите стратегических интересов США.

Методы и материалы. Методологически в статье разведено рассмотрение количественных и качественных аспектов функционирования и трансформации латиноамериканских армий, что позволяет составить «объемное» представление о происходящих сдвигах. Количественные параметры представлены в двух ракурсах: национальном и международном. В первом аспекте рассмотрена динамика базового количественного параметра – численности ВС. Статистическую базу анализа составили ежегодные (до 2016 г.) доклады «Компаративный атлас Латинской Америки и Карибского региона» аналитического центра «Сеть по изучению безопасности и обороны стран Латинской Америки» (RESDAL) [5], а также данные, включенные в корпус индекса «Глобальной огневой мощи» (Global Fire Power). Аналитическая обработка данных осуществлена с применением методов сравнительного анализа, что позволило выявить динамику рассматриваемого численного показателя в национальном и региональном масштабах. Инструменты классической теории международных отношений позволили выявить национальные факторы роста данного количественного параметра. В международном аспекте рассмотрено позиционирование армий региона в современном мировом рейтинге ВС по индексу «Глобальной огневой мощи». Анализ качественного аспекта функ-

ционирования ВС региона проведен с использованием институционального подхода, позволившего определить «веер» новейших функций латиноамериканских армий как весомого силового института в структуре государства.

Данная комплексная постановка вопроса осуществляется впервые в отечественной политологии, хотя отдельные аспекты функционирования латиноамериканских армий и эволюции гражданско-военных отношений [7] в регионе уже изучались российскими авторами. В работах А.А. Манухина впервые проанализирована проблематика «новых функций» ВС региона [1], а также внерегиональные связи [2] и политическая детерминация их функционирования [22]. Проблема военно-промышленного комплекса региона системно проанализирована в исследовании П.П. Яковлева [4], но его актуальное состояние пока остается «лакуной» для отечественной латиноамериканистики. Проблема гражданско-военных отношений на примере Венесуэлы как яркого примера милитаризации общества поставлена в исследовании З.В. Ивановского [18].

«Профиль» латиноамериканских армий: количественный аспект. Представляется, что в ряду количественных параметров

ВС объем активного военного персонала выступает одним из базовых показателей. Более того, он может выступать критерием процесса милитаризации общества, чем характеризуется современное состояние латиноамериканских обществ.

В конце XX – начале XXI в. в Латинской Америке разворачивался процесс демократизации, в ходе которого силовые структуры были оттеснены на второй план и фактически имело место «замораживание» развития института ВС. В первое пятилетие текущего века не наблюдалось значимых флуктуаций в изменении количественных параметров армий в аспекте их численного состава, поэтому референтной точкой отсчета можно считать 2007–2008 гг., когда развитие первого издания «левого поворота» в Латинской Америке (2002–2015 гг.) вошло в динамическую фазу и апелляции к военным стали более значимы. Аналогичный исходный пункт взят в фундаментальном исследовании динамики количественных военных параметров польского политолога И. Топольски [30].

Из таблицы 1 видно, что практически во всех странах Латинской Америки в период с 2007 по 2023 г. имел место прирост военного

Таблица 1. Численность активного военного персонала в Латинской Америке

Table 1. The number of active military personnel in Latin America

Страны Латинской Америки	2007–2008 гг., тыс.	2023 г., тыс.	Прирост, %	Место в регионе (2023 г.)	Место в мире (2023 г.)
Аргентина	74,1	83	+12	6	83
Боливия	41,8	63	+50	9	60
Бразилия	334	360	+7	1	15
Венесуэла	92	137,5	+49	4	35
Гватемала	15	21,5	+43	14	98
Гондурас	8,4	16	+90	16	109
Доминиканская Республика	49,9	60	+20	10	64
Колумбия	244	295	+20	2	14
Куба	нет свед.	50	–	11	67
Мексика	245	250	+2	3	17
Никарагуа	9,3	24	+58	12	92
Парагвай	12,2	20	+63	14	101
Перу	84,9	95	+11	5	48
Сальвадор	17,8	21,5	+20	15	99
Уругвай	24,6	22	–11	13	97
Чили	72,6	80	+10	7	53
Эквадор	38	70	+84	8	56
Латинская Америка в целом	1,363	1,668	+22	–	–

Примечание. Составлено автором на основе данных RESDAL [5] и Power Index [27].

контингента. Единственным случаем, где зафиксирована негативная динамика, является Уругвай, который позиционируется в качестве «витрины» процесса демократизации в регионе. Тот факт, что количественное наращивание армий произошло и в странах, последовательно придерживавшихся курса развития электоральных институтов (Аргентина, Чили, Парагвай, Бразилия), свидетельствует о вялотекущей милитаризации и демократически ориентированного сегмента региона. В Колумбии рост численности армии детерминирован эндогенными факторами, в первую очередь – внутренним вооруженным конфликтом. Высокие показатели роста зафиксированы в лево-радикальном ядре региона (Венесуэла, Боливия, Никарагуа, Эквадор (до 2017 г.)), что говорит об определенной «ставке» левых сил на ВС как гаранта стабильности. В Венесуэле в процессе разворачивания Боливарианской революции при Уго Чавесе произошло формирование «гражданско-военного союза», в ходе которого армия стала ключевым каналом социальной мобильности и влиятельным экономическим субъектом. Эквадор в период «гражданской революции» (2007–2017 гг.) столкнулся с феноменом нелояльности полицейских структур и был вынужден акцентировать внимание на развитии ВС. Аналогичные детерминанты роста характерны и для Боливии. В Никарагуа же как при первом (1979–1990 гг.), так и при втором (2007 г. – наст. вр.) этапе Сандинистской революции ключевым институтом государства была и остается армия, чем и обусловлено ее количественное усиление. Как и в современной Венесуэле, в Никарагуа военные занимают

ключевые позиции в экономике и политике государства.

Самые динамичные средние показатели роста демонстрирует центральноамериканский субрегион, и особенно страны «треугольника» (Гондурас, Гватемала, Сальвадор). Здесь ключевым детерминантом усиления армии выступает транснациональная преступность. В настоящее время процессы милитаризации в наиболее ярком виде протекают в Сальвадоре при правительстве Найиба Букеле, который вынашивает планы увеличения численности ВС до 40 тыс. чел. в 2025 году [31].

Для оценки международного аспекта позиционирования латиноамериканских армий целесообразно взять за основу интегральный силовой индекс Power Index, который рассчитывается с учетом множества количественных показателей (численность армии и ее парамилитарная компонента, военно-техническая оснащенность и др.). На актуальном временном отрезке (2021–2023 гг.) наблюдаются разнонаправленные тенденции в динамике позиций шести крупнейших армий Латинской Америки (табл. 2). На восходящем треке находятся три государства (Аргентина, Мексика и Чили). Основным фактором «взлета» аргентинской военной мощи стало проведение широкомасштабной программы модернизации ВС (приобретение у стран НАТО истребителей и оборонных систем) [17]. Мексиканский рост преимущественно обусловлен созданным в 2019 г. силовым подразделением «Национальная гвардия». Эффект его создания довольно отчетливо проявился к 2023 г. в результате решения включить и передать в подчинение данный институт ВС [16]. В Чили, как и

Таблица 2. Динамика позиций латиноамериканских государств в Power Index

Table 2. Dynamics of the positions of Latin American states in the Power Index ranking

Страны Латинской Америки	Место в мире				Значение 2024 г.
	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	
Аргентина	42	40	28	28	0,3813
Бразилия	9	10	12	12	0,1944
Венесуэла	43	45	52	57	0,9447
Колумбия	39	44	43	44	0,7347
Мексика	46	43	31	31	0,4247
Перу	47	50	53	53	0,8475
Чили	49	54	46	52	0,8128

Примечание. Составлено автором на основе данных Power Index [27].

в Аргентине, была осуществлена программа модернизации армии и реализованы крупные инвестиции государства в развитие военной промышленности. Принадлежность шести крупнейших армий региона (Венесуэла и Перу демонстрируют пограничные позиции) к топ-50 мирового рейтинга, включающего 145 государств, дает основание говорить о нетипично высоком для развивающихся стран военно-силовом бэкграунде Латинской Америки. Положительная динамика количественных показателей ВС региона тесно взаимосвязана с качественными сдвигами в их функциональности.

Расширение функциональности латиноамериканских армий. В последние годы развернулась активная научная дискуссия по поводу новых функций латиноамериканских военных. В период с 2019 по 2023 г. в западной политологии вышло в свет семь фундаментальных научных исследований по данной проблематике [12; 14; 15; 21; 23; 25; 26]. Лейтмотивом политологического дискурса при рассмотрении латиноамериканских военных является обретение ими новой расширенной функциональности, выходящей за рамки традиционных функций ВС. Во многом это обусловлено новыми подходами к проблемам безопасности. Если ранее этот вопрос носил преимущественно оборонный военно-политический характер с приоритетом обеспечения готовности государства противостоять вооруженной агрессии, то в настоящее время доминирует дифференцированно-комплексный подход. Показательно, что абсолютное большинство военно-политических доктрин стран региона носит сугубо оборонительный характер, а в Белых книгах уделяется максимум внимания нетрадиционным угрозам безопасности. Сохранение и поддержание территориальной целостности государства как целевая установка традиционного подхода входит в качестве составной части в более комплексную парадигму безопасности, включающую как аспекты государственного строительства, так и функции обеспечения общественной безопасности.

Типичной оценкой современной роли военных является следующий тезис: «За последние два десятилетия в большинстве стран спектр военных миссий расширился. Вопреки

распространенному мнению о том, что именно военные стремятся к усилению организационной роли, по всей Латинской Америке гражданские власти вместо этого подталкивают их к выполнению новых задач и даже к участию в политике» [19, р. 64]. К числу нетипичных для военных функций, которые входят в компетенцию латиноамериканских ВС, согласно классификации RESDAL, можно отнести следующие:

– *государственно-патерналистские миссии*: проведение программ ликвидации безграмотности, строительство и поддержка работоспособности гражданской транспортной инфраструктуры, доставка средств питания в школы, сбор и ликвидация мусора, реализация аграрных и ориентированных на гражданские цели промышленных проектов, фумигация в период эпидемий (особенно денге) и др.;

– *экологические*: профилактика пожаров, чистка озер и рек, ликвидация мест незаконной добычи полезных ископаемых, проведение программ по восстановлению леса и профилактика незаконной вырубке, охрана заповедников и др.;

– *общественно-политический контроль*: логистическое сопровождение и охрана участков во время выборов, охрана тюрем, обеспечение правопорядка во время демонстраций, борьба с торговлей людьми, конфискация оружия, развертывание войск в районах с высоким уровнем преступности, антитеррористические операции, уничтожение плантаций коки и мест производства наркотиков и др. [5].

Таким образом, видно, что военные в Латинской Америке имеют большую общественную функциональность, что во многом определяет их престиж в большинстве латиноамериканских социумов. Однако в период 2019–2020 гг. имели место два крупных процесса, которые обострили и поставили во главу угла контролирующие и даже карательные функции ВС.

Речь идет о беспрецедентно мощной протестной волне, охватившей практически всю Латинскую Америку в 2019 г., и о пришедшей ей на смену пандемии COVID-19. В обоих случаях ВС региона сыграли важнейшую, если не ключевую роль. В экстремальных социально-экономических и обществен-

но-политических условиях гражданские власти прибегли к военным как к субституту малоэффективных государственных институтов с акцентом на карательно-контролирующий потенциал военного аппарата. В период массовых протестов военные не только выступили дополнительным и усиливающим элементом полицейских структур, но в ряде случаев (Эквадор, Колумбия и др.) взяли на себя полицейские функции. Тенденция к полициализации ВС региона отмечается рядом исследователей как основная в процессе политизации и возрастании общественной роли военных на данный момент [13; 21].

Во время пандемии военные фактически взяли на себя функции институтов здравоохранения и служб гражданской обороны, продемонстрировавших свою малоэффективность в экстремальных условиях. В большинстве стран региона наблюдалась тотальная или близкая к полной мобилизация ВС (на 100 % их развернули Мексика, Венесуэла, Боливия, а в большей части – Чили (90,6 %), Аргентина (80,8 %) и Перу (74 %)). Важно отметить, что военные выполняли не только логистические, распределительные и транспортные функции в ходе пандемии, но главным образом были сконцентрированы на обеспечении контрольных функций (мер по обеспечению социальной изоляции), выбранных исполнительными властями в качестве центрального механизма по профилактике и сдерживанию COVID-19 [8].

Активно востребованная властями в 2019–2020 гг. карательно-контрольная функциональность ВС Латинской Америки сохраняет свою инерцию по сей день и, по всей видимости, носит долгосрочный характер. Введение чрезвычайных положений на общенациональном или муниципальном уровнях с массовым привлечением военного контингента стало широко используемым инструментом для стабилизации социально-политической ситуации (в 2022 г. подобные подходы продемонстрировали власти Перу, Сальвадора, Чили и др.).

Ориентация развития ВС стран Латинской Америки больше вовнутрь, нежели вовне во многом определяет доминанты функционирования их военно-промышленных комплексов (далее – ВПК) и характер военных вне-региональных связей.

ВПК и внерегиональная проекция латиноамериканских армий. В отечественной латиноамериканистике наблюдается дефицит исследований латиноамериканского ВПК (последняя системная разработка относится к 2014 г. [5]). За прошедшее десятилетие произошли существенные сдвиги, которые целесообразно контурно обрисовать. Бразилия выступает самым мощным производителем вооружений, в чьей структуре ВПК на текущий момент насчитывается 146 предприятий [9]. Крупнейшими из них являются самолетостроительная корпорация Embraer, предприятия Avibras (производство ракетных систем) и Emgerop (строительство патрульных кораблей). Аргентина осуществляет производство бронетранспортеров Guarani и проводит программу модернизации средних танков [24]. Также в Аргентине как морской державе развивается судостроительная сфера, однако с явным доминированием гражданской специализации. Так, с 2020 по 2023 г. на воду было спущено 29 кораблей, 17 из которых являлись рыболовными судами [28]. Перу специализируется главным образом на производстве легкого огнестрельного оружия и боеприпасов к нему. Чилийский ВПК характеризуется наибольшей диверсификацией, и его производственная линейка варьируется от пистолетов до тяжелых бронетанковых машин. Однако ни одна страна из латиноамериканского «квартета» не является успешным экспортером вооружений. К примеру, у лидера военно-промышленного сектора – Бразилии – совокупный объем экспорта в период с 2017 по 2022 г. составил 398 млн долларов [29].

Ограниченность производственной линейки и недостаточные промышленные мощности заставляют большинство латиноамериканских государств обращаться к внешним рынкам. Несмотря на географическую близость и восприятие Латинской Америки в качестве зоны стратегических интересов, США вовсе не являются лидером по поставкам вооружений. Так, для четырех крупнейших импортеров региона США в последние годы не являются основным поставщиком. В 2017–2021 гг. для Бразилии «северный сосед» стал пятым (после Великобритании, Швеции, Франции и Италии), для Чили – третьим (после Австралии и Германии), для Перу – пятым

(после Южной Кореи, Испании, Италии и Новой Зеландии). Для Венесуэлы США не входили даже в первую пятерку партнеров (Нидерланды, Испания, Германия и т. д.), и лишь для Колумбии оставались первыми. Совокупный объем импорта вооружений в 2021 г. составил в регионе 548 млн долл. (из них 234 пришлось на Бразилию, 97 – на Перу, 77 – на Аргентину, 57 – на Чили, 42 – на Колумбию, 14 – на Эквадор, 7 – на Сальвадор, 5 – на Парагвай, по 4 млн на Мексику, Гондурас и Панаму и 3 – на Уругвай) [11]. Однако официальная статистика учитывает лишь государственные контракты и закупки, в то время как в Латинской Америке существует огромный нелегальный рынок вооружения, на котором доминирует легкое огнестрельное оружие. Только в 2017 г. объем импорта этого типа вооружений составил 450 млн долл. [6], но и здесь основными поставщиками выступают страны НАТО. В Латинской Америке циркулирует 83 млн единиц легальных и преимущественно нелегальных единиц огнестрельного оружия [6]. Данное обстоятельство выступает фактором хронически высокого уровня преступности в регионе и детерминирует внутренне ориентированную проекцию деятельности ВС.

Зависимость от НАТО обусловлена тем, что альянс рассматривает регион в качестве своей ресурсной и геополитической периферии. В последние годы было предпринято несколько важных шагов по вовлечению латиноамериканских государств в орбиту влияния альянса: предоставление статуса «глобального партнера НАТО» в 2018 г. Колумбии и «Основного союзника США вне НАТО» в 2019 г. Бразилии (аналогичный ранг был присвоен Колумбии в 2022 г.). Облегчает продвижение военных поставок в регион и то обстоятельство, что три государства (Колумбия, Перу и Чили) перешли на стандарты НАТО при каталогизации военно-промышленной продукции [3].

Результаты. Анализ количественных параметров армий региона позволяет выделить три кластера по критерию степени милитаризации. В кластер стабильно высоких показателей входят Бразилия, Мексика и Колумбия (в пограничном состоянии находится Венесуэла). В группу со среднединамическими показателями входят Аргентина, Перу,

Эквадор и Чили. Характерной чертой этого кластера является наличие неявной конкуренции между ними [10]. Наконец, в кластер со сравнительно низкими показателями милитаризации, но имеющими четко выраженную тенденцию к росту, входят центральноамериканские государства. Совокупный военный контингент в Латинской Америке за пятнадцать лет к 2023 г. увеличился чуть более чем на 300 тыс. чел., что сопоставимо с такими крупнейшими армиями региона, как бразильская, колумбийская или мексиканская, и составил к текущему моменту 1,6 млн активных военных. Одновременно наблюдается рост престижа ВС в регионе на фоне снижения уровня доверия к другим институтам государств. Параллельно со стабильно высокой позитивной оценкой деятельности военных со стороны гражданского общества наблюдается расширение функциональности ВС в сторону выполнения контрольных, а в ряде случаев карательных функций, что продемонстрировано в ходе протестной волны 2019 г. и пандемии COVID-19. Данные факты свидетельствуют в пользу общерегиональной тенденции к милитаризации.

Одной из новейших тенденций в политической жизни региона становится значительное повышение активности силовых структур. В ряде стран Латинской Америки, включая крупнейшие, можно говорить не только о снятии закреплённого уставными нормами региональных организаций «табу» на вмешательство военных в политику, но и о заявке силовых структур на некогда традиционную роль внутривнутриполитического арбитра. Есть основания полагать, что данная тенденция может в среднесрочной перспективе получить устойчивый характер. Отсюда также следует, что переживаемая регионом «третья волна демократизации» в настоящее время находится на нисходящей стадии развития, что может в перспективе привести к появлению на политической карте региона новых неклассических форм парадиктатур с той или иной степенью выраженности военного профиля (максимально к этому состоянию приблизился современный Сальвадор). Потенциал национальных ВПК носит ограниченный характер, что детерминирует зависимость государств региона от импорта военной продукции. Военный импорт представ-

ляет собой важный аспект внерегиональных связей Латинской Америки. Зависимый и периферийный характер региона обуславливает его роль стабильного рынка военно-технического арсенала стран НАТО.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10014, <https://rscf.ru/project/22-78-10014/>

The research was supported by RSF (project No. 22-78-10014, <https://rscf.ru/project/22-78-10014/>).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Манухин А. А. «Новые функции» вооруженных сил в странах Латинской Америки: факты и интерпретации // Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. 2019. № 1 (12). С. 30–41.
2. Манухин А. А. США и вооруженные силы стран Латинской Америки: в поисках новых форм влияния // Россия и Америка в XXI веке. 2019. № 1. С. 14. DOI: 10.18254/S207054760004711-9
3. Пятаков А. Н. Латинская Америка и НАТО: форматы корреляций в XX – первой половине XXI века // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 63, № 1. С. 111–121. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-1-111-121
4. Яковлев П. П. Новые горизонты оборонно-промышленного комплекса // Латинская Америка. 2014. № 3. С. 16–31.
5. A Comparative Atlas of Defense in Latin America and Caribbean. 2006–2016 // Latin American Security and Defense Network, RESDAL. URL: <https://www.resdal.org/Defence---Atlas.html>
6. Álvarez-Velasco C.-M. Armas de fuego en América Latina: una sociedad sin conflicto, pero sin paz // URVIO. Revista Latinoamericana de Estudios de Seguridad, 2022, Enero-Febrero. URL: <https://revistas.flacsoandes.edu.ec/urvio/article/view/4864/3992> doi.org/10.17141/urvio.32.2022.4864
7. Belozorov V. K., Emelianov A. I., Sidorova G. M. Relaciones cívico-militares en América Latina // Iberoamerica. 2019. № 4. P. 126–148.
8. Calderón E. El militarismo sudamericano tras el velo del COVID-19 // Revista Temas y Debates. Numero especial. Universidad Nacional de Rosario, Argentina. Año 24. Diciembre 2020. P. 397–406. URL: <https://temasydebates.unr.edu.ar/index.php/tyd/article/view/516>
9. Cassain D. En el corazón de los mercados de defensa y de seguridad en América Latina. URL: <https://www.expodefensa.com.co/es/en-el-corazon-de-los-mercados-de-defensa-y-de-seguridad-en-america-latina/>
10. Castillo P. Perú tiene un ejército más poderoso que el de Ecuador y Chile, según ranking mundial. URL: <https://larepublica.pe/mundo/2022/01/18/ranking-2022-de-poderio-militar-peru-posee-el-sexto-ejercito-mas-poderoso-de-america-latina-global-firepower-brasil-estados-unidos-rusia-china>
11. Chevalier Naranjo S. ¿Qué países latinoamericanos importan más armamento militar? URL: <https://es.statista.com/grafico/28020/paises-latinoamericanos-con-mas-importaciones-de-armas-y-principal-proveedor/>
12. Diamint R. A New Militarism in Latin America // Journal of Democracy. 2015. Vol. 3, iss. 4. P. 155–168.
13. Diamint R. Predilecciones autoritarias: el papel de los militares en América Latina. URL: <https://www.realinstitutoelcano.org/analisis/predilecciones-autoritarias-el-papel-de-los-militares-en-america-latina/>
14. Diamint R. Sin Rumbo. Estrategias de Defensa en América Latina. Universidad Sergio Arboleda. Serie Política. Colombia, 2020. 290 p.
15. El papel de las Fuerzas Armadas en la América Latina del siglo XXI. Coord. Rafael Martínez. Centro de Estudios Políticos y Constitucionales. Madrid, 2022. 510 p.
16. González I. El Ejército mexicano incrementa su poderío militar: escala 11 posiciones en el ranking mundial de Fuerzas Armadas. URL: <https://elpais.com/mexico/2023-03-15/el-ejercito-mexicano-incrementa-su-poderio-militar-escala-11-posiciones-en-el-ranking-mundial-de-fuerzas-armadas.html>
17. Hernández Torres T. ¿Cuáles son los ejércitos más poderosos de América Latina? URL: <https://www.eltiempo.com/mundo/latinoamerica/cuales-son-los-ejercitos-mas-poderosos-de-america-latina-786229>
18. Iwanowski Z.V. Venezuela: crisis sistemática y relaciones cívico-militares // Iberoamerica. 2021. № 3. P. 147–168.
19. Jenne N., Martínez R. Domestic Military Missions in Latin America: Civil-Military Relations and the Perpetuation of Democratic Deficits // European Journal of International Security. 2022. № 7. P. 58–83. DOI: 10.1017/eis.2021.25
20. La Corporación Latinobarómetro. Informes 2018–2023. URL: <https://www.latinobarometro.org/lat.jsp?Idioma=724>
21. Las relaciones de las fuerzas militares y de policía en América Latina / ed. by Vargas Velásquez A. Colombia: Universidad Nacional de Colombia, 2023. 356 p.
22. Manukhin A. A. Militares latinoamericanos entre la derecha y la izquierda // Iberoamerica. 2020. № 1. P. 69–89.
23. Marcella G., Perez J., Fonseca B. Democracy and Security in Latin America. State Capacity and

Governance under Stress. New York; London: Routledge, 2022. 220 p.

24. “Mike” Pizarro Jose Miguel. ¿Adquisiciones militares en América Latina? URL: <https://www.defensa.com/opinion/adquisiciones-militares-america-latina>

25. Militares y gobernabilidad. Como están cambiando las relaciones cívico-militares en América Latina / ed. by Grabendorff Wolf; Friedrich-Ebert-Stiftung en Colombia (Fescol). Bogotá, 2021. 483 p.

26. Militarización, militarismo y democracia: nuevas tendencias en América Latina? / ed. by Robledo Hoecker M., Verdes-Montenegro F. // Fundación Carolina. URL: <https://www.fundacioncarolina.es/fundacion-carolina-presenta-el-libro-militarizacion-militarismo-y-democracia-nuevas-tendencias-en-america-latina/>

27. Military Strength Rating. 2021–2023. URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php>

28. Orilla G. Industria naval: la falta de insumos y el alza de costos “traban el crecimiento” del sector. URL: <https://www.lanacion.com.ar/economia/industria-naval-la-falta-de-insumos-y-el-alza-de-costos-traban-el-crecimiento-del-sector-nid03022023/>

29. SIPRI Database. Importer/Exporter TIV Tables. Brasil. URL: <https://armstrade.sipri.org/armstrade/page/values.php>

30. Topolski I. The Military Standing of the Countries in Latin America and the Caribbean Region in the Period Between 2008–2020 // Anuario Latinoamericano Ciencias Políticas y Relaciones Internacionales. 2020. Vol. 9. P. 137–171. DOI: 10.17951/al.2020.9.137-171

31. Valencia R. La ‘Nueva’ Fuerza Armada de Nayib Bukele. URL: <https://www.divergentes.com/la-nueva-fuerza-armada-de-nayib-bukele/>

REFERENCES

1. Manuhin A.A. Novye funkcii vooruzhennyh sil v stranah Latinskoj Ameriki: fakty i interpretacii [The “New Functions” of Armed Forces in Latin American Countries: Facts and Interpretations]. *Istoricheskie issledovaniya. Zhurnal Istoricheskogo fakulteta MGU imeni M.V. Lomonosova* [Historical Studies. Journal of the History Faculty of Lomonosov Moscow State University], 2019, no. 1 (12), pp. 30–41.

2. Manuhin A.A. SShA i vooruzhyonnye sily stran Latinskoj Ameriki: v poiskah novyh form vliyaniya [The United States and the Latin American Military: In Search for New Forms of Influence]. *Rossiya i Amerika v XXI veke* [Russia and America in the 21st Century], 2019, no. 1, p. 14. DOI: 10.18254/S207054760004711-9

3. Pyatakov A.N. Latinskaya Amerika i NATO: formaty korrelyacij v XX – pervoj polovine XXI veka [Latin America and NATO: Correlation Formats in the 20th – First Half of the 21st Century]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2023, vol. 63, no. 1, pp. 111–121. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-1-111-121

4. Yakovlev P.P. Novye gorizonty oboronno-promyshlennogo kompleksa [New Horizons of the Military-Industrial Complex]. *Latinskaya Amerika* [Latin America], 2014, no. 3, pp. 16–31.

5. A Comparative Atlas of Defense in Latin America and Caribbean. 2006–2016. *Latin American Security and Defense Network, RESDAL*. URL: <https://www.resdal.org/Defence---Atlas.html>

6. Álvarez-Velasco C.-M. Armas de fuego en América Latina: una sociedad sin conflicto, pero sin paz. *URVIO. Revista Latinoamericana de Estudios de Seguridad*, 2022, Enero-Febrero. URL: <https://revistas.flacsoandes.edu.ec/urvio/article/view/4864/3992>. doi.org/10.17141/urvio.32.2022.4864

7. Belozero V.K., Emelianov A.I., Sidorova G.M. Relaciones cívico-militares en América Latina. *Iberoamerica*, 2019, no. 4, pp. 126–148.

8. Calderyn E. El militarismo sudamericano tras el velo del COVID-19. *Revista Temas y Debates. Numero especial. Universidad Nacional de Rosario, Argentina*, Año 24, Dic. 2020, pp. 397–406. URL: <https://temasydebates.unr.edu.ar/index.php/tyd/article/view/516>

9. Cassain D. *En el corazón de los mercados de efensa y de seguridad en América Latina*. URL: <https://www.expodefensa.com.co/es/en-el-corazon-de-los-mercados-de-defensa-y-de-seguridad-en-america-latina/>

10. Castillo P. *Perú tiene un ejército más poderoso que el de Ecuador y Chile, según ranking mundial*. URL: <https://larepublica.pe/mundo/2022/01/18/ranking-2022-de-poderio-militar-peru-posee-el-sexto-ejercito-mas-poderoso-de-america-latina-global-firepower-brasil-estados-unidos-rusia-china>

11. Chevalier Naranjo S. *¿Qué países latinoamericanos importan más armamento militar?* URL: <https://es.statista.com/grafico/28020/paises-latinoamericanos-con-mas-importaciones-de-armas-y-principal-proveedor/>

12. Diamint R. A New Militarism In Latin America. *Journal of Democracy*, 2015, vol. 3, iss. 4, pp. 155–168.

13. Diamint R. *Predilecciones autoritarias: el papel de los militares en América Latina*. URL: <https://www.realinstitutoelcano.org/analisis/predilecciones-autoritarias-el-papel-de-los-militares-en-america-latina/>

14. Diamint R. *Sin Rumbo. Estrategias de Defensa en América Latina. Universidad Sergio Arboleda. Serie Política*. Colombia, 2020. 290 p.

15. *El papel de las Fuerzas Armadas en la América Latina del siglo XXI. Coord. Rafael Martínez*.

Centro de Estudios Políticos y Constitucionales. Madrid, 2022. 510 p.

16. González I. *El Ejército mexicano incrementa su poderío militar: escala 11 posiciones en el ranking mundial de Fuerzas Armadas*. URL: <https://elpais.com/mexico/2023-03-15/el-ejercito-mexicano-incrementa-su-poderio-militar-escala-11-posiciones-en-el-ranking-mundial-de-fuerzas-armadas.html>

17. Hernández Torres T. *¿Cuáles son los ejércitos más poderosos de América Latina?* URL: <https://www.eltiempo.com/mundo/latinoamerica/cuales-son-los-ejercitos-mas-poderosos-de-america-latina-786229>

18. Iwanowski Z.V. Venezuela: crisis sistemática y relaciones cívico-militares. *Iberoamerica*, 2021, no. 3, pp. 147-168.

19. Jenne N., Martínez R. Domestic Military Missions in Latin America: Civil-Military Relations and the Perpetuation of Democratic Deficits. *European Journal of International Security*, 2022, no. 7, pp. 58-83. DOI: 10.1017/eis.2021.25

20. *La Corporación Latinobarómetro. Informes 2018–2023*. URL: <https://www.latinobarometro.org/lat.jsp?Idioma=724>

21. Vargas Velásquez A., ed. *Las relaciones de las fuerzas militares y de policía en América Latina*. Colombia, Universidad Nacional de Colombia, 2023. 356 p.

22. Manukhin A.A. Militares latinoamericanos entre la derecha y la izquierda. *Iberoamerica*, 2020, no. 1, pp. 69-89.

23. Marcella G., Perez J., Fonseca B. *Democracy and Security in Latin America. State Capacity and Governance Under Stress*. New York, London, Routledge, 2022. 220 p.

24. “Mike” Pizarro Jose Miguel. *¿Adquisiciones militares en América Latina?* URL: <https://www.defensa.com/opinion/adquisiciones-militares-america-latina>

25. Grabendorff W., ed. *Militares y gobernabilidad. Como están cambiando las relaciones cívico-militares en América Latina*. Friedrich-Ebert-Stiftung en Colombia (Fescol), Bogotá, Sept. 2021. 483 p.

26. Robledo Hoecker M., Verdes-Montenegro F., eds. Militarización, militarismo y democracia: nuevas tendencias en América Latina? *Fundación Carolina*. URL: <https://www.fundacioncarolina.es/fundacion-carolina-presenta-el-libro-militarizacion-militarismo-y-democracia-nuevas-tendencias-en-america-latina/>

27. *Military Strength Rating. 2021–2023*. URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php>

28. Orilla G. *Industria naval: la falta de insumos y el alza de costos “traban el crecimiento” del sector*. URL: <https://www.lanacion.com.ar/economia/industria-naval-la-falta-de-insumos-y-el-alza-de-costos-traban-el-crecimiento-del-sector-nid03022023/>

29. *SIPRI Database. Importer/Exporter TIV Tables. Brasil*. URL: <https://armstrade.sipri.org/armstrade/page/values.php>

30. Topolski I. The Military Standing of the Countries in Latin America and the Caribbean Region in the Period Between 2008–2020. *Anuario Latinoamericano Ciencias Políticas y Relaciones Internacionales*, 2020, vol. 9, pp. 137-171. DOI: 10.17951/al.2020.9.137-171

31. Valencia R. *La ‘Nueva’ Fuerza Armada de Nayib Bukele*. URL: <https://www.divergentes.com/la-nueva-fuerza-armada-de-nayib-bukele/>

Information About the Author

Andrey N. Piatakov, Candidate of Sciences (Politics), Leading Researcher, Analytical Department, Latin America Institute of the Russian Academy of Sciences, Bolshaya Ordynka St, 21, 115035 Moscow, Russian Federation; Senior Researcher, HSE University, Malaya Ordynka St, 17, Bld. 1, 115035 Moscow, Russian Federation, anpyatakov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3934-958X>

Информация об авторе

Андрей Николаевич Пятаков, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра аналитических разработок, Институт Латинской Америки РАН, ул. Большая Ордынка, 21, 115035 г. Москва, Российская Федерация; старший научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Малая Ордынка, 17, стр. 1, 115035 г. Москва, Российская Федерация, anpyatakov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3934-958X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.16>

UDC 323(8=6):321.7
LBC 66.3(70),1

Submitted: 13.09.2023
Accepted: 15.12.2023

THE PROBLEMS OF DEMOCRATIC GOVERNANCE IN LATIN AMERICA

Pedro A. Martínez Lillo

Universidad Autónoma de Madrid, Madrid, Spain

Javier Castro Arcos

Universidad Gabriela Mistral, Santiago, Chile

Abstract. *Introduction.* The article presents the contemporary problems facing governance in Latin America. The paper demonstrates that the fissures that weaken institutional and democratic stability in the region respond to a set of aspects subordinate to the crisis of expectations regarding the permanent promise of economic development. *Methods and materials.* The research problem was based on Leonardo Morlino's theory of democratic unanchoring. We indicate that the objective of the work is to show five explanatory variables of the erosion of democracy, based on the historian's classic documentary methodology. *Analysis.* Fundamentally, it shows 1) the high level of disaffection and discomfort with the political classes; 2) the risk of a new wave of populism and authoritarianism; 3) the implications of poor economic performance post-pandemic; 4) the repercussions of high rates of insecurity, violence, and organized crime; and 5) the problems in achieving regional integration and relevant global participation. *Results.* The picture of the Latin American situation raises critical knots in its democratic governance, which deserve to be reviewed in depth in order to recognize relevant lines of action for researchers, decision-makers, and public policy managers. The answer to the problems of democratic governance in Latin America can be found in the thesis of political, economic, and social delegitimization in the processes of lack of efficiency in the administration of the democratic regime in the last fifty years, beyond the factors of historical inheritance or global conjuncture. *Authors' contributions.* Pedro Martínez Lillo determined the basic concept of the article as well as formulated and analyzed the main results of the study; Javier Castro Arcos prepared the structural composition of the study and analyzed the methodological foundations of the study.

Key words: Latin America, democratic governance, democracy, populism, political instability.

Citation. Martínez Lillo P.A., Castro Arcos J. The Problems of Democratic Governance in Latin America. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 1, pp. 180-192. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.16>

УДК 323(8=6):321.7
ББК 66.3(70),1

Дата поступления статьи: 13.09.2023
Дата принятия статьи: 15.12.2023

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Педро Антонио Мартинес Лильо

Автономный университет Мадрида, г. Мадрид, Испания

Хавьер Кастро Аркос

Университет Габриэлы Мистраль, г. Сантьяго, Чили

Аннотация. *Введение.* В статье рассмотрены современные проблемы управления в Латинской Америке. Показано, что кризисы, ослабляющие институциональную стабильность в регионе, вызваны завышенными ожиданиями граждан из-за популистских политических заявлений в ходе избирательных кампаний. *Методы и материалы.* Методология исследования основывается на теории демократического транзита Леонардо Мор-

лино. Цель работы – показать пять стадий эрозии демократии, опираясь на классическую методологию Морлино. *Анализ* показывает: 1) высокий уровень недовольства по отношению к политическим классам; 2) риск новых волн популизма и авторитаризма; 3) негативное влияние низких экономических показателей после пандемии; 4) снижение уровня безопасности, рост насилия и организованной преступности; 5) проблемы в достижении целей региональной интеграции и глобального влияния. *Результаты*. Ситуация в Латинской Америке высвечивает проблемы в ее демократическом управлении, которые заслуживают внимательного изучения для выработки политических рекомендаций. Ключевой проблемой управления для стран Латинской Америки в последние пятьдесят лет является снижение уровня доверия избирателей из-за дискредитации демократических институтов в результате безответственных действий политиков-популистов. *Вклад авторов*. Педро Мартинес Лилло определил основную концепцию статьи, а также сформулировал основные результаты исследования; Хавьер Кастро Аркос подготовил структурную композицию и разработал методологические основы исследования.

Ключевые слова: Латинская Америка, демократическое управление, демократия, популизм, политическая нестабильность.

Цитирование. Мартинес Лилло П. А., Кастро Аркос Х. Проблемы демократического управления в Латинской Америке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 1. – С. 180–192. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.16>

Introduction. Between 2010 and 2022, democratic governance in Latin America has experienced a gradual state of disaffection and fragility in its institutional stability, accompanied by growing political polarization, economic frustration, and symptoms of profound citizen unrest. Since the global economic crisis of 2008 [4; 7], the decline of liberal democracy as the current and permanent political model in developed and developing countries has become increasingly evident in the perception of citizens. This is mainly explained by the crisis of unmet expectations regarding the promised development in capitalist societies, in which the new needs for social advancement of the emerging and vulnerable middle classes grew very rapidly in the last 30 years, and their main social demands were not met, especially in the areas of housing, health, education and pensions. In 2019, “democratic fatigue” manifested itself with a wave of protests of regional scope and new episodes of social frustration, which tested the weak democratic systems, their aging state apparatuses and fragmented party systems, divided parliaments, without solid forces and stable majorities, and a high polarization that makes consensus difficult [17, p. 2].

Because of the scenario described above, democratic institutions, which aim to create a harmonious, stable, and effective framework in the lives of political institutions, have suffered from the rise of leaderships that promise to channel and strengthen regional democracy. However, in

cases such as El Salvador, Nicaragua, or Venezuela, the cost of putting an end to Latin America’s ills seems to be the price of democracy itself. It is important to point out that the context of the erosion of democracy in Latin America not only responds to the discontent of the region found in the global south but is also part of a complex global recession of Western democracy. According to reports from the Centre for the Future of Democracy at Cambridge University, 2019 represented the highest level of global democratic dissatisfaction on record [8, pp. 2-3].

Based on the approaches of the United Nations, governance can be defined as the series of interactions between state and non-state actors to formulate and implement social, economic, and institutional policies and reforms related to the access to and/or exercise of power, with the objective of improving the governability of political systems. In other words, to provide courses of action so that human, social, and economic development can be achieved in optimal and equitable ways under the sovereignty of the rule of law that guarantees the principle of legality and the administration of justice, among others [26, p. 11].

As stated by Bitar, taking into consideration the postulates of the United Nations, ideally good governance implies that in Latin America, governments are legitimately elected through fair and transparent voting, and are capable of effectively promoting inclusive, sustainable, and equitable economic and social progress. At the

same time, it must demonstrate a suitable management to lead a process of continuous strengthening of democracy, resilient without ruptures or serious interruptions, which takes place through institutional and peaceful paths within the framework of the rule of law, supported by an electoral and parliamentary majority. Its solidity is enhanced by a strategic narrative aiming at a shared future and by a government capable of satisfying the basic demands and aspirations of the most vulnerable sectors [4, p. 86].

However, the reality is very different from the ideal political theory. In the last decade, democracy in Latin America has presented a paradox: it is the only region in the world where there is a combination of democratic regimes in almost all the countries that make it up, with large sectors of its population living below the poverty line (about 30%, according to ECLAC), the most unequal income distribution in the world, the highest homicide rates on the planet, and very high levels of corruption. In no other region of the world does democracy have this unprecedented combination [34, p. 4].

The region's growing social unrest, civic insecurity, and political polarization are undermined by weak and unaccountable public institutions, which have created fertile ground for the growth of organized crime, fueling violence and insecurity. According to Insight Crime indicators, Latin American and Caribbean countries continued to record high homicide rates in 2022 as cocaine production reached new highs, criminal groups continued to fragment, and the flow of weapons throughout the region continued to grow [12]. The World Drug Report 2023 indicates that cocaine manufacture in South America reached a record 2,304 tons (pure cocaine) in 2021. For this reason, the Americas are affected by the increase in cocaine trafficking, linked to the unprecedented levels of cocaine manufacture in South America. As a result, illicit drug economies and related crime, population displacement, and conflict are accelerating environmental destruction and degrading human rights, particularly among vulnerable groups in the Amazon Basin [31].

The situation of democratic governance in the region in the post-Covid-19 stage is more complex. According to ECLAC studies, Latin America and the Caribbean account for 8.4% of the world's population, and by February 28, 2022,

there had already been almost 66 million infections (15% of the world total) and 1.65 million deaths (28% of the world total) [5, p. 17]. The impact of the pandemic was severe on socioeconomic indicators. Poverty and extreme poverty reached levels not seen for at least a decade. In 2021, the number of people in extreme poverty would have reached 86 million (13.8% of the Latin American population), and people in poverty would reach 201 million (32.1% of the Latin American population), figures much higher than those of 2019 (70 million people and 187 million people, respectively). This increase was particularly marked in 2020, the year in which the pandemic began, and could have been worse had it not been for the emergency social protection measures adopted to curb it [5, p. 18]. In 2020, the contraction was expressed in a drop of 6.8% of GDP and 7.7% of GDP per capita, the largest annual drop in the region's 120-year statistical history [5, p. 18]. On a regional scale, it is estimated that the unemployment rate will increase by three percentage points between 2019 and 2020: from 6.8% to 9.8% [5, p. 19]. Finally, Latin America is currently the most indebted region in the developing world, with the highest weight of external debt in GDP (77.6%).

Methods and materials. Precisely, our research problem is inscribed in Leonardo Morlino's thesis, which explains that the problems of democratic governance crises in Latin America are not only related to an unfavorable global situation or to a heavy historical legacy but arise from society-state disengagement due to the absence of state, economic, and political legitimization of democracy by citizens, for reasons of:

a) paralysis of the functioning or malfunctioning, according to the existing rules, of some crucial structures, mechanisms, or processes of the democratic regime, as well as, for example, of the legislative and executive relations or of other structures specific to each type of bureaucracy or magistracy;

b) distancing or malfunctioning of relations between society and parties or between groups, parties, and structures of the democratic regime, which manifest themselves in the form of demands expressed by civil society and which do not or cannot be translated (crisis of expectations of democratic development), for different reasons, into decisions taken by the democratic regime [21, p. 152].

In our work, we propose five aspects that, due to democratic disengagement, and specifically, the second aspect raised, disengagement due to distancing and malfunctioning between social groups, parties, and the democratic regime, exemplify the complexity of democratic governance in Latin America. These are: 1) governance crises and political disaffection; 2) populism and authoritarianism; 3) economic performance and the eternal promise of development; 4) violence, insecurity, and organized crime; 5) regional integration and global participation. These aspects are selected because of the main indicators of multidimensional democratic governance that show economic, social, political, security, and transparency disengagement.

The methodology of this research is documentary in nature, based, as we emphasize, on recent indicators and studies of democratic governance in Latin America, which show the erosion of democracy in the selected dimensions of analysis. The following are the indicators of democratic governance in Latin America based on the work of Mainwaring and Pérez Linán [15, pp. 452-453].

Analysis. Crisis of democratic governance and political disaffection. During the first decades of the 20th century, a significant number of Latin American countries established democracies led by political networks and oligarchic economic elites, many of them dependent on North American hegemony in the region. After the Great Depression of the 1930s, a period of greater democratization was made possible due to the great social transformations required by the lower and middle urban strata, which severely experienced the consequences of the world depression. Between the forties and fifties, authoritarian governments emerged, alternating their administrations with popular fronts that achieved democratic power. However, and almost in a pendulum effect, during the 1960s and 1970s, more than half a dozen military regimes re-emerged in various Latin American countries, including Argentina, Brazil, Chile, and Peru, blocking democratic options [9, p. 12].

Latin America began the “third wave” of democracies in 1978 in the Dominican Republic and Ecuador, and it spread in successive stages: first to the Andean region, then to Central America and the Southern Cone, and finally to Paraguay and Chile in 1989, and to Nicaragua in 1990 [34, p. 2]. However, the quality and health of Latin

American democracy have been questioned for their imperfect consolidation and for being contrary to the values of democracy due to the persistence of economic inequality, poverty, and regional injustice. As the *Latinobarómetro 2023* reports show, until 2008, when the subprime economic crisis broke out, most of the countries in the region were democracies, which, however, showed significant signs of erosion and disengagement. For a global overview of the context, see the table of governance indicators in the region.

The citizens’ despair with the liberal initiative in political and economic terms, at the same time, led to the renewal of the regional political class, which resulted in new populisms. We understand populism as the demagogic use that a charismatic leader makes of democratic legitimacy to promise the return of a traditional order or access to a possible utopia and, once triumphant, to consolidate personal power outside the laws, institutions, and freedoms [13]. Some of those populist proposals with radicalized discourses did not know how to take advantage of the economic resurgence at the beginning of the 21st century. They ended up financing the erosion of democracy and the concentration of power in the president [24, p. 43]. The advent of populism represented by the regime of Hugo Chávez in Venezuela introduced new alternatives to overcome regional challenges under the paradigm of “21st century socialism.” However, Chávez’s proposal derived from the implementation of hyper-presidential regimes as a model to be followed in countries such as Bolivia or Ecuador. In Venezuela, Chavism maintained liberal-democratic formalities, but in parallel developed an eminently authoritarian legislation and political culture, which, by the way, weakened individual liberties and the system of political representation [17, p. 2]. According to figures from the UN Agency for Refugees, UNHCR, currently more than seven million people (around 20% of the country’s total) have left Venezuela, seeking protection and a better life [22]. For the United Nations High Commissioner in his report “Human Rights Violations in the Bolivarian Republic of Venezuela: a downward spiral that seems to have no end”, explains that the increasing number of Venezuelans fleeing their country is the starkest reflection of the deteriorating socio-economic and human rights situation, and indeed the state of democratic governance, in the Bolivarian Republic of Venezuela [22, p. 6].

Indicators of Governance in Latin America

COUNTRY	Annual per capita GDP growth, %	Homicide Rate	GINI Index	Control of Corruption Index (2020)	Rule of Law Index (World Rank)
Argentina	0.4	5.3	42.3	-0.12	56 th
Bolivia	1.8	7.0	43.6	-0.76	129 th
Brazil	1.0	22.5	48.9	-0.34	77 th
Chile	2.4	4.8	44.9	1.15	32 nd
Colombia	1.8	22.6	54.2	-0.18	86 th
Costa Rica	2.6	11.2	49.3	0.78	31 st
Cuba	2.9	5.0	–	-0.13	n.a.
Dominican Republic	3.5	8.9	39.6	-0.68	94 th
Ecuador	0.8	7.8	47.3	-0.54	92 nd
El Salvador	1.4	37.2	38.8	-0.59	95 th
Guatemala	1.5	17.5	48.3	-1.10	109 th
Haiti	-0.1	6.7	41.1	-1.32	132 nd
Honduras	1.4	36.3	48.2	-0.86	126 th
Mexico	0.5	28.4	45.4	-0.85	113 th
Nicaragua	2.0	7.9	46.2	-1.25	131 st
Panama	3.2	11.6	49.8	-0.51	71 st
Paraguay	1.3	6.7	43.5	-0.87	96 th
Peru	2.8	7.7	43.8	-0.49	87 th
Uruguay	1.8	9.7	40.2	1.42	25 th
Venezuela	–	49.9	44.8	-1.56	139 th

Note. Source: [17, pp. 452-453].

From 2000 onwards, the rise of populist leaderships – from left and right – with little political experience and questionable commitment to democratic principles caused the erosion of democracy, represented by very low levels of trust in political parties (13%, Latinobarómetro, 2021) and in parliaments (20%, Latinobarómetro, 2021). When faced with the statement “Political parties work well,” the response is strongly against parties: 77% disagree with the statement, in contrast to only 21% who agree with it. In 2023, there is not a single country in Latin America where the majority of citizens perceive that political parties work “well” [11, p. 46]. Likewise, 53% of citizens in the region think that most or all people in the office of the prime minister or president are involved in corruption, and 52% of senators or parliamentarians at the national level (Transparency International, 2019). 77% of citizens considered that their countries were governed in the interest of a few powerful groups and not for the good of all [26, p. 21]. As evidenced in the last decade, the feeling of democratic weakening and broken expectations, due to having economies with high income inequality, inefficient political classes, corruption scandals, and prolonged moments of mediocre economic growth, have

been a central reason for social tensions in the process of democratic governance in Latin America [26, p. 10].

As studied by Talvi, the punishment vote in the face of the aforementioned context explains the shift to the left experienced in the region since 2018. Most of the largest countries, after four years of stagnation, were governed by the right: Michel Temer in Brazil, Enrique Peña Nieto in Mexico, Iván Duque in Colombia, Mauricio Macri in Argentina, Martín Vizcarra (successor of Pedro Pablo Kuczynski) in Peru, and Sebastián Piñera in Chile. In the case of countries where the left was governing, such as Ecuador in 2018 and Uruguay in 2019, right-wing or center-right governments were elected. The punishment vote is exercised against those who exercise power, not because of the voter’s ideological turn [29, p. 7]. The main risk of politics under “the punishment vote” is the door that opens to anti-democratic leaderships and populist presidents with authoritarian styles and polarizing speeches, as is the case of Bukele in El Salvador or the former president Jair Bolsonaro in Brazil, who in the October 2022 elections mobilized 58,206,354 votes in his favor, reducing to less than 1% the difference in votes with respect to his opponent, Ignacio Lula

da Silva (who won with 60,345,999 votes) – point not only to a conjunctural turn to the right or a punishment vote against center or left governments, but also, as Pirker points out, to the resilience of authoritarian values associated with reactionary projects [25, p. 8].

Once the newly elected governments are in office, citizen support for the presidents varies rapidly. In Chile, President Gabriel Boric saw his approval rating drop below 40% in only 5 weeks in office, while in Colombia, President Gustavo Petro increased his disapproval by 20 points in only 2 months. Meanwhile, the presidents of Argentina and Peru exhibited approval levels below 30% in 2022; in short, most Latin American presidents exhibit low levels of citizen approval. According to the Political Risk Study in Latin America (CEIUC), between 2019 and 2021, in 13 of the 14 presidential elections, voters changed political signs, with the exception of Nicaragua. The reality shows a more pragmatic, ideologically “unfaithful,” and impatient citizenry, whose demands are increasing and accelerating as a result of social networks. While Latin American society has changed in the last two decades, states continue to operate with 20th-century logics [27, p. 16].

Citizen support and the assurance of democratic governance appear to depend fundamentally on performance in managing the economy [1]. Just as recession favors the opposition, economic growth favors the government because voters hold it accountable for performance. The model of European social democracies combines universal public services with institutions and policies and encourages private sector growth and investment. In Latin America, the deterioration of the business environment has made it difficult to revive economic growth. The influence of organized crime, corruption, and narco-politics in Mexico or Ecuador, where presidential candidate Fernando Villavicencio was assassinated in August 2023, does not seem to be receding. Serious situations that accentuate a frank deterioration of institutionality. In addition, social injustices persist due to continually high inequality, regressive tax rates, and informal labor markets that exclude the poor from basic legal protections and services [8, p. 29]. Finally, between 2019 and 2020, protests and mobilizations, or “social outbursts,” took place

in countries such as Ecuador, Chile, Bolivia, and Colombia. The massive social protests and discontent were stronger, and people took to the streets even in the midst of the pandemic [26, p. 27].

Populism and authoritarianism.

The weakened Latin American democracy has among its recent history twenty-one presidents convicted of corruption, and a total of twenty Latin American presidents in nine countries between 1985 and 2023 have had to leave office before the end of their term, not because they were interrupted by military coups but mainly because of corruption scandals [11, p. 7]. Others, such as Chávez, Ortega, or Bukele, in order to assert their personalism, interfere with the rules of reelection, modifying them at their convenience. These actions end up delegitimizing the value of democracy and the political system.

As mentioned above and quoting Krauze, we understand that populism is defined by the consolidation of personal power outside the rules of the democratic game, the rule of law, and respect for freedoms. In this sense, we can identify as common denominators of Latin American populist politics specific styles of governing that emphasize the centrality of traditional authority figures – the caudillo or the strongman – or the use of polarizing rhetoric and binary schemes [25, p. 13]. The strategies of the new caudillism go beyond the left-right ideological frameworks; the objective is to concentrate power and wear down democratic institutional structures, limiting the control capacity of other counterpowers, especially the judiciary and the legislature. We understand that populism contributes to the dismantling of the democratic legitimacy of political institutions and, therefore, erodes the political stability of the political regime.

According to Ziblatt and Levitsky, populists are characterized by an anti-establishment profile, claim to represent the true “voice of the people,” and identify the common enemy in a corrupt and conspiratorial elite that hijacked democracy and, therefore, the opportunities for progress for the majority. They deny partisan legitimacy by labeling parties as unpatriotic. When populists are elected, democratic institutions suffer major setbacks. In Latin America, for example, of the fifteen presidents elected in Bolivia, Ecuador, Peru, and Venezuela between 1990 and 2012, five were upstart populists: Alberto Fujimori, Hugo Chávez, Evo Morales, Lucio

Gutiérrez, and Rafael Correa. And all five ended up weakening democratic institutions through the following actions:

- a) the rejection (or weak acceptance) of the democratic rules of the game;
- b) the denial of the legitimacy of political adversaries;
- c) the tolerance or encouragement of violence;
- d) the predisposition to restrict the civil liberties of the opposition, including the media [33, pp. 32-33].

There are currently four authoritarian regimes in Latin America: Cuba, Venezuela, Nicaragua, and Haiti (the latter having become a failed state). At the other extreme is Uruguay, the best quality democracy in the region. El Salvador has ceased to be a democracy and has become a hybrid regime [27, p. 13]. The risk of the empowerment of authoritarian leadership in the region is growing [20]. Support for democracy in the region has fallen 12 percentage points in the last decade (from 70% in 2008 to 58% in 2017), with a steeper drop (8 percentage points) from 2015 to 2018. In tune with previous results, 46% of citizens share the perception that democracy does not work well, and 55% of the Latin American population indicated that they would not mind having a non-democratic government as long as it was effective [26, p. 25].

In 2023, only 48% supported democracy in the region, down 15 percentage points from 63% in 2010. Dissatisfaction with the political system is 69% [11, p. 18, 36]. In addition to the clear lack of confidence in democracy as a desirable political system, populism finds an ideal breeding ground to validate a discourse of anti-systemic and authoritarian malaise, especially in a context in which democracies can fail at the hands not of generals but of elected leaders, presidents, or prime ministers who subvert the very process that brought them to power [33, pp. 11-12]. Worryingly, according to the Latinobarometro studies, the minority of democrats are among the youngest, which makes the future of democracy in Latin America even more alarming. Age is what most differentiates authoritarians, since the younger they are, the more authoritarian they are [11, p. 33].

Economic performance and the eternal promise of development. The Latin American economy began the 21st century in a period of stagnation that involved major collapses and sovereign debt crises, the best-known episode being the “Argentinean corralito”. Subsequently,

between 2004 and 2013, about 10 years of brief bonanza were experienced (Latin America grew at an average rate of almost 5% per year), which were abruptly halted by the global financial crisis in 2008. In less favorable global conditions, the region entered an economic stagnation that has lasted from 2014 to the present day, intensely aggravated by the 2020 pandemic [30, p. 16]. The effect of the pandemic will accentuate the Latin American development deficit. The falls in regional GDP (7.7%) and GDP per capita (8.5%) in 2020 point to the possibility of a new lost decade [4, pp. 40-44].

The International Monetary Fund (IMF) stated that Latin America is about to experience a new shock, with very low economic growth projections, between 0.7% and 1.7% of GDP in 2023. This is a lower growth indicator than those experienced in the “lost decade” (the 80’s). Venezuela’s public debt is the highest in the region at 307% of GDP, followed by Brazil (91.9%), Bolivia (86.1%), El Salvador (82.6%), and Argentina (74.4%). According to ECLAC and the International Labor Organization, after COVID-19, 25 million jobs were lost, and poverty reached 33.7% in 2020.

Currently, about 50 percent of the economy operates in informality, of which 60 percent of its workers are young people [27, pp. 19-20]. The vulnerable population, measured by income between \$5.50 and \$13 (in PPP), has remained relatively stable over time, with a rate of about 35 percent of the population. In other words, vulnerability in the region has remained stagnant and persistently high for more than 20 years [26, p. 13].

In 2021, foreign direct investment (FDI) inflows to Latin America totaled US\$142.794 billion, 40.7% higher than the previous year but lower than the pre-pandemic US\$159 billion. Much of this investment came from one major source: China. According to the World Economic Forum, China’s trade with the hemisphere grew 26-fold between 2000 and 2020, expected to double by 2035 to more than US\$ 700 billion [23, p. 430]. Foreign direct investment (FDI) from China and Hong Kong as a whole had a steady growth from 5.5% of the world stock of FDI outflows in 2000 to 11.3% in 2019 [5]. In 2022, trade between the Asian giant and the Latin American region grew by nearly eleven percent and reached about 437 billion euros, according

to official Chinese statistics. Beijing has become the main trading partner for most South American countries.

However, questions about Latin America's possibilities of overcoming the model of an economy exporting raw materials continue to intensify, basically because the main negotiations with China are about natural resources (minerals (35%), soybeans (17%), mineral fuels (12%), meat (7%), and copper (6%)). Recently, the debate over lithium rights as a strategic energy resource in the "White Gold Triangle" of Bolivia, Argentina, and Chile, which concentrates about 60% of the world's reserves, reinforced China's will and role as a major global economic player for the region. China's possibilities of conditioning and subordinating Latin America's economic development to the pace of its own growth are clearly expanding.

One of the pressing economic challenges for Latin America is income distribution and socioeconomic inequality. Based on Gini coefficient measurements, Latin America continues to be the second-most unequal region in the world. LAC Equity LAB estimates for the year 2000 were, on average, 0.56, while in 2018, the same coefficient only dropped to 0.52 [26, p. 14]. The figures confirm the reasons for the frustration and economic vulnerability of the middle class, the persistent income inequality, and the growing perception of a culture of privilege rooted in political elites and those who profit from the state.

In Latin America, the richest 1% concentrate 42% of the wealth, and the top 10% concentrate 71.2% of the total wealth [26, p. 15]. Of the ten most unequal countries in the world, five belong to Latin America, including Brazil, which accounts for a third of the region's total population. Although at the beginning of the century inequality was reduced in some countries as a consequence of economic growth and social policies, one of the challenges of the region is still to reduce the deep social inequalities. This undoubtedly affects the economy itself, the options for achieving development, social cohesion, and the feeling of collective identity, which are so important for improving participation and the democratic regime [18, p. 134].

The described inequality, a highly volatile economy prone to recurrent crises (exchange,

banking, and sovereign debt) and incapable of developing and sustaining a convergence dynamic, as the Asian tigers did, installed the perception that Latin America lives in a chronic failure, being defined as "the region that will always be of the future" [30, p. 1].

Violence, insecurity, and organized crime. Among the most important reasons and difficulties for stable democratic governance in the region are the problems associated with the prevalence of violence. Organized crime thrives where the state is relatively weak, institutions are corrupt, and informal economies with high rates of inequality and poverty predominate, with inevitable fatal consequences. Latin America and the Caribbean represent about 8% of the world's population, and the region accounts for more than 33% of global homicides. Transnational organized crime in Brazil, Mexico, El Salvador, Honduras, Guatemala, and Colombia has had a devastating impact on democracy at the local level, often with profound consequences for politics at the national level. In many places, criminal organizations limit or destroy the possibility of free and fair elections by coercing candidates and voters [15, p. 451].

Countries such as Venezuela will have a rate of 40.9 homicides per 100,000 inhabitants in 2021 [27, p. 10]. Seventeen of the 20 countries with the highest homicide rates in the world are in Latin America. As of 2018, there have been nearly 2.4 million homicides in Latin America. In 2018, Brazil, Colombia, Mexico, Venezuela, and the countries of northern Central America (an area consisting of El Salvador, Guatemala, and Honduras), which together account for 68% of the population of Latin America and the Caribbean, accounted for 93% of the region's homicides and 46% of global homicides [10, p. 122].

Most of the high homicide areas are territorial spaces with a widespread presence of organized crime, especially linked to drug trafficking, diversifying criminality in illicit activities such as human trafficking, total control of villages, trafficking of weapons, ammunition, and explosives; money trafficking (money laundering); illegal exploitation of natural resources; forced displacement; and trafficking of goods (smuggling and counterfeiting) [28, p. 29]. Including the infiltration of political parties, the powers and administration of the state, the

police, and the Armed Forces, all of which are detrimental to democratic coexistence and open a crack of constant impunity [26, p. 32].

The centrality of drug trafficking in organized crime and the high levels of regional violence are fundamental to understanding the phenomenon. Latin America accounts for all of the world's coca leaf production. In 2020, both cultivated hectares and cocaine production in Colombia reached record levels, with 245.000 hectares and 1,010 metric tons, respectively, representing a 15% increase in cultivation over 2019 [27, p. 19]. By 2021, cocaine manufacture in South America had reached a record 2.304 tons (pure cocaine) [31].

The magnitude of the drug business has meant that in recent decades, the traditional Colombian and Mexican cartels have transnationalized their operations, causing the region as a whole to participate in all phases of the activity and value chain: production, trafficking, and consumption in local markets of different sizes [10, p. 130]. The growing transnationality of the criminal phenomenon in the region is largely due to the geographic opportunity provided by the porosity of land and river borders, as well as the lack of control of airspace (narcoflights) [3, p. 49]. It is estimated that 24.000 combatants are part of both armed groups and organized crime in urban and rural areas. The number of criminal groups in Mexico doubled between 2010 and 2020, reaching more than 200, according to a data analysis by Crisis Group [14].

The emergence of powerful organized crime groups is also explained by the weakness, incapacity, or absence of the state in areas of high conflict and extreme poverty. It is the lack of state mechanisms for governance and regulation of illicit markets and the inability of the state to control its territory – an unbridgeable abyss – that transfers the responsibilities of territorial control to Mexican cartels or groups of micro-traffickers in the favelas of Rio de Janeiro that operate in similar ways [2, p. 8]. In other words, organized crime in Latin America, encompassing multiple large, medium, and small illegal entrepreneurs, not only produces illicit rents but also, depending on its capacities and networks, exercises territorial control, provides public services, and imparts justice, becoming in many cases a substitute, competitor, or collaborator of the state and local institutions. Through nodes, these groups interconnect regionally and locally and, in many cases, exercise the functions of the state [32, p. 4].

According to Crisis Group reports, public displays of narco violence have become increasingly massive, taking advantage of social media to spread the word. In Colombia, groups such as the Clan del Golfo, currently the country's most important criminal organization, give away new schools and toys as they expand into new territories. But at the same time, they apply ruthless forced confinement to residents. More than 100,000 people were victims of forced confinement in 2022, many of them members of indigenous and Afro-Colombian communities along the Pacific coast [14]. Unfortunately, the port cities of Guayaquil and Rosario, in Ecuador and Argentina, respectively, as well as Costa Rica, Panama, and Paraguay, have been plagued by extraordinary outbreaks of violence. Criminal groups in Ecuador have intimidated local communities with violent tactics such as hanging dead bodies from a pedestrian bridge, detonating explosives in stores and residential areas, and beheading members of rival groups [14].

Official responses to drug trafficking have been insufficient, first because of the great power of the cartels to penetrate the state administration itself and the broad territorial dominance of organized crime at the local level. When strategies to fight them head-on were applied, they led to more violence against the civilian population and atomization among criminal groups [23]. In some cases, security policies and the fight against organized crime have triggered the fragmentation of the “criminal world” and competition among these groups for illicit markets, thus increasing the level of criminal violence. In Mexico, for example, state interventions generate imbalances of power among cartels, creating incentives for others to take advantage and initiate “wars of conquest,” accompanied by sharp increases in the level of violence [2, p. 11].

Regional integration and global participation. Latin American countries have shared similar socioeconomic problems since the dawn of their republican history. The convergence to deploy joint and multilateral proposals in the region's face challenges has been unsatisfactory. In a recent test of the state of inter-American multilateralism, regional integration was found to be in a state of paralysis and lethargy in the face of the recent impact of the pandemic. In the face of the health emergency, the solutions to the calamity

worked to the extent of the autonomous management of each country, an issue that frankly shows that the inter-American system is in a state of considerable weakness. As a consequence, this affects the state of democratic governance among neighbors. To date, there is no consistent regional cooperation plan in matters of public health or post-COVID socioeconomic support. This is evidence that forum diplomacy urgently needs to update its real implications in the face of Latin American dilemmas.

Since the middle of the 20th century, a number of initiatives have been implemented, such as the Organization of American States (OAS, 1948), the Latin American Free Trade Association (LAFTA, 1960), the Andean Pact (1969), the Latin American Integration Association (LAIA, 1980), or the Free Trade Area of the Americas (FTAA, 1994). Each of them sought to strengthen multilateral channels in favor of regional multilateralism and integration, but with not very encouraging results.

On the other hand, the role of the United States in Latin America has always played a centripetal role, i.e., seeking to concentrate regional hegemonic power and alienate Latin American countries in a capitalist formula for development. The so-called Washington Consensus of the early 1990s promised “the end of Latin American history.” However, at present, the real political and economic implications for the United States are becoming increasingly remote due to its loss of relative regional power in contrast to China’s commercial power.

Under the progressive era of the early 2000s, the renewal of Latin American multilateralism was characterized by certain strong ideological tendencies, such as opposition to the neoliberal (post-liberal or post-trade) model or the promotion of international solidarity [6, p. 13]. The Bolivarian Alliance for the Peoples of the Americas (ALBA) emerged in 2004, the Union of South American Nations (UNASUR, 2008) in 2008, the Community of Latin American and Caribbean States (CELAC) in 2010, and the Pacific Alliance in 2011. They were added to existing organizations, such as the Southern Common Market (MERCOSUR, 1991), or even the Central American Integration System (SICA, 1991).

However, there are no better economic or political integration results with the new regional platforms. According to Elodie and Parthenay, the

accumulation of divisions, the coming to power of conservative and other populist governments and the multiplication of political crises in several of the region’s states, nurtured by the recomposition of international balances of power, have fed a dynamic of politicization of the various forms of cooperation during the last decade [6, p. 15]. This is connected with the present complex of multilateralism at the global level, which would coincide with the crisis of extensive distrust in a large part of the public institutions of Western countries. Pierre Rosanvallon argues that democratic distrust and structural distrust converge and consolidate. It is these different factors that have led to the emergence of a “society of generalized distrust” to describe the contemporary world [19, p. 55].

Furthermore, there is still controversy about countries that prefer to link up with the world through free trade agreements with the world powers rather than articulating themselves in regional blocs (Chile has free trade agreements with China, the United States, and more than twenty other countries). Or the fact that Mexico, Brazil, and Argentina have never put together an agenda to bring it jointly to the G-20 has led to the region being seen by the rest of the world as a group of unconnected states, powerless to negotiate as a bloc with large trading partners [27, p. 36].

According to the UNDP-IDEA 2022 analysis, among the most relevant consequences for regional integration and democratic governance are: the lack of consideration of the international and regional nature of many of the risks and challenges to governance, including organized crime, migration, drug trafficking, corruption, and climate change. Also, there is less international cooperation, which can translate into lower-quality public policies and the loss of knowledge transfer and best practices. In addition to the above, there are low levels of economic integration and trade exchange and reduced opportunities for civil society participation with its peers in the region [14, p. 35].

Conclusions. The problems of democratic governance in Latin America are urgent to address from a transformative perspective. The aspects outlined in this paper summarize those issues that we consider relevant to prioritize when diagnosing and evaluating sustained actions for the benefit of regional democracy.

We affirm that the elements proposed as aspects for analyzing the problems of regional

governance account for the institutional disengagement between the democratic regime and the citizenry, which does not find political, economic, and even social legitimacy in the official channels of the democratic regime. This condition causes a critical erosion of democracy and enhances Latin American political fragility.

Economic inequality, lack of social inclusion, and lack of protection for the middle and lower sectors have undermined confidence in democratic institutions as the engines of Latin American development. The feeling of a return to conditions of vulnerability and multidimensional poverty due to poor management of economic crises is combined with the impotence and discomfort generated by the endemic corruption of the bureaucracy, the impunity of the elites, the scarcity and legitimacy of channels of representation, and the resolution of judicial conflicts [16]. All these problems end with the loss of respect for the rule of law as a fundamental mechanism in democratic political culture.

It is highly important to promote regional integration and cooperation in the design of strategies and policies that promote the education of a democratic conscience and the will to participate politically and electorally, despite the serious problems mentioned above.

REFERENCES

1. Acemoglu D., Robinson J. *Por Qué Fracasan Los Países: los Orígenes del Poder, la Prosperidad y la Pobreza*. Barcelona, Ediciones Deusto, Grupo Planeta, 2012. 528 p.
2. Albarracín J. *Crimen organizado en América Latina*. Bogotá, Friedrich-Ebert-Stiftung (FES), 2023. 22 p.
3. Bartolomé M. Terrorism and Organized Crime in South America. *Spanish Institute for Strategic Studies (IEEE) Research Paper*, 2019. 52 p. URL: http://www.ieee.es/Galerias/fichero/docs_investig/2019/DIEEEINV022019TerrorismoSudamerica.pdf
4. Bitar S., Máttar J., Medina J. *El Gran Giro de América Latina: Hacia una región democrática, sostenible, próspera e incluyente (The Great Latin American Turn: Towards a democratic, sustainable, prosperous and inclusive region)*. Cali, Programa Editorial Universidad del Valle, 2021. 163 p.
5. ECLAC Report. *The Socio-Demographic Impacts of the COVID-19 Pandemic in Latin America and the Caribbean*, June 2022. 163 p. URL: <https://www.cepal.org/es/publicaciones/47922-impactos-sociodemograficos-la-pandemia-covid-19-america-latina-caribe>
6. Elodie B., Parthenay K. Latin America and the Caribbean in the Crisis of Multilateralism. *Les Études du CERI. Political Observatory of Latin America and the Caribbean (Opalc) of CERI-Sciences Po, Paris, France*, 2021, no. 252-253, pp. 13-18.
7. Feldmann A., Mantilla J. Criminal Governance in Latin America. *Oxford Research Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice*. Oxford, Oxford University Press, 2021. URL: <https://oxfordre.com/criminology/view/10.1093/acrefore/9780190264079.001.0001/acrefore-9780190264079-e-697>
8. Foa R.S., Klassen A., Slade M., Rand A., Collins R. *The Global Satisfaction with Democracy Report 2020*. Cambridge, Centre for the Future of Democracy, 2020. 56 p.
9. Hartlyn J., Valenzuela A. Democracy in Latin America Since 1930. Bethell L., ed. *The Cambridge History of Latin America VI. Politics and Society*. New York, Cambridge University Press, 1994, pp. 99-162.
10. Hernández H. Homicides in Latin America and the Caribbean: Magnitude and Associated Factors. *Notas de Población*, 2021, July-December, t. XLVIII, no. 113, pp. 119-144.
11. *Informe Latinobarómetro 2023: La recesión democrática de América Latina*. Corporación Latinobarómetro. 49 p. URL: <https://www.latinobarometro.org/lat.jsp>
12. Insight Report in Figures. *Insight Crime*, June, 2023. URL: <https://es.insightcrime.org/noticias/insight-cifras-zonas-criticas-homicidios-america-latina/>
13. Krauze E. *El pueblo soy yo*. Mexico, Debate, 2018. 296 p.
14. Latin America Struggles with a New Wave of Criminality. *International Crisis Group*, May 2023. URL: <https://www.crisisgroup.org/es/latin-america-caribbean/latin-america-wrestles-new-crime-wave>
15. Mainwaring S., Pérez-Liñán A. Democratic Decay in Mexico and Latin America. *Korpus 21*, 2023, vol. III, no. 9, September-December, pp. 445-460.
16. Malamud A. Is Democracy Dying. *Nueva Sociedad Magazine*, 2019, July-August, no. 282, pp. 30-42.
17. Malamud C., Núñez R. *La crisis de la democracia en América Latina, 2019-2021*. Real Instituto Elcano, 2021. 12 p. URL: <https://media.realinstitutoelcano.org/wp-content/uploads/2021/11/ari88-2021-malamud-nunez-la-crisis-de-la-democracia-en-america-latina-2019-2021.pdf>
18. Martínez Lillo P., Rubio P. *América Latina actual. Del populismo al giro de las izquierdas*. Madrid, Los libros de la Catarata, 2017. 144 p.
19. Martínez Lillo P., Castro Arcos J. En torno al Orden Internacional del siglo XXI. *Alcores*:

revista de historia contemporánea, 2020, no. 24, pp. 43-64.

20. Mazzina C., Bavastro R. *América Latina: entre la democracia, la autocracia y el fin del consenso democrático*. Buenos Aires, Teseo, 2020. 641 p.

21. Morlino L. *Democracias y democratizaciones*. Madrid, Centro de Investigaciones Sociológicas, 2009. 252 p. (Colección Monografías, no. 267)

22. OHCHR Report. June 2018. *Human Rights Violations in the Bolivarian Republic of Venezuela: A Downward Spiral That Seems to Have No End*. OHCHR. 61 p. URL: <https://www.ohchr.org/es/documents/country-reports/human-rights-violations-bolivarian-republic-venezuela-downward-spiral-no>

23. Pereyra G. México: violencia criminal y “guerra contra el narcotráfico”. *Revista Mexicana de Sociología*, 2012, vol. 74, no. 3, pp. 429-460.

24. Pérez-Liñán A. *Will Democracy Survive the 21st Century?* *Revista Nueva Sociedad*, 2017, January-February, no. 267. 82 p.

25. Pirker K., Álvarez M. The Revitalization of the Authoritarian Right: Europe, United States, Latin America. *Revista CIDOB d’Afers Internacionals*, 2022, December, no. 132, pp. 7-23.

26. *Report Governance, Democracy and Development in Latin America and the Caribbean*. International Institute for Democracy and Electoral Assistance (International IDEA) and by the United Nations Development Programme, UNDP-IDEA, 2022, May. 55 p. URL: <https://www.undp.org/es/latin-america/publicaciones/gobernanza-democracia-y-desarrollo-en-america-latina-y-el-caribe>

27. Sahd J., Zovatto D., Rojas D. *Political Risk Latin America 2023*. Santiago, Centro de Estudios Internacionales de la Pontificia Universidad Católica de Chile (CEIUC), 2023. 43 p.

28. Sampó C., Troncoso V., eds. *El Crimen Organizado en América Latina: Manifestaciones, Facilitadores y reacciones*. Madrid, Instituto Universitario Gutiérrez Mellado, 2017. 376 p.

29. Talvi E., Martínez J.P. *Is Latin America a Political “Disaster”? An Alternative Approach*. Real Instituto Elcano, 2023. 17 p. URL: <https://www.realinstitutoelcano.org/analisis/es-america-latina-un-desastre-politico-un-enfoque-alternativo/>

30. Talvi E., Fiorito A., Ruiz J. *Is Latin America an Economic Failure? From the Story to the Data*. Real Instituto Elcano, 2023. 41 p. URL: <https://media.realinstitutoelcano.org/wp-content/uploads/2023/07/ari69-2023-fiorito-et-al-america-latina-es-un-fracaso-economico-del-relato-a-los-datos.pdf>

31. *UNODC World Drugs Report, June 2023*. The United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). URL: https://www.unodc.org/res/WDR-2023/WDR23_Exsum_fin_DP.pdf

32. Uribe P. *Crime in Latin America: Disorder, Fragmentation and Transnationality*. Real Instituto Elcano, 2021. 7 p. URL: <https://www.realinstitutoelcano.org/analisis/el-crimen-en-america-latina-desorden-fragmentacion-y-transnacionalidad/>

33. Ziblatt D., Levitsky S. *How Democracies Die*. Barcelona, Ariel, 2018. 335 p.

34. Zovatto D. *El estado de las democracias en América Latina a casi cuatro décadas del inicio de la tercera ola democrática*. *Revista Derecho Electoral*, primer semestre 2018, no. 25, p. 2-24.

Information About the Authors

Pedro A. Martínez Lillo, PhD (History), Professor, Director of the Jesús de Polanco Department of Ibero-American Studies (UAM-Fundación Santillana), Faculty of Contemporary History, Universidad Autónoma de Madrid, C. Francisco Tomás y Valiente St, 1, 28049 Madrid, Spain, pedro.martinez@uam.es, <https://orcid.org/0000-0003-3396-4626>

Javier Castro Arcos, PhD (History), Associate Professor, Director of the Department of History, Faculty of Social Sciences and Humanities, Universidad Gabriela Mistral, Prosp. Andrés Bello, 1337, 7500533 Santiago, Chile, javier.castro@ugm.cl, <https://orcid.org/0000-0002-0052-6825>

Информация об авторах

Педро Антонио Мартинес Лильо, PhD (History), профессор, директор кафедры иберо-американских исследований им. Хесуса де Поланко, факультет современной истории, Автономный университет Мадрида, ул. К. Франсиско Томас и Валиенте, 1, 28049 г. Мадрид, Испания, pedro.martinez@uam.es, <https://orcid.org/0000-0003-3396-4626>

Хавьер Кастро Аркос, PhD (History), доцент, директор кафедры истории, факультет социальных и гуманитарных наук, Университет Габриэлы Мистраль, просп. Андрес Белло, 1337, 7500533 г. Сантьяго, Чили, javier.castro@ugm.cl, <https://orcid.org/0000-0002-0052-6825>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.17>

UDC 327
LBC 66.4(4/8)

Submitted: 21.04.2023
Accepted: 30.11.2023

TURKEY'S RELATIONS WITH THE COUNTRIES OF LATIN AMERICA AND THE CARIBBEAN IN THE 21ST CENTURY: IN SEARCH OF STRATEGIC AUTONOMY ¹

Sergey A. Sherstyukov

HSE University, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Turkey's search for a new regional and global role in a changing world order has increased Ankara's attention to the Global South, which was peripheral to its foreign policy priorities during the Cold War. Although Ankara's growing engagement and influence in the Latin America and Caribbean (LAC) region has attracted increasing attention from the research community, Turkey's foreign policy in this region is still poorly understood. This article attempts to explore Turkey's policy in LAC during the first decades of the 21st century, placing it in the context of Turkey's increasing desire for "strategic autonomy." *Methods.* The author used a case study approach to analyze Turkey's policy in LAC. *Results.* After the Justice and Development Party came to power in Turkey in 2002, Turkey began a systematic effort to develop relations with LAC, expanding political, economic, and cultural ties with countries in the region. Since the July 2016 coup attempt in Turkey, Turkey's foreign policy has been increasingly guided by the desire for "strategic autonomy." Growing mistrust and conflicts in Turkey's relations with the U.S. and the EU have increased Ankara's interest in seeking alternative partnerships and building situational alliances. Although Ankara's growing ties with LAC countries (especially Brazil, Mexico, and Argentina) increase the autonomy of its foreign policy, Turkey remains critically dependent on the West, both economically and in terms of security.

Key words: strategic autonomy, Turkey, Latin America and the Caribbean, Erdoğan, Global South, diplomatic relations, institutionalization.

Citation. Sherstyukov S.A. Turkey's Relations with the Countries of Latin America and the Caribbean in the 21st Century: In Search of Strategic Autonomy. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 1, pp. 193-202. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.17>

УДК 327
ББК 66.4(4/8)

Дата поступления статьи: 21.04.2023
Дата принятия статьи: 30.11.2023

ОТНОШЕНИЯ ТУРЦИИ СО СТРАНАМИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ И КАРИБСКОГО БАССЕЙНА В XXI в.: В ПОИСКАХ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ АВТОНОМИИ ¹

Сергей Андреевич Шерстюков

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Поиск Турцией новой региональной и глобальной роли в меняющемся миропо-рядке повысил внимание Анкары к странам Глобального Юга, которые в период холодной войны занимали периферийное положение в списке ее внешнеполитических приоритетов. Хотя рост ее активности и влияния в Латинской Америке и Карибском бассейне (ЛАК) привлекает растущее внимание исследователей, это направление внешней политики Турции все еще мало изучено. Между тем анализ взаимодействия Анкары со странами ЛАК может пролить дополнительный свет на трансформацию внешней политики Турции в период правления Партии справедливости и развития (ПСР). В данной статье автор предпринял попытку исследовать политику Турции в ЛАК в первые десятилетия XXI в., рассматривая ее в контексте усиливающейся

гося стремления Турцией к «стратегической автономии». *Анализ.* После прихода к власти в Турции ПСР в 2002 г. Анкара начала предпринимать систематические усилия по развитию отношений с ЛАК, расширяя политические, экономические, а также культурные связи со странами региона. После попытки государственного переворота в Турции, предпринятой в июле 2016 г., внешняя политика Турции стала все в большей степени определяться стремлением к «стратегической автономии». Рост недоверия и конфликтов в отношениях Турции с США и ЕС повысили интерес Анкары к поиску альтернативных партнерств и созданию ситуационных альянсов. Сближение с Венесуэлой позволило укреплять новую идентичность Турции как антигемонистского актора и как глобальной державы, преследующей свои интересы в разных регионах мира. Хотя расширение связей Анкары со странами ЛАК (и прежде всего с Бразилией, Мексикой и Аргентиной) повышает степень автономности ее внешней политики как с точки зрения экономики, так и с точки зрения безопасности, Турция по-прежнему критически зависит от Запада.

Ключевые слова: стратегическая автономия, Турция, Латинская Америка и Карибский бассейн, Эрдоган, Глобальный Юг, дипломатические отношения, институционализация.

Цитирование. Шерстюков С. А. Отношения Турции со странами Латинской Америки и Карибского бассейна в XXI в.: в поисках стратегической автономии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 1. – С. 193–202. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.17>

Introduction. Turkey's growing engagement in the Latin American and Caribbean (LAC) region is described in official narratives using different perspectives. The first maintains that Turkey's new, Latin American foreign policy orientation will allow it to become a global actor. The other holds that Turkey, transformed from a regional power to a world power, cannot neglect LAC [16]. Each of these descriptions demonstrates that Ankara's foreign policy ambitions go far beyond regional politics or even the so-called "spheres of influence" stretching across the territory of the former Ottoman Empire.

Although Turkey has only recently emerged as a prominent extra-regional actor in LAC, the Turkish government stresses that Turkey's relations with the region have considerable historical depth. The Turkish Ministry of Foreign Affairs website points out that "Turkey's relations with Latin America and the Caribbean (LAC) go back to the second half of the 19th century" and that it was then that "diplomatic and consular contacts between the Ottoman Empire and some Latin American countries began" [43]. Also, Ankara's non-involvement in regional conflicts and its lack of colonial experience in the region allow it to position itself as an alternative force offering mutually beneficial cooperation.

In recent years, a growing number of publications have explored the southern direction of Turkey's foreign policy and, among others, the factors (domestic, regional, and international) that have prompted Turkey to intensify relations with countries of the Global South. Researchers have

examined these ties in terms of economic interdependence, the concept of the "commercial state," and "soft power" policies [1; 21]. The accelerating securitization of Turkey's foreign policy after 2014 calls into question the applicability of previous approaches to analyzing its global and regional foreign policy strategies, as well as its relations with other countries. Since 2014, the foreign policy of the AKP government has become increasingly determined by Turkey's desire for "strategic autonomy." At present, however, there are few studies that analyze how this change in Turkish foreign policy has affected its relations with LAC countries [18; 23].

According to L. Haugom, Turkey's quest for strategic autonomy has two dimensions, the first being "Turkey's efforts to develop a national, technologically advanced defence industry" [11, p. 212]. The second is the desire to build flexible alliances "with different states on different issues to achieve specific foreign policy objectives" [11, p. 212]. These efforts should not only provide Turkey with regional leadership but also make it an important global player. Key to the search for autonomy is Turkey's new identity, which is described in civilizational categories. Turkey perceives and positions itself as a leader not only in the Muslim world but also in the Global South and, therefore, upholds the rights of the least developed countries [18, p. 1092].

The concept of "strategic autonomy" is also used by Brazil and Argentina, which, similarly to Turkey, seek to increase their role and status in the changing world order by reducing "their

dependence on hegemonic power structures" [18, p. 1089]. It should be noted that the concept of autonomy as a theoretical approach was proposed by Latin American researchers and is seen today as "a Latin American contribution to IR discipline" [24, p. 1].

Can the similarities in interests and attitudes between Turkey and some LAC countries create the necessary prerequisites for rapprochement and the formation of situational or long-term alliances? How have the aforementioned shifts in Turkey's foreign policy affected its relations with the LAC countries? The author has attempted to answer these questions by analyzing the Latin American dimension of Turkey's foreign policy during the AKP period.

Methods and materials. In this article, Turkey's relations with the LAC countries are analyzed as a case study. The author explains the motives and driving forces behind Turkey's foreign policy toward LAC, appealing to both realist and constructivist theoretical perspectives. The realist perspective provides insight into the reasons for Turkey's increasing desire for strategic autonomy, pushing Ankara to build closer ties with the LAC countries. The constructivist approach explains Turkey's foreign policy in terms of Ankara's new foreign policy identity, whose strategy in the Global South is an integral part of its aspiration to a position of global power. The sources used were: 1) official documents of Turkish government agencies; 2) secondary sources dedicated to the analysis of Turkey's relations with the LAC countries; and 3) the materials of Turkish and Western media.

Analysis. Ankara's turn to the Global South and the "opening" of the LAC. The quest for a more independent and autonomous foreign policy, which has been inherent in the Republic of Turkey since its founding in 1923, has received a new impetus after the end of the Cold War. The disintegration of the USSR and the global shift in the balance of power have set the stage for Ankara's foreign policy to move beyond its previous regional and bloc-based frames. Turkey's leadership rethought its global position and formulated a new foreign policy that would be sensitive to both opportunities and threats posed by the drastic changes in the international environment. The crisis of the Western-centric version of Turkish identity and the attempts by

the Turkish elites to forge a new identity also accelerated the change in Turkey's foreign policy agenda.

During this period, Turkey began to rediscover not only Central Asia but also the wider Global South as a whole. In the emerging vision of Turkish experts and policymakers, Latin America is perceived and described no longer as a "distant region, but as a possible partner with which to establish and develop political and economic relations", and "where necessary, unity of action should be pursued" [29, p. 18]. Turkish President Suleyman Demirel, who made an official visit to Argentina, Brazil, and Chile in April 1995, was the first Turkish President to visit the region. This visit ushered in a new era in Turkish-Latin American relations. In 1998, Turkey adopted the "Action Plan for Latin America and the Caribbean," which has become the basis of Ankara's foreign policy strategy in LAC. Ankara's efforts fell on fertile ground, as during this period the countries of the region were also looking for opportunities to expand international (and, above all, economic) ties [15, p. 293].

Turkey's turn towards the Global South in the 1990s became even more visible after the AKP government came to power in 2002 and announced its "policy of opening up Latin America" and "policy of opening up Africa." The motivations and drivers of Turkey's policy in Latin America at the beginning of the 21st century were a set of interrelated factors that lie in the realm of global governance, political identity, economy, and security. In 2006, the Turkish government updated the "Action Plan for Latin America and the Caribbean," and 2006 was declared the "Year of Latin America and the Caribbean" in Turkey [8, p. 55]. The updated plan envisaged the implementation of Turkey's quadrilateral strategy in the region, which was supposed to foster the development of political contacts with regional countries and regional organizations. The next phase pursued the institutionalization of political relations as well as the parallel strengthening and institutionalization of trade and economic relations at both bilateral and multilateral levels [13, ss. 498-499].

Turkey's economic growth in the early 2000s was the main impetus for the search for new markets and the reason for the growing interest of both government agencies and Turkish businesses in the Latin American region [21,

p. 99]. The early 2000s saw a rapid increase in trade between Turkey and Latin American countries, which increased from \$827 million to \$2.5 trillion between 1999 and 2006 [8, p. 54]. During this period, Turkish government representatives positioned Turkey as a country whose geographical position would allow businessmen from Latin American countries to use Turkey as a gateway to the Middle East, Central Asia, and the Balkans [2].

Ankara's intensified policy in the Global South was conceptually consistent with the transition to a so-called "multi-dimensional foreign policy" initially championed by Ismail Cem and later by Ahmet Davutoğlu [7, p. 97]. Turkey's efforts to develop its cooperation with non-Western powers gained new impetus with the appointment of Davutoğlu as foreign minister in 2010 [20, p. 134]. The principles of the "new" foreign policy formulated by Davutoğlu provided not only for building closer relations with neighboring regions, but also for "rapprochement with distant geographical spaces" [22, p. 183].

It should be noted, however, that this rapprochement was possible as a result of the structural changes in international relations that took place at the beginning of the 21st century. In particular, as a number of researchers point out, the crisis of U.S. leadership in the LAC led to a vacuum that opened "an unexpected space for new 'discoverers'" [35, p. 20], one of which was Turkey.

Ankara has sought to expand its diplomatic representation in the region as part of its commitment to "opening up" Latin America, increasing the number of its embassies in the region from six in 2009 to nineteen in 2023. At the same time, Turkish researcher M. Yetim suggests that the description of Ankara's cooperation with the region should be less about Turkey's orientation toward Latin America and more about mutual rapprochement, emphasizing the interest of the countries of the LAC countries to further develop relations with Turkey, which they perceive as "a country with growing political and economic influence in the international arena" [14, s. 643]. Latin American researchers, in turn, consider Ankara's (and a number of other states') growing ties with LAC countries as one of the manifestations of the changing position and role of the Global South in international relations

and the intensification of South-South cooperation [37, pp. 5-7].

Turkey's "soft power" in Latin America.

The annual reports of the pro-government Turkish Political, Economic, and Social Research Foundation (SETA), produced since 2009, show how Turkish policy in LAC has changed, both in terms of spatial coverage and substantive content. Since 2014, reports issued by the SETA have begun to mention a new, fifth dimension of Turkey's strategy in LAC, namely "revitalising cultural ties with countries in the region" [13, s. 499]. Ankara relies on the same set of instruments and actors in LAC as it does in Africa, offering Latin American countries models of cooperation and forms of assistance that have been tested in other regions. As in Africa, a significant aspect of Ankara's policy in LAC is humanitarian activities carried out by the Turkish Cooperation and Coordination Agency (TIKA) and other actors. It is worth mentioning in this regard that Ankara made humanitarianism a key point of its foreign policy, with explicit goals of restructuring the current international order under the AKP government [10, p. 43]. TIKA implements a range of projects in the region in the fields of education, health, agriculture, and infrastructure. There are currently two TIKA offices in the region (in Mexico and Colombia).

Both state and non-state (as well as quasi-state) institutions are involved in promoting Turkey's soft power in the region. Turkey's Diyanet Foundation, a key actor in spreading Turkey's Islamic "soft power" around the world, carries out projects in the region [32]. In addition to TIKA and Diyanet, these include the Turkish and Kindred Communities Abroad (YTB), the Turkish Scientific and Technological Research Council (TÜBİTAK), the Turkish Red Crescent (Türk Kızılay), Anadolu Agency, the Maarif Foundation, and the Yunus Emre Institute [23, p. 1114]. Maarif Foundation, Yunus Emre Institute, Ankara University, and other Turkish universities are active actors in the education market in Latin America. In 2009, the Center for Latin American Studies was opened at Ankara University, initiated by A. Davutoğlu [39, p. 68].

In recent years, religious diplomacy, or so-called "mosque diplomacy," has become an increasingly important tool in Turkey's foreign policy [4]. LAC has become one of the areas of

this diplomacy with a global reach. Although the share of Muslims in the region's population seems to be less than 1%, Turkish experts point out that "Islam is the fastest growing religion on the continent" [30]. During his visit to Cuba in February 2015, Turkish President R.T. Erdoğan proposed building a mosque in the Cuban capital that would be "the first place of worship for the island's 3,500 Muslims" [36]. Although the initial project has not yet been realized, a mosque has nevertheless been opened in Havana with Turkish support [31]. In December 2018, during his visit to Venezuela, Erdoğan also said that "Turkey has started work on the construction of a mosque in Caracas at the request of the Venezuelan authorities" [42].

An important event in this context was the first summit of Muslim religious leaders from Latin America held in Istanbul in November 2014, organized by the Office of Religious Affairs. In their speeches, Erdoğan and the head of the Office of Religious Affairs, Hermez, emphasized the cultural affinity between Latin America and Turkey, noting that this cultural affinity has a 150-year history, dating back to the final period of the Ottoman Empire [13, s. 500].

Ankara in search of alternative partnerships. As part of its strategy of "opening up" the region in the 2000s, Turkey has focused on relations with Brazil, Mexico [33], and Argentina. From the point of view of Turkish experts, the development of relations with these three countries, as well as with Venezuela, would allow Turkey to strengthen its influence in global politics and "form alternative power blocs" [5, ss. 499-500]. Turkey's relations with Brazil are often seen in academic literature as a partnership between two "rising" or "new" powers, allowing for an alliance in order to bring about "systemic shifts in the global distribution of power" [20, p. 138]. Both countries advocate reform of the UN (and especially the UN Security Council), criticizing existing international institutions that do not represent "the poorest and minor states" [38, p. 147]. Although Ankara has expanded its engagement with other Latin American, Central American, and Caribbean states in subsequent years, relations with Brazil, Mexico, and Argentina are at the core of its network of regional partnerships. Researchers from Latin America emphasize the aspirations of the "new powers"

of the Global South, such as Turkey, Brazil, Mexico, and Argentina, to promote new approaches to international relations (and North-South relations) in which autonomy and proactive foreign policy are key [37, p. 6]. The closeness, though not coincidence, of these countries' approaches to the world order, as well as their desire to improve their positions in it, create preconditions for interaction between them both at the bilateral level and within the framework of multilateral institutions.

The cooperation between Turkey and Brazil, which in 2010 launched a joint initiative aimed at concluding a nuclear deal with Iran, was at first sight consistent with Erdoğan's approach to foreign policy, which involved "flexible alliances with various states on different issues to achieve specific foreign policy objectives" [11, p. 207]. However, despite the importance of this example, which has attracted a lot of attention not only from politicians but also from academics, it remains so far the only example of cooperation between the two countries on important international issues. A number of factors, in particular regional crises near their own borders and the need to respond to them, have hampered the intensification of bilateral relations between Turkey and Brazil in recent years [38, p. 146].

Erdoğan's official visits to Mexico, Colombia, and Cuba in 2015, and Chile, Peru, and Ecuador in 2016, and Argentina, Paraguay, and Venezuela in 2018 were an important manifestation of Turkey's "Latin American initiative" and its strategy to diversify its foreign policy [19]. An indicator of Turkey's unusually robust diplomatic engagement in LAC is that, in recent years, Turkish leaders have visited countries in the region more often than senior officials of any other extra-regional power, including China and Russia [27]. In his speeches, Erdoğan stresses relations with Latin America and the Caribbean as one of the main pillars of Turkey's "multifaceted foreign policy," emphasizing the increasing number of Turkish diplomatic missions in the region as well as the growth of mutual trade turnover.

Following Turkey's proactive policies in Latin America in the early 2000s, Ankara has sought to build cooperation not only with individual countries but also with regional integration groupings. So far, Turkey has joined regional multilateral institutions such as the Organization of American

States (OAS), Central American Integration System (SICA), Association of Caribbean States (ACS), Caribbean Community (CARICOM), and Common Market of the South (MERCOSUR) as an observer country [27]. Ankara seeks to remove barriers to economic cooperation with Latin American countries and prioritizes the signing of free trade agreements both with individual countries and with regional integration structures. Turkey's free trade agreement with Chile entered into force in 2011 and the agreement with Venezuela in 2020. The Turkish government is negotiating free trade zones with Ecuador, Colombia, Mexico, and Peru and is seeking free trade agreements with regional organizations such as the Caribbean Community, the Common Market of the South (MERCOSUR), and the Pacific Alliance [6]. However, in Turkey's foreign policy narrative, cooperation with major regional groupings is increasingly linked to security interests. The leaders of Turkey see the integration processes in LAC as a factor that increases the significance and subjectivity of the region in the international arena and as a process in line with Turkey's strategic interests aimed at creating a multipolar world. Such a vision is reinforced by the fact that a number of new regional organizations are banking on "South-South cooperation and their growing autonomy from the United States" [37, p. 7].

Interaction with Latin American states in international structures (including G20 summits whose participating countries are Brazil, Mexico, and Argentina) and their possible support for Turkey at the United Nations is an important dimension of Ankara's policy in the region. Latin American countries played an important role in Turkey's election as a non-permanent member of the UN Security Council in 2009–2010 [8, pp. 57–58].

Although new emphases emerged in Turkey's policies in the region in the 2010s, economic interaction remains a key focus for both bilateral and multilateral cooperation between Turkey and the LAC countries. Ankara actively participates in global economic reconfiguration processes and seeks to establish "new economic ties with other emerging powers" [25, p. 191]. Turkey's trade with the LAC countries, which was one US billion in 2000, had risen to eight billion by 2012 and reached a record of twelve billion in 2021. At the same time, the Turkish government

claims this figure can double or even triple in the coming years [3].

Turkey's strategic autonomy: the Latin American context. The pursuit of strategic autonomy has become a defining feature of Turkey's foreign policy since 2014. This period has seen a shift in foreign policy priorities, which are increasingly driven by security considerations and responding to internal and external threats rather than economic growth [23, p. 1105]. The accelerated securitization of Turkey's foreign policy after 2014, caused by the breakdown of the existing world order, regional crises along Turkey's borders, as well as domestic factors, has led Ankara to make greater use of hard power to achieve its objectives. It was also manifested in a relative decline in the importance of soft power in its foreign policy toolbox. The described transformation of Turkey's foreign policy could not but affect Ankara's relations with the Global South and, in particular, its approach to Latin America [23, p. 1105]. Ankara's growing interest in developing defense cooperation, as well as military-technical cooperation with LAC countries, has become one of the manifestations of the continuing shifts in its foreign policy. Turkish defense companies are actively promoting their products in the region by exporting defense products and establishing defense cooperation with countries such as Brazil, Colombia, Uruguay, Guatemala, and Bolivia [40, p. 131]. While aiming to popularize Turkish education in the region, the Turkish government is simultaneously pursuing another objective by seeking to eliminate schools in LAC and any other structures associated with the Gülen movement [26, p. 8]. According to TİKA coordinator in Colombia, Mehmet Özcan, Latin America has become "the new base of the Gülenist Terror Group (FETÖ)" [9].

From the outset, the AKP government's policy towards the region has combined two approaches. According to the first one, Ankara's main interests in the Latin American region lie in the fields of economy and mutually beneficial economic cooperation. The second approach viewed Turkey's activism in the region in terms of the possibility of changing the global balance of power in the international arena and turning it into a global actor. At the opening ceremony of the Centre for Latin American Studies (LAMER) at Ankara University in 2009, Davutoğlu pointed

out that Latin America (along with Africa) “has a very important role in transforming Turkey’s regional influence into a global actor” [28, p. 249]. These approaches can be seen not as competing but as acting as complementary cogs in Turkey’s foreign policy mechanism. The development of both political and economic cooperation with leading countries in the region and regional blocs could strengthen Turkey’s position in relations with the US and the EU and thus help achieve its strategic autonomy. In a situation of increasing rivalry between the major powers and the blocs created by those powers, Turkey seeks to build networks of partnerships with the “middle-tier” powers “to balance out the American, Russian and Chinese-driven coalitions” [25, p. 186], avoiding becoming dependent on one of those powers.

After the July 2016 coup attempt in Turkey and the West’s mixed response to the event, combating national security threats has become a top priority in both Ankara’s domestic and foreign policies. At the same time, anti-Western motives are gaining strength in Turkish diplomatic rhetoric. Growing distrust and conflict in relations with the United States and leading EU countries encourage Turkey to seek alternative partnerships.

Against this background, a rapid rapprochement between Turkey and Venezuela is taking place. Immediately after the attempted coup in Turkey, Maduro strongly condemned the coup plotters and expressed full support for Erdogan’s government [26, p. 4]. The political rapprochement that followed (including the exchange of mutual visits) was accompanied by a rapid increase in economic ties between the two countries. Under pressure from Ankara, the Maduro government in Venezuela handed over two schools in Caracas linked to the Gulen movement to the state education foundation, Maarif [26, p. 8]. Negotiations are ongoing to open a TIKA office in Caracas as well as a Turkish cultural center for Yunus Emre.

Ankara has become one of Caracas’ key partners in the established model of relations, with which cooperation has helped the Maduro government mitigate the impact of US sanctions imposed on Venezuela [12, s. 387]. In December 2016, Turkish airlines launched flights (Istanbul-Havana-Caracas) between Istanbul and Caracas, which also strengthened ties between the countries [44]. The relationship with Venezuela

helps Erdoğan position Turkey as a country that pursues an independent foreign policy in spite of US discontent or direct pressure [26, p. 8]. This discourse, in turn, reinforces Turkey’s new identity as a global power pursuing its interests in different parts of the world.

Ankara’s Latin American policy is marked by a desire to use a new political language to describe its strengthened presence in LAC and to expand both bilateral and multilateral cooperation with the states of the region. The key ideas in the emerging narrative are ideas about the similarity of problems and challenges (economic, security, and political development) faced by Turkey on the one hand and Latin American states on the other. This idea implies Ankara’s willingness to engage with countries that share similar “strategic, economic or political interests” [19, p. 138]. Another idea of the new language of cooperation is that both Turkey and LAC countries bear the “heavy burden of history” in their relations with the West [41]. Not only in Latin America but also in the Global South as a whole, Ankara “has positioned itself as the anti-imperialist and anti-hegemonic actor who challenges U.S. policies against ‘oppressed countries’ ” [26, p. 15]. Some Turkish experts draw direct parallels between the leftist movements in Latin America and the Islamist movements in the Middle East. According to M. Özkan, both the former and the latter expressed “alternative anti-Western political positions” during the Cold War, and after coming to power in the late 20th and early 21st centuries, they were excluded from the international system [31].

The structural changes in international relations after the Cold War gave Turkey the opportunity to pursue a more autonomous foreign policy in the 1990s. It seems that Erdoğan firmly believes that the ongoing changes in the world order have once again opened a window of opportunity for Turkey to change both its position in the global order and the global order itself. Erdoğan hopes that such changes can be realized if Ankara builds a network of partnerships with the states of the Global South. Turkey’s expansion in Africa and Latin America is seen by Erdoğan not only in the context of its movement towards world power status but also as Ankara’s contribution to a more equitable world order

where relations between countries are based on “mutual benefit” and “equal partnership”.

Conclusion. The first decades of the 21st century were a time of building the legal and institutional infrastructure of Turkey’s cooperation with the countries of the region in various fields. According to M. Kutlu, director of the Centre for Latin American Studies at Ankara University, “as a result of the steps taken to establish a framework of legal, political, economic, and cultural ties, Turkey’s strategic plan for the Latin American initiative has now been largely completed” [17]. Although this assessment seems overly optimistic, one cannot deny the fact that in a short time Turkey has managed to strengthen its position in the region, taking its relations with countries such as Brazil, Mexico, and Colombia to the level of strategic partnership and becoming the region’s sixth trading partner after the EU, China, India, Japan, and Russia [34, p. 123]. However, after the institutionalization phase, Turkey will have to find answers to a number of challenges, one of which is the need to pursue a more nuanced policy in the region, facing increasing competition from other extra-regional powers, most of which have more resources than Ankara. Ankara’s ability to maintain and expand its ties with the LAC countries in the long term will be key in this context [27].

One consequence of the securitization of Turkey’s foreign policy in recent years could be a reduction in the relative importance of geographically distant regions for Ankara. The crises near Turkey’s borders have been one of the reasons pushing Ankara to diversify its political and economic ties. However, the scale and depth of these crises may also be the reason for the reduction of Ankara’s activity in remote and less important regions from the point of view of ensuring its security.

Turkey has made great strides towards technological independence in recent years, but in terms of broader material strength, its capabilities are still limited. The diversification of ties has made Turkey’s foreign policy more bold and autonomous than it was at the start of the 21st century. However, in technological, economic, and investment terms, Turkey remains critically dependent on the West. While striving for strategic autonomy, Ankara maintains ties with the West and is integrated into Western institutions.

Paradoxically, Turkey’s desire for greater autonomy in its relations with the outside world (and above all with the West) is coupled with the recognition that to achieve this autonomy, it is necessary to maintain relations with the West “both in economic and security matters” [18, p. 1091].

The analysis of Turkey’s relations with the LAC countries shows not so much a shift from one foreign policy model based on economic interdependence and soft power to another based on the priority of security considerations, but rather a combination of these models with the continued predominance of the first model.

NOTE

¹ The research was supported by RSF (project No. 22-78-10014, <https://rscf.ru/project/22-78-10014/>).

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10014, <https://rscf.ru/project/22-78-10014/>

REFERENCES

1. Akıllı E., Donelli F. Reinvention of Turkish Foreign Policy in Latin America: The Cuba Case. *Insight Turkey*, 2016, vol. 18, no. 2, pp. 159-179.
2. Alpar S. Türkiye – Latin Amerika – Hizla Gelişen İlişkiler. *Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı*. URL: https://www.mfa.gov.tr/turkiye—latin-amerika-_hizla-gelisen-iliskiler-tr.mfa
3. Bakan Çavuşoğlu: Mart ayında bazı Latin Amerika ülkelerini ziyaret edeceğiz. *TRT Haber*, 2022, January 20. URL: <https://www.trthaber.com/haber/gundem/bakan-cavusoglu-mart-ayinda-bazi-latin-amerika-ulkelerini-ziyaret-edecegiz-646877.html>
4. Beck J.M. Turkey’s Global Soft-Power Push Is Built on Mosques. *The Atlantic*. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2019/06/turkey-builds-mosques-abroad-global-soft-power/590449/>
5. Çelenk A. Türkiye-Latin Amerika ilişkileri 2010. Duran B., İnat K., Özcan M., eds. *Türk Dış Politikası Yıllığı*. Ankara, SETA, 2011, ss. 483-501.
6. Çetinkaya Z. Türkiye’s Trade Volume with Latin America, Caribbean Hits Record in 2021. *Anadolu Ajansı*, 2022, January 20. URL: <https://www.aa.com.tr/en/economy/turkiyes-trade-volume-with-latin-america-caribbean-hits-record-in-2021/2480817>
7. Donelli F., Levaggi G.A. Becoming Global Actor: The Turkish Agenda for the Global South. *Rising Powers Quarterly*, 2016, vol. 1, iss. 2, pp. 93-115.

8. Erol M.S. La política exterior turca hacia Latinoamérica y el Caribe en el periodo del Partido Justicia y Desarrollo (AKP). Levaggi G.A., Ferez M., eds. *Turquía-América Latina y el Caribe: Una Asociación Emergente*. Bahçeşehir Üniversitesi Yayınları, 2016, pp. 53-73.
9. FETÖ Selects Latin America as New Base to Restructure. *Dayli Sabah*, 2017, July 28. URL: <https://www.dailysabah.com/war-on-terror/2017/07/28/feto-selects-latin-america-as-new-base-to-restructure>
10. Gilley B. Turkey, Middle Powers, and the New Humanitarianism. *Perceptions: Journal of International Affairs*, 2015, vol. 20, no. 1, pp. 37-58.
11. Haugom L. Turkish Foreign Policy Under Erdogan: A Change in International Orientation? *Comparative Strategy*, 2019, vol. 38, no. 3, pp. 206-223. DOI: 10.1080/01495933.2019.1606662
12. Yetim M. *Türkiye'nin Latin Amerika Politikası 2018*. Ankara, SETA, 2019, ss. 385-401.
13. Yetim M. Türkiye'nin Latin Amerika Politikası 2014. Duran B., İnat K., Balcı A., eds. *Türk Dış Politikası Yıllığı*. Ankara, SETA, 2015, ss. 497-514.
14. Yetim M. Türkiye'nin Latin Amerika Politikası 2011. Duran B., İnat K., Usul A.R., eds. *Türk Dış Politikası Yıllığı*. Ankara, SETA, 2012, ss. 639-656.
15. Karana S. Refueling Turkish Foreign Policy Activism Towards Latin America: Economic Ties and Political Cooperation Between Turkey and Venezuela. Köroğlu N.Ö., Khelghat-Doost H., eds. *Metamorphosis of Turkish Foreign Policy in the 21st Century: Opportunities and Challenges*. Lexington Books, 2020, pp. 291-312.
16. Kutlu M.N. Latin Amerika ülkeleriyle diplomatik ilişkilerimizin 70. yılı ve açılım politikamız. *Anadolu Ajansı*, 2020, October 15. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/analiz/latin-amerika-ulkeleriyle-diplomatik-iliskilerimizin-70-yili-ve-acilim-politikamiz/2006976>
17. Kutlu M.N. Türkiye-Latin Amerika ilişkileri ivme kazanıyor. *Anadolu Ajansı*, 2022, May 10. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/analiz/turkiye-latin-amerika-iliskileri-ivme-kazaniyor/2583779#>
18. Kutlay M., Öniş Z. Turkish Foreign Policy in a Post-Western Order: Strategic Autonomy or New Forms of Dependence? *International Affairs*, 2021, vol. 97 (4), pp. 1085-1104. DOI: 10.1093/ia/iia094
19. Latin Amerika O Kadar Da Uzak Değil. *SETA*, 2016, February 5. URL: <https://www.setav.org/latin-amerika-o-kadar-da-uzak-degil/>
20. Lazarou E. Brazil–Turkey Relations in the 2000s: Deconstructing Partnership Between Emerging Powers. *Insight Turkey*, 2016, vol. 18, no. 1, pp. 123-141.
21. Levaggi A.G. Turkey and Latin America: A New Horizon for a Strategic Relationship. *Perceptions*, 2013, vol. XVIII, no. 4, pp. 99-116.
22. Levaggi A.G. América Latina y Caribe, la última frontera de la “Nueva” Política Exterior de Turquía Araucaria. *Revista Iberoamericana de Filosofía, Política y Humanidades*, 2012, vol. 14, núm. 28, 2012, pp. 179-201.
23. Levaggi A.G., Donelli F. Turkey's Changing Engagement with the Global South. *International Affairs*, 2021, vol. 97, no. 4, pp. 1105-1124.
24. Míguez M.C. Autonomy in Foreign Policy: A Latin American Contribution to International Relations Theory. *Oxford Research Encyclopedia of International Studies*. London, 2021, pp. 1-22. DOI: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190846626.013.647>
25. Müftüler-Baç M. Turkey's Grand Strategy in the Context of Global and Regional Challenges. *Perceptions: Journal of International Affairs*, 2020, vol. 25, no. 2, pp. 178-202.
26. Oner I. Turkey and Venezuela: An Alliance of Convenience. *Latin American Program*, 2020, vol. 2, no. 1, pp. 1-23.
27. Öner İ. Turkey's Ambitious Overture to Latin America. *Institute for Diplomacy and Economy*, 2022, April 30. URL: <https://www.institute.org/opinion/turkeys-ambitious-overture-to-latin-america>
28. Önsoy M. Latin America-Turkey Relations: Reaching Out to Distant Shores of the Western Hemisphere. Ercan P.G., ed. *Turkish Foreign Policy. International Relations, Legality and Global Reach*, 2017, pp. 237-258.
29. Özkan M. América Latina y Oriente Medio: una perspectiva comparada. Levaggi G.A., Ferez M., eds. *Turquía-América Latina y el Caribe: Una Asociación Emergente*. Bahçeşehir Üniversitesi Yayınları, 2016, pp. 17-28.
30. Özkan M. Turkey's Religious Diplomacy Toward Latin America. *Dayli Sabah*, 2014, November 14. URL: <https://www.dailysabah.com/opinion/2014/11/14/turkeys-religious-diplomacy-toward-latin-america>
31. Özkan M. Türkiye – Latin Amerika İlişkilerinde Yeni Dönem. *SETA*, 2015 February 14. URL: <https://www.setav.org/turkiye-latin-amerika-iliskilerinde-yeni-donem/>
32. Öztürk A.E. Turkey: An Ambivalent Religious Soft Power. *Berkley Forum*, 2019, June 6. URL: <https://berkleycenter.georgetown.edu/posts/turkey-an-ambivalent-religious-soft-power>
33. Piatakov A.N. The Relations Between Turkey and Mexico: A Comparative Analysis, History and Modernity. *Cuadernos Iberoamericanos*, 2020, vol. 8 (1), pp. 97-107. DOI: 10.46272/2409-3416-2020-8-1-97-107
34. Piatakov A.N. Venezuelan Aspect of “Emerging Partnership” Between Turkey and Latin America: Factors, Dynamics and Risks. *Vestnik RUDN. International Relations*, 2021, vol. 21 (1), pp. 119-135. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-119-135
35. Rouquié A. La encrucijada latinoamericana y los actores globales. Grabendorff W., Serbin A., eds.

Los actores globales y el (re) descubrimiento de América Latina. Buenos Aires, 2020, pp. 15-22.

36. Seibert T. Turkey's Mosque-Building Diplomacy. *Al-Monitor*, 2015, February 13. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2015/02/turkey-mosque-building-soft-power.html>

37. Serbin A., Martínez L., Júnior H.R. Presentación. Visiones desde el Sur. *América Latina y el Caribe y el nuevo sistema internacional: Miradas desde el Sur. Anuario de la Integración Regional de América Latina y el Caribe*, 2015, no. 11, pp. 5-11.

38. Silva A.L.R. da, Costa G.D.F. da. Brazil and Turkey in the 21st Century: Strategic Interests in Comparative Perspective. *Estudos Internacionais*, 2021, vol. 8, no. 4, pp. 132-150.

39. Suleimanov A.V. The Latest Era of Relations Between Turkey and Latin America. *Latinskaya Amerika*, 2014, no. 10, pp. 59-71.

40. Tawil-Kuri M. Turkey in Latin America: Tenacity in a Changing International Environment. Gardini G.L., ed. *External Powers in Latin America*

Geopolitics: Between Neo-Extractivism and South-South Cooperation. London, New York, Routledge, 2022, pp. 123-137.

41. II. Türk-Latin Amerika ve Karayipler Kongresi Ankara'da Yapıldı. *TASAM*, 2010, September 26. URL: https://tasam.org/tr-TR/Icerik/1321/ii_turk-latin_amerika_ve_karayipler_kongresi_ankarada_yapildi

42. Turkey to Build Mosque in Caracas Upon Venezuela's Request. *Dayli Sabah*, 2018, December 3. URL: <https://www.dailysabah.com/religion/2018/12/03/turkey-to-build-mosque-in-caracas-upon-venezuelas-request>

43. Türkiye's Relations with the Latin American and the Caribbean Countries. *Republic of Türkiye. Ministry of Foreign Affairs*. URL: https://www.mfa.gov.tr/i_turkiye_s-relations-with-the-latin-american-and-the-caribbean-countries.en.mfa

44. "Venezuela, Latin Amerika Bölgesinde Değer Verdiğimiz Bir Ortak". *T.C. Cumhurbaşkanlığı*, 2017, October 6. URL: <https://www.tccb.gov.tr/haberler/410/84825/venezuela-latin-amerika-bolgesinde-deger-verdigimiz-bir-ortak>

Information About the Author

Sergey A. Sherstyukov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of International Relations, HSE University, Malaya Ordynka St, 17, 115035 Moscow, Russian Federation, ssherstyukov@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1392-2595>

Информация об авторе

Сергей Андреевич Шерстюков, кандидат исторических наук, доцент департамента международных отношений, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Малая Ордынка, 17, 115035 г. Москва, Российская Федерация, ssherstyukov@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1392-2595>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.18>

UDC 327
LBC 66.4

Submitted: 21.04.2023
Accepted: 30.11.2023

CHINA'S DEFENSE COOPERATION WITH LATIN AMERICA AND CARIBBEAN: TRENDS AND LIMITATIONS¹

Vasily B. Kashin

HSE University, Moscow, Russian Federation

Ekaterina Yu. Kosevich

HSE University, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* China started to develop military-to-military ties and defense-industrial cooperation with Latin America and Caribbean countries in the early 2000s as an element of its strategy of comprehensive cooperation with the region. Defense cooperation was mentioned in the Chinese documents and statements on the policy in the region from the early 2000s. However, China has always considered this defense cooperation to be just a secondary, subordinate element of its overall strategy in the region. *Methods.* The article is based on Chinese publications, statements, and documents concerning China's policies in defense cooperation with the region, as well as on Latin American and other Western publications on specific cooperation projects. The author compares the Chinese approach to defense cooperation with Latin America to similar Chinese cooperation policies in other regions, especially in Africa. *Analysis.* China views defense cooperation with Latin America as a subordinate element of its general strategy of economic and political presence in the region. Cultivating ties with the local military elites of Latin America is especially emphasized, and the exchange of military delegations started in the early 2000s. To boost defense cooperation, China is sometimes ready to provide significant military assistance to the region. China has established permanent mechanisms of defense dialogue with the regional countries in the form of regular forums and conferences. Other important venues of military cooperation include personnel training, joint exercises, and the region's visits by Chinese warships. China has managed to establish a presence on the arms market in Latin America in the 2000s but has failed to become a major weapons provider in the region. Currently, Chinese arms sales in Latin America are in decline. However, China has achieved major results in the development of dual-use technology cooperation with the LAC countries, especially in the fields of space and internal security. That may create preconditions for faster development of military and military technical cooperation between China and Latin America in the future. So far, the Chinese approach to defense cooperation in the region remains more cautious and gradual compared to cooperation with Africa. China is reluctant to challenge the US red lines here. That may change in the future as China-US relations continue to deteriorate. *Authors contributions.* Ekaterina Kosevich was responsible for researching and covering the development of political relations between China and Latin America. Vasily Kashin touched on cooperation in defense, the security industry, and dual-use technology.

Key words: China, Latin America, defense, cooperation, Arms Trade, dual-use technology.

Citation. Kashin V.B., Kosevich E.Yu. China's Defense Cooperation with Latin America and Caribbean: Trends and Limitations. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 1, pp. 203-213. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.18>

УДК 327
ББК 66.4

Дата поступления статьи: 21.04.2023

Дата принятия статьи: 30.11.2023

КИТАЙСКОЕ ОБОРОННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО С ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКОЙ И КАРИБСКИМ БАССЕЙНОМ: ТЕНДЕНЦИИ И ОГРАНИЧЕНИЯ¹

Василий Борисович Кашин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Российская Федерация

Екатерина Юрьевна Косевич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Китай приступил к развертыванию военного и военно-технического сотрудничества со странами Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАК) в начале 2000-х гг., в качестве составной части своей комплексной стратегии развития сотрудничества со странами региона. Сотрудничество в сфере обороны упоминалось в китайских документах и заявлениях о политике в регионе с ранних 2000-х. *Методы.* Статья основана на китайских публикациях, официальных заявлениях и документах по тематике военного сотрудничества со странами региона, а также на латиноамериканских и других западных публикациях, освещающих конкретные проекты сотрудничества. Автор сравнивает подходы КНР к сотрудничеству в сфере обороны с Латинской Америкой с политикой сотрудничества в данной области с другими регионами, особенно с Африкой. *Анализ.* Для Китая оборонное сотрудничество с Латинской Америкой является второстепенным элементом общей стратегии экономического и политического присутствия в регионе. Особое внимание уделяется развитию связей с военными элитами Латинской Америки и отмечается, что регулярные обмены военными делегациями начались в 2000-х годах. Для развития военного сотрудничества Китай иногда предоставляет значительные объемы военной помощи странам региона. Китай создал постоянно действующие механизмы диалога в военной сфере с латиноамериканскими государствами в виде регулярных форумов и конференций. Другими важными направлениями военного сотрудничества являются подготовка персонала, совместные учения и посещения стран региона китайскими военными кораблями. Китай присутствует на оружейном рынке Латинской Америки с 2000-х гг., но не стал ведущим поставщиком оружия. В настоящее время поставки китайского оружия в Латинскую Америку переживают спад. В то же время Китай добился крупных успехов в сотрудничестве с латиноамериканскими странами в сфере технологий двойного назначения, особенно связанных с космосом и внутренней безопасностью. Это может создать условия для быстрого развития военно-технического сотрудничества в будущем. Но в настоящее время китайский подход к оборонному сотрудничеству с Латинской Америкой остается сдержанным и поэтапным, в сравнении с аналогичной китайской политикой в Африке. Китай не стремится нарушать американские «красные линии» в регионе. Китайский подход может измениться в будущем, по мере ухудшения китайско-американских отношений. *Вклад авторов.* Екатерина Косевич отвечала за общий обзор развития отношений Китая и Латинской Америки. Василий Кашин – за описание собственно сотрудничества в сферах обороны, военно-технической области и в области технологий двойного назначения.

Ключевые слова: Китай, Латинская Америка, оборона, сотрудничество, торговля оружием, технологии двойного назначения.

Цитирование. Кашин В. Б., Косевич Е. Ю. Китайское оборонное сотрудничество с Латинской Америкой и Карибским бассейном: тенденции и ограничения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 1. – С. 203–213. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.18>

Introduction. Since the early 2000s, China has been pursuing a strategy of comprehensive cooperation and partnership with the countries of the Latin America and Caribbean region (LAC), making it one of its important foreign policy priorities. The Chinese strategy, as described in the official Chinese publications, is divided into several blocks: political, economic, social, cultural, international collaboration, and, finally, peace, security, and judicial affairs [28].

Military exchanges are mentioned as just one element of cooperation in peace, security, and judicial affairs. While playing a relatively modest role in the general system of Chinese priorities in

the LAC region, Chinese military cooperation with the regional powers has long ago become an irritant in the relations of Beijing and some of its LAC partners with Washington.

Chinese activities in developing military ties with the region are sometimes getting exaggerated coverage, including speculations about potential Chinese plans to establish a permanent military presence in Latin America.

It is important to consider them within the context of the general Chinese regional strategy and, in comparison to Chinese military activities, in the other region of the world where China is trying to implement a similar strategy of comprehensive engagement, Africa.

The article examines the current trends in Chinese defense cooperation with the LAC countries and the ability of China to reach a level of military presence in the region similar to the one that can be observed in Africa now.

There are similarities between the Chinese strategies of cooperation with countries in Africa and LAC that contribute to such US fears. Chinese policies in Africa and LAC are often compared and some authors argue that Chinese policies in Africa may serve as an early predictor of what may happen with Chinese involvement in LAC in the future [3].

Africa has already become a location for the first Chinese permanent overseas military base in Djibouti; there is a permanent presence of Chinese peacekeepers in a number of African countries; and China is already a major player in the region's arms market. There is also a visible and growing presence of Chinese private security companies in Africa [18].

However, while the Chinese economic presence in the countries of LAC and Africa is already comparable in favor of LAC (China-LAC trade was \$450 bn in 2021 [16]; China-Africa trade stood at \$282 bn the same year [14]), the Chinese military presence in Latin America remains modest. While China tries to boost defense cooperation with the LAC countries, progress remains relatively slow.

Chinese defense presence in the region is considered in the literature to be primarily an element of China's comprehensive strategy, which is primarily driven by economic and, to a lesser extent, foreign policy considerations. As noted by Evan Ellis, China tries to use defense cooperation to support the wider Chinese geopolitical and geoeconomic goals; it is part of multidimensional engagement [27].

Chinese strategy in the region is sometimes declared and sometimes described by Chinese scholars as driven primarily by the growing interdependence of the Chinese and Latin American economies [30]. Daniel Lechin identifies the primary factors driving Chinese policies of engaging the LAC countries in defense cooperation: access to resources; interest in the local markets for mass-produced low- and medium-tech goods; growing Chinese investments in the region; the tech war with the US, which makes China look for additional opportunities to

cooperate with the LAC countries in high-tech, especially 5G; and intentions to counterbalance the US power [2, p. 6]. The key goals of these activities are to support Chinese economic interests and to increase Chinese bargaining power in its global agenda [2, p. 34].

Methods. The article is primarily based on open-source Chinese documents and academic literature describing various elements of the country's strategy in the region to identify the key priorities and strategic goals of China while pursuing defense and defense industrial ties with Latin American countries as well as with Africa, which is in some cases used for comparison.

The article examines both the Chinese policy in general and the specific projects concerning China's cooperation with the regional countries in fields such as military-to-military ties, defense industrial cooperation, and cooperation in dual-use technology.

The arms sales are primarily identified using the SIPRI arms transfers database, which, when incomplete, is supplemented by data from international defense industrial publications following the LAC developments, as well as regional media.

Analysis. Military-to-military contacts. China started the development of military-to-military ties with the region in 2003, when the first delegation, which included members of the Central Military Commission, visited nine LAC countries. Such exchanges, typically involving ministers of defense and chiefs of staff, became regular, especially after 2009, when they started to happen every 2–3 years. The scale of such activities is significant and involves Venezuela, Ecuador, Chile, Mexico, Brazil, Columbia, Peru, Bolivia, Cuba, etc. [26].

There is a much greater number of lower-level delegations that are involved in mutual visits between China and LAC. According to US assessments, there have been more than 200 visits by Chinese military delegations to the region between 2000 and 2022 [45].

Among the issues negotiated during such visits were cooperation in military personnel training and visits to the region by PLA Navy ships. By the early 2010s, at least 18 LAC states had been sending their officers to study in Chinese military institutions belonging to various branches

of the Chinese military. There are long-term cooperation agreements between some of the LAC military colleges and the Chinese military universities. Notably, unlike arms trade, personnel training cooperation involved some LAC countries led by US-friendly regimes such as Chile and Colombia [26].

A large part of cooperation appears to involve special operations forces personnel with the exchange of 'best practices' with the Chinese. In this case, the Chinese may be interested in this cooperation even more than their Latin American partners due to the PLA's lack of combat experience for more than 30 years.

An interesting but so far unique example of the military expertise transfer from Latin America to China occurred in the late 2000s. As China was building its first aircraft carrier, Liaoning, the Chinese needed to get practical experience in operating such ships. Russia has apparently refused to cooperate since the Chinese did not want to buy Russian carrier-borne aircraft and other associated technology. In June 2009, China reportedly reached an agreement with Brazil to train a group of its officers on the Brazilian sole aircraft carrier San Paolo [31]. Such training has helped the Chinese better prepare for the operation of their own carrier fleet.

However, the number of Latin American military personnel training in China appears to be quite limited and incomparable to the scale of similar cooperation with the US and Europe. Even these limited contacts are seen with great suspicion by the US, which is concerned that such ties could be used to develop personal relationships between the Chinese and Latin American military leaders and to gather better intelligence on Latin America.

The visits by PLA Navy ships into the region started in 1997, before the general expansion of Chinese activities in LAC. In 2002, 2009, 2012, 2013, and 2015, the Chinese have made numerous visits to the regional countries, including Peru, Chile, Brazil, Argentina, and Venezuela [22, pp. 1-16].

Since 2010, China has started to conduct small-scale military exercises with the Latin American militaries, mostly involving medical personnel, special operations personnel, and the navies. The exercises were dedicated mostly to disaster relief and counterterrorism. The first

exercise was a medical services exercise 'Peace Angel' with Peru, which was repeated in 2012, and that was followed by a 'Cooperation-2011' special operations forces exercise with Venezuela and a naval exercise with the Chilean Navy in 2013 [22, pp. 1-16].

China started to move forward to develop the institutional framework for defense cooperation with the establishment of the China-CELAC regular meetings of defense officials. The first such meeting was the China-Latin American Forum on Military Logistics, held in October 2015 in Beijing with the participation of 11 LAC states. Such forums later became regular. Simultaneously, China and a number of LAC countries have started to hold yearly China-Latin America High Level Defense Forums, which are typically attended by officers of the chief of general staff and deputy chief of general staff [29]. By 2022, the number of LAC participants had grown to 22 countries [45].

Chinese activity in the development of military ties to LAC countries is closely following the pattern developed in Africa, where China conducts regular exchanges of military delegations and runs an annual China-Africa Peace and Security Forum [24].

A major element of China's military ties with Africa that is not present in LAC is peacekeeping. In Africa, China is a major contributor of military personnel to UN peacekeeping operations [23]. Since 1989, more than 40,000 Chinese peacekeepers have served in African UN missions [4], providing the Chinese military with extensive experience operating on the continent. The lack of UN peacekeeping missions in LAC meant that the Chinese military had no chance to deploy here. However, China did participate in the multinational peacekeeping force in Haiti in 2004–2010 [32], although the personnel dispatched there were civilian officers of the Chinese public security police.

There is only one permanent Chinese facility in the LAC region that can be linked to the Chinese military with some degree of credibility, although indirectly. That is the Espacio Lejano deep space tracking station in Argentina, which was used by China in space exploration missions, for example, for Chan'e lunar probes. In China, such infrastructure, which supports the national space program, is typically operated by the

People's Liberation Army Strategic Support Force Space Systems Bureau. Legally, however, the station has been built and maintained since 2012 by the Chinese Communication Construction Company and is operated by the civilian China National Space Administration. The US is leading a long-term campaign for the closure of the station, publishing lengthy reports about its potential military uses, including espionage, and about its links to the Chinese military [33].

Chinese defense technology cooperation with the LAC countries. China has sought to increase its share in the LAC arms market since the early 2000s. In Africa, China has managed to become one of the leading arms exporters (second in Sub-Saharan Africa in the 2016–2020 period [7]). In LAC, China, while not playing an important role as an arms exporter, is trying to use more advanced forms of cooperation, including joint research and development in the field of dual-use technology (with Brazil), and is ready for defense technology transfers (with Argentina). As the bigger and more developed LAC countries are looking for greater industrial self-sufficiency and security self-reliance, the Chinese readiness to share defense technology may be a significant advantage in the future.

The dynamics of the Chinese arms sales are partly influenced by the regional politics of the LAC region, where acute interstate tensions and territorial conflicts are relatively rare. According to SIPRI, in the five-year period of 2017–2022, the number of South American countries decreased by 34% compared to the 2013–2017 period. There were two significant exceptions to this trend. One was Brazil, which increased its arms imports by 48%, and Chile, which increased the imports by 56%. Together, these two countries account for 68% of the arms imports on the South American continent [38].

However, both the Brazilian and Chilean arms markets have so far been closed for Chinese suppliers, which explains the decline of new Chinese arms export deals to the region in recent years. In fact, Chinese arms sales peaked in 2015 and have not returned to that level so far [17].

The long-term economic crisis in Venezuela, the biggest Chinese arms industry customer in the region, could be an important reason for such dynamics. To expand its presence on the regional arms market, China needs to become a major

weapons supplier to the leading regional economies of Brazil, Argentina, and Chile, which the Chinese have so far failed to achieve. There are no credible reports, even on negotiations to sell Chinese weapons and defense technology to Chile and Brazil, and several high profile projects discussed with Argentina have mostly failed.

As of the beginning of 2023, China has delivered weapons to seven LAC countries, including Argentina, Mexico, the Bahamas, Bolivia, Ecuador, Peru, and Venezuela. However, cooperation with the Bahamas, Mexico, and Argentina was represented by single deals, insignificant in scale. For example, the only deal with Mexico was the delivery of two batteries for 105-mm howitzers; the Bahamas got two armored vehicles as aid; and Argentina bought 4 APCs for its UN Peacekeepers in 2008. Four countries – Venezuela, Peru, Bolivia, and Ecuador – procured Chinese weapons on a significant scale. These countries bought relatively expensive and sophisticated systems, including air search radars (Venezuela and Ecuador), light and medium transport aircraft (Venezuela and Peru), trainer and light attack aircraft (Bolivia, Venezuela, and Ecuador), helicopters (Bolivia), and artillery systems (Bolivia, Ecuador, Peru, and Venezuela). Venezuela is the biggest customer of the Chinese arms industry. The last known significant Chinese arms delivery to the region happened in 2018, when China donated 10 armored cars to Bolivia [37].

The decline in Chinese arms exports to the region since the mid-2010s is explained by the dynamics of the rearmament programs of the local militaries and the generally low level of military tensions in the region [21]. China understands that simple arms exports to the region have limited potential from both a political and commercial point of view. Chinese exporters try to use any opportunity to boost their presence on the LAC market but sometimes suffer setbacks because of US meddling. Such was the case with the 2009 contract for delivery of the Chinese MBT-2000 tanks to Peru. At that time, MBT-2000 tanks used Ukrainian-made diesel engines, and the US supposedly used its influence on Ukraine to undermine the deal. Ukraine refused to grant export licenses for the engines, which made the implementation of the contract impossible [1].

Chinese efforts on the regional arms market are aimed at establishing permanent and deep

cooperation with as many LAC countries as possible. To achieve that goal, China is ready to provide weapon systems for free as military assistance or to sell them at significant discounts. Chinese assistance to the regional militaries is usually provided by donations of non-lethal supplies, including military trucks and jeeps, uniforms, tents, engineering equipment, field hospitals, etc., to Bolivia, Guyana, Columbia, and Peru [15].

For example, in 2017, China and Peru signed two defense cooperation protocols according to which China was supposed to provide 16 buses, 16 minivans, 10 ambulances, 4 patrol boats, 1 ambulance, and an air control radar for the Peruvian military, with a total worth of \$18 million [12]. Argentines in 2018 got military, aid worth \$18 million, mostly military automobiles [11].

China did try to use defense technology transfers to expand its presence on the Argentinian market. In 2015, during Argentinian President Cristina Fernandez de Kirchner's visit to China, the two sides signed a memorandum of understanding to jointly produce 110 VN1 armored personnel carriers and 3 P18 corvettes for the Argentinian military [6]. The deal has failed to materialize, likely because of Argentinian budget constraints and economic instability. For the same reason, Argentina in December 2022 abandoned plans to buy Chinese-Pakistani FC-1 fighters [5]. Notably, if Argentina was politically and fiscally capable of implementing those plans, it would become the biggest partner of the Chinese defense industry in LAC instead of Venezuela.

Chinese dual-use technology cooperation with the LAC countries. The situation in the dual-use technology cooperation between China and LAC is much more positive. While in Africa this cooperation has limited potential because of the weak technological and industrial bases of the local countries, in LAC it appears to be the real focus of China's efforts.

In this field, China can boast of a very successful and long-term satellite technology project with Brazil. The China-Brazil Earth Resources Satellite Program, which started in the late 1980s, has so far resulted in the launch of six satellites between 1999 and 2019. CBERS-1 and CBERS-2, launched in 1999 and 2003, were equipped with wide-field and medium-resolution cameras as well as infrared cameras. In 2007, an

improved CBERS-2B satellite with an upgraded infrared camera was built and launched [9]. After that, China and Brazil started to work on improved second-generation satellites (CBERS-3, CBERS-4, and CBERS-4a), significantly heavier, more powerful, and with better sensors [10], which were launched between 2013 and 2019.

The program was described by Brazilians as a great success; the satellite images were provided for free to developing countries and public goods, which helped increase scientific production and solve some practical problems related to natural resource exploration and urban development, for example, dealing with landslides in some areas [40]. The program was co-financed by the governments of the two countries, each with a 50% share, and the Brazilian companies were initially responsible for 30% of satellite components and systems, which later increased to 50% [36]. The CBERS project was supposed to continue beyond the launch of the CBERS-4A satellite [39], although no new launch declarations have been made so far.

Technologically, the CBERS program was a two-way street. Brazilian participation has allowed China to overcome the bottlenecks of its domestic industrial base and contributed to the development of the Chinese Ziyuan series of earth observation satellites. All CBERS satellites were launched on orbit using the Chinese CZ-4B carrier rockets from the Chinese Taiyuan space launch center. Although a civilian dual-use technology project, the CBERS program has shown the ability of Brazil to jointly implement complex technological projects with China. The project has overcome many difficulties, including a failed launch in 2013. Chinese sources note that the project participants have also managed to successfully deal with the differences in cultures and business practices between the two countries [47]. This kind of successful cooperation experience, which lasted for more than 30 years, may play a positive role in the development of possible cooperation in defense technology if such a choice is made in the future by the two governments.

Brazilian aircraft maker Embraer had an agreement with Aircraft Industry Corporation of China on joint production of ERJ-145 passenger aircraft and Legacy 650 business jets in Harbin, but the program was not commercially successful and was stopped in 2016 [8].

Brazil is not the only country to cooperate with China in space, although Brazilian cooperation is the deepest. In 2008, Venezuela contracted the Chinese Great Wall Industries Corporation to design, build, and launch the Simon Bolivar (Venesat-1) telecommunications satellite for \$406 million. That was followed by a similar contract with Bolivia to build and launch the Tupac Katari satellite for \$300 million, of which \$295 million was financed by the China Development Bank loan [15]. In 2012, Venezuela procured two remote sensing satellites from China (VRSS-1, VRSS-2) that were launched by Chinese CZ-2 rockets [35].

With the second regional economy, Argentina, China has a partly successful experience of implementing the project of license production (apparently with low localization) of the Chinese Z-11 helicopters. Notably, the Z-11 themselves were unlicensed copies of the French AS350 Ecureuil helicopters. The first flight of the assembled helicopters in Argentina took place in 2012; 30 helicopters in total for both the Argentinian armed forces and the civilian agencies were supposed to be assembled [28]. It appears that no aircraft were delivered to the Argentinian military because of budget cuts, and the general number of helicopters produced was smaller than originally planned.

Perhaps the most sensitive dimension of the Chinese technological expansion in the region is the Chinese exports of urban and border surveillance technologies, as well as other security-related software and equipment, to the regional countries. That includes high-resolution cameras, equipment for fingerprinting, mobile network traffic monitoring, etc. China is prioritizing the exports of 'smart city' and 'safe city' technologies for both political and economic reasons, and LAC became the main area for such activities.

Mexico was the first country to start procuring Chinese surveillance technology when Mexico City Mayor Miguel Ebrard in 2007 started large-scale purchases of Chinese equipment for urban surveillance [20]. Ecuador was the first country in the region to build a nationwide surveillance system with the use of Chinese equipment and software. The project started in 2012, when the country received a \$250 billion Chinese loan. By 2018, it included a nationwide network of 4300 cameras with face recognition

functions controlled by 3000 employees from 16 regional centers. Additional capabilities, including drones and artificial intelligence (AI) enabled systems to process the video data, were added. China has also helped Ecuador build an AI research lab to further improve the capabilities of the system [25].

Ecuador was followed by Bolivia and Uruguay, which started to install large surveillance systems provided by Chinese companies such as Huawei, CEIEC, and the China National Electronic Service Company [19]. Other known examples of the procurement of Chinese surveillance technology include Venezuela, Panama, and Argentina. Growing dependence of the LAC police forces and security services on Chinese technology is causing significant concerns in the US, with American authors writing about China 'selling digital tyranny' to the region [13].

One possible explanation for the Chinese expansion, except for the economic and technical parameters of the Chinese systems, is that some regional countries may be procuring Chinese equipment precisely to keep their key security systems out of potential US intervention. At the same time, the Chinese government is actively encouraging the export of surveillance technology, including efforts at the top level. For example, the Joint Laboratory of Ecuador Public Security Emergency Command and Control Center, the AI center mentioned above, was opened jointly by Chinese President Xi Jinping and his Ecuadorean colleague Rafael Correa [46].

Results. *The political significance of the Chinese military and defense industrial presence in the region.* China maintains military cooperation with the LAC countries as a secondary channel for engaging the regional countries in a network of deep, comprehensive partnerships. They are primarily based on the growing degree of economic interdependence between the Chinese and LAC economies. Defense cooperation is seen by the Chinese as a way to establish closer ties with the regional security elites and facilitate the achievement of wider policy goals.

The most developed areas of military and defense industrial cooperation are the exchanges of military delegations and cooperation in the field of dual-use technology.

China has created effective mechanisms for regular communication with Latin American

military leaders, including holding regular forums and seminars that closely resemble the cooperation mechanisms already existing between China and Africa.

Dual-use technology cooperation, especially in the fields of space technology and surveillance technology, has led to a degree of dependence by a number of LAC countries on cooperation with China in these strategic sectors. This is the only area where China's defense and security cooperation with LAC is more developed than its cooperation with Africa.

China has failed so far to become a leading supplier of weapons to the LAC region. Chinese presence on the Latin American market is limited, and attempts to build defense industrial partnerships with the regional countries, especially with Argentina, have failed. That contrasts with China's role as one of the leading arms exporters, which can be observed in a number of other regions of the world.

While China has already established a permanent military presence in Eastern Africa (Djibouti) and is reportedly ready to build the first permanent base in Western Africa (Equatorial Guinea) [39], there are still no signs of similar attempts in the LAC region.

In general, the Chinese security role in the region remains limited, with few opportunities for expansion in the coming years. Even this very tiny cooperation has faced stiff opposition from the US. Their military officials regularly make statements about China 'aggressively expanding its sphere of influence in Latin America' [43], growing Chinese presence in the region [41], and even a new Sino-US 'frontline' in South America [42]. Even Chinese infrastructure investments are seen as potential security threats since China could 'militarize' the seaport facilities it invests in [44].

The future pattern of the military presence of China in the region may change depending on the major LAC countries interest in developing more diversified defense and defense industrial strategies, which may increase their interest in cooperation with non-Western countries.

The cooperation can be additionally supported by the growing interest of some major LAC countries in developing their own domestic defense industrial capabilities in order to reduce dependence on the US and Europe. The argument

for strategic partnership with China in the security and defense industrial fields, for example, is present in Brazil [34].

In this case, Chinese military aid to the regional countries, currently quite limited and mostly consisting of non-lethal supplies, might grow and include more militarily significant classes of defense equipment, including air defense, heavy UAVs, and modern long-range artillery. China may also expand the training programs for military personnel from the LAC countries.

Another factor that may contribute to faster growth of cooperation in the future may be the interest of the major LAC countries in asserting greater strategic autonomy from the US by developing their indigenous defense industrial capabilities.

China's cooperation with the LAC countries in some of the most sensitive areas of dual-use technology, including space and surveillance, suggests both the ability of the Chinese and their Latin American counterparts to implement complex joint technological projects and a significant level of mutual trust. China may be a preferred source for the defense technologies of a number of LAC countries, including Brazil, Argentina, Peru, and Venezuela.

NOTE

¹ The research was supported by RSF (project No. 22-78-10014, <https://rscf.ru/project/22-78-10014/>).

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10014, <https://rscf.ru/project/22-78-10014/>

REFERENCES

1. *09 nian milu mai guochan tanke, Meiwu chashou zhiqi hou xiang mai wu ren ji, Zhongguo ruhe huiying?* [Peru Bought Domestic Tanks in 2009, and Wanted to Buy Drones After the United States and Ukraine Intervened and Abandoned Them. How Did China Respond?]. URL: <https://c.m.163.com/news/a/HLMMQV6B05560BBD.html>
2. Agramont D.L. China's Security and Military Cooperation in Latin America and the Caribbean: Implications for Europe. *Konrad-Adenauer-Stiftung*, 2021, vol. 76, pp. 6-34. URL: https://www.kas.de/documents/272317/12679622/China's+security+and+military+cooperation+in+Latin+America+and+the+Caribbean_Implications+for+Europe.pdf/d2ea96ac-

cc60-a0a0-916a-a8e6d18bf5f2?version=1.0&t=1651220224766

3. Alden C. China and Africa: A Distant Mirror of Latin America. *Colombia Internacional*, 2012, no. 75, pp. 19-47. DOI: <http://dx.doi.org/10.7440/colombint75.2012.02>

4. *Ambassador Zhou Pingjian: China to Continue Backing Peace Efforts in Africa*. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zwjg_665342/zwbw_665378/202207/t20220728_10729497.html

5. *Argentina Abandons Plans to Acquire New Fighter Jets*. URL: <https://meta-defense.fr/en/2022/12/09/argentina-abandons-plans-to-acquire-new-fighter-jets/>

6. *Argentina To Buy Chinese APC, Warships*. URL: https://www.defensemirror.com/news/12075/Argentina_To_Buy_Chinese_APC__Warships#.ZD2E99DP2UK

7. Bernardo M. China's Arms Exports to Sub-Saharan Africa. *Observatoire de l'Afrique centrale et australe*, 2021, n. 29. URL: https://archives.defense.gouv.fr/content/download/635898/10510460/file/Note%2029%20Arms%20transfers_.pdf

8. *Brazil's Embraer Ends Business Jet Production in China*. URL: <https://www.reuters.com/article/embraer-china-idUKE6N177049>

9. *CBERS-1 and 2 (China-Brazil Earth Resources Satellite)*. URL: <https://www.eoportal.org/satellite-missions/cbers-1-2>

10. *CBERS-3 & 4 (China-Brazil Earth Resources Satellite) – 2nd Generation Satellite Series*. URL: <https://www.eoportal.org/satellite-missions/cbers-3-4#cbars-3—4-china-brazil-earth-resources-satellite—2nd-generation-satellite-series>

11. *China Donated Military Vehicles and Equipment to Argentina*. URL: https://www.armyrecognition.com/november_2018_global_defense_security_army_news_industry/china_donated_military_vehicles_and_equipment_to_argentina.html

12. *China Donated Vehicles and Equipment to Peru Worth 18 Million Dollars*. URL: <https://spainsnews.com/china-donated-vehicles-and-equipment-to-peru-worth-18-million-dollars/>

13. *China Selling High-Tech Tyranny to Latin America, Stoking US Concern*. URL: <https://www.washingtonexaminer.com/policy/defense-national-security/china-selling-high-tech-tyranny-to-latin-america-stoking-us-concern>

14. *China, Brazil to Trade in Local Currencies*. URL: http://english.scio.gov.cn/international/exchanges/2023-03/31/content_85203377.htm

15. *China's Military Activity in Latin America*. URL: <https://www.americasquarterly.org/fulltextarticle/chinas-military-activity-in-latin-america/>

16. *China-Africa Trade Soars on Spike in Commodity Prices*. URL: <https://asia.nikkei.com/Economy/Trade/China-Africa-trade-soars-on-spike-in-commodity-prices#:~:text=Rising%20commodity%20prices%20and%20Beijing's,while%20imports%20reached%20%24117.51%20billion>

17. *China-Latin America Arms Sales*. URL: <https://www.armyupress.army.mil/Journals/Military-Review/English-Edition-Archives/July-August-2018/Gurrola-China/>

18. *China-Latin America Trade Reaching New Heights*. URL: <https://www.ciie.org/zbh/en/news/exhibition/focus/20230104/35776.html>

19. *Chinese Biometric Surveillance Technology Deployed Internationally Amid Criticism*. URL: <https://www.biometricupdate.com/201910/chinese-biometric-surveillance-technology-deployed-internationally-amid-criticism>

20. *Chinese Surveillance Complex Advancing in Latin America*. URL: <https://www.newsmax.com/evanellis/china-surveillance-latin-america-cameras/2019/04/12/id/911484/>

21. Cui S., Liu Z. Zhongla junshi jiaoliu de xianzhuang, tezheng yu yingxiang [The Current Situation, Characteristics, and Influence of China-Latin America Military Exchanges]. *Lading yu Meizhou Yanjiu* [Journal of Latin American Studies], 2018, vol. 40, no. 6, p. 99. URL: <http://ldmzyj.ajcass.org/UploadFile/Issue/5pfo5tjo.pdf>

22. Guo C. Zhonggong Shiba da yilai Zhongguo dui Lamei de Zhengce yu Shijian [China's Policies and Practices Towards Latin America Since the 18th National Congress of the Communist Party of China]. *Lading yu Meizhou Yanjiu* [Journal of Latin American Studies], 2017, vol. 39, no. 2, pp. 1-16. URL: <http://ldmzyj.ajcass.org/UploadFile/Issue/s052zea2.pdf>

23. *Disan jie zhong fei heping anquan luntan jiang zai hua juban* [The Third China-Africa Peace and Security Forum Will Be Held in China]. URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/xwfy/rcfb/16248057.html>

24. *Ecuador's All-Seeing Eye Is Made in China*. URL: <https://foreignpolicy.com/2018/08/09/ecuadors-all-seeing-eye-is-made-in-china/>

25. Ellis R.E. China – Latin America Military Engagement: Good Will, Good Business, and Strategic Position. Strategic Studies Institute. US Army War College. *JSTOR*, 2011. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep11283?seq=27>

26. Evan Ellis R. Chinese Security Engagement in Latin America. *Center for Strategic and International Studies (CSIS)*, 2020. URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/201119_Chinese_Security_Engagement.pdf

27. *FAdeA Flies First Licence-Built Z-11*. URL: <https://www.shephardmedia.com/news/defence-helicopter/fadea-flies-first-licence-built-z-11/>

28. *Fourth China-Latin America High-Level Defense Forum Launched*. URL: http://eng.chinamil.com.cn/CHINA_209163/TopStories_209189/9326872.html
29. Guo J. The Political Economy of China–Latin America Relations: The Making of a Post-Boom Paradigm. *China International Strategy Review*, 2023, vol. 5, pp. 113-138. URL: <https://doi.org/10.1007/s42533-023-00126-5>
30. Hsiao R. PLAN Officers to Train on Brazilian Aircraft Carrier. *China Brief*, 2009, vol. 9, iss. 12. URL: <https://jamestown.org/program/plan-officers-to-train-on-brazilian-aircraft-carrier/>
31. *In Surprise Move, China Withdraws Riot Police from Haiti*. URL: <https://foreignpolicy.com/2010/03/25/in-surprise-move-china-withdraws-riot-police-from-haiti/>
32. Lu S., Boland B., McElwee L. CCP Inc. in Argentina. *Center for Strategic and International Studies (CSIS)*, 2023. URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/2023-01/230124_Lu_CCPInc_Argentina.pdf?VersionId=m.swG4THoU1KpRxximJoSrSujgRdqwpX
33. Marcondes de Souza Neto D., Henrique Batista Barbosa P. Brazil-China Defense Cooperation: A Strategic Partnership in the Making? *Journal of Latin American Geography*, 2018, vol. 17, no. 2, pp. 140-166. URL: https://www.researchgate.net/publication/327681310_Brazil-China_defense_cooperation_A_strategic_partnership_in_the_making_Journal_of_Latin_American_Geography
34. National Aeronautics and Space Administration. *NASA Space Science Data Coordinated Archive*. URL: <https://nssdc.gsfc.nasa.gov/nmc/spacecraft/display.action?id=2017-060A>
35. *São José dos Campos-SP. CBERS-4 completa três anos em órbita. Satélite oferece imagens gratuitas a milhares de usuários*. URL: http://www.cbears.inpe.br/noticias/noticia.php?Cod_Noticia=4670
36. *SIPRI Arms Transfers Database*. URL: <https://www.sipri.org/databases/armstransfers>
37. *SIPRI Yearbook 2017. Armaments, Disarmament and International Security*. URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/2017-09/yb17-summary-eng.pdf>
38. Tanchum M. China's New Military Base in Africa: What It Means for Europe and America. *European Council on Foreign Relations*, 2021. URL: <https://ecfr.eu/article/chinas-new-military-base-in-africa-what-it-means-for-europe-and-america/>
39. The Diversity of Applications in Free Use of CBERS Series Satellite Images for Local Problem Solving in Brazil. *Brazilian Space Agency*. Graz, AEB Publ., 2019. URL: <https://www.unoosa.org/documents/pdf/psa/activities/2019/UNAustria2019/NascimentoCbersBrazil.pdf>
40. *The US Military Is Watching China's Presence Grow in Latin America, and It Doesn't Like Where Things Are Going*. URL: <https://www.businessinsider.com/defense-officials-worried-about-chinese-military-presence-in-latin-america-2022-6>
41. *Top US Commander Warns 'Front Line' With China Now South of Border*. URL: https://www.voanews.com/a/americas_top-us-commander-warns-front-line-china-now-south-border/6203386.html
42. *US Generals Warn China Is Aggressively Expanding Its Influence in South America and the Caribbean*. URL: <https://edition.cnn.com/2023/03/08/politics/china-south-america-caribbean-us-military/index.html>
43. *US Military Leaders Warn China Could Militarize the Ports It Owns in Latin America*. URL: <https://www.foxnews.com/world/us-military-leaders-warn-china-could-militarize-ports-it-owns-latin-america>
44. *Washington Must Respond to China's Growing Military Presence in Latin America*. URL: <https://foreignpolicy.com/2022/03/14/china-latin-america-military-pla-infrastructure-ports-colombia/>
45. *Xi Jinping and President Rafael Correa of Ecuador Jointly Attend Inauguration Ceremony of China-Ecuador*. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/gjhdcq_665435/3447_665449/3493_665068/3495_665072/201611/t20161122_595894.html
46. *Zhongba youhao zhi "yan" jianzheng hang tian guji hezuo xin pianzhang – jujiao zhong ba diqiu ziyuan weixing 04A xing* [The "Eyes" of China-Brazil Friendship Witness a New Chapter in International Space Cooperation – Focusing on the China-Brazil Earth Resources Satellite 04A Star]. URL: <http://www.sastind.gov.cn/n112/n117/c6808505/content.html>
47. *Zongshu: dazao jinzhuan guojia keji hezuo de dianfan – zhongba zhuanjia tan diqiu ziyuan weixing xiangmu hezuo* [Summary: Building a Model of Scientific and Technological Cooperation Among the BRICS Countries-China and Pakistan Experts Talk About Cooperation in Earth Resources Satellite Projects]. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2019-11/13/c_1125226682.htm

Information About the Authors

Vasily B. Kashin, Candidate of Sciences (Politics), Director of the Centre for Comprehensive European and International Studies (CCEIS), HSE University, Malaya Ordynka St, 17, Bld. 1, 115035 Moscow, Russian Federation, vkashin@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9283-4528>

Ekaterina Yu. Kosevich, Candidate of Sciences (Politics), Senior Researcher, International Laboratory of Research of World Order and New Regionalism, HSE University, Malaya Ordynka St, 17, Bld. 1, 115035 Moscow, Russian Federation, ekosevich@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8056-8426>

Информация об авторах

Василий Борисович Кашин, кандидат политических наук, директор, Центр комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Малая Ордынка, 17, стр. 1, 115035 г. Москва, Российская Федерация, vkashin@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9283-4528>

Екатерина Юрьевна Косевич, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Международная лаборатория исследований мирового порядка и нового регионализма, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Малая Ордынка, 17, стр. 1, 115035 г. Москва, Российская Федерация, ekosevich@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8056-8426>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.19>

UDC 327.8

LBC 66.4(7Coe)

Submitted: 01.09.2023

Accepted: 15.11.2023

**US SANCTIONS POLICY TOWARDS LATIN AMERICA:
CASES OF OFFICIAL NARRATIVES
ON CUBA, VENEZUELA, AND NICARAGUA¹**

Lev M. Sokolshchik

HSE University, Moscow, Russian Federation

Yulia S. Sokolshchik

Independent Researcher, Moscow, Russian Federation

Kirill S. Teremetskiy

HSE University, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The following article examines the effectiveness of US sanctions on Latin America by analyzing three cases of restrictive measures against Cuba, Venezuela, and Nicaragua. The correlation between US foreign policy goals and the interpretation of the existing sanctions results containing the official narrative is analyzed. This study shows that, from the point of view of promoting democratization and protecting human rights, US sanctions are ineffective. *Methods and materials.* The following research utilizes a constructivist approach when analyzing international relations. To a greater extent, this work is based on the theoretical approaches of Professor G. Hufbauer. *Analysis and results.* The following study additionally reveals that the US foreign policy narrative covers the erosion of US hegemony in Latin America. Within this narrative, international relations are described as a global rivalry between “democracy” and “autocracy.” The United States uses motives for protecting human rights and democracy to justify sanctions against several Latin American countries and also weaken ties with Russia and China. *Author’s contributions.* L. Sokolshchik and Yu. Sokolshchik developed the research design in addition to writing its content and general scientific editing. K. Teremetskiy made a contribution to the search for official sources and their analysis. The authors jointly analyzed all the content and results of the research.

Key words: United States of America, Latin America, Cuba, Venezuela, Nicaragua, sanctions, official narrative.

Citation. Sokolshchik L.M., Sokolshchik Yu.S., Teremetskiy K.S. US Sanctions Policy Towards Latin America: Cases of Official Narratives on Cuba, Venezuela, and Nicaragua. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 1, pp. 214-224. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.19>

УДК 327.8

ББК 66.4(7Coe)

Дата поступления статьи: 01.09.2023

Дата принятия статьи: 15.11.2023

**САНКЦИОННАЯ ПОЛИТИКА США
НА ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ:
КЕЙСЫ ОФИЦИАЛЬНЫХ НАРРАТИВОВ
В ОТНОШЕНИИ КУБЫ, ВЕНЕСУЭЛЫ И НИКАРАГУА¹**

Лев Маркович Сокольщик

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,

г. Москва, Российская Федерация

Юлия Сергеевна Соколыщик

Независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация

Кирилл Сергеевич Теремецкий

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В работе исследуется вопрос эффективности санкционной политики США на латиноамериканском направлении на основе анализа трех кейсов ограничительных мер против Кубы, Венесуэлы и Никарагуа. Анализируется корреляция между целями внешней политики США и интерпретацией наличествующих результатов санкций, содержащейся в официальном нарративе. Исследование показывает, что с точки зрения заявляемых целей демократизации и защиты прав человека санкции США являются неэффективными. *Методы и материалы.* Исследование основано на теории конструктивизма в международных отношениях, а также в значительной степени – на теоретических разработках Г. Хафбауэра. В работе применяются агентоцентричный и региональный подходы. *Анализ и результаты.* Исследование показывает, что внешнеполитический нарратив США вуалирует эрозию американской гегемонии в регионе. Международные отношения описываются США как соперничество «демократии» и «автократии» в глобальном масштабе. Мотивы защиты прав человека и демократии используются США для оправдания санкций против ряда латиноамериканских стран, в том числе для ослабления их связей с Россией и Китаем. *Вклад авторов.* Л.М. Соколыщик и Ю.С. Соколыщик разработали структуру исследования, содержание статьи и осуществили ее общенаучное редактирование. К.С. Теремецкий внес вклад в поиск официальных источников и их анализ. Авторы совместно подготовили содержание и результаты исследования.

Ключевые слова: Соединенные Штаты Америки, Латинская Америка, Куба, Венесуэла, Никарагуа, санкции, официальный нарратив.

Цитирование. Соколыщик Л. М., Соколыщик Ю. С., Теремецкий К. С. Санкционная политика США на латиноамериканском направлении: кейсы официальных нарративов в отношении Кубы, Венесуэлы и Никарагуа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 1. – С. 214–224. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.19>

Introduction. Sanctions are one of the key foreign policy instruments used by the United States (US). Currently, there is no other country in the world that resorts to using economic restrictive measures quite like the United States [16, p. 159]. However, the paradox of its sanctions policy is that the sanction goals, or at least those declared officially, are not achieved most of the time [7, p. 116]. In many ways, US economic restrictive measures against Latin American countries such as Cuba, Venezuela, and Nicaragua serve as a vivid illustration of this paradoxical phenomenon.

Sanctions effectiveness is one of the most controversial issues in their study. According to a research project by G. Hufbauer and his colleagues, only a third of sanction cases prove successful [28, pp. 3-5]. R. Pape, criticizing the conclusions of the scholars, gives an even more modest number of effective sanctions cases; in his opinion, only 5 percent can be considered successful [38, pp. 93-94]. Moreover, sanctions

often go far beyond their original goals [20, p. 6], introducing negative consequences for both the initiator state and the country that has been restricted [14, p. 47; 16, p. 159]. In this context, various important research questions arise regarding the extent to which sanctions can be considered an effective US foreign policy tool and what factors contribute to this success.

The aim of this paper is to study the effectiveness of US sanctions against Cuba, Venezuela, and Nicaragua by analyzing official narratives presented by the White House. For this purpose, the work rests on a comparative analysis of US foreign policy goals to protect liberal values and democratize targeted countries, with an interpretation of the actual results of sanctions in the chosen cases.

Methods and materials. The following study centers its analysis around the international relations theory of constructivism. The authors start from the idea that international events do not occur in a vacuum; the meaning of an event

is given in the aftermath of interpreting how political agents pursue their goals [31, p. 810]. One major US foreign policy goal, which is often reflected as part of the official US narrative, is the protection of liberal values, human rights, and democracy in various countries and regions of the world. The following work proceeds from the assumption that it is possible to assess the effectiveness of US sanctions by correlating the interpretation of their results with the stated foreign policy goal of aiding in the democratization of the target countries. This article mainly focuses on the Biden administration's official narrative regarding its sanctions policy towards Latin America.

This study is based on an agent-centric approach. It suggests that actors (states and political leaders) "create, mobilize, disseminate, and challenge narratives" to encourage other international players to act in accordance with their scenario [23, p. 418]. This research paper focuses on one region specifically in order to provide geographic and narrative limits on the subject researched and help form a pool of cases for analysis.

When analyzing sanctions, the theoretical approaches of G. Hufbauer and his colleagues are considered in great detail. Sanctions are viewed as the "deliberate actions of the state (the initiator country), a coalition of such states or international organizations to reduce, restrict, or withdraw from customs, trade, or financial relations with the 'target country' or 'addressee country' to achieve political goals" [28, pp. 3-5].

The decision to use three case studies allows for theoretical approaches to be matched with concrete examples and to conduct a thorough analysis. This method is used as a research strategy to examine one or more phenomena in depth, to study the characteristics of each case and general patterns, as well as to evaluate all possible theoretical explanations [40, pp. 227-228].

The sources used in this research have been collected from a variety of official US federal websites that are involved in the implementation of US sanctions and foreign policy, including the White House, United States Congress, US Department of State, US embassies, US Department of the Treasury, and US Federal Register. All documents, speeches, statements, and press conferences describing the US foreign and

sanctions policy towards Latin America have been thoroughly analyzed. Additional information published by critical analytical centers, mass media, and other databases supplements such analysis.

US foreign policy towards Latin America. Latin America's place in US foreign policy is largely determined by the significance of the region for US national security interests [48]. The US National Security Strategy, released by J. Biden's administration in October 2022, defines Washington's regional priorities as expanding economic opportunities in the region, strengthening democracy, and building up its security [35, p. 41].

Researchers indicate that in the current administration's foreign policy narrative, the "defense of liberal democratic values" is closely related to the struggle against countries with "revisionist" [46, p. 105] foreign policy approaches that seek to establish an "illiberal model of the international order" [29, p. 403]. The list of such countries, according to the US narrative, primarily includes Russia and China [29, p. 403].

Among the main tasks identified in today's US foreign policy is to deter the growing potential of US rivals by limiting their dominance in key areas and regions [13]. Based on this, President J. Biden and his team (continuing the policy of the Obama administration) are building a binary view of modern international relations based on the constructed confrontation between "democracy and authoritarianism" [1]. Such an interpretation suggests that the United States embodies liberal democratic values and is on the "right side of history." This also implies that if any were to side with Russia or China, such a decision would be seen as a step towards supporting "authoritarianism" [29].

If to ideologically draw up a distinction between countries in Latin America, the United States defines Cuba, Venezuela, and Nicaragua as "undemocratic regimes" because "the popular will is suppressed" in these countries [35, p. 40]. Thus, it is natural that these countries remain the key targets of US sanctions in the region. At the same time, the Biden administration is trying to present a positive image of the United States to ordinary Latin American citizens. In January 2023, the American government expanded legal pathways for safe, orderly, and humane migration, including for individuals coming from Venezuela, Nicaragua, Haiti, and Cuba [9].

The National Security Strategy of 2022 also focuses on the fact that US sanctions and those of its allies aim to reduce the influence and military potential of Russia and China in the region. Military cooperation from a handful of Latin American countries with Russia is considered a threat [35, p. 22]. Such a motive [36] was the justification for imposing the sanctions on Nicaragua in October 2022. Despite the difficult socio-economic situation in many Latin American countries, especially those that have fallen under US sanctions, representatives of the current American administration are trying to promulgate the story that sanctions not only increase the level of democracy in the region but also improve the security of the United States itself: they strengthen US influence and control over the ongoing political and economic processes [56].

1. US sanctions policy against Cuba.

Cuba has been experiencing the consequences of US sanctions for over six decades, but its political environment still remains far from meeting US democratic ideals [27] (although during some periods we have seen a temporary softening in US sanctions policy against Cuba [18; 32]). Recently, Cuba-related sanctions were tightened under President Donald Trump in 2017. His administration canceled almost all previously made concessions [24]. In the same year, the US administration issued the National Security Presidential Memorandum [55] that imposed new sanctions, including restrictions on transactions with companies controlled by the Cuban military. The State Department published a list of entities controlled by the military, intelligence, or security services with which direct financial transactions would benefit those services or personnel disproportionately at the expense of the Cuban people or private enterprise. At that time, the so-called “Cuba Restricted List” included 231 organizations (including ministries, hotels, and businesses).

By 2019, the Trump administration had largely withdrawn concessions and greatly increased sanctions, especially on travel and remittances, placing pressure on Cuba for human rights violations and supporting the Venezuelan government of N. Maduro. At the end of Trump’s presidency on January 11, 2021, the State Department once again designated Cuba as a State Sponsor of Terrorism [14; 61].

President J. Biden, who promised during his election campaign to cut back on the restrictive measures against Cuba, has yet to ease the sanctions [64]. Despite Biden’s rhetoric about revising bilateral relations, the United States has been consistently following a policy of tightening sanctions against Cuba since 2017. In its first few months in office, the Biden administration announced that it was reviewing Washington’s Cuban policy. In March 2021, the White House press secretary said that the administration will make “human rights a key element of policy” and will review policy decisions made by the previous administration, including the decision to designate Cuba as a State Sponsor of Terrorism [41; 61].

Furthermore, after the Cuban government’s harsh response to the July 11, 2021, protests, President Biden and other officials expressed solidarity with the protesters and criticized the government’s “acts of repression” [54]. On July 30, 2021, an expansion of sanctions against Cuba was announced, with Biden noting that the United States will do everything possible to protect the “fundamental rights of the Cuban people” [52]. In August 2021, the Department of the Treasury imposed four rounds of targeted financial sanctions on Cuban security entities and “officials involved in actions to suppress the protests” [59].

In November 2021 and January 2022, the Department of State imposed visa restrictions on officials implicated in suppressing a planned civic march and those involved in the imprisonment of the July 11 protesters [4]. The US declared that such actions are aimed at “promoting accountability for Cuban officials who enable their government’s assaults on democracy and human rights” and “supporting greater freedom and economic opportunities for the Cuban people” [4]. According to the typical rhetoric of the American authorities, these sanctions were necessary for “holding the Cuban regime accountable” and to “stop repression upon the Cuban people for demanding freedom” [11].

According to the official US narrative, the political leadership in Cuba is nothing short of “authoritarian” [54]. The US administration is also very “concerned” that China allegedly has an intelligence center in Cuba and is seeking to further expand cooperation with Havana [42].

Generally, recent studies have been indicating growing US sanction ineffectiveness regarding the ability of the US to facilitate the

democratization of Cuba's political system. Additionally, other studies emphasize the negative effects of US sanctions on the human rights situation in the country [3, pp. 509-510]. Restrictions on Cuba's access to new technology and financial resources have led to a serious slowdown in the development of the country's healthcare, education, and research [2].

2. US sanctions policy against Venezuela.

Venezuelan sanctions are stated to be implemented for the "protection of human rights." The fight against the its "authoritarian regime" was justified by the US narrative that focused on the 2014 political repression in the country when the US Congress passed the Law on the Protection of Human Rights and Civil Society in Venezuela. The legislation obliges the President to impose sanctions on Venezuelan citizens who are considered to have committed violence, serious human rights abuses, or anti-democratic actions. US President Barack Obama imposed the first of these sanctions by Executive Order in March 2015 (Executive Order 13692).

At the beginning of his term, President Donald Trump further strengthened sanctions against the country [51]. In 2017, he issued a decree that cut off the Venezuelan government's access to US financial institutions [19]. Among the blocked organizations was the state gas and oil company *Petróleos de Venezuela (PdVSA)*. Operations in the oil sector are crucial to the Venezuelan economy, accounting for a quarter of the country's GDP and 99 percent of its export revenue [8]. After the 2018 Venezuelan elections, the Trump administration issued several new sanctions packages, aiming to further isolate Maduro and his allies from the international community [25]. These included sanctions on the purchase of Venezuelan debt and a ban on transactions involving Venezuelan digital currencies. Sanctions have also been imposed on the assets of any person who commits corrupt transactions with Maduro's government. At least 26 people were placed under these sanctions, including those who helped the Maduro regime evade oil sanctions.

In 2019, Trump's administration turned its attention to PdVSA. New sanctions were aimed at preventing Russia and China from receiving Venezuelan oil as part of a debt repayment program [15]. The Treasury has blocked all the

company's properties under US jurisdiction. As a rule, American companies and citizens were prohibited from dealing with PdVSA. Selected companies were allowed to maintain some limited operations. Also in 2019, the Ministry of Finance imposed sanctions against non-American companies that did business with PdVSA, including against Russian banks [63]. The following year, the Ministry of Finance began to impose sanctions against those who help in the export, production, or sale of Venezuelan oil. This included several Mexican firms [43].

In 2019, a series of anti-government protests broke out in Venezuela. At one of the rallies, J. Guaidy, the head of the National Assembly, proclaimed that he wanted to put an end to the usurpation of power and form a transitional government by holding fair elections. On January 23, 2019, Guaidy assumed the role of interim president of Venezuela, in accordance with the Constitution. On the same day, the State Department announced the recognition of Guaido as the legitimate head of state of Venezuela [45]. Following this event, the Trump administration further tightened its sanctions policy against Venezuela "in light of the continued usurpation of power by the illegitimate Maduro regime, as well as the regime's human rights abuses." Overall, President Trump signed seven decrees on Venezuelan sanctions. This included sanctions against state-owned or state-affiliated companies such as the *Minerven* gold mining firm, the army, the national police, the central bank, and logistics companies [63].

The US Congress contributed to these efforts by passing the bipartisan *VERDAD Act* (Venezuela Emergency Relief, Democracy Assistance, and Development Act) [49] in December 2019 to prevent the Maduro regime from accessing financial instruments, to cancel visa privileges for people who acted on behalf of Russia, to help the Venezuelan security forces, and to provide humanitarian aid to Venezuela [49].

The main US contradictions within its Venezuelan sanctions have been related to the violation of human rights in the country [62]. With various laws and executive orders passed, restrictions were imposed on the ownership of property and assets. The Biden administration, however, continued to maintain contact with Guaidó. The United States was even willing to

calibrate a new sanctions policy to help transfer power to him for “a peaceful restoration of democratic institutions, free and fair elections, and respect for the human rights and fundamental freedoms of all Venezuelans” [44]. However, sanctions have not weakened the position of the Maduro government; meanwhile, Guaidó has since fled to Colombia and then to the US [47].

Since the end of 2022, various changes in Washington’s sanctions regime against Caracas have been recorded [58]. After various negotiations, an agreement between Maduro’s government and the opposition on the 2024 elections was reached. Starting in November 2022, the United States began to reduce its sanctions pressure on the country. The US Treasury issued two general licenses that introduced some exceptions to the sanctions program: the American company Chevron received permission to engage in the limited extraction of natural resources in Venezuela; Halliburton, Schlumberger, Baker Hughes, and Weatherford were allowed to conduct operations related to the support of assets in Venezuela, including those related to PdVSA (whose license was renewed in May 2023).

On October 18, 2023, after the signing of a roadmap between the Maduro government and the opposition for the 2024 elections, the US announced a more widespread easing of sanctions. General License 44 lifted restrictions on work with the oil and gas sector in Venezuela for six months, and General License 43 introduced similar relief for the Minerven gold mining company [58]. However, the easing of US restrictive measures against Venezuela occurred at a time of increased fuel prices and inflation in the United States. Additionally, the global political and economic situation became more complex and tense, particularly with rising energy prices worldwide [65].

Most researchers consider the Venezuela case one of the clearest examples of authoritarian tendencies being strengthened even under the influence of US sanctions [21, p. 1]. Albeit, at the highest level, it is declared that “it is in the national interest of the United States for Venezuela to prosper as a nation while seeking to pursue policies supported by its people through a stable democratic process” [57]. The American administration considers the government in Venezuela illegitimate and calls people to protest,

resorting to the explanation that “Venezuelans deserve the right to choose their representatives through free and fair elections and to trust that their elected leaders will uphold their basic responsibility to respect universal human rights” [57].

The United States, together with its allies, is implementing a policy of forcing democratic transformations through sanctions and support for the opposition. In turn, Russia and China seek to develop cooperation with the current Maduro government. Moreover, like in the Cuban case, sanctions have seriously affected the human rights situation in the country and have exacerbated the humanitarian crisis [22].

3. US sanctions policy against Nicaragua.

President R. Reagan invoked the IEEPA (International Emergency Economic Powers Act) to impose a comprehensive embargo against Nicaragua in 1985, confronting the Sandinista government [28, p. 46]. Nevertheless, only in 2018 did Washington first impose sanctions on Nicaraguan citizens personally amid country-wide protests over social security system reforms.

After the protests of 2018, the US decided to work towards the democratization of Nicaragua via sanctions. The Treasury was allowed to impose sanctions on any person involved in human rights violations or corruption in Nicaragua [12]. Since 2018, the United States has gradually added individuals and Nicaraguan companies to the list of persons subject to sanctions. This includes members of the Ortega family and their inner circle [5].

Starting in April 2018, groups of Nicaraguans took to the streets, evolving to become a more general protest against President Ortega [39]. In November 2018, President D. Trump issued his first executive order against Nicaragua, according to which several people from Ortega’s entourage, including Vice President and First Lady R. Murillo, as well as the Chief of Police, were identified as Specially Designated Nationals, or SDN [34]. Any designation on the SDN list implies an asset freeze and travel ban. Moreover, US citizens are prohibited from making transactions with those included on the SDN list. A month later, the US Congress passed the Nicaragua Human Rights and Anti-Corruption Act (NICA) [26].

In November 2021, Ortega won a fourth consecutive term in the presidential elections, which were sharply criticized by US officials who

made accusations of vote-rigging [37]. In a statement, President Biden called the elections a “sham” and said that Ortega and Murillo “rule Nicaragua as autocrats” [53]. The US and its allies imposed sanctions on individuals throughout the Nicaraguan government, including the Ministry of Defense and one telecommunications agency of the country. The United States also imposed a travel ban on 116 people [30].

Congress passed the bipartisan Reinforcing Nicaragua’s Adherence to Conditions for Electoral Reform Act (RENACER) a few days after the 2021 Nicaraguan presidential election [50]. The Act called on the President to introduce numerous sanctions against persons obstructing the establishment of conditions necessary for free elections. Additionally, the bill required the Department of State to report on “Russian activities in Nicaragua, including cooperation between Russian and Nicaraguan military personnel and intelligence services” [50].

On November 16, 2021, a proclamation on the introduction of new sanctions against the government of Nicaragua was issued. The motivation and goal of the new restrictive measures highlighted the need “to promote democratic processes and institutions” [6]. In October 2022, new US sanctions against Nicaragua were justified by the fact that “the Ortega-Murillo regime expanded its cooperation with Moscow by allowing the continued presence of Russian military personnel and equipment in the country” [10]. President Biden signed Executive Order 13851 (Blocking Property of Certain Persons Contributing to the Situation in Nicaragua) to “expand the authorities available to increase targeted pressure on the Ortega-Murillo regime” [17]. This measure, according to US authorities, gave the administration additional means “to target the regime while allowing the flexibility necessary to continue to support the people of Nicaragua” [10].

On April 19, 2023, OFAC designated three Nicaraguan judicial officials, who, according to the US, were “involved in human rights abuses conducted by the regime of Nicaraguan President Daniel Ortega and the broader oppression of Nicaraguan citizens who oppose his government” [60]. In August 2023, the US State Department imposed visa restrictions on 100 Nicaraguan municipal officials accused of

“participating in human rights violations for their roles in the closure of a popular university and jailing of a prominent bishop” (the government imprisoned Bishop R. Alvarez in 2022, a critic of President Ortega) [35].

The United States uses Nicaragua’s ties with Russia and China to emphasize the undemocratic nature of the ruling regime, calling it “authoritarian” and “destabilizing” for the region. Sanctions continue to be expanded, described as “tools to hold the Ortega-Murillo regime accountable for its escalating human rights violations, continued dismantling of democratic institutions, attacks on civil society, and increasing security cooperation with Russia” [10].

All in all, the United States considers sanctions against Nicaragua insufficient to promote changes in the internal policy of the country. During a March 2023 House Foreign Affairs joint subcommittee meeting on the human rights situation in Nicaragua, some members called for additional pressure measures. Financial restrictions against the Central American Bank for Economic Integration were proposed, which has lent nearly \$3.5 billion to the Ortega administration in the last five years [36].

Results. The US foreign policy narrative is structured in a sophisticated way to avoid recognizing the eroding US hegemony in Latin America. At the same time, the issues of liberal-democratic development in Latin American countries are fundamental for the United States and are inherent to its sanctions rhetoric. Thus, the threat to the US and the region emanating from Russia, China, and other so-called “authoritarian” states is described from this particular point of view.

Under President Biden, promoting liberal democratic values has become one of the central themes of the administration’s foreign policy narrative, including in Latin America. International relations are mostly described by US officials as the global rivalry between “democracy” and “autocracy.” Therefore, the US claims that its motives are “protection of human rights and democracy” to simply justify the implementation of sanctions against numerous Latin American countries.

Despite the grandiloquent rhetoric expressed in official US speeches, the cases of US sanctions against Cuba, Venezuela, and Nicaragua reveal

the ineffectiveness of the sanctions in achieving the expressed goals. After all, Washington's foreign policy aims of democratization, promoting liberal values, and protecting human rights are largely far from being achieved. However, it should be noted that some changes have indeed taken place after the imposition of US sanctions. For example, Cuba's national economy experienced some liberalization in certain sectors, and there have been important and ongoing negotiations between Maduro's government and the opposition about future elections in Venezuela. The overarching trend tied to sanctions is strengthened sanction resistance by the political regimes and further regime consolidation, despite the serious social and economic deterioration in the countries under consideration. In this context, this study largely confirms the theoretical conclusions drawn by various other authors: sanctions, in most cases, lead to an increase in authoritarian tendencies within the target countries. The study also confirms R. Pape's argument on how sanctions that are aimed at changing political regimes prove to be the least effective types of sanctions.

Keeping in mind the nature of great power rivalry, it should be noted that Cuba, Venezuela, and Nicaragua are all striving to develop cooperation with the key US competitors in the region – Russia and China. They are becoming their most important political, military, and economic partners. The US narrative defines Moscow and Beijing as the most active representatives of “illiberal regimes” seeking to rethink the US-centered “liberal rules-based world order.” The three Latin American countries considered in this study are also developing ties with other countries that have been labeled as “illiberal regimes” in official US discourse, particularly Iran and North Korea. Additionally, Cuba, Venezuela, and Nicaragua are trying to build institutional cooperation mechanisms and develop multilateral regional interaction, but without the participation of the United States (the Bolivarian Alliance for the Peoples of Our America (ALBA), the Union of South American Nations (UNASUR), and the Community of Latin American and Caribbean States (CELAC)). This allows them to promote an alternative, non-American, regional agenda and reduce the political and economic costs of US restrictive measures by diversifying state ties.

Unequivocal evidence of the ineffectiveness of US sanctions in terms of democratization

processes lies in the arguments put forth by the incumbent administration: unilateral sanctions have yet to lead to a successful democratic transition in targeted countries around the world. In this regard, Biden's administration seeks to transform its US sanctions policy towards greater multilateralism, consolidating efforts with American allies on the basis of sanction coalitions. This has already contributed to greater US and EU sanctions policy coordination, as proven by the measures taken against Russia after February 2022. Additionally, these new coalitions introduce greater implications for anti-China sanctions policies as well.

NOTE

¹ The research was supported by RSF (project No. 22-78-10014, <https://rscf.ru/project/22-78-10014/>)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10014, <https://rscf.ru/project/22-78-10014/>

REFERENCES

1. *Address to the Nation on United States Policy Toward Cuba*, 2014, December 17. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-the-nation-united-states-policy-toward-cuba>
2. *Adopting Annual Resolution, Delegates in General Assembly Urge Immediate Repeal of Embargo on Cuba, Especially amid Mounting Global Food, Fuel Crises*, 2022, November 3. URL: <https://press.un.org/en/2022/ga12465.doc.htm>
3. Amador S. Democratization a Comparative Analysis of Lifted Economic Sanctions in Cuba and Burma. *Washington University Global Studies Law Review*, 2018, vol. 17, iss. 2, pp. 503-534.
4. *Announcement of Visa Restrictions Against Cuban Officials*, 2022, July 9. URL: <https://www.state.gov/announcement-of-visa-restrictions-against-cuban-officials-2/>
5. *Announcing Sanctions on the Ortega Regime in Response to Arbitrary Detentions and Other Undemocratic Moves*, 2021, June 9. URL: <https://www.state.gov/announcing-sanctions-on-the-ortega-regime-in-response-to-arbitrary-detentions-and-other-undemocratic-moves/>
6. *A Proclamation on Suspension of Entry as Immigrants and Nonimmigrants of Persons Responsible for Policies or Actions That Threaten Democracy in Nicaragua*, 2021, November 16. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2021/11/16/a-proclamation-on-suspension-of->

entry-as-immigrants-and-nonimmigrants-of-persons-responsible-for-policies-or-actions-that-threaten-democracy-in-nicaragua/

7. Ashford E. Not-So-Smart Sanctions: The Failure of Western Restrictions Against Russia. *Foreign Affairs*, 2016, January/February, pp. 114-123.

8. Berg R.C. The Role of the Oil Sector in Venezuela's Environmental Degradation and Economic Rebuilding. *CSIS*, 2021, October 12. URL: <https://www.csis.org/analysis/role-oil-sector-venezuelas-environmental-degradation-and-economic-rebuilding>

9. *Biden-Harris Administration Announces New Border Enforcement Actions*, 2023, January 5. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/01/05/fact-sheet-biden-harris-administration-announces-new-border-enforcement-actions/>

10. *Biden-Harris Administration Expands Efforts to Hold Nicaraguan Government Accountable*, 2022, October 24. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/10/24/fact-sheet-biden-harris-administration-expands-efforts-to-hold-nicaraguan-government-accountable/#:~:text=Today%2C%20President%20Biden%20is%20taking,civil%20society%2C%20and%20increasing%20security>

11. *Biden-Harris Administration Measures on Cuba*, 2021, July 22. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/07/22/fact-sheet-biden-harris-administration-measures-on-cuba/>

12. *Blocking Property of Certain Persons Contributing to the Situation in Nicaragua*, 2018, November 27. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2018/11/29/2018-26156/blocking-property-of-certain-persons-contributing-to-the-situation-in-nicaragua>

13. Brands H. America's War for Global Order Is a Marathon. *Foreign Policy*, 2022, January 25. URL: <https://foreignpolicy.com/2022/01/25/americas-war-for-global-order-is-a-marathon/>

14. *Country Reports on Terrorism 2020: Cuba*. URL: <https://2017-https://www.state.gov/reports/country-reports-on-terrorism-2020/cuba/#:~:text=Overview%3A%20Cuba%20was%20designated%20as,guerrilla%20groups%20and%20individual%20terrorists>

15. Crowley M., Kurmanaev A. Trump Imposes New Sanctions on Venezuela. *The New York Times*, 2019, August 6. URL: <https://www.nytimes.com/2019/08/06/us/politics/venezuela-embargo-sanctions.html>

16. Early B.R., Preble K.A. Enforcing US Economic Sanctions: Why Whale Hunting Works? *The Washington Quarterly*, 2020, vol. 43, iss. 1, pp. 159-175. DOI: <https://doi.org/10.1080/0163660X.2020.1736881>

17. *Executive Order on Taking Additional Steps to Address the National Emergency With Respect to the Situation in Nicaragua*, 2022, October 24. URL:

<https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2022/10/24/executive-order-on-taking-additional-steps-to-address-the-national-emergency-with-respect-to-the-situation-in-nicaragua/#:~:text=BIDEN%20JR.%2C%20President%20of%20the,Section%201>

18. *Foreign Assistance Act*. URL: <https://www.congress.gov/105/plaws/publ118/PLAW-105publ118.htm>

19. Gearan A., Faiola A. Trump Tightens Venezuela's Access to U.S. Financial System. *The Washington Post*, 2017, August 25. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/trump-administration-moves-to-restrict-venezuelan-access-to-us-financial-system/2017/08/25/18b22a5e-89ad-11e7-a50f-e0d4e6ec070a_story.html

20. Gordon J. Hidden Power of the New Economic Sanctions. *Current History*, 2019, vol. 118, iss. 804, pp. 3-10.

21. Gratius S. The West Against the Rest? Democracy Versus Autocracy Promotion in Venezuela. *Bulletin of Latin American Research*, 2021, vol. 41, iss. 1, pp. 1-18.

22. Grauvogel J., Soest C. Claims to Legitimacy Count: Why Sanctions Fail to Instigate Democratisation in Authoritarian Regimes. *European Journal of Political Research*, 2014, vol. 53, iss. 4, pp. 635-653.

23. Hagström L., Gustafsson K. The Limitations of Strategic Narratives: The Sino-American Struggle over the Meaning of COVID-19. *Contemporary Security Policy*, 2021, vol. 42, iss. 4, pp. 415-449.

24. Harris G. Trump Tightens Cuba Embargo, Restricting Access to Hotels and Businesses. *The New York Times*, 2017, November 8. URL: <https://www.nytimes.com/2017/11/08/us/politics/trump-tightens-cuba-embargo-restricting-access-to-hotels-businesses.html>

25. Hirschfeld D.J. U.S. Places New Sanctions on Venezuela Day After Election. *The New York Times*, 2018, May 21. URL: <https://www.nytimes.com/2018/05/21/us/politics/trump-maduro-venezuela-sanctions.html>

26. *H.R. 1918 - Nicaragua Human Rights and Anticorruption Act of 2018*. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/1918>

27. *H.R. 927 - Cuban Liberty and Democratic Solidarity (LIBERTAD) Act of 1996*. URL: <https://www.congress.gov/bill/104th-congress/house-bill/927>

28. Hufbauer G., Schott J., Elliot K., Oegg B. *Economic Sanctions Reconsidered*. Washington, DC, Peterson Institute, 2007. 248 p.

29. Jørgensen K.E., Marshall J.B. *Russia, China and the Revisionist Assault on the Western Liberal International Order*. Palgrave Macmillan, 2023. 456 p.

30. Kottasová I., Cotovio V., Alkhshali H. US, EU Slap New Sanctions on Nicaraguan Officials Before

Ortega's Inauguration. *CNN*, 2018, June 5. URL: <https://edition.cnn.com/2022/01/10/americas/nicaragua-us-eu-sanctions-ortega-intl/index.html>

31. Krebs R.R. How Dominant Narratives Rise and Fall: Military Conflict, Politics, and the Cold War Consensus. *International Organization*, 2015, vol. 69, iss. 4, pp. 809-845.

32. Last Travel Curbs Removed by Carter. *The New York Times*, 1977, October 3. URL: <https://www.nytimes.com/1977/03/10/archives/last-travel-curbs-removed-by-carter-americans-may-go-to-cuba.html>

33. Lopez I. US Sanctions: 100 Nicaraguan Municipal Officials Over Rights Abuses. *Reuters*, 2023, August 19. URL: <https://www.reuters.com/world/americas/us-sanctions-100-nicaraguan-municipal-officials-over-rights-abuses-2023-08-19/>

34. Mohammed A. U.S. Sanctions Nicaraguan Officials. *Reuters*, 2018, October 28. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-nicaragua-sanctions-idUSKCN1NW2D6>

35. *National Security Strategy*, 2022, October. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>

36. *Nicaragua*, 2023, April 5. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF12247>

37. Nicaragua Rounds Up President's Critics in Sweeping Pre-Election Crackdown. *Los Angeles Times*, 2021, October 6. URL: <https://www.latimes.com/world-nation/story/2021-11-06/after-jailing-rivals-nicaraguan-president-poised-for-reelection>

38. Pape R. Why Economic Sanctions Do Not Work. *International Security*, 1997, vol. 22, iss. 2, pp. 90-136.

39. Partlow J. Nicaraguans Take to Streets en masse on Sixth Day of Protests. *The Washington Post*, 2018, April 23. URL: https://www.washingtonpost.com/world/nicaraguans-take-to-streets-en-masse-on-sixth-day-of-protests/2018/04/23/882cd144-46ff-11e8-8082-105a446d19b8_story.html

40. Porta D., Keating M. *Approaches and Methodologies in the Social Sciences. A Pluralist Perspective*. New York, Cambridge University Press, 2008. 365 p.

41. *Press Briefing by Press Secretary Jen Psaki and Deputy Director of the National Economic Council Bharat Ramamurti*, 2021, March 9. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/press-briefings/2021/03/09/press-briefing-by-press-secretary-jen-psaki-and-deputy-director-of-the-national-economic-council-bharat-ramamurti-march-9-2021/>

42. *Press Briefing by Press Secretary Karine Jean-Pierre and NSC Coordinator for Strategic Communications John Kirby*, 2023, June 12. URL: [https://www.whitehouse.gov/briefing-room/press-](https://www.whitehouse.gov/briefing-room/press-briefings/2023/06/12/press-briefing-by-press-secretary-karine-jean-pierre-and-nsc-coordinator-for-strategic-communications-john-kirby-15/)

[briefings/2023/06/12/press-briefing-by-press-secretary-karine-jean-pierre-and-nsc-coordinator-for-strategic-communications-john-kirby-15/](https://www.whitehouse.gov/briefing-room/press-briefings/2023/06/12/press-briefing-by-press-secretary-karine-jean-pierre-and-nsc-coordinator-for-strategic-communications-john-kirby-15/)

43. Psaledakis D., Parraga M. U.S. Slaps Sanctions on Mexican Firms, Individuals Linked to Venezuelan Oil Trade. *Reuters*, 2020, June 18. URL: <https://www.reuters.com/article/us-venezuela-politics-usa-idUSKBN23P3D6>

44. *Readout of President Biden's Call with Venezuelan Interim President Juan Guaidó*, 2022, June 8. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/08/readout-of-president-bidens-call-with-venezuelan-interim-president-juan-guaido/>

45. *Recognition of Juan Guaido as Venezuela's Interim President*. URL: <https://2017-2021.state.gov/recognition-of-juan-guaido-as-venezuelas-interim-president/>

46. Sakwa R. *Russia Against the Rest. The Post-Cold War Crisis of World Order*. Cambridge University Press, 2017. 374 p.

47. Siniawski N. Venezuela's Guaido in Miami After Surprise Colombia Visit. *Reuters*, 2023, April 25. URL: <https://www.reuters.com/world/americas/venezuelas-guaido-arrives-miami-after-surprise-colombia-visit-2023-04-25/>

48. Sokolshchik L. América Latina En La Política Exterior de EE.UU. Durante La Administración De Joe Biden. *Iberoamérica*, 2023, iss. 1, pp. 53-77. DOI: 10.37656/s20768400-2023-1-03

49. *S.1025 - VERDAD Act of 2019*. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/1025#:~:text=The%20bill%20imposes%20sanctions%20on,States%20and%20various%20financial%20restrictions>

50. *S.1064 - RENACER Act*. URL: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/1064>

51. Sonmez F., DeYoung K., Faiola A. Trump Signs Executive Order Freezing Venezuelan Assets. *The Washington Post*, 2019, August 5. URL: https://www.washingtonpost.com/politics/trump-signs-executive-order-freezing-venezuelan-assets-ramping-up-pressure-on-maduro/2019/08/05/cd85d44e-b7eb-11e9-b3b4-2bb69e8c4e39_story.html

52. *Statement by President Joseph R. Biden, Jr. on Continuing Crackdown in Cuba*, 2021, July 22. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/07/22/statement-by-president-joseph-r-biden-jr-on-continuing-crackdown-in-cuba/>

53. *Statement by President Joseph R. Biden, Jr. on Nicaragua's Sham Elections*, 2021, November 7. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/11/07/statement-by-president-joseph-r-biden-jr-on-nicaraguas-sham-elections/#:~:text=We%20call%20on%20the%20Ortega,in%20free%20and%20fair%20election>

54. *Statement by President Joseph R. Biden, Jr. on Protests in Cuba*, 2021, July 12. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/07/12/statement-by-president-joseph-r-biden-jr-on-protests-in-cuba/>

55. *Strengthening the Policy of the United States Toward Cuba*, 2017, October 20. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2017/10/20/2017-22928/strengthening-the-policy-of-the-united-states-toward-cuba>

56. *The Global Magnitsky Sanctions Program*. URL: <https://www.state.gov/global-magnitsky-act/>

57. *The United States Stands with All Venezuelans in Search of a Better Future*, 2023, June 9. URL: <https://ve.usembassy.gov/the-united-states-stands-with-all-venezuelans-in-search-of-a-better-future/>

58. Timofeev I. *U.S. Sanctions Against Venezuela: A Temporary Easing?* 2023, November 3. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/us-sanctions-against-venezuela-a-temporary-easing/>

59. *Treasury Sanctions Senior Cuban Officials in Response to Violence Against Peaceful Demonstrators*, 2021, August 19. URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy0327>

60. *Treasury Sanctions Three Nicaraguan Judicial Officials Involved in Human Rights Abuses*, 2023, April 19. URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy1424>

61. *U.S. Announces Designation of Cuba as a State Sponsor of Terrorism*, 2021, January 12. URL: <https://ru.usembassy.gov/u-s-announces-designation-of-cuba-as-a-state-sponsor-of-terrorism/>

62. *Venezuela 2022 Human Rights Report*, 2023, April 21. URL: <https://ve.usembassy.gov/venezuela-2022-human-rights-report/>

63. *Venezuela: Overview of U.S. Sanctions Policy*, 2023. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF10715>

64. Wilkinson T. *Despite Vows, Biden Hasn't Lifted Trump Sanctions on Cuba*. *Los Angeles Times*, 2021, October 18. URL: <https://www.latimes.com/politics/story/2021-10-18/biden-leaves-cuba-in-the-deep-freeze>

65. Zaytsev A., Bondarenko K., Sokolshchik L. *GlobBaro HSE: Monitoring of the Global Economy and Geopolitical Risks*, 2022, December. URL: <https://wec.hse.ru/mirror/pubs/share/805040504.pdf>

Information About the Authors

Lev M. Sokolshchik, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, HSE University, Malaya Ordynka St, 17, 119017 Moscow, Russian Federation, lsokolshchik@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0945-1022>

Yulia S. Sokolshchik, Independent Researcher, Moscow, Russian Federation, yulia.sokolshchik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3341-064X>

Kirill S. Teremetskiy, Expert, Eurasian Section, Center for Comprehensive European and International Studies, HSE University, Malaya Ordynka St, 17, 119017 Moscow, Russian Federation, kteremetskiy@hse.ru, <https://orcid.org/0009-0005-0013-5954>

Информация об авторах

Лев Маркович Соколыщик, кандидат исторических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Малая Ордынка, 17, 119017 г. Москва, Российская Федерация, lsokolshchik@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0945-1022>

Юлия Сергеевна Соколыщик, независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация, yulia.sokolshchik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3341-064X>

Кирилл Сергеевич Теремецкий, эксперт евразийского сектора Центра комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Малая Ордынка, 17, 119017 г. Москва, Российская Федерация, kteremetskiy@hse.ru, <https://orcid.org/0009-0005-0013-5954>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.20>

UDC 329(460)
LBC 66.4

Submitted: 14.09.2023
Accepted: 15.12.2023

EU AND LATIN AMERICA SECURITY COOPERATION: HISTORY AND EVOLUTION¹

Georgy I. Kutuyev

HSE University, Moscow, Russian Federation

Abstract. Introduction. This article aims to analyze the process of security cooperation between the European Union and countries in Latin America from the perspective of historical institutionalism and the methodological tools proposed by the Copenhagen School. The author covers the main stages of the development of relations between these two regions, starting with early initiatives in the field of political and economic support and moving towards deeper cooperation in the field of security. **Methods.** The main theoretical and methodological support of this study is historical neo-institutionalism, which focuses attention on the role of institutional choices made earlier in the historical past, i.e., the “path dependence” principle. The research uses the sector-specific approach to security analysis developed by the Copenhagen School. **Analysis and results.** In the historical context, three main stages can be distinguished in the development of relations between the EU and the countries of the LCA in the field of security. The first bipolar stage (1945–1991) was characterized mainly by political and economic support from the United States and NATO as the main structure of regional security. Relations between the EU and Latin American countries at this time were sporadic, largely complicated by multiple crises within Latin American countries. However, in the 1960s, relations in the fields of economic cooperation and economic security began to be built between the regions. In the conditions of the second stage, post-bipolar (1991–2014), the concept of strategic partnership begins to be actively developed between regions, not only in the economic but also in the political and military spheres. Also, the EU, trying to simultaneously institutionally build its own security policy and the European army, began to conduct peacekeeping operations during this period with varying success (since 2003). The current stage (from 2014 to present) is characterized by growing contradictions between Russia, Ukraine, and the collective West, consolidated around the United States, as well as the destruction of the newly created post-bipolar regional security system. The LCA countries, which are afraid of being drawn into a conflict, are trying to develop their own course in the field of security policy.

Key words: European Union, Latin America, regional security, transnational threats, international relationships, Copenhagen School, securitization.

Citation. Kutuyev G.I. EU and Latin America Security Cooperation: History and Evolution. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 1, pp. 225-238. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.20>

УДК 329(460)
ББК 66.4

Дата поступления статьи: 14.09.2023
Дата принятия статьи: 15.12.2023

СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ БЕЗОПАСНОСТИ ЕС И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ: ИСТОРИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ¹

Георгий Игоревич Кутырев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Данная статья анализирует процесс сотрудничества в области безопасности между Европейским союзом и странами Латинской Америки с позиции исторического институционализма и методологического инструментария, предложенного Копенгагенской школой. Автор освещает основные этапы развития отношений между этими двумя регионами, начиная с ранних инициатив в сфере политичес-

кой и экономической поддержки и переходя к более глубокому сотрудничеству в области безопасности. *Методы.* Основной теоретико-методологической опорой данного исследования служит исторический неoinституционализм, который заостряет внимание на роли институционального выбора, совершенного раньше в историческом прошлом, то есть принцип «колеи зависимости» (*path dependence*). Кроме того, работа подчинена концептуальному аппарату и секторальному подходу к анализу безопасности, который был выработан Копенгагенской школой. *Анализ и результаты.* В условиях исторического контекста можно выделить три основные этапа в развитии отношений между ЕС и странами ЛКА в сфере безопасности. Первый – биполярный этап (1945–1991 гг.), характеризовавшийся главным образом политической и экономической поддержкой США и НАТО как основной конструкции региональной безопасности. Отношения ЕС и стран ЛКА в это время носили спорадический характер, во многом осложняющийся множественными кризисами внутри латиноамериканских стран. Тем не менее в 1960-е гг. между регионами начинают выстраиваться отношения в сфере экономического сотрудничества и экономической безопасности. В условиях второго этапа – постбиполярного (1991–2014 гг.) – между регионами начинает активно прорабатываться концепция стратегического партнерства не только в экономической, но и в политической и военной сферах. Также ЕС, пытаясь одновременно институционально выстроить собственную политику безопасности и европейскую армию, начинает в этот период проводить с переменным успехом миротворческие операции (с 2003 г.). Современный этап (2014 г. – наст. вр.) характеризуется нарастанием противоречий между Россией, Украиной и коллективным Западом, консолидированным вокруг США, а также разрушением созданной постбиполярной региональной системы безопасности. Страны ЛКА, которые опасаются быть втянутыми в конфликт, пытаются выработать собственный курс в сфере политики безопасности.

Ключевые слова: Европейский союз, Латинская Америка, региональная безопасность, транснациональные угрозы, международные отношения, Копенгагенская школа, секьюритизация.

Цитирование. Кутырев Г. И. Сотрудничество в области безопасности ЕС и Латинской Америки: история и эволюция // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 1. – С. 225–238. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.20>

Введение. Изучение сотрудничества между Европейским союзом (ЕС) и странами Латино-Карибской Америки (ЛКА) в области безопасности видится весьма актуальной темой по нескольким причинам.

Урегулирование вооруженных конфликтов в ЛКА. Несмотря на то что ЛКА давно позиционирует себя «Зоной Мира» в Колумбии (конфликт с военизированными группировками, преступными синдикатами и левыми партизанами) и Мексике (война с наркокартелями), продолжают вялотекущие вооруженные конфликты. Еще в шести странах Северной и Южной Америки – Бразилии, Сальвадоре, Гватемале, Гаити, Гондурасе и Венесуэле, согласно данным СИПРИ, зафиксирован высокий уровень вооруженного насилия [19]. Работая вместе, страны ЕС и ЛКА пытаются находить способы урегулирования конфликтов и улучшения своих возможностей по их устранению.

Укрепление политико-экономических связей и демократических ценностей. Сотрудничество между ЕС и странами ЛКА в области безопасности также укрепляет политико-экономические связи между двумя ре-

гионами. Это важно для формирования пространства взаимного доверия и понимания. «Для политического и делового истеблишмента подавляющего большинства латиноамериканских государств Европа (прежде всего в лице ЕС, или “Европы Евросоюза”) традиционно была самостоятельной геоэкономической и геополитической величиной, естественным (органичным) международным торгово-экономическим и политико-дипломатическим партнером, в некоторой степени – стратегической альтернативой США» [17, с. 16].

Общность истории и культуры. «Отношения между ЕС и ЛКА являются по-настоящему “особыми”, прежде всего за счет наличия общих ценностей и давней истории тесного сотрудничества в разных сферах. <...> Латиноамериканские страны рассматривают себя как часть Евро-Атлантического региона, толкая миссию ЛКА и цели стратегии развития именно в западном ключе» [7, с. 127].

Методы. Цель работы – проанализировать неоднозначные процессы сотрудничества в области безопасности между ЕС и странами ЛКА, используя концепцию исторического неoinституционализма, которая вводит прин-

цип «колеи зависимости». Суть данного принципа сводится к тому, что первоначальный выбор, который совершает актор (как структурного, так и нормативного свойства), будет оказывать глубокое воздействие на все последующие политические решения. То есть, создавая «правила игры» (ограничительные рамки), акторы «задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия – будь то в политике, социальной сфере, экономике» [11, с. 112], тем самым делая взаимодействие возможным. Такое понимание позволяет рассматривать взаимоотношения стран ЕС и ЛКА в области секторов региональной безопасности в содержательной связи с историческим контекстом. Кроме того, политика безопасности рассматривается нами на двух уровнях: уровень, касающийся вопросов незащищенности (*insecurity*), которые являются результатами политических действий; уровень, относящийся к разработке и реализации разнообразных политик безопасности (*policy*) [36]. Это задает логику работе, которая подчинена концептуальному аппарату и секторальному подходу к анализу безопасности, разработанному Копенгагенской школой [24].

Тема сферы безопасности постоянно меняется и эволюционирует. Именно поэтому исследования, посвященные данной теме, имели в разное время различные методологические подходы. Так, начиная с XV–XVI вв. обеспечение безопасности традиционно рассматривалось в категориях войны и мира. Например, в масштабном исследовании П. Парета [30] проблема безопасности анализируется в исторической перспективе, начиная с эпохи Возрождения до современности. В следующих работах, например Г. Паркера [31], фокус безопасности также оставался в военных рамках, хотя эффект Второй мировой имел фундаментальное значение для многих аспектов политики безопасности в частности и международных отношений в целом. Политика безопасности как «неоднозначный символ» рассматривается в послевоенной работе одного из классиков международно-политической науки А. Уолферса [37]. 1990 г. становится еще одной вехой в развитии исследования сферы безопасности, когда формируется концепция секьюритизации [20; 22;

23]. В своих работах Б. Бузан и О. Вэвер предложили классифицировать угрозы по пяти секторам (политический, экономический, военный, экологический и социетальный). В последнем секторе, по замечанию О. Вэвера, в центре внимания находится не государство, а общество с его идентичностью [35, р. 581]. Что касается непосредственно темы исследования отношений ЕС и стран ЛКА в сфере безопасности, то они представлены как западной [20; 21; 27], так и российской научными школами [10; 13].

Тем не менее, несмотря на актуальность проблемы, работ, связанных с различными сферами в области безопасности между двумя регионами, явно недостаточно. Среди источников изучены: выступления ведущих политиков ЕС и стран ЛКА, международные программы и договоры, материалы средств массовой информации.

Анализ. По словам Е.Ю. Косевич, «отношения между Европейским союзом и Латинской Америкой и Карибским бассейном на протяжении (многих лет. – Г. К.) развивались достаточно нестабильно» [7, с. 116]. Условно эволюцию отношений ЕС и ЛКА в сфере безопасности можно разделить на три этапа, которые логично вписать в процесс становления европейской политики безопасности и обороны. Данный процесс подробно описан в монографии «Будущее Большой Европы. Перспективы развития макрорегиона» (гл. 14), и поэтому мы будем ориентироваться на разработанную в ней логику изложения событий [8], а также значимость первоначального институционального выбора (исторический неoinституционализм).

Этапы развития отношений между ЕС и ЛКА выглядят следующим образом: биполярный (1945–1991 гг.), когда страны ЛКА практически не фигурировали в повестке дня Европы; постбиполярный (1991–2014 гг.), когда начали действовать новые правила игры в рамках региональной системы безопасности, а между регионами активно прорабатывается концепция стратегического партнерства не только в экономической, но и в политической и военной сферах; современный этап (2014 г. – наст. вр.) характеризуется нарастанием противоречий между Россией, Украиной и коллективным Западом, консолидированным вокруг

США, а также разрушением созданной пост-биполярной региональной системы безопасности, а страны ЛКА, которые опасаются быть втянутыми в конфликт, пытаются выработать собственный курс в сфере политики безопасности.

На *первом этапе* основы биполярной системы европейской безопасности стали закладываться в условиях вызовов, с которыми столкнулась послевоенная Европа, которая была разрушена экономически и ослаблена политически. Во-первых, обозначился значительный рост территории СССР: произошел процесс инкорпорации в состав СССР Эстонии, Латвии, Литвы, части Финляндии, северо-восточной Германии, восточной Чехословакии. После войны к советскому блоку также присоединяются Болгария, Румыния, Восточная Германия (ГДР), Польша, Венгрия и Чехословакия. Однако, как замечает Н.Е. Быстрова, «до 1955 г. на Востоке не было создано ничего, подобного НАТО» [2, с. 280].

Во-вторых, с августа 1949 г. происходит эскалация угрозы Третьей мировой войны с применением ядерного оружия, которое «воспринималось не как оружие массового поражения с необратимыми экологическими последствиями для человечества и планеты, но как обычное наступательное вооружение повышенной мощности» [15]. В 1945 г. США обрели ядерное оружие, а в 1949 г. СССР успешно испытал свою ядерную бомбу. Данное событие стало началом гонки вооружений («arms race»). В международных отношениях стремительное развитие приобрела концепция дилеммы безопасности («security dilemma», особенно в период холодной войны) и сформировалась специфическая политика «сдерживания».

В-третьих, Германия после разгрома во Второй мировой виделась как потенциальная угроза для стран-победительниц, поэтому по соглашениям она была поделена на четыре зоны: советскую, французскую, британскую и американскую. В 1949 г. произошло перераспределение территории на две части: Федеративную Республику Германия (ФРГ) и Германскую Демократическую Республику (ГДР). В рамках описанного контекста мировых угроз и формирования двух противостоящих блоков стали возникать проблемы с оп-

ределением статуса стран, которые пытались проводить собственную национальную политику, балансируя между интересами США и СССР. К таким странам можно отнести, например, франкистскую Испанию, титовскую Югославию, Францию под руководством Шарля де Голля, Китай Мао Цзэдуна, Румынию при Николае Чаушеску и многие другие [8, с. 206].

Одновременно с институционализацией системы отношений США с Западной Европой в области обороны и архитектуры безопасности, в которых силой вовлечения американцев становится ВПК Европы, выросший за годы войны, начинали формироваться периферийные военно-политические блоки. Вместе с НАТО данные союзы должны были сформировать единую институциональную систему, основанную на логике «сдерживания коммунизма» (идеи концепции оформлены в «Длинной телеграмме» (№ 511) Дж. Кеннана и доктрине Г. Трумана) и некоторых идеях атлантизма. Во многих случаях американцам и европейцам было необходимо лишь формальное согласие их союзников с этими постулатами, поскольку далеко не все союзники Вашингтона были демократиями. Это привело к поддержке авторитарных правительств и военных хунт в некоторых странах (Чили – А. Пиночета, Бразилии – Ж. Варгаса, Парагвая – А. Матиауда). «В период холодной войны США часто закрывали глаза на преступления военных диктатур против собственного населения, рассматривая репрессии как неизбежное зло в борьбе с реальной и мнимой “коммунистической угрозой”» [9, с. 33]. Таким образом, интерес коллективного Запада в послевоенный период в области безопасности в странах ЛКА диктовался логикой «не допустить, чтобы противник представлял во время войны военную угрозу их способности защищать себя или защищать жизненно важные территории мира» [26, р. 137].

В 1947 г. был принят «Межамериканский договор о взаимной помощи», который стал первым договором о региональной обороне между США и странами ЛКА. По мнению ряда исследователей, именно Пакт Рио-де-Жанейро стал прообразом НАТО, образованного в 1949 г.: как впоследствии НАТО, так и «пакт Рио» «объединил капиталистические

страны в рамках стратегии США по борьбе с международным коммунизмом» [28, с. 139–140]. Данный договор послужил основной для противоречий внутри НАТО во время операции Великобритании на Фолклендских островах в 1982 г.: Италия поддерживала Аргентину, а ФРГ и Франция осудили действия Великобритании. США же после долгого колебания также осудили британскую интервенцию на Фолкленды, полагая, что ее поддержка может создать почву для усиления влияния СССР в регионе ЛКА.

Процессы деколонизации, стремительно развернувшиеся в послевоенные годы, не только способствовали кризису имперской идентичности в европейских метрополиях и заложили постимперское самосознание в Европе, но начали формировать совершенно новый взгляд относительно места стран ЛКА в мировой политике. «Понимание третьего мира с 1960-х гг. ... претерпело определенные изменения. <...> К третьему миру относятся наименее развитые страны Азии, Африки, Океании и Латинской Америки, которые могут быть объединены в единую группу с присущими им одинаковыми характеристиками – бедность, высокая рождаемость» [16, с. 413]. И данная концепция получила более широкое распространение в научной литературе того периода, чем идеи принадлежности ЛКА к «межамериканскому сообществу», возглавляемому США. Сама идея формирования безопасности в странах ЛКА проводилась в плоскости конкуренции сверхдержав, и, «соответственно, безопасность этих государств и регионов анализировалась в основном через призму блоковых интересов» [16, с. 416–417].

Согласно концепции Копенгагенской школы, мы рассматриваем сферу безопасности как речевой акт (иллокуцию), «в котором элиты, представляя определенные события в качестве угрозы национальной безопасности, легитимируют право на чрезвычайные и решительные меры» [3, с. 39]. В период 1950–1960-х гг. Европа, в частности Франция и Великобритания, предлагала проекты региональной безопасности, которые имели явную цель – обезопаситься от возможности возрождения германского милитаризма. Так, например, в своей речи-проекте 24 октября 1950 г. перед Национальным собранием французский

премьер Рене Плевен отметил, что «формирование немецких дивизий, немецкого министерства обороны рано или поздно должно было бы привести к восстановлению национальной армии и, тем самым, к возрождению немецкого милитаризма. Подобный исход при всех его обстоятельствах будет единогласно осужден нашими союзниками, как и опасен для самой Германии» [34].

Примечательно, что до этого Великобритания, Франция и страны Бенилюкса подписывают Брюссельский договор, в рамках которого было заявлено образование Западноевропейского союза (ЗЕС), который должен был обеспечивать региональную безопасность. Однако после институционализации Североатлантического альянса в 1949 г. и начала войны в Корее (1950–1953 гг.) США получают доказательство правоты своей международной политики «сдерживания коммунизма». В то же время проект европейской военной интеграции в виде Европейского оборонительного сообщества (ЕОС) не удается согласовать между странами-членами. Франция не ратифицирует договор, поскольку, как видно из дискурса безопасности того времени, Германия с ее перевооружением все еще представляла опасность для французского суверенитета.

Наравне с проектами глобальной безопасности свои системы формировались на региональном и субрегиональном уровнях, их центральным элементом среди стран Северной, Южной и Центральной Америки стала Организация американских государств (ОАГ). Данная организация была образована в 1948 г. на межамериканской конференции в Боготе на институциональной основе в виде Панамериканского союза (1910 г.). Идеологически ОАГ была образована на основе теории демократического мира [4, с. 43], однако холодная война свела на нет данные начинания и ОАГ стала очередной площадкой для идеологического противостояния США и СССР. А.А. Еремин объясняет данный факт, исходя из нескольких причин, таких как: агрессивная политика Вашингтона и Москвы; противоречие среди членов ОАГ между принципом демократического устройства и принципом уважения суверенитета; общая слабость молодых, институциональ-

но неразвитых демократий ЛКА [4, с. 31]. Тем не менее впоследствии ОАГ стала важным региональным форумом и площадкой для обмена опытом по вопросам безопасности в межамериканском формате.

Тем временем в странах ЛКА благодаря последствиям Второй мировой и вызванным ими глубоким переменам сформировался свой дискурс безопасности, который конструировался в первую очередь вокруг угроз внутреннего характера. Например, если взять политический сектор, тесно связанный с политическим режимом и социальным порядком, то уровень угроз в данном секторе в странах ЛКА тесно связан с угрозами государственному суверенитету. Однако в отличие от ориентации на внешние угрозы, которые были широко распространены в концепции политического реализма западных стран, господствующего в период холодной войны, «большинство угроз в западных странах исходит не из внешней среды, а изнутри» [16, с. 412].

Здесь стоит сказать об исключительной роли военных, которые начиная с Войны за независимость (1810–1825 гг.) занимали в странах ЛКА роль основных акторов в политической и военной сферах. Согласно Копенгагенской школе, безопасность в военном секторе сосредоточена вокруг военных угроз разного характера: от демонстративной проекции силы к реальному применению вооруженного насилия. Военные в странах ЛКА формировали собственную идеологию, которая по своей пестроте была весьма широка «от крайне левых до ультраправых тенденций, она то пронизана общенациональными, патриотическими мотивами, то направлена на защиту интересов иностранного капитала» [5, с. 8].

Военные в странах ЛКА виделись в качестве «арбитров», которые брали на себя задачи дальнейшего развития страны в условиях слабости субъективного гражданского контроля по С. Хантингтону и внутренних угроз (свержение режима, усилия ослабить или разрушить государство в пределах его суверенных территориально-институциональных границ) в периоды социальной, политической и экономической неустойчивости. Однако проникнутая «милитаристским духом» военная этика коренным образом отличается от гражданской, и потому ее доминирование в поли-

тической сфере приводит к формированию военных режимов. Доступ в таких режимах ко всем ключевым властным постам контролирует коллективное руководство в виде военной хунты.

При этом благодаря своему нелегитимному получению власти (переворот в большинстве случаев) военные режимы являются наименее устойчивыми авторитарными режимами. И именно групповое сознание военных и их «милитаристская» этика, ориентированная на управление насилием, подчинение личности коллективу, консерватизм и конформизм, становятся источником нестабильности режима, более всего ценящего целостность армии. Неудивительно, что военные хунты не в состоянии долго удерживать власть. Так, 1950–1960-е гг. «характеризовались кардинальными переменами в жизни большей части названных выше стран. Падение диктаторских режимов в Перу (1956), Колумбии (1957), Венесуэле (1958), на Кубе (1959), в Доминиканской Республике (1961), революции в Гватемале и Боливии, острейшая политическая борьба в Бразилии и Аргентине...» [5, с. 8].

В Европе же продолжал медленно набирать обороты интеграционный процесс, который был многоуровневым и включал как экономическую интеграцию через общие рынки и институты, так и внешнеполитическую интеграцию, где решения по вопросам внешней политики принимались национальными правительствами на межправительственной основе. Эти два направления интеграции сосуществовали и продолжали развиваться после 1991 г., формируя основу для современной европейской интеграции.

Роль стран Латинской Америки в данный период становления евроинтеграции хоть и была относительно невелика, но заслуживает определенного внимания. С 1957 г., когда было учреждено ЕЭС, целью которого являлось создание в рамках «шестерки» таможенного союза, а затем – переход к общему рынку, начался процесс налаживания экономических отношений, который, правда, по словам А.А. Канунникова, носил «спорадический характер и имел для двух сторон второстепенное значение» [6, с. 120]. Данное обстоятельство объяснялось, исходя из следующих при-

чин. Во-первых, ЕЭС было только в начале пути своего развития и не обладало всей палитрой экономических инструментов для установления полноценных отношений со странами ЛКА. Во-вторых, две из шести стран-основательниц (Бельгия и Франция) были в первую очередь заинтересованы в сохранении своего экономического влияния с бывшими колониями, поэтому основное внимание уделялось странам Африки. Так, в 1963 г. в г. Яунде (Камерун) была подписана Конвенция об ассоциации (Яундская конвенция) с формированием льготных условий для африканских товаров на рынке ЕЭС сроком на пять лет. В-третьих, страны ЛКА традиционно были сферой национальных интересов со стороны США. К концу XIX в. США, ведомые атлантико-тихоокеанским вектором, уже активно политически и экономически проникали в страны ЛКА, а после американо-испанской войны 1898 г. распространяли свое влияние на Филиппины.

Относительно первым шагом на пути ЗЕС к установлению новых отношений со странами ЛКА стал визит президента Франции Ш. де Голля в 1964 г., хотя данный жест не превратился в вызов гегемонии США в регионе, как надеялись голлисты и опасались в то время американцы, однако страны ЛКА в результате данных событий смогли по-новому взглянуть на Европу, открывавшую им новые экономико-политические перспективы.

Отдельно стоит упомянуть про сотрудничество Бразилии и стран ЕЭС (Франции и ФРГ) в области ядерной программы в 1950–1960-х годах. Стремясь ускорить развитие ядерной энергетики Бразилии, в ноябре 1953 г. президент Жетулиу Варгас (1930–1954 гг.) утвердил план сотрудничества с зарубежными странами для приобретения технологий обогащения урана, строительства атомных электростанций и подготовки ученых-ядерщиков [32]. Ключевой фигурой в попытке развития ядерной программы Бразилии в период холодной войны стал вице-адмирал Альваро Альберто.

Несмотря на сопротивление США, Национальный исследовательский совет Бразилии с подачи Альваро Альберто в том же 1953 г. подписал секретное соглашение с исследовательскими центрами в Бонне и Гет-

тингене на получение трех моделей центрифуг от фирмы Sartorius Werke и обучение бразильского персонала работе с этим оборудованием. Еще одним важным пунктом в соглашении значилась георазведка и возможный экспорт бразильского урана в ФРГ. Как замечают многие ученые, у ФРГ – страны, все еще оккупированной союзными войсками, и Бразилии – страны, находящейся на заднем дворе США, были веские причины сотрудничать друг с другом. Другой страной, где Бразилия пыталась выстроить отношения для воплощения своей ядерной программы, была Франция: в 1953 г. Альваро Альберто подписывает договор о сотрудничестве с Франсисом Перреном, верховным комиссаром по вопросам атомной энергии Франции (1951–1970 гг.). Однако международная обстановка радикально изменилась 8 декабря 1953 г., когда президент США Дуайт Эйзенхауэр выступил с речью «Атом для мира» на Генеральной Ассамблее ООН в Нью-Йорке. В августе 1954 г. конгресс США одобрил изменения в законодательстве об атомной энергии, которые разрешали сотрудничество с другими странами.

После пяти месяцев переговоров, 3 августа 1955 г., Бразилия и США подписали соглашение о сотрудничестве в ядерной сфере. «В октябре 1956 г. была создана Национальная комиссия по ядерной энергии, которая в 1957 г. начала эксплуатацию первого ядерного реактора, поставленного из США» [32, с. 357]. Данные события положили конец нарастающему сотрудничеству как с ФРГ, так и с Францией. США являлись самой передовой ядерной страной в мире и могли бы гарантировать краткосрочные потребности Бразилии в поставках важнейших технологий и материалов для реализации ядерной программы.

В 1970-х гг. на фоне распада Бреттон-Вудской золотовалютной системы и нефтяного кризиса 1973 г. ЕЭС открыло представительство Европейской комиссии в Каракасе в 1975 году. Стабилизация границ и расстановки сил в самой Европе привели к возникновению процесса «разрядки», который начался с выдвижения первых инициатив СССР по созову Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в 1966 г. в Бухаресте. В этих условиях наметились первые результаты торгово-экономического сотрудничества между

странами ЛКА и ЗЕС. По словам В.М. Тайар, «на первой волне регионализма в ЛКА (1960–1980 гг.) были подписаны договоры “первого” и “второго” поколений с ЕЭС... тогда же была разработана система общих преференций, а также были подписаны первые двухсторонние договоры (так называемые договоры первого поколения) с Аргентиной, Уругваем, Бразилией и Мексикой» [14, с. 417].

В период холодной войны в регионе ЛКА действовали в основном американские поставщики вооружений и военной техники, в то время как поставки советской военной техники ограничивались своими немногочисленными латиноамериканскими союзниками – Кубой в 1960-х гг. и Никарагуа в 1980-х годах. В этих условиях страны ЗЕС в основном ориентировались на продажу вооружений и техники, рассчитанных на борьбу с военными угрозами внешнего характера.

В конце 1980-х гг. в Европе были разработаны и утверждены основные инструменты для контроля над обычными и ядерными вооружениями. Это дало правовую основу для последующего этапа развития европейской системы безопасности после окончания Второй мировой войны. В число этих документов входили следующие: «Договор о конвенциональных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ, 1990 г.), «Венский документ» (1990 г.), «Договор о ракетах средней и меньшей дальности» (Договор РСМД, 1987 г.) и «Договор между США и СССР о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений» (СНВ-1, 1991 г.) [8].

В этот же период зародилась первая устойчивая площадка по вопросам мира и безопасности между Европой и странами ЛКА – «Диалог Сан-Хосе» (1984 г.). По словам А.А. Канунникова, «это стало первым шагом на пути сближения Европейского сообщества с ЛКА» [6, с. 117]. Согласно принятой годом позднее Люксембургской декларации, ЗЕС, поддерживая Контадорский процесс, обозначил свои цели в стремлении «положить конец насилию и нестабильности в районе, способствовать социальной справедливости, экономическому развитию и уважению человеческого права и демократических свобод» [25]. Согласно последующим документам ЕС, цель была более или менее достигнута в первое десятилетие.

Сообществам удалось внести значительный вклад в мирный процесс в Центральной Америке, когда в августе 1987 г. в гватемальском городе Эскипулас было подписано соглашение «Эскипулас-II», ставшее отправной точкой для прекращения многолетних вооруженных конфликтов и перевода субрегионального политического процесса в процесс демократических переговоров.

Все это ставило на повестку дня вопросы о пересмотре условий политического сотрудничества в Европе, усилении процесса интеграции, формировании новых «правил игры» в сфере евробезопасности. При этом НАТО оставалось главной опорной конструкцией системы европейской безопасности. Что касается ОАГ, то конец холодной войны стал импульсом для запуска процесса адаптации данного основного института обеспечения безопасности в Западном полушарии к реалиям нового миропорядка.

На *втором этапе* (1991–2014 гг.) развития современной архитектуры безопасности формируется постбиполярная система. В результате дезорганизации биполярного миропорядка и продолжающихся глубоких дисфункций в структуре европейской безопасности возникли кризисы в двух ключевых регионах.

Кризис в персидском заливе (1990–1991 гг.): произошел, когда Ирак под руководством Саддама Хусейна атаковал Кувейт. Это вызвало реакцию международного сообщества, и в ответ была запущена операция «Буря в пустыне». Кризис продемонстрировал слабую политическую координацию среди стран – членов Европейского сообщества (ЕС) и подчеркнул доминирующее военное превосходство НАТО, особенно Соединенных Штатов Америки.

Дезорганизация Югославии (1991–1995 гг.): распад Югославии и последующие вооруженные конфликты в регионе, такие как войны в Хорватии и Боснии, подчеркнули как политическую, так и военную неспособность стран – членов ЕС действовать единодушно и эффективно. Кризис также выявил слабость международных усилий по предотвращению конфликта и урегулированию вооруженных столкновений.

В конце июня 1992 г. Совет министров стран – членов ЗЕС составил список «Петер-

сбергских задач» (*Petersberg tasks*), которые стали одновременно ориентирами политики безопасности ЗЕС и ЕС, дополняли цели Альянса, выработанные в «Стратегической концепции» 1991 года. К концу 1993 г. официальным Вашингтоном были созданы две важные стратегические модели взаимодействия со странами Восточной Европы, Россией и СНГ – дифференцированного «партнерства» и глубокой интеграции. В этом же году усилиями ЕС был создан «Еврокорпус» – формирование из 6 тыс. военнослужащих (представителей Франции, Германии, Бельгии и Испании).

Кроме этого, в условиях беспрецедентной волны глобализации человечество в целом и Европа в частности предстали перед такими новыми угрозами, как: международный терроризм, киберугрозы, международная трансграничная преступность, распространение оружия массового уничтожения (ОМУ). Возникли так называемые мягкие угрозы в виде противодействия негативным изменениям климата, нелегальной иммиграции и наркотрафика, где страны ЛКА заняли важное место, с одной стороны, как источник, а с другой – как медиатор данных угроз. В обоих случаях наблюдалась огромная разница между военными возможностями НАТО и более слабыми возможностями стран Европейского сообщества. Эти кризисы подчеркнули необходимость дальнейшей координации и интеграции в сфере европейской безопасности.

В 1997 г. ЕС подписал «Соглашение об экономическом партнерстве, политической координации и сотрудничестве» (вступило в силу в 2000 г.) с первой латиноамериканской страной – Мексикой. Фактор НАФТА, подписанного в 1994 г. США, Канадой и Мексикой, «явился для Европейского союза главным стимулятором для ведения переговоров с Мексикой» [12, с. 73]. Данное соглашение стало типовым между ЕС и многими странами ЛКА. В 2002 г. такое соглашение, регулирующее торгово-экономические отношения, было подписано с Чили, затем, в 2008 г., было подписано соглашение с группой Карибского бассейна, а в 2012 г. – с Колумбией, Перу, Панамой и пятью Центральноамериканскими республиками.

Помимо двусторонних торгово-экономических отношений ЕС сотрудничает с преференциальными торговыми блоками ЛКА,

Андским и Карибским сообществами, ведет переговоры по выстраиванию зоны свободной торговли с Южноамериканским общим рынком (МЕРКОСУР). В 1994 г. между ЕС и МЕРКОСУР было подписано Рамочное соглашение по сотрудничеству.

Надо сказать, что к сотрудничеству стремились не только страны ЕС, которые видели возможность усилить в странах ЛКА свое политическое и экономическое присутствие, но и сами страны ЛКА, следуя развивающейся концепции «постлиберального регионализма», которая предполагала сотрудничество как в сфере торговли, так и в области безопасности, стремилась выстроить двусторонние отношения с Европой.

Что касается роли отдельных стран ЕС в отношениях со странами ЛКА в сфере безопасности, особое место следует выделить Испании, которая «претендовала на роль моста между двумя регионами, ссылаясь на общность исторических традиций, языка и культуры», а также принимала и принимает активное участие в работе саммитов ЕС – Латинская Америка, ЕС – МЕРКОСУР, ЕС – АСН, ЕС – Бразилия. «Наибольшей интенсивности отношения Испании с латиноамериканским регионом достигали во время председательства Испании в Европейском союзе» [1, с. 42].

На *современном этапе* развития системы безопасности (2014 – наст. вр.) позиция латиноамериканских лидеров в некоторой степени бросает вызов традиционному латиноамериканскому разделению на левые правительства, поддерживающие Россию, и правые правительства, поддерживающие США и так называемый коллективный Запад. Это демонстрирует сложность политических союзов в регионе сегодня и бросает вызов любым представлениям о современном сценарии формирования новой холодной войны. Хотя большинство латиноамериканских правительств проголосовало за резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, осуждающие вторжение России в Украину Мексика и Бразилия воздержались от другой резолюции, запрещающей Москве членство в Совете ООН по правам человека. По мнению экспертов из стран ЛКА, такая позиция объясняется тем, что многие администрации стран ЛКА вслед за своими избирателями считают, что НАТО несет точ-

но такую же ответственность за конфликт, как и Россия, если не большую [33].

Сами страны ЛКА по вопросу СВО и украинского кризиса не имеют единой позиции, хотя по резолюции ООН ES-11/2 «Гуманитарные последствия агрессии против Украины» от 24 марта 2022 г. большинство стран были солидарны с ЕС, но, например, Куба, Боливия, Никарагуа и Сальвадор воздержались. 25 марта ОАГ приняла резолюцию по Украине, призывающую РФ немедленно вывести все свои вооруженные силы. Из 34 активных членов ОАГ 28 проголосовали за и пять воздержались, включая Бразилию (плюс Боливию, Сальвадор, Гондурас, Сент-Винсент и Гренадины) [29].

Одной из ключевых задач, перед которыми стоят страны ЛКА, является неотложная модернизация их экономических структур, политических учреждений и военных институтов. Это требует проведения обширных реформ, которые имеют системный характер и охватывают различные аспекты общественной жизни: «...как правило, реформы не доводились до конца, очередная смена политической власти влекла за собой отказ от проводимого курса, усиливала резонанс экономической нестабильности, “сбивала” стратегические ориентиры, выбранные бизнесом и государственным истеблишментом» [18, с. 81]. В странах и объединениях ЛКА существуют разные модели внутриотраслевой специализации, которые совершенно по-разному сотрудничают с ЕС. Так, например, МЕРКОСУР сохраняет высокие таможенные барьеры в торговле с ЕС, а в самом объединении проявлены все признаки реализации модели «центр – периферия».

Заключение. Сотрудничество между ЕС и странами ЛКА способствует укреплению политико-экономических связей между регионами. Взаимное доверие и понимание между странами становятся важными факторами для улучшения отношений. Общность истории и культуры также играет значимую роль в развитии сотрудничества между ЕС и странами ЛКА. Существуют общие ценности и давняя история тесного сотрудничества, что способствует формированию специальных отношений между регионами. В условиях первого периода становления региональной безо-

пасности ЕС (1945–1991 гг.) США стали активным участником глобальной и европейской политики после Второй мировой войны, их вовлечение стало катализатором для развития атлантических идей и реализации атлантической хартии. На региональных и субрегиональных уровнях также формировались системы безопасности, включая Организацию американских государств в Северной, Южной и Центральной Америке, которая стала площадкой для идеологического противостояния США и СССР. Роль стран ЛКА в евроинтеграции была ограниченной, в частности из-за ограниченных экономических возможностей ЕЭС и интересов США в регионе.

В 1970-х гг. началось торгово-экономическое сотрудничество между странами Латинской Америки и Западноевропейским сообществом, которое стало более активным после распада Бреттон-Вудской золотовалютной системы и нефтяного кризиса 1973 года. В этот период начался процесс разрядки и стабилизации обстановки в Европе, что способствовало сближению ЗЕС и стран ЛКА. НАТО оставалось ключевой структурой в системе европейской безопасности, но с изменением мирового порядка и окончанием холодной войны возникала необходимость пересмотра условий сотрудничества и интеграции в регионе. ОАГ также адаптировалась к новым реалиям и стала играть роль в обеспечении безопасности в Западном полушарии.

Постбиполярная система безопасности начала формироваться в период с 1991 по 2014 год. Этот этап связан с рядом событий, таких как распад социалистического лагеря в Центральной и Восточной Европе, а также развал СССР и доминирование США. Преобладание идеологии нелиберализма на Европейском континенте, включая тезис Фрэнсиса Фукуямы о «конце истории», также было характерным признаком постбиполярного этапа. ЕС начал активно развивать торгово-экономические отношения со странами ЛКА. Соглашения о партнерстве и сотрудничестве были подписаны с различными странами ЛКА, и ЕС стремился к углублению взаимодействия в сфере безопасности и политики. Испания начала играть значительную роль в укреплении отношений между ЕС и странами ЛКА, стремясь выступать

в роли моста между этими двумя регионами, основываясь на общности языка, культуры и исторических традиций.

В современной системе безопасности начиная с 2014 г. латиноамериканские лидеры занимают разнонаправленные позиции в отношении глобальных конфликтов, что приводит к разделению на левые и правые правительства, поддерживающие разные стороны. Данное «расслоение» бросает вызов традиционным идеям о латиноамериканском разделении на левых и правых. Модернизация экономических структур, политических институтов и военных учреждений остается одной из ключевых задач для стран ЛКА. Эти реформы должны иметь системный характер и охватывать различные аспекты общественной жизни.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10014, <https://rscf.ru/project/22-78-10014/>

The research was supported by RSF (project No. 22-78-10014, <https://rscf.ru/project/22-78-10014/>).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борзова А. Ю., Кузеванов И. С. Роль Испании в развитии диалога между ЕС и странами Латинской Америки в рамках института саммитов ЕС – ЛАК // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014. № 1. С. 41–57.
2. Быстрова Н. Е. Формирование военно-блокового противостояния в Европе (1949–1955 гг.) // Труды института российской истории РАН. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2006. С. 276–304.
3. Гайдаев О. С. Теория секьюритизации: генезис, эволюция и современное состояние. СПб.: СПГУ, 2022. 513 с.
4. Еремин А. А. Роль организации американских государств в обеспечении региональной безопасности в Западном полушарии (2003–2017 гг.): дис. ... канд. полит. наук: 07.00.15 – История международных отношений и внешней политики. М.: РУДН, 2017. 242 с.
5. История Латинской Америки: Вторая половина XX века / отв. ред. Е.А. Ларин; Ин-т всеобщ. истории. М.: Наука, 2004. 607 с.
6. Канунников А. А. Европейский Союз – Латинская Америка: экономическое, политическое, социальное сотрудничество = European Union – Latin America: economic, political, social cooperation : монография. М.: Ин-т Европы РАН, 2014. 102 с.
7. Косевич Е. Ю. ЕС – Латинская Америка: институты сотрудничества и доверие к ним латиноамериканцев // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67, № 2. С. 114–129.
8. Кутырев Г. И. Институциональные вызовы для построения системы безопасности в Большой Европе // Будущее Большой Европы. Перспективы развития макрорегиона / под ред. М. В. Ведерникова, А.К. Ивановой. М.: ИЕ РАН; СПб.: Нестор-История, 2020. С. 204–226.
9. Манухин А. А. «Новые функции» вооруженных сил в странах Латинской Америки: факты и интерпретации // Исторические исследования. Журнал исторического факультета МГУ им. Ломоносова. 2019. № 19. С. 30–41. URL: <http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/214/514>
10. Мартынов Б. Ф. Безопасность: латиноамериканские подходы. М.: ИЛА РАН, 2000. 322 с.
11. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. 180 с.
12. Сидоренко Т. В. Европейский союз – Мексика: заключение торгового договора «нового поколения» // Мир новой экономики. 2019. № 13 (3). С. 72–78. DOI: 10.26794/2220-6469-2019-13-4-72-78
13. Сударев В. П. Латинская Америка в геополитическом треугольнике США – Китай – Европейский союз. М.: МГИМО, 2019. 298 с.
14. Тайар В. М. Латиноамериканский регионализм и торговые соглашения с Евросоюзом: опыт и подходы // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2021. Т. 29, № 2. С. 413–425.
15. Хоменко Д. «Холодная война»: эволюция ракетно-ядерной «гонки вооружений» между США и СССР // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/dkhomenko/kholodnaya-voyna-evolyutsiya-raketnoyadernoy-gonki-vooruzheniy-mezhdu/>
16. Худайкулова А. В. Теории безопасности третьего мира // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. Т. 16, № 3. С. 412–425.
17. Яковлев П. П. Европа и Латинская Америка: неоднозначное прошлое, проблемное настоящее, неясное будущее // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 3. С. 15–43.
18. Яковлев П. П. Тренды, меняющие экономику стран Латинской Америки // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 16, № 1. С. 77–101. DOI: 10.23932/2542-0240-2022-15-1-4
19. Armed Conflict and Peace Processes in the Americas // Stockholm International Peace Research Institute. URL: <https://www.sipri.org/yearbook/2022/03>

20. Bilotta N., Siara A. Could a Bridge Between the EU and Latin America Boost Innovation “Sovereignty” in a Multipolar World? // Istituto Affari Internazionali (IAI) (2020). URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep26105>

21. Braveboy-Wagner J. Interpreting the Third World: Politics, Economics, and Social Issues. N. Y.: Praeger, 1986. 357 p.

22. Buzan B. People, States and Fear. An agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era. Colchester: ECPR Press, 2007. 311 p.

23. Buzan B., Kelstrup M., Lemaitre P., Tromer E., Wæver O. The European Security Order Recast: Scenarios for the Post-Cold War Era. London: Pinter Publishers, 1990. 282 p.

24. Buzan B., Wæver O., Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. London: Lynne Rienner, 1998. 239 p.

25. Communication from the Commission to the Council on the Renewal of the San Jose Dialogue Between the European Union and Central America. URL: <http://aei.pitt.edu/2786/1/2786.pdf>

26. Desch M. When the Third World Matters: Latin America and United States Grand Strategy. 1st ed. London: The Johns Hopkins University Press, 1993. 232 p.

27. Hobbs C., Melguizo A., Muñoz M., Torreblanca J-I. The EU and Latin America Convergences and Divergences // European Union Institute for Security Studies (EUISS). URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep51812>

28. Margarita Lopez-Maya. The Change in the Discourse of US-Latin American Relations from the End of the Second World War to the Beginning of the Cold War // Review of International Political Economy. Winter. 1995. Vol. 2, № 1. P. 135–149.

29. OAS Resolution Condemns Russia’s Continued War Against Ukraine // Mission to the Organization of American States. URL: <https://usoas.usmission.gov/oas-resolution-condemns-russias-continued-war-against-ukraine/>

30. Paret P., Craig G. A., Gilbert F. Makers of Modern Strategy from Machiavelli to the Nuclear Age. N.J.: Princeton University Press, 1986. 951 p.

31. Parker G. The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 292 p.

32. Patti C. The Origins of the Brazilian Nuclear Programme, 1951–1955 // Cold War History. 2015. Vol. 15, iss. 3. P. 353–373. DOI: 10.1080/14682745.2014.968557

33. Rodriguez R. J. Explaining Latin America’s Contradictory Reactions to the War in Ukraine // The Center for International Security and Cooperation. URL: <https://warontherocks.com/2022/04/explaining-latin-americas-contradictory-reactions-to-the-war-in-ukraine/>

34. Statement by René Pleven on the Establishment of a European Army (24 October 1950) // Luxemburg Center

for Contemporary and Digital History. URL: https://www.cvce.eu/en/obj/statement_by_rene_pleven_on_the_establishment_of_a_european_army_24_october_1950-en-4a3f4499-daf1-44c1-b313-212b31cad878.html

35. Wæver O. The Changing Agenda of Societal Security // Globalization and Environmental Challenges / ed. by P. Brauch. Berlin: Springer Berlin, Heidelberg, 2008. P. 581–594.

36. Wirls D. Buildup: The Politics of Defense in the Reagan Era. Ithaca: Cornell University Press, 1992. 247 p.

37. Wolfers A. “National Security” as an Ambiguous Symbol // Political Science Quarterly. 1952. Vol. 67, № 4. P. 481–502.

REFERENCES

1. Borzova A. Yu., Kuzevanov I.S. Rol Ispanii v razvitii dialoga mezhdru ES i razlichnymi latinoamerikanskimi stranami v ramkakh instituta sammitov ES – LAK [Role of Spain in Development of Dialog Between EU and Latin America Within EU – LAC Summits]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Vestnik RUDN. International Relations], 2014, no. 1, pp. 41–57.

2. Bystrova N.E. Formirovaniye voyenno-blokovogo protivostoyaniya v Evrope (1949–1955 gg.) [Formation of a Military Bloc Confrontation in Europe (1945–1955)]. *Trudy instituta rossiyskoy istorii RAN* [Proceedings of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences]. Moscow, In-t ros. istorii RAN, 2006, pp. 276–304.

3. Gaydayev O.S. *Teoriya sekyuritizatsii: genezis, evolyutsiya i sovremennoye sostoyaniye* [The Theory of Securitization: Origins, Evolution, Current State]. Saint Petersburg, SPGU, 2022. 513 p.

4. Yeregin A.A. *Rol organizatsii amerikanskikh gosudarstv v obespechenii regionalnoy bezopasnosti v zapadnom polusharii (2003–2017 gg.): dis. ... kand. polit. nauk* [The Role of the Organization of American States in Ensuring Regional Security in the Western Hemisphere (2003–2017). Cand. polit. sci. diss.]. Moscow, RUDN, 2017. 242 p.

5. Larin Ye.A., ed. *Istoriya Latinskoy Ameriki: Vtoraya polovina XX veka* [History of Latin America: Second Half of the 20th Century]. Moscow, Nauka Publ., 2004. 607 p.

6. Kanunnikov A.A. *Yevropeyskiy Soyuz – Latinskaya Amerika: ekonomicheskoye, politicheskoye, sotsialnoye sotrudnichestvo = European Union – Latin America: economic, political, social cooperation: monografiya* [European Union – Latin America: Economic, Political and Social Cooperation. Monograph]. Moscow, In-t Evropy RAN, 2014. 102 p.

7. Kosevich E.Yu. ES – Latinskaya Amerika: instituty sotrudnichestva i doveriye k nim latinoamerikantsev [EU – Latin America: Institutions for Cooperation and Latin Americans' Trust in Them]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2023, vol. 67, no. 2, pp. 114-129.
8. Kutyrev G.I. Institutsionalnyye vyzovy dlya postroyeniya sistemy bezopasnosti v Bolshoy Evrope [Institutional Challenges for Building a Security System in Greater Europe]. Vedernikov M.V., Ivanova A.K., eds. *Budushcheye Bolshoy Evropy. Perspektivy razvitiya makroregiona* [The Future of Greater Europe. Perspectives on Macro-Regional Development]. Moscow, IE RAN; Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2020, pp. 204-226.
9. Manukhin A.A. «Novyye funktsii» vooruzhennykh sil v stranakh Latinskoy Ameriki: fakty i interpretatsii [The “New Functions” of Armed Forces in Latin American Countries: Facts and Interpretations]. *Istoricheskiye issledovaniya. Zhurnal istoricheskogo fakulteta MGU im. Lomonosova* [Historical Research. Journal of the Faculty of History of Moscow State University Named After M.V. Lomonosov], 2019, no. 19, pp. 30-41. URL: <http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/214/514>
10. Martynov B.F. *Bezopasnost: latinoamerikanskiye podkhody* [Security: Latin American Approaches]. Moscow, ILA RAN, 2000. 322 p.
11. Nort D. *Instituty, institutsionalnyye izmeneniya i funktsionirovaniye ekonomiki* [Institutions, Institutional Change and Economic Performance]. Moscow, Nachala Publ., 1997. 180 p.
12. Sidorenko T.V. Evropeyskiy soyuz – Meksika: zaklyucheniye torgovogo dogovora «novogo pokoleniya» [Mexico: The Conclusion of a “New Generation” Trade Agreement]. *Mir novoy ekonomiki* [The World of New Economy], 2019, no. 13 (3), pp. 72-78. DOI: 10.26794/2220-6469-2019-13-4-72-78
13. Sudarev V.P. *Latinskaya Amerika v geopoliticheskom treugolnike SShA – Kitaj – Evropejskiy soyuz* [Latin America in the Geopolitical Triangle of the USA – China – the European Union]. Moscow, MGIMO, 2019. 298 p.
14. Tayar V.M. Latinoamerikanskiy regionalizm i torgovyye soglasheniya s Evrosoyuzom: opyt i podkhody [Latin American Regionalism and Trade Agreements with the European Union: Experiences and Approaches]. *Vestnik RUDN. Seriya: Ekonomika* [RUDN Journal of Economics], 2021, vol. 29, no. 2, pp. 413-425.
15. Khomenko D. «Kholodnaya voyna»: evolyutsiya raketno-yadernoy «gonki vooruzheniy» mezhdru SShA i SSSR [“Cold War”: The Evolution of the Nuclear Missile “Arms Race” Between the USA and the USSR]. *RSMD*. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/dkhomenko/kholodnaya-voyna-evolyutsiya-raketnoyadernoy-gonki-vooruzheniy-mezhdu/>
16. Khudaykulova A.V. Teorii bezopasnosti tretyego mira [Third World Security Theories]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Vestnik RUDN. International Relations], 2016, vol. 16, no. 3, pp. 412-425.
17. Yakovlev P.P. Evropa i Latinskaya Amerika: neodnoznachnoye proshloye, problemnoye nastoyashcheye, neyasnoye budushcheye [Europe and Latin America: An Ambiguous Past, a Problematic Present, an Unclear Future]. *Aktualnyye problemy Yevropy* [Urgent Problems of Europe], 2022, no. 3, pp. 15-43.
18. Yakovlev P.P. Trendy, menyayushchiye ekonomiku stran Latinskoy Ameriki [The Trends Changing the Economies of Latin America]. *Kontury globalnykh transformacij: politika, ekonomika, pravo* [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law], 2022, vol. 16, no. 1, pp. 77-101. DOI: 10.23932/2542-0240-2022-15-1-4
19. Armed Conflict and Peace Processes in the Americas. *Stockholm International Peace Research Institute*. URL: <https://www.sipri.org/yearbook/2022/03>
20. Bilotta N., Siara A. Could a Bridge Between the EU and Latin America Boost Innovation “Sovereignty” in a Multipolar World? *Istituto Affari Internazionali (IAI) (2020)*. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep26105>
21. Braveboy-Wagner J. *Interpreting the Third World: Politics, Economics, and Social Issues*. New York, Praeger, 1986. 357 p.
22. Buzan B. *People, States and Fear. An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*. Colchester, ECPR Press, 2007 311 p.
23. Buzan B., Kelstrup M., Lemaitre P., Tromer E., Wæver O. *The European Security Order Recast: Scenarios for the Post-Cold War Era*. London, Pinter Publishers, 1990. 282 p.
24. Buzan B., Wæver O., Wilde J. *Security: A New Framework for Analysis*. London, Lynne Rienner, 1998. 239 p.
25. *Communication from the Commission to the Council on the Renewal of the San Jose Dialogue Between the European Union and Central America*. URL: <http://aei.pitt.edu/2786/1/2786.pdf>
26. Desch M. *When the Third World Matters: Latin America and United States Grand Strategy*. London, The Johns Hopkins University Press, 1993. 232 p.
27. Hobbs C., Melguizo A., Muñoz M. and Torreblanca J-I. The EU and Latin America Convergences and Divergences. *European Union Institute for Security Studies (EUISS)*. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep51812>

28. Margarita Lopez-Maya. The Change in the Discourse of US-Latin American Relations from the End of the Second World War to the Beginning of the Cold War. *Review of International Political Economy*, Winter, 1995, vol. 2, no. 1, pp. 135-149.

29. OAS Resolution Condemns Russia's Continued War Against Ukraine. *Mission to the Organization of American States*. URL: <https://usoas.usmission.gov/oas-resolution-condemns-russias-continued-war-against-ukraine/>

30. Paret P., Craig G.A., Gilbert F. *Makers of Modern Strategy from Machiavelli to the Nuclear Age*. New Jersey, Princeton University Press, 1986. 951 p.

31. Parker G. *The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West*. Cambridge, Cambridge University Press, 1996. 292 p.

32. Patti C. The Origins of the Brazilian Nuclear Programme, 1951–1955. *Cold War History*, 2015, vol. 15, iss. 3, pp. 353-373. DOI: 10.1080/14682745.2014.968557

33. Rodriguez R.J. Explaining Latin America's Contradictory Reactions to the War in Ukraine.

The Center for International Security and Cooperation. URL: <https://warontherocks.com/2022/04/explaining-latin-americas-contradictory-reactions-to-the-war-in-ukraine/>

34. Statement by René Pleven on the Establishment of a European Army (24 October 1950). *Luxemburg Center for Contemporary and Digital History*. URL: https://www.cvce.eu/en/obj/statement_by_rene_pleven_on_the_establishment_of_a_european_army_24_october_1950-en-4a3f4499-daf1-44c1-b313-212b31cad878.html

35. Wæver O. The Changing Agenda of Societal Security. Brauch P., ed. *Globalization and Environmental Challenges*. Berlin, Springer Berlin, Heidelberg, 2008, pp. 581-594.

36. Wirls D. *Buildup: The Politics of Defense in the Reagan Era*. Ithaca, Cornell University Press, 1992. 247 p.

37. Wolfers A. "National Security" as an Ambiguous Symbol. *Political Science Quarterly*, 1952, vol. 67, no. 4, pp. 481-502.

Information About the Author

Georgy I. Kutyrév, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, School of International Affairs, HSE University, Malaya Ordynka St, 17, Bld. 1, 119017 Moscow, Russian Federation, kutyrevgeorge@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5580-8822>

Информация об авторе

Георгий Игоревич Кутырев, кандидат политических наук, доцент департамента международных отношений, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Малая Ордынка, 17, стр. 1, 119017 г. Москва, Российская Федерация, kutyrevgeorge@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5580-8822>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.21>

UDC 327.8(7/8)
LBC 66.4(70)

Submitted: 14.07.2023
Accepted: 25.11.2023

THE FOREIGN EXPERTS ON THE INTERNAL POLITICAL TRANSFORMATION'S PROCESSES IN LATIN AMERICA IN THE THIRD DECADE OF THE 21ST CENTURY

Илья А. Соков

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article's introduction includes the main prerequisites for internal political transformation's process in Latin America and the Caribbean (LAC). The study's purpose is to identify new trends in the largest countries' domestic policies in the region in the third decade of the 21st century. The study's materials are used mainly by Spanish-speaking authors and Spanish-speaking news agencies who most closely and fully know the situations in LAC countries, the objective data from reports of the various UN structures, and independent English-speaking researchers invited to Latin American universities. The article's methodological basis was the scientific principle of objectivity, which it made possible from the available array of information to identify the main directions of transformation taking place in LAC countries in the study period. The systematic approach's application made it possible to identify the main events in LAC countries that characterize the multi-vector transformation trends. The article's author identified further perspectives for LAC countries development with the help of special historical-comparative and historical-genetic methods. *The study's results* were the author's conclusions that the domestic policy of big Latin American countries in the third decade of the 21st century is characterized by a tendency of "catching up" development. There is a noted instability of the domestic political course in the political system of these Latin American countries (from a liberal to a conservative course and vice versa), and the economic models' frequent change does not give the desired result. The social problems are caused by the main population's poverty, especially the indigenous one, and these problems cannot be resolved due to transnational migration of the population and transnational crime (from drug trafficking to human trafficking and weapons). All this explains the diversity of the internal political transformation in Latin American countries.

Key words: Brazil, Mexico, Colombia, Argentina, Peru, Venezuela, Chile.

Citation. Sokov I.A. The Foreign Experts on the Internal Political Transformation's Processes in Latin America in the Third Decade of the 21st Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 1, pp. 239-249. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.21>

УДК 327.8(7/8)
ББК 66.4(70)

Дата поступления статьи: 14.07.2023
Дата принятия статьи: 25.11.2023

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЭКСПЕРТЫ О ПРОЦЕССАХ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В ТРЕТЬЕМ ДЕСЯТИЛЕТИИ ХХІ ВЕКА

Илья Анатольевич Соков

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение статьи включает основные предпосылки для процесса внутривнутриполитической трансформации в странах Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАК). Цель излагаемого исследования заключается в выявлении новых тенденций во внутренней политике наиболее крупных стран региона в третьем десятилетии ХХІ века. В качестве *материалов* используются исследования в основном испаноязычных авторов и испаноязычных информационных агентств, которые наиболее близко и полно владеют ситуацией

в странах ЛАК, объективные данные докладов различных структур ООН и приглашенных в латиноамериканские университеты независимых англоязычных исследователей. Методологической основой данной статьи стал научный принцип объективности, который позволил из имеющегося массива информации выделить основные направления трансформации, происходящие в странах ЛАК в исследуемом периоде. Применение системного подхода позволило выделить главные события в странах ЛАК, которые характеризуют разновекторные внутривнутриполитические тенденции. С помощью специального историко-сравнительного и историко-генетического методов автором были выявлены причины и дальнейшие перспективы развития латиноамериканских стран. *Результатами* исследования стали выводы автора о том, что внутренняя политика крупных латиноамериканских стран в третьем десятилетии XXI в. характеризуется тенденцией «догоняющего» развития. В политической системе этих стран отмечается неустойчивость внутривнутриполитического курса (от либерального к консервативному курсу и обратно), а частая смена экономических моделей не дает желаемого результата. Социальные проблемы, обусловленные нищетой основного населения и особенно коренного, не могут разрешиться из-за транснациональной миграции населения и транснациональной преступности (от наркотрафика до торговли людьми и оружием). Все это объясняет разновекторность внутривнутриполитической трансформации в латиноамериканских странах.

Ключевые слова: Бразилия, Мексика, Колумбия, Аргентина, Перу, Венесуэла, Чили.

Цитирование. Соков И. А. Зарубежные эксперты о процессах внутривнутриполитической трансформации в странах Латинской Америки в третьем десятилетии XXI века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 1. – С. 239–249. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.21>

Введение. Третье десятилетие XXI в. стало отличительным периодом Новейшей истории для стран Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАК) в мировом политическом процессе. Латиноамериканские страны ощутили себя прямыми участниками глобализации и мировых процессов. «Пробуждению» или «развороту» к новым внутривнутриполитическим трансформациям способствовала политика мировых центров силы – США, стран Евросоюза, Китая, России, Индии и других.

Исторически страны СЕЛАК (Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна) имеют различную степень суверенизации. Из 33 стран только 20 – суверены, а 13 – являются зависимыми территориями. Кроме того, все они имеют разную степень экономического и социального развития, сильно различаются по численности населения и размерам территории. Автором выбраны 7 стран из 33, имеющих наибольшую численность населения, которая составляет на 2023 г. 520,9 млн чел., или 77,5 % от общей численности населения ЛАК, имеющих 672 млн чел. и представляющих 9 % населения планеты [15], но в этих странах отражены практически все тенденции, происходящие в других латиноамериканских странах в рассматриваемом периоде.

Методы и материалы. В качестве материалов использовались исследования в

основном испаноязычных авторов и испаноязычных информационных агентств, которые наиболее близко и полно владеют ситуацией в странах ЛАК, объективные данные докладов различных структур ООН и приглашенных в латиноамериканские университеты независимых англоязычных исследователей.

В качестве методологической основы в данной статье использовался научный принцип объективности, который позволил из имеющегося массива информации выделить основные направления трансформации, происходящие в странах ЛАК в третьем десятилетии XXI века. Применение системного подхода позволило выделить главные события в странах ЛАК, которые характеризуют разновекторные тенденции трансформации в этом регионе. С помощью специального историко-сравнительного и историко-генетического методов автором были выявлены дальнейшие перспективы развития стран ЛАК.

Анализ. Бразилия. Начало третьего десятилетия XXI в. в Бразилии прошло под знаком подведения итогов президентства Жаира Мессииаса Болсонару (Jair Messias Bolsonaro). Большинство западных экспертов отмечали неудачи Болсонару как в решении вопросов борьбы с пандемией COVID-19, так и экономических проблем для страны [9, p. 219–220]. Во многом последователь Д. Трампа Ж. Болсонару придерживался по-

хожей внутренней и внешней политики. В результате экономика Бразилии при росте в 2021 г. на 2,9 % в мировом ВВП по ППС сократилась до 2,3 % с инфляцией более 6 % и уровнем безработицы более 10 % [27, p. 156–157].

По данным Бразильского института географии и статистики (Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística – IBGE) бедными в Бразилии в 2021 г. считались 62,5 млн чел., что составляло 29,4 % от численности населения страны [20]. Итоги президентства Ж. Болсонару привели к тому, что в результате президентских выборов в октябре 2022 г. с 1 января 2023 г. президентом Бразилии стал Лула да Силва, ранее дважды избиравшийся на этот пост в 2002 и 2006 годах.

Свой первый набор экономических мер в январе 2023 г. президент изложил необходимостью увеличения налогов и сокращения расходов с целью уменьшения первичного дефицита до или ниже 1 % ВВП [8].

Президент Лула да Силва сразу же столкнулся с сопротивлением Конгресса и Сената, в которых находятся многочисленные сторонники бывшего президента Ж. Болсонару по проведению экономических реформ. В частности, Конгресс препятствовал инициативе упрощения налогового кодекса, результатом чего могла стать большая экономическая стабильность и рост инвестиций [7].

По данным МВФ ожидается, что в 2023 г. ВВП Бразилии вырастет на 1,0 %, а инфляция составит 4,7 %, что является лучшими показателями по сравнению с другими экономиками региона. Бразилия стала привлекательной для инвестиций благодаря стабильным политическим и экономическим перспективам, а также девальвации валюты и уходу инвесторов с других развивающихся рынков.

Махешвари Бандари (Maheshwari Bandari), аналитик экономических исследований GlobalData, считает, что «экономические показатели Бразилии в 2023 г., по прогнозам, будут лучше, чем у других латиноамериканских стран, включая Аргентину (0 %) и Чили (-0,6 %), из-за возобновления роста экономики Китая, на которую приходится более 30 % всего бразильского экспорта» [7].

После назначения правительства президент Лула да Силва сразу же приступил к реализации стратегии «Бразилия без бедности»

(Plano Brasil Sem Miséria), которая включает рост минимальной заработной платы, официальное оформление занятости и политику поддержки сельских семей, разработаны пенсионные программы и жилищные проекты, направленные на борьбу с неравенством. Временно восстановлена программа социального обеспечения «Семейное пособие» (bolsa familia), которой в 2023 г. исполняется 10 лет. Эта денежная помощь выплачивается «...при условии, если дети ходят в школу и проходят вакцинацию, в размере 70 реалов на человека любой семье, живущей за чертой бедности в 140 реалов в месяц» [41].

Между тем подрыв социальной стабильности начался 8 января 2023 г. с захвата резиденции президента страны – дворца Плана-лту протестующими, сторонниками бывшего президента Ж. Болсонару. Президент Бразилии Лула да Силва был эвакуирован в безопасный район. На фоне массовых беспорядков действующий президент отдал приказ о развёртывании армейских подразделений в столице страны. Хотя мятеж был подавлен, следует заметить, что полиция Рио-де-Жанейро отказалась разгонять протестующих и выразила им свою поддержку. Несмотря на то что сам Ж. Болсонару не стал публично поддерживать своих сторонников, действия протестующих, сценарий погромов в Конгрессе и Сенате был выполнен как в Вашингтоне 6 января 2021 г., своим «учителем» Болсонару назвал Д. Трампа.

Необходимо отметить, что во внутренней политике новый президент в 2023 г. запустил две важные инициативы: первая заключается в расширении национального производства приоритетных товаров для национальной системы здравоохранения и снижении иностранной зависимости от поставок, лекарств и вакцин [22], вторая направлена на борьбу с организованной преступностью и наркотрафиком, развёртыванием вооружённых формирований на важнейших транспортных узлах и в приграничных районах. Это решение было принято после жуткого эпизода, когда десятки автобусов были подожжены в Рио-де-Жанейро преступной группировкой, в отместку после ликвидации полицией племянника лидера банды. Обращаясь к нации, Лула да Силва охарактеризовал текущую ситуацию как «очень

серьезную», подчеркнув приверженность федерального правительства в поддержке властей штатов в борьбе с глубоко укоренившейся проблемой организованной преступности.

Мексика. В 2021 г., как отмечали западные исследователи, после двух лет популистского правления президента Л. Обрадора наступил период «демократического спада», который выразился в изменении текста Конституции, увеличении подчиненности судебной власти, свертывании плюрализма, нападении на критиков власти [32, р. 356]. Снижение индекса демократии в Мексике отмечалось и в 2022 г. [16, р. 8].

При этом, надо признать, что поддержание демократического режима в Мексике – это задача сложная в силу различных внешних давлений (массовой миграции из стран Центральной Америки и Карибского бассейна, сращивания региональной и внутренней преступности, увеличенного потока продажи огнестрельного оружия из США) и внутренних – поддержание высокой заработной платы по условиям соглашения ЮСМКА, выполнение социальных обязательств при сокращении экономики во время и после пандемии COVID-19, проведение реформ в законодательной сфере. Так, 29 апреля 2023 г. правительством Мексики был принят «Основной закон по гуманитарным наукам, естественным наукам, технологиям и инновациям» (General Law of Humanities, Sciences, Technologies, and Innovation – НСТИ), который по мнению академической общности ограничивает университетскую свободу, «укрепляет власть президента AMLO над наукой и технологиями в правительстве, и он был принят в спешке, без соблюдения обычных парламентских процедур» [42]. Закон, по мнению критиков, может иметь долгосрочные негативные последствия.

В июне 2023 г., хотя юридически время выборов еще не наступило, гонка за пост президента Мексики уже началась. Отойдя от мексиканской традиции выбора преемника, Л. Обрадор заявил, что не будет вмешиваться в предвыборную борьбу. Вместо этого президент 1 сентября 2023 г. сосредоточил свои усилия на закреплении проекта так называемой «четвертой трансформации», в которую вошли четыре конституционные реформы: по повышению пенсий и снижению возраста е

получения с 68 до 65 лет, государственной поддержке людей с ограниченными возможностями, созданию программы «Сеять жизнь» (Sembrando vida) как части финансовых обязательств правительства Мексики перед крестьянами и правовой реформы, предусматривающей передачу контроля над Национальной гвардией мексиканской армии до 2028 г. [43].

С 18 по 22 сентября 2023 г. в федеральном законодательном органе прошли слушания по изменению закона о труде, которые являются также частью реформы правительства Л. Обрадора. Было предложено сократить рабочую неделю с 48 до 40 часов, гарантировать минимальный ежегодный отпуск 12 дней независимо от стажа работы [1].

Колумбия. Как указывает доктор филологии из университета Флориды (США) Джулиана Рестрепо Санин (Juliana Restrepo Sanin), в 2021 г. в Колумбии разразились «три сходящихся кризиса» – медицинский, социально-экономический и кризис управляемости [33, р. 256]. Пандемия COVID-19 вызвала медицинский кризис. Падение экономики усилило социально-экономические неравенства. Они вместе вызвали 28 апреля 2021 г. общенациональную забастовку, организованную Национальным комитетом по вопросам безработицы (Comité Nacional de Págo – CNP), которая продлилась почти два месяца и стала причиной новых выборов президента и членов законодательных органов в 2022 году.

Забастовку начало коренное сообщество Мисак (Misak) со снятия статуи испанского конкистадора Себастьяна де Белальказара (Sebastián de Belalcázar), основателя Кали, в знак протеста против изолирования местных народов, непризнания их прав и исторической памяти [30]. Выступление народа Мисак «встряхнуло» всю Колумбию, вызвав кризис управляемости [25, р. 292]. Чтобы погасить выступление сообщества Мисак, Министерство юстиции 15 мая выдало им лицензию на производство каннабиса без ограничения количества выращиваемых растений, которые они могут посадить. Кроме того, лицензия разрешала производство медицинской конопли [11]. Но как отмечает журнал «Пуэбло эн Камино» (Pueblos En Camino), к этому производству подключилась местная компания Мисак Манаср, являющаяся дочерней ТНК с

канадским капиталом, которая сделала «Колумбию “Южной Канадой” и поставщиком марихуаны на экспорт в Северную Америку и остальной мир» [18]. Общенациональная забастовка длилась с апреля по декабрь 2021 года.

19 июня 2022 г. после второго тура выборов новым президентом стал политический и государственный деятель, экономист и бывший повстанец Густаво Франсиско Петро Уррего (Gustavo Francisco Petro Urrego). За год работы правительство Г. Петро, назвавшее себя «правительством перемен», завершило налоговую и экономическую реформу, в результате чего снизился бюджетный дефицит и инфляция, укрепилось колумбийское песо, став «одной из самых сильных валют в регионе» [28]. В стадии решения находятся пенсионная, трудовая и медицинская реформы. Между тем правительству не удалось решить проблему диалога с различными незаконными вооруженными группировками в рамках «Программы тотального мира», хотя надо признать, что с 2021 г. таких попыток было 14 [23]. Неудачи переговоров связываются с ростом производства кокаина, реализация которого «финансирует левых партизан и преступные группировки, разжигая внутренний конфликт» [14]. Ожидается, что создание «гуманитарных зон» с двусторонним прекращением огня и «участием общества в построении мира» с 3 августа 2023 г. на 6 месяцев создаст условия для закрепления мирного процесса [13].

В конце августа 2023 г. правительство Г. Петро утвердило в Конгрессе трудовую реформу. Эта реформа имеет целью осуществить дифференцированный подход к получению большего дохода работниками, который будет учитывать навыки, ограничения и задачи, до сих пор не принимавшиеся во внимание предыдущими реформами и правительствами, особенно в части удаленной работы и работы на цифровых платформах [12].

4 сентября 2023 г. президент подписал указ № 1451 о регулировании мер наказания для женщин, по которому тюремное заключение заменяется социальными или общественными работами. По этому указу более 5 000 осужденных на срок до 8 лет лишения свободы за кражи и незаконный оборот, про-

изводство или хранение наркотиков женщин выйдут на свободу [44].

Аргентина. Страна начала третье десятилетие в условиях дефолта, который она объявила 22 мая 2020 г., не выплатив своим кредиторам 500 млн долл. США за 2021–2022 годы. Экономика впоследствии постепенно восстановилась, но инфляция выросла до 100 %, что, конечно, сказалось на уровне одобрения президентства Альберто Фернандеса.

Засуха 4-го квартала 2022 г. «подорвала» успехи экономического роста в 5,2 % в течение года и привела к отрицательному росту (-0,5 %), который был зафиксирован уже в январе 2023 года. Прогноз снижения ВВП на этот год – до минус 2,5 %. По данным ЦБ эти факторы приведут к получению значительно меньшей выручки от экспорта сельскохозяйственного сектора [2].

Кроме засухи, в 2022 г. «все 24 провинции Аргентины сообщили о лесных пожарах. Больше всего пострадали Сальта, Корриентес и Сан-Луис. Ущерб составил 3,7 млрд долл. США» [35]. С 24 мая и по 1 июня 2023 г. от проливных дождей пострадали 221 850 аргентинских семей в муниципалитетах, расположенных вдоль берегов рек Пьедраса, Санто-Доминго и Сан-Франциско [3]. В июне 2023 г. Аргентина выплатила часть долга (44 млрд долл. США) МВФ в юанях, реструктуризовав его на 2024 и 2025 гг. [21]. Уровень городской бедности в первой половине 2023 г. в Аргентине вырос до 40,1 %, что является самым высоким уровнем за три года, и что из 46 млн жителей 8,4 млн чел. – бедные, а 4,3 млн чел. – малоимущие [31].

Президент А. Фернандес и его правительство вместо занятия экономикой стали проводить социальную трансформацию: 20 июня 2021 г. был подписан «Указ о необходимости и срочности» (Указ 476/2021), уполномочивающий Национальный реестр лиц (RENAPER) разрешать третий вариант пола во всех национальных удостоверениях личности и паспортах, отмечая его знаком «X». Эта мера стала распространяться и на постоянных жителей неграждан, имеющих аргентинское удостоверение личности. В результате страна, состоящая из 92 % католиков, стала одной из немногих стран в мире, официально признавших небинарный пол во всех офици-

альных документах. Данная неординарная мера правительства вызвала недовольство внутри аргентинского общества, которое проявилось 22 октября 2023 г. на выборах президента. Избиратели отдали свои голоса за крайне правого популиста Хавьера Милея. Хотя его называют мини-Трампом за консервативные взгляды, но он еще более популист, чем 45-й президент США. Его первыми намерениями являются не только меры по сокращению правительства, но также ликвидация Центрального банка и введение доллара в качестве национальной валюты. А результаты его экономической программы со скопированным лозунгом «Сделаем Аргентину снова великой» будут видны уже в следующем году [26].

Перу. Отличительными особенностями 2021 г. в Перу были продолжающаяся пандемия COVID-19, массовая вакцинация населения до конца года и проведение президентских выборов в разгар социально-экономической нестабильности [21, р. 408]. Новый президент Педро Кастильо (Pedro Castillo), деревенский учитель, практически неизвестный до начала президентской гонки, аутсайдер без партии и без политической поддержки, столкнулся на выборах с радикальной, но непопулярной оппозицией и победил. П. Кастильо выиграл с перевесом 0,26 % голосов у дочери бывшего президента Перу (1990–2000 гг.) японского происхождения Альберто Фухимори (Alberto Ken'ya Fujimori Inomoto) – Кейко Фухимори.

Демократия, по заявлениям западных экспертов, сохранилась «как следствие связи между этими слабыми субъектами: демократия по умолчанию» [21, р. 408]. Однако неустойчивая политическая ситуация не могла продолжаться долго из-за неопытного и неумелого руководства страной президентом и развернувшейся коррупции его семьи. В начале декабря 2022 г., «когда Конгресс предпринимал третью попытку импичмента президента, П. Кастильо отреагировал попыткой “самопереворота” (self-coup), но без поддержки военных потерпел неудачу» [10]. Конгресс отстранил его 7 декабря, и он был заключен в тюрьму. Вице-президент Дина Эрсилия Болуарте Зегарра (Dina Ercilia Boluarte Zegarra) была приведена Конгрессом к присяге в качестве нового президента, став первой жен-

щиной, занявшей этот пост за 200 лет республиканского правления в Перу. Внезапность такого решения привела к протестам сторонников П. Кастильо и противников Конгресса, а в результате действий полиции и армии по наведению общественного порядка погибли 59 чел. и более 700 были ранены, более 100 полицейских также получили ранения.

С 15 января 2023 г. в стране на 30 дней было введено чрезвычайное положение, внутренний порядок поддерживался Национальной полицией и вооруженными силами Перу. В течение первых месяцев пребывания на посту президента Д. Болуарте по всему Перу прокатились протесты против ее правительства, в ходе которых власти учинили резню в Аякучо и Хулиаке, в том числе массовые убийства в Перу. Аналитики заявили, что администрация Болуарте движется к авторитаризму [18]. Нового президента Д. Болуарте обвинили в геноциде из-за гибели протестующих. 25 января 2023 г. группы в Конгрессе, выступающие против Д. Болуарте, возбудили против нее ходатайство об импичменте, сославшись на ее моральную несостоятельность [5].

Между тем программа президента исходит с крайне правых консервативных позиций: невмешательство правительства в дела бизнеса и обеспечение безопасности всех групп населения. Поэтому в стране в различных районах и городах в течение 2023 г. объявлялось чрезвычайное положение с установкой многочисленных камер наблюдения, проводился усиленный контроль разведывательных служб полиции. Так, Центр управления, контроля, вычислений и связи Национальной полиции отметил в октябре 2023 г., что если общее число преступлений сократилось от 12 до 28 %, то число серьезных преступлений, связанных с торговлей людьми и вымогательством мафии, возросло [34]. При этом следует отметить, что несмотря на нестабильную внутривнутриполитическую ситуацию Дина Болуарте усиливает свое влияние.

10 октября 2023 г. президент Д. Болуарте объявила чрезвычайное положение в историческом центре Лимы, где расположены «дворец правительства, штаб-квартиры Конгресса, Верховного суда, Юстиции и другие государственные организации» [34].

Венесуэла. В 2021 г. правительство Венесуэлы предприняло шаги к очевидному про-

цессу политической открытости. Избранная 6 декабря 2020 г. Национальная ассамблея создала новые избирательные органы с участием гражданского общества, увеличив состав ассамблеи на 93 мандата. Национальные выборы прошли в присутствии международных наблюдателей. Но Группа Лимы, Международная контактная группа, Европейский союз и США отказались признавать парламентские выборы из-за того, что они прошли «без свободных и справедливых условий».

Положение в экономике Венесуэлы – критическое. В октябре 2021 г. правительство в третий раз провело деноминацию денежной единицы – боливара, но инфляция сократилась только до 686,4 %. При этом «государство теперь выдает “по талонам” лекарства, продовольствие, бинты, мыло и даже бензин» [36, р. 462].

На конец 2021 г. в отчете Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) было зафиксировано «6 млн беженцев и мигрантов из Боливарианской Республики Венесуэла по всему миру, из которых (83 %) 4,99 млн чел. были размещены в странах Латинской Америки и Карибского бассейна» [17].

С целью поднятия экономики правительство издало два закона: Закон о продвижении стартапов и «Органический закон об особых экономических зонах» (Organic Law of Special Economic Zones), которые включали «экономические, налоговые, таможенные, фискальные, юридические, коммерческие и иные стимулы, защиту и гарантии» [6]. В результате принятых мер в 2023 г. произошло снижение инфляции. Динамика инфляции за неполных четыре года следующая: 2020 г. – 2 959,8 %, 2021 г. – 686,4 %, 2022 г. – 234 %, а за 9 мес. 2023 г. – 318 %, и хотя она еще достаточно высокая, уже можно говорить о том, что Венесуэла выходит из состояния гиперинфляции [38–40].

6 января 2023 г. прекратило свою работу посольство Венесуэлы в США, после того как бывшие депутаты от венесуэльской оппозиции отказали в поддержке Хуана Гуайдо, и он объявил о своей отставке как лидера оппозиции.

По состоянию на середину октября 2023 г. по данным правительства 900 тыс. венесуэльских мигрантов вернулись в свои дома,

в том числе и через программу «Возвращение на Родину», инициированную в 2018 г. [29].

В преддверие президентских выборов в Венесуэле в 2024 г. правительство подписало соглашение с оппозицией, лидером которой является Мария Корина Мачадо. Само соглашение состоит из 12 пунктов и гарантирует равные условия для всех кандидатов. При этом США сняли ограничения на нефтяной сектор Венесуэлы после этого соглашения и передачи выборов под международный контроль [37].

Чили. В 2021 г. Чили стала свидетелем продолжения ряда политических и социальных процессов, унаследованных от предыдущих лет – борьбы против COVID-19 (третье место по числу погибших в пандемию после Бразилии и Перу) и процедуры разработки новой конституции. Особенностью этого года стали многочисленные общественные события: от муниципальных выборов в мае, региональных в июне, законодательных в ноябре и президентских в декабре. Такой насыщенный график объясняется переносом с 2020 г. муниципальных выборов из-за пандемии. Чилийская традиция проведения выборов в единый день голосования была нарушена, «чтобы соблюсти санитарные условия, которые предотвратили бы волну массового заражения COVID-19» [21, р. 227].

В октябре 2021 г. расследование Международным консорциумом журналистов «Архива Пандоры» (Pandora Papers) показало, что президент Себастьян Пиньера (Sebastián Piñera) злоупотреблял своим политическим положением для личной финансовой выгоды. Хотя Палата депутатов одобрила обвинения в импичменте, Сенат оправдал Пиньеру. Затем в декабре 2021 г. левый законодатель Габриэль Борич (Gabriel Boric) стал самым молодым президентом, избранным в истории Чили, набрав 55,8 % голосов во втором туре выборов. Также были проведены выборы в Конституционный конвент, Палату депутатов, более половины Сената, губернаторов и региональных советников [24].

В социальном контексте в декабре 2021 г. Конгресс Чили подавляющим большинством голосов одобрил однополые браки. Ранее закон 2015 г. признавал гражданские союзы однополых и разнополых пар [24].

Верховный суд и другие апелляционные суды вынесли вердикты властям прекратить многочисленные депортации венесуэльцев на основании международного права; правозащитные группы и ООН подвергли критике использование правительством законов о борьбе с терроризмом, которые не гарантируют надлежащей правовой процедуры для судебного преследования актов насилия со стороны активистов мапуче (*mapuche* – «люди земли»). С октября по декабрь 2021 г. президент Пиньера объявил чрезвычайное положение в регионах Араукания и Биобио в ответ на ожесточенные столкновения между силами безопасности и активистами коренного народа мапуче.

Хотя принудительный труд является незаконным в Чили, однако он по-прежнему имеет место в сельском хозяйстве, горнодобывающей промышленности и сфере домашних услуг [24].

Одним из наиболее важных событий в Чили второй половины 2023 г. стало представление Конституционным советом текста новой конституции, состоящей из 17 глав и 216 статей. Председатель Конституционного совета Беатрис Эвиа, представляющая консервативный блок, торжественно вручила документ Г. Боричу. Обсуждение прошло 7 ноября и было вынесено на плебисцит 17 декабря текущего года [4]. По мнению экспертов, большинство противников президента в Конгрессе смогут принять «откровенно правую и консервативную конституцию» [19]. Основные разногласия в предложенном проекте конституции касаются: «защиты не рожденной жизни» (возможного полного запрета аборт), о домашнем аресте неизлечимо больных заключенных (как тень из прошлой жизни генерала Аугусто Пиночета), отмена налога на недвижимость для основного жилья, важнейшего потока государственных доходов, традиционно получаемого из более богатых слоев [19].

Следует напомнить, что прошлый референдум в 2022 г. отверг прогрессивную конституцию, которая стремилась переопределить Чили как многонациональное государство, признать территории коренных народов и выдвинуть на первый план проблемы окружающей среды и гендерного равенства [19].

Результаты. Проведенная экспертиза внутривластного анализа латиноамери-

канских стран в третьем десятилетии XXI в. западными исследователями выявила характерное «догоняющее» развитие стран региона, что характерно в попеременной смене внутривластного курса (от консерваторов к либералам и обратно), экономические модели которых в большинстве случаев не дали желаемого результата. Глубоких аналитических работ по периоду последнего десятилетия пока не опубликовано. В то же время видимые внутренние проблемы стран региона тянутся из их прошлого. Экономические проблемы не могут полностью решиться из-за отсутствия развития необходимой инфраструктуры, которая не создавалась в течение многих десятилетий, более активного участия в региональной и международной торговле, получения значительных инвестиций странами ЛАК. Социальные проблемы, обусловленные нищетой основного населения и особенно коренного, не могут разрешиться из-за трансграничной миграции населения, трансграничной преступности (от наркотрафика до торговли людьми и оружием). Все это объясняет разновекторность внутривластного трансформации в странах Латинской Америки.

Между тем в каждой конкретно рассмотренной стране можно выделить новые тенденции политических и социально-экономических изменений. В Бразилии, с избранием президентом Лулы да Силва, была осуществлена экономическая реформа, которая стабилизировала дефицит бюджета и сократила инфляцию. Была возрождена предыдущая стратегия «Бразилия без бедности» для стабилизации доходов наиболее незащищенных граждан. Начата важная работа по борьбе с организованной преступностью. Намечены многочисленные планы от развития инфраструктуры до «зеленой экономики». Имеющиеся результаты годового президентства Лулы да Силва говорят о возросшей стабилизации внутреннего положения в стране.

В отношении Мексики можно констатировать, что не все заявленные меры президента Л. Обрадора были осуществлены к концу его президентства. Поэтому президент и мексиканское правительство торопятся провести конституционные реформы до новых президентских выборов. Не все удалось выполнить не только в силу внутренних, но и вне-

ших причин. Как известно, почти два года было потрачено на заключение соглашения ЮСМКА, а также принятие и выполнение обязательств от Соединенных Штатов по приему и транзиту латиноамериканских мигрантов в США через американо-мексиканскую границу. Вопросы миграции, организованной преступности, наркографика и незаконная продажа оружия остаются главными нерешенными проблемами Мексики на сегодня.

Колумбия, при всей неординарности внутреннего положения, шаг за шагом пытается сама и с помощью региональных партнеров решить свои национальные проблемы: вопросы миграции, производства и распространения кокаина и ответственности за него, прекращение гражданского военного конфликта с незаконными вооруженными формированиями, подъем экономического и социального благосостояния граждан Колумбии. Можно ожидать положительных результатов в проводимой президентом Г. Петро внутренней политике.

Положение Аргентины после выборов президентом Хавьера Милея становится неопределенным. На сегодня ни один серьезный эксперт с уверенностью не сможет прогнозировать возможные результаты от предлагаемых изменений во внутренней политике новым президентом Аргентины.

Избранный во время пандемии COVID-19 в 2021 г. президент Перу Педро Кастильо в течение года правления проявить себя не успел, так как был в постоянной конфронтации с Конгрессом, который трижды объявлял ему импичмент, а после неудавшегося переворота заключен в тюрьму. Вице-президент Д. Болуарте была намного дальновиднее. Став президентом, она средством борьбы с организованной преступностью выбрала объявление чрезвычайного положения в городах и регионах, где действовали банды, которых «крышевали» в том числе ее политические противники в Конгрессе. Таким образом, она лишила их опоры, и это отчетливо показало объявленное чрезвычайное положение в центре Лимы.

Внутриполитическое положение в Венесуэле продолжает оставаться сложным. Оппозиция президенту Н. Мадуро при всесторонней поддержке США наращивает свое влия-

ние среди электората обещаниями помощи северного соседа в получении достойной заработной платы.

В Чили сохраняется неопределенность в затаенном принятии новой конституции страны. Назначенный на 17 декабря 2023 г. референдум по принятию конституции может еще в большей степени разделить чилийское общество, а также отсрочить принятие необходимых политических и социально-экономических мер.

В итоге зарубежные эксперты констатируют, и с этим можно согласиться, что происходящие трансформации в латиноамериканских странах являются в целом новым политическим явлением. Они направлены на подъем экономики и инфраструктурное развитие, улучшение социальных условий для населения этих стран, дальнейшее развитие демократических институтов, прозрачность выборного процесса на всех уровнях власти и соблюдение прав коренного населения.

REFERENCES

1. *Analysis: Reduction of Working Hours in Mexico, What Are the Pros and Cons?* URL: <https://latinamericanpost.com/45329-analysis-reduction-of-working-hours-in-mexico-what-are-the-pros-and-cons>
2. *Argentina Economic Outlook. March 2023.* URL: <https://www.bbvaesearch.com/en/publicaciones/argentina-economic-outlook-march-2023/>
3. *Argentina: Floods – Jun 2023.* URL: <https://reliefweb.int/disaster/fl-2023-000089-arg#updates>
4. *At the Crossroads of History: Chile's Constitutional Conundrum.* URL: <https://latinamericanpost.com/45784-at-the-crossroads-of-history-chiles-constitutional-conundrum>
5. *Bancadas de izquierda presentan moción de vacancia contra Dina Boluarte por permanente incapacidad moral. la República. 26 Ene 2023.* URL: <https://larepublica.pe/politica/2023/01/25/congreso-bancadas-de-izquierda-presentan-mocion-de-vacancia-dina-boluarte-permanente-incapacidad-moral-94677>
6. Bograd Y. *Venezuela and Investments. A New Reality. 6 September 2022.* URL: <https://www.doing-business-international.com/2022/09/venezuela-and-investments-a-new-reality/>
7. *Brazil – Outlook and Opportunities for Investment in 2023.* URL: <https://www.jdsupra.com/legalnews/brazil-outlook-and-opportunities-for-2470444/>

8. *Brazil Economy to Grow by 0.8% in 2023, Forecasts GlobalData, Business Fundamentals*. URL: <https://www.globaldata.com/media/business-fundamentals/brazil-economy-to-grow-by-0-8-in-2023-forecasts-globaldata/>
9. Campello D. When Incompetence Meets Bad Luck: Bolsonaro's Third Year in the Brazilian Presidency. *Revista de Ciencia Política*, 2022, vol. 42, no. 2, pp. 203-223. DOI: <https://doi.org/10.4067/S0718-090X2022005000110>
10. Chacón L.M.C. *Peru, 14th June 2023*. URL: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/digital-news-report/2023/peru>
11. Civantos D. *Colombia's Misak: The First Indigenous Community Licensed to Produce Medical Cannabis*. URL: <https://www.lamota.org/en/blog/colombias-misak-the-first-indigenous-community-licensed-to-produce-medical-cannabis-2/>
12. *Colombia: Petro Government Once Again Settles in Congress "The Labor Reform"*. URL: <https://latinamericanpost.com/45153-colombia-petro-government-once-again-settles-in-congress-the-labor-reform>
13. *Colombian Government and ELN Will Create "Humanitarian Zones" Agreed Upon in the Peace Talks*. URL: <https://latinamericanpost.com/45212-colombian-government-and-eln-will-create-humanitarian-zones-agreed-upon-in-the-peace-talks>
14. *Colombia's Keeps Battling Cocaine Production Amid Fentanyl Growth*. URL: <https://latinamericanpost.com/45874-colombias-keeps-battling-cocaine-production-amid-fentanyl-growth>
15. *Countries in Latin America and the Caribbean by Population (2023)*. *Worldometers*. URL: <https://www.worldometers.info/population/countries-in-latin-america-and-the-caribbean-by-population/>
16. *Democracy Index 2022 Final, The Economist*. URL: https://konstantinus.com/wp-content/uploads/2023/02/Democracy_Index_2022_final.pdf
17. Dias D. *Venezuela Situation. Global Report of United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR)*. URL: <https://reporting.unhcr.org/operational/situations/venezuela-situation>
18. *Frente a la "buena noticia" de la marihuana en su territorio, Autoridades Misak reiteran rechazo, Pueblos En Camino*. URL: <https://pueblosencamino.org/?p=8594>
19. *Gabriel Boric Is in a Political Crisis and on the Brink of a Far-Right Constitution*. URL: <https://latinamericanpost.com/44354-gabriel-boric-is-in-a-political-crisis-and-on-the-brink-of-a-far-right-constitution>
20. *Highlights Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística*. URL: <https://www.ibge.gov.br/en/highlights.html?destaque=35208>
21. *Iglesia F. Argentina paid IMF, prepares to send team to Washington. Buenos Aires Herald. June 30, 2023*. URL: <https://buenosairesherald.com/economics/argentina-paid-imf-prepares-to-send-team-to-washington>
22. *Independence in the Health Sector: This Is Lula's Strategy to Achieve It in Brazil. Sep. 26, 2023*. URL: <https://latinamericanpost.com/45375-independence-in-the-health-sector-this-is-lulas-strategy-to-achieve-it-in-brazil>
23. *Infographic: Everything That Is Known About the Peace Talks Between the Government of Colombia and the ELN*. URL: <https://latinamericanpost.com/42741-infographic-everything-that-is-known-about-the-peace-talks-between-the-government-of-colombia-and-the-eln>
24. *Key Developments in 2021*. URL: <https://freedomhouse.org/country/chile/freedom-world/2022>
25. Manuela M., Pachón M. COVID in Colombia: A Crisis of Governability and Response. *Revista de Ciencia Política*, 2021, vol. 41, no. 2, pp. 291-320. DOI: <https://doi.org/10.4067/S0718-090X2021005000115>
26. *Milei: Triumph of the Extreme Right in Argentine Presidential Elections*. URL: <https://latinamericanpost.com/45925-milei-triumph-of-the-extreme-right-in-argentine-presidential-elections>
27. Oliveros V., Vommaro G. Argentina 2021: Elecciones en Contexto de Crisis. *Revista de Ciencia Política*, 2022, vol. 42, no. 2, pp. 153-174. DOI: <https://doi.org/10.4067/S0718-090X2022005000120>
28. *One Year of the Petro Government in Colombia: What Is the Balance?* URL: <https://latinamericanpost.com/45098-one-year-of-the-petro-government-in-colombia-what-is-the-balance>
29. *Over 900,000 Venezuelan Migrants Return Home, Says Government*. URL: <https://latinamericanpost.com/45572-over-900000-venezuelan-migrants-return-home-says-government>
30. Pacheco M.E. 2021. *La protesta simbólica de los misaks en Cali. El Espectador*. URL: <https://www.elespectador.com/colombia/cali/la-pro-testa-simbolica-de-los-misaks-en-cali-article/>
31. *Poverty and Inflation in Argentina: These Are the Figures*. URL: <https://latinamericanpost.com/45394-poverty-and-inflation-in-argentina-these-are-the-figures>
32. Rivera J.A.A. Dinámicas de la Autocratización: México 2021. *Revista de Ciencia Política*, 2022, vol. 42, no. 2, pp. 355-382. DOI: <https://doi.org/10.4067/S0718-090X2022005000109>
33. Sanin J.R. Colombia 2021: Between Crises and Hope. *Revista de Ciencia Política*, 2022, vol. 42, no. 2, pp. 255-280. DOI: <https://doi.org/10.4067/S0718-090X2022005000118>
34. *State of Emergency in Peru: Why and Where?* URL: <https://latinamericanpost.com/45490-state-of-emergency-in-peru-why-and-where>

35. 'The Country's on Fire': Wildfires Hit Every Province in Argentina in 2022. *Buenos Aires Herald*. January 26, 2023. URL: <https://buenosairesherald.com/society/the-countrys-on-fire-wildfires-hit-every-province-in-argentina-in-2022>

36. Trak J.M. ¿Apertira Trunxada? EL Fallido Intento de Reinstucionalización Democrática en Venezuela 2021. *Revista de Ciencia Política*, 2021, vol. 41, no. 2, pp. 461-488. DOI: <https://doi.org/10.4067/S0718-090X2022005000111>

37. *US Eases Venezuela Oil Sanctions After Election Agreement*. URL: <https://latinamericanpost.com/45592-us-eases-venezuela-oil-sanctions-after-election-agreement>

38. *Venezuela Inflation Rate*. URL: <https://tradingeconomics.com/venezuela/inflation-cpi>

39. *Venezuela: Full Country Dossier: Open Doors International / World Watch Research 2022*. URL: <https://www.opendoors.org/en-US/research-reports/country-dossiers/Venezuela-Full-Country-Dossier-February-2022.pdf>

40. *Venezuela: Situation Report, March – April 2023 (20 June 2023)*. URL: <https://reliefweb.int/report/venezuela-bolivarian-republic/venezuela-situation-report-march-april-2023-20-jun-2023>

41. Watts J. *Brazil's Bolsa Familia Scheme Marks a Decade of Pioneering Poverty Relief*. URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2013/dec/17/brazil-bolsa-familia-decade-anniversary-poverty-relief>

42. *What Is the Controversy in Mexico Over AMLO's New Science Law?* May 25, 2023. URL: <https://latinamericanpost.com/44499-what-is-the-controversy-in-mexico-over-amlos-new-science-law>

43. *Will He Militarize the National Guard? AMLO Prepares His Last 4 Reforms*. URL: <https://latinamericanpost.com/45199-will-he-militarize-the-national-guard-amlo-prepares-his-last-4-reforms>

44. *5,000 Women Sentenced to Prison Will Be Released in Colombia: What Is This Law About?* URL: <https://latinamericanpost.com/45236-5000-women-sentenced-to-prison-will-be-released-in-colombia-what-is-this-law-about>

Information About the Author

Илья А. Соков, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, sokov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7146-7340>

Информация об авторе

Илья Анатольевич Соков, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, sokov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7146-7340>

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» – содействие коллаборации российского и международного профессионального сообщества в целях интернационализации исторической и политической наук.

Редакционная политика журнала направлена на публикацию статей, посвященных общим и частным проблемам истории Европы, Америки и России и вопросам политического развития современного мира. Редакция принимает к опубликованию рукописи, подготовленные в русле классических традиций и современных направлений исторической науки. Публикуемые статьи позволяют читателю увидеть тесную связь между историей и современным состоянием общества, показать различные взгляды профессионального сообщества на мировую и российскую историю. В журнале приветствуются междисциплинарные исследования и научные дискуссии по актуальным проблемам исторических и политических наук.

Цели журнала:

- публикация оригинальных исторических и политологических исследований, основанных на тщательном анализе источников и использовании классических или новых методологических подходов;
- ознакомление широкого круга исследователей с современными тенденциями и достижениями исторических и политических наук;
- содействие интеграции российской исторической науки в международное научное пространство;
- бережное отношение и критическое использование трудов и знаний, полученных историками прошлых лет, как российскими, так и зарубежными.

The mission of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* is to promote the collaboration of the Russian and international professional community with the aim to internationalize historical scholarship and political science.

Following the Editorial policy, the journal covers articles on general and specific problems of the history of Europe, America and Russia and on political development of the modern world. The Editors publish articles prepared in accordance with both classical traditions and modern trends in historical scholarship. The published articles let readers reveal the close connection between history and modern society, show different views of professional community on world and Russian history. The journal also seeks to transcend traditional disciplinary boundaries and foster academic discussions on a wide range of topical issues of historical scholarship and political science.

Purposes of the journal:

- to publish original historical and political research based on thorough source studies, traditional and new methodological approaches;
- to promote modern trends and advances in history and political science to a wide range of scholars;
- to foster the integration of Russian historical scholarship into the international academia;
- to respect and critically apply knowledge obtained by Russian and foreign historians of the past.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik4@volsu.ru). **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik4@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку. Переработанные варианты статей рассматриваются заново. Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см.: <https://hfrir.jvolsu.com> (раздел «Для авторов»).

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The Editorial Staff of the Journal publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik4@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik4@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* printed periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing, and publication of academic articles, please refer to the journal's website <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations
is indexed by:

ISSN 1998-9938. Вестн. Волгogr. гос. ун-та. Сер. 4, Истoр. Регионовед. Междунар. отнош. 2024. Том 29. № 1. 1–251.